947.005
RUSK
1909
no.3

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

ДЪ XXXX-й. МАРТЪ. 1909 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Гоголь въ его новыхъ письмахъ (Съ предисловіемъ и примѣчаніями Г. П. Георгіевскаго). . . 451—488
II. Въ походѣ и бою на броненосцѣ «Адмиралъ Ушаковъ». П. А. Дитлова. 489—502
III. Мои воспоминанія о Великой Княгинѣ Еленѣ Павловнѣ. Князя Д. А. Оболенскаго. 503—528
IV. Изъ минувшаго. (Воспоминанія и впечатлѣнія литератора. 1865—1897 г.). Г. Градовскаго. . . . 529—535
V. Дипломатическія депеши датскаго посланника при Русскомъ Дворѣ, Вестфалена, о воцареніи императрицы Анны Іоанновны. В. Корсаковой. 537—554
VI. Записки сенатора Есиповича . . . . . 555—564
VII. Депутатъ отъ Россіи. (Воспоминанія и переписка Ольги Алексѣевны Новиковой). Сообщено Е. С. М. 565—578
VIII. Устроители Болгаріи: князь Черкасскій, князь Дондуковъ-Корсаковъ и Столыпинъ. Н. Овсянаго. . 579—586
IX. Изъ жизни русскихъ войскъ въ Финляндіи въ 70-хъ и 80-хъ годахъ. Л. Л. Дракс. . . . . 587—603
X. Александръ I и Восточная политика Россіи. Сообщ. В. Т. . . . . 604—614
XI. Отъ Іокогамы до Владивостока. (Изъ воспоминаній о плаваніи на крейсерѣ „Африка“). В. Руднева. . 615—650
XII. Къ масонской дѣятельности князя Баратаева. Сообщ. Т. Соколовская. 631—649
XIII. И. С. Тургеневъ и его не литературные друзья. Сообщ. П. Гутьяръ. . . 651—659
XIV. Воспоминанія жизни Ѳ. Г. Тернера. Сообщено М. Г. и Э. Т. Тернеръ. . . . . 660—668
XV. Изъ записной книжки «Русской Старины»:
а) Шпиртъ. Безсмертный. 536
б) „Корни ученья горьки“. Сообщ. Арсеній П. . . . 650
XVI. Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 31 декабря 1908 г. по 28 января 1909 г. (на оберткѣ).

Приложеніе: портретъ Николая Васильевича Гоголя.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1909 года.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ, отъ 1 ч. до 3 ч. пополудни.

Редакція помѣщается въ С.-Петербургѣ на Фонтанкѣ д. № 18. Телефонъ 37—66.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія «Надежда». Почтамтская, 13.
1909.

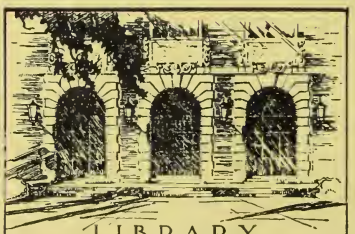
III-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го марта 1909 года.

1959

05
P89

№1881 эк. ф.

Русская старина.
1909, кн. 3 3р



LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY
OF ILLINOIS
947.005
RUSK
1909
no. 3

Return this book on or before the
Latest Date stamped below.

Theft, mutilation, and underlining of books are reasons for disciplinary action and may result in dismissal from the University.

University of Illinois Library

MAY -3 1966

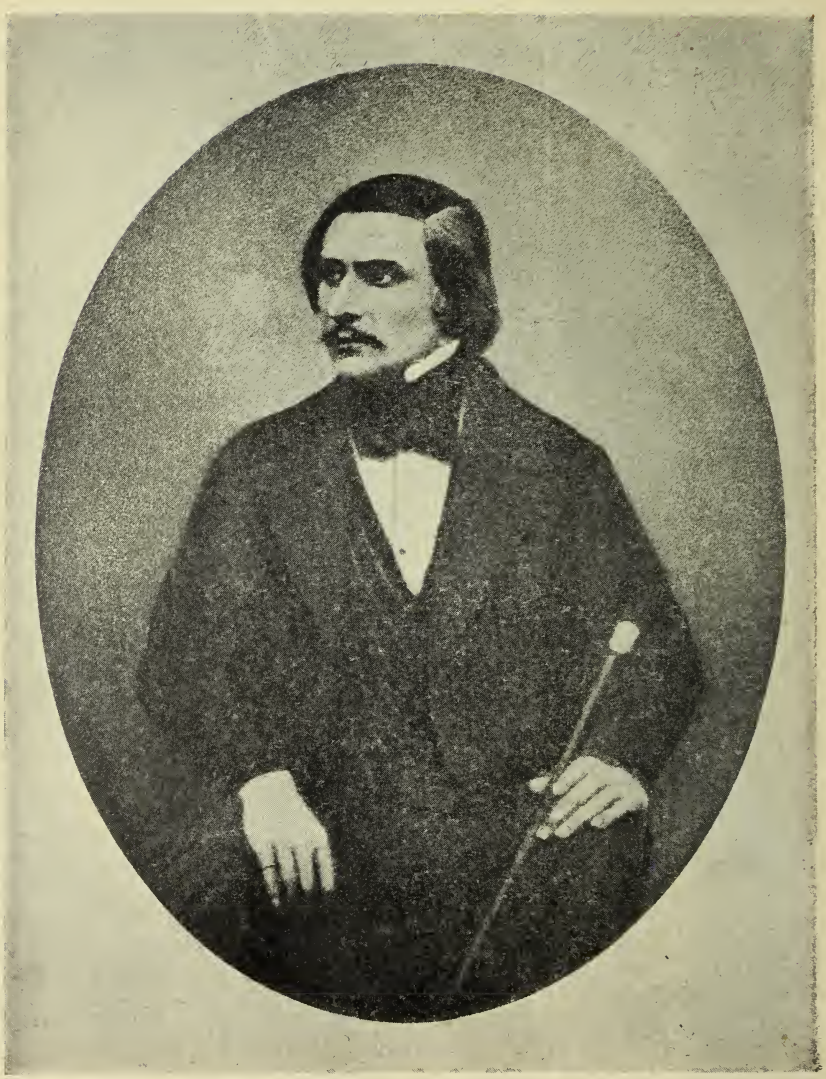
MAY 23 1977

APR 24 1977

L161—O-1096

Digitized by the Internet Archive
in 2016

https://archive.org/details/russkaiastarina1909unse_0



Николай Васильевичъ
Гоголь.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

на 1909 годъ.

Вступая въ 1909 году на сороковой годъ своего существованія, „**Русская Старина**“, благодаря измѣнившимся условіямъ цензуры, извлекаетъ изъ своего архива цѣлый рядъ цѣнныхъ записокъ и даетъ мѣсто особенно интереснымъ воспоминаніямъ, а также исторически обработаннымъ матеріаламъ и подлиннымъ документамъ.

Имѣя въ виду современныя условія общественной жизни Россіи, редакція предпринимаетъ цѣлый рядъ мѣръ къ обновленію и расширенію журнала.

Сохраняя своихъ прежнихъ многочисленныхъ сотрудниковъ, редакція предполагаетъ напечатать въ **1909** году:

А. Ѳ. Кони—«Изъ замѣтокъ и воспоминаній судебнаго дѣятеля»,—«Житейскія встрѣчи». Изъ архива А. Ѳ. Кони.—«Письма А. М. Чупрова съ предисловіемъ и др.». **П. О. Пирлинга**—«Папскій представитель при русскомъ дворѣ Lorenzo Litta 1797—1799». **Г. П. Георгіевскаго**—«Гоголь въ его новыхъ письмахъ». **Князя Д. А. Оболенскаго**—«Мои воспоминанія о великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ». Воспоминанія Н. И. ЯНЖУЛА «О пережитомъ и видѣнномъ» 1894—1909 гг. **П. М. Ковалевскаго**—«Встрѣча на жизненномъ пути», «Николай Алексѣевичъ Некрасовъ», «Власти предержащія», «У Чернышова моста», «Въ Главномъ Адмиралтействѣ», «На Мойкѣ». **Г. К. Градовскаго** — «Изъ минувшаго». Записки сенатора Есиповича. Изъ бумагъ **Ал. Н. Попова**—«Генералъ Моро въ русскихъ войскахъ». **М. В. Безобразовой** — «Дневникъ академика В. П. Безобразова». П. Д. Паренсова. Изъ прошлаго: «Русскія войска передъ Константинополемъ въ 1878 г.» **Н. Р. Овсянаго**—«Устроители Болгаріи: Кн. Черкасскій, Кн. Дондуковъ-Корсаковъ, ген. Столыпинъ».—Записки основателя «Русской Старины»—**М. И. Семевскаго. Д. А. Скалона** — «На службѣ при Е. И. В. Главнокомандующемъ В. К. Николаѣ Николаевичѣ 1864—1876 гг.». **В. А. Шомпулева**—«Изъ записокъ стараго помѣщика». Ѳ. Г. Тернера «Воспоминанія жизни» **П. Д. Зотова**—«Война за независимость славянъ 1877 — 1878 г.». **А. Ф. Петрушевскаго**—«Первые годы службы». **В. Ф Руднева**— На крейсерѣ «Африка». **В. Д. Корсаковой**—«Дипломатическія депеши датскаго посланника Вестфалена о воцареніи Императрицы Анны Іоанновны». **Л. Л. Дракe**—«Въ Финляндіи». **Н—ъ**—«Изъ манджурской арміи въ нѣдра читинской революціи». **А. Воронова**—«Воспоминаніе о гр. Э. И. Тотлебенѣ».—Записки артиста Петербургской оперной группы, Солиста Е. В., И. А. Мельникова». **И. И. Оноре**—«11 лѣтъ въ театрѣ».—Письма П. И. Чайковскаго И. А. Мельникову. **Дитлова**—«Въ походѣ и въ бою на «Адмиралъ Ушаковѣ». **Крылова**—«Какъ бѣднѣла деревня». **А. М. Лебедева**—«Митрополитъ Филаретъ».—Воспоминанія **Тургенева, Де-Санглена, Веселовскаго, Левановскаго, Тихѣева, Юдина, Семенова** и др.; воспоминанія изъ русско-японской войны и изъ жизни духовенства.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ журналѣ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 руб. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по 30 к. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 18.

ПРИ ЖУРНАЛѢ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

ИЮЛ 1979

НА

„Стенографическій Отчетъ Портъ-Артурскаго процесса”.

Русскому обществу, безусловно заинтересованному судебнымъ процессомъ о сдачѣ П.-Артура, приходится довольствоваться газетными отчетами о процессѣ, всегда неполными, а зачастую и искаженными, несмотря на присутствіе въ залѣ засѣданій стенографовъ, оффиціально допущенныхъ для записи.

Въ настоящее время намъ удалось пріобрѣсти всѣ стенограммы, и мы, идя навстрѣчу желаніямъ публики, рѣшили ихъ издать.

Изданіе будетъ исполнено болѣе чѣмъ въ ПЯТИ выпускахъ по подпискѣ и стоимость его на обыкновенной бумагѣ и безъ портретовъ съ выпуска 4 повышена—ШЕСТЬ рублей.

На веленевой бумагѣ и съ портретами подсудимыхъ, ихъ защитниковъ и выдающихся свидѣтелей—ДВѢНАДЦАТЬ рублей.

По выходѣ всѣхъ выпусковъ—стоимость ихъ будетъ увеличена.

Подписка принимается:

Въ СПБ. въ ред. журн. «Русская Старина» (гдѣ помѣщается контора этого изданія)—Фонтанка, 18;

въ книжныхъ магазинахъ:

«Новаго Времени», Невскій, 40;

«Т-ва М. О. Вольфъ», Гостиный дв., 18 и Невскій, 13,

и въ книжн. складѣ Березовскаго, Колокольная, № 14.

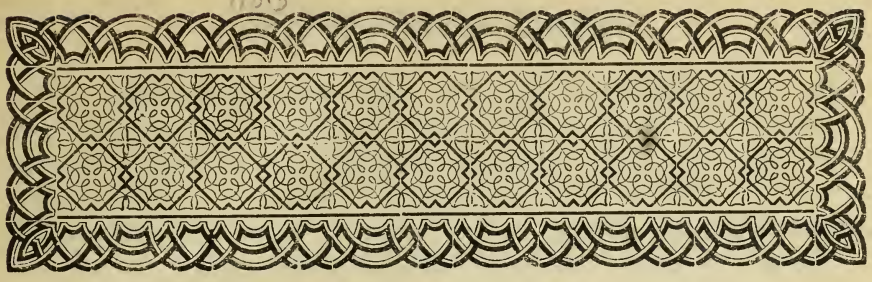
Въ Москвѣ: въ книжн. магаз. М. О. Вольфъ, Моховая ул. и Кузнецкій мостъ.

За точность записей поручились стенографы, фамиліи которыхъ будутъ напечатаны въ отчетѣ. За исправленіе техническихъ терминовъ, фамилій и названій мѣстностей—отвѣтственны защитники, которые, всѣ безъ исключенія, взяли на себя трудъ по провѣркѣ отчета.

Состоящимъ на государственной службѣ за поручительствомъ казначеевъ допускается разсрочка: 2 руб. при подпискѣ и по 1 рублю по полученіи кажд. выпуска.

Книжные магазины, принимающіе подписку на «Стенографическій отчетъ», платятъ: вмѣсто 6 руб.—5 руб., и вмѣсто 12 руб.—11 руб.

05
Р-89
Р89
947.805
R05R
1909
no.3



ЛЕНИНГРАДСКАЯ
Центральная Библиотека
площ. Лассаля, 3
№ 1881 ж. ф.

Гоголь въ его новыхъ письмахъ,

съ предисловіемъ и примѣчаніями Г. П. Георгіевскаго.

Слѣдуя завѣтамъ знаменитаго Тэна—современные критики и біографы обыкновенно раздѣляютъ свои воспоминанія и изслѣдованія о выдающихся людяхъ на два отдѣла—*человѣкъ* (l'homme) и *сдѣланное имъ* (l'oeuvre). Этому надлежало бы, повидимому, послѣдовать и говоря о Гоголѣ, въ виду приближающагося столѣтняго юбилея его рожденія, когда вся мыслящая Россія соединится въ одномъ общемъ чувствѣ благодарности судьбѣ, пославшей ей неувядающія произведенія великаго автора „Мертвыхъ Душъ". Но говорить о послѣднихъ значило бы, въ значительной мѣрѣ, повторять то, что давно уже стало общепризнаннымъ. Поэтому остается говорить о *человѣкѣ*. Редакція „Русской Старины" получила возможность дать этому человѣку говорить *самому о себѣ*, о своей душѣ, о своихъ отношеніяхъ къ Богу и къ людямъ съ тою откровенностью, которая вызывается глубокимъ довѣріемъ, свойственнымъ истинной и прочной дружбѣ. Поэтому, печатая помѣщаемыя ниже письма Гоголя съ необходимыми поясненіями, редакція полагаетъ, что вноситъ этимъ свою долю въ предстоящее чествованіе его памяти.

Ред.

*

UNIVERSITY OF
ILLINOIS

Четыре новыхъ письма Н. В. Гоголя сохранились въ архивѣ семьи Самариныхъ, которые пожертвовали ихъ на вѣчное храненіе въ Румянцовскомъ Музеѣ.

Письма эти имѣютъ большое значеніе для біографіи Гоголя. О всѣхъ ихъ можно сказать, что они вносятъ новый свѣтъ въ жизнь и отношенія Гоголя. Особенно драгоцѣнно опубликованіе третьяго письма: до сихъ поръ оно было извѣстно, какъ оказывается, только по копіи, урѣзанной, однако, огромными пропусками и сокращеніями, и совершенно искажено произвольными перестановками и даже извращеніями подлиннаго текста.

1.

Н. В. Гоголь провелъ лѣто 1837 года въ переѣздахъ по разнымъ городамъ Западной Европы, внѣ Италіи. Біографіи его извѣстны эти города, въ которыхъ онъ побывалъ по выѣздѣ изъ Рима: Туринъ, Баденъ-Баденъ, Страсбургъ, Карлсруэ, Франкфуртъ-на-Майнѣ, Женева [1]). Гоголь самъ, въ своихъ письмахъ къ разнымъ лицамъ, намѣтилъ и сохранилъ маршрутъ своего лѣтняго путешествія, вмѣстѣ съ обстоятельствами и подробностями своей жизни въ продолженіе всѣхъ этихъ переѣздовъ.

И все-таки оставался еще промежутокъ времени почти въ два мѣсяца, который біографамъ Гоголя нечѣмъ было заполнить, такъ какъ, по не совсѣмъ точному выраженію В. И. Шенрока, „съ половины іюля почти до октября 1837 года, переписка Гоголя совершенно прекращается“ [2]). Въ объясненіе такого перерыва Шенрокъ привелъ цѣлый рядъ причинъ, которыя, по его соображеніямъ, мѣшали Гоголю поддерживать правильную переписку со своими корреспондентами.

---

[1]) „Матеріалы для біографіи Гоголя“, В. И. Шенрока, томъ третій, М., 1895, 191—194 стр.

[2]) Ibid., 193 стр. Впрочемъ, черезъ пять страницъ, Шенрокъ значительно смягчилъ категоричность своего заявленія, заговоривъ уже о томъ, что нѣкоторыя письма Гоголя не напечатаны или не сохранились: см. 198 стр.

Въ дѣйствительности, дѣло обстояло не совсѣмъ такъ. Какъ свидѣтельствуетъ печатаемое письмо Гоголя къ Н. М. Смирнову, никакого перерыва въ перепискѣ Гоголя не было. Онъ постоянно переписывался со своими друзьями, и если не всѣ его письма сохранились до нашего времени, и если не всѣ письма уцѣлѣвшія напечатаны, то эти обстоятельства вовсе не даютъ основанія говорить о совершенномъ прекращеніи переписки Гоголя на два мѣсяца.

Уцѣлѣвшее и печатаемое теперь письмо Гоголя къ Н. М. Смирнову какъ разъ заполняетъ бывшій до сего времени перерывъ въ перепискѣ Гоголя.

Около середины іюля мѣсяца 1837 года Гоголь пріѣхалъ въ Баденъ, гдѣ были Смирновы, и здѣсь оставался съ ними болѣе мѣсяца. Въ половинѣ августа, по словамъ Кулиша, Александра Осиповна Смирнова и ея братъ Аркадій Осиповичъ Россетъ оставили Баденъ. Гоголь проводилъ ихъ до Карлсруэ и возвратился въ Баденъ; „послѣ этого, личныя и письменныя сношенія между ними прекратились до 1841 года“ [1]).

Печатаемое письмо къ Н. М. Смирнову было, очевидно, первымъ послѣ разлуки въ Карлсруэ. Оно же вноситъ значительную поправку въ только-что приведенную ошибку памяти о прекращеніи письменныхъ сношеній Гоголя съ Смирновыми [2]).

Пробывъ болѣе мѣсяца въ Баденѣ [3]) и проводивъ потомъ Смирновыхъ, Гоголь отправился во Франкфуртъ-на-Майнѣ. Это было въ самыхъ послѣднихъ числахъ августа мѣсяца. Какъ видно изъ собственноручной надписи Гоголя на письмѣ къ Н. М. Смирнову, 3-го сентября онъ уже писалъ Смирнову свое письмо. А въ письмѣ этомъ онъ подсчитываетъ три дня своего пребыванія во Франкфуртѣ, да два воднаго пути сюда. Такимъ образомъ, если отсчитать эти пять дней назадъ, то ближайшимъ срокомъ разлуки Гоголя со Смирновыми придется признать 29 или 30 число августа. Содержаніе же письма Гоголя къ Н. М. Смирнову заставляетъ отодвинуть этотъ срокъ на еще болѣе раннее время. Именно, Гоголь въ первыхъ же строкахъ своего письма говоритъ о „мед-

---

[1]) «Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя», томъ первый, СПБ. 1856, 210 стр.

[2]) Ошибку эту исправляетъ и приписка Гоголя къ письму его къ Жуковскому отъ 30 октября 1837 года, съ просьбою передать приложенное письмо Александрѣ Осиповнѣ Смирновой. Къ сожалѣнію, это письмо не сохранилось.

[3]) См. письмо къ матери 1-го октября 1837 года. Письма Гоголя цитируются по четырехтомному изданію ихъ Марксомъ

ленномъ движеніи" путешествія Смирновыхъ. Откуда извѣстна ему эта медленность? Очевидно, онъ успѣлъ уже получить отъ нихъ такое извѣстіе съ жалобою на медленность путешествія. Если же допустить возможность переписки между ними, послѣ разлуки въ Карлсруэ, то придется отвести еще нѣсколько дней на пересылку письма отъ Смирновыхъ, хотя бы оно послано было съ пути, а не изъ Дрездена, куда отвѣчалъ имъ Гоголь и гдѣ они надѣялись, очевидно, получить корреспонденцію. И такимъ образомъ день разлуки ихъ отодвинется еще на нѣсколько дней отъ конца августа. Все-таки, пока еще нѣтъ точныхъ данныхъ, чтобы намѣтить дни и числа переѣздовъ Гоголя съ Смирновыми и послѣ ихъ отъѣзда.

Но за то есть возможность внести поправки въ дальнѣйшій маршрутъ Гоголя. Шенрокъ говоритъ, что Гоголь, „передъ пріѣздомъ въ Баденъ, былъ снова во Франкфуртѣ-на-Майнѣ" [1]). По его соображеніямъ выходитъ такъ, что Гоголь изъ Франкфурта еще разъ заѣзжалъ въ Баденъ. Собственное показаніе Гоголя совершенно устраняетъ эти невѣрныя догадки и точно отмѣчаетъ, какъ день отъѣзда Гоголя изъ Франкфурта, такъ и направленіе его путешествія. „Я ѣду сегодня,—пишетъ онъ,—3-го сентября, отправляюсь въ Женеву". Здѣсь, въ Женевѣ, онъ предполагалъ пробыть до конца холерной эпидеміи въ Италіи и просилъ присылать ему письма въ Женеву, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, сентября, октября и ноября, полагая, очевидно, что раньше этого срока эпидемія въ Италіи не прекратится.

Если попытаться внести поправку въ соображеніе Шенрока о цѣли пріѣзда Гоголя во Франкфуртъ, то, повидимому, можно найти данныя для этого въ письмахъ Гоголя. Шенрокъ говоритъ, что Гоголь „неизвѣстно для какой цѣли былъ снова во Франкфуртѣ-на-Майнѣ" [2]). Однако въ письмахъ Гоголя можно отыскать матеріалъ для положительнаго отвѣта на вопросъ о цѣли его пріѣзда во Франкфуртъ. Если ящикъ Н. М. Смирнова, который дотащилъ Гоголь до Франкфурта, и не былъ тою коммиссіей, ради которой Гоголь заѣхалъ въ этотъ городъ, все же онъ связывалъ свободу Гоголя въ выборѣ маршрута: взявши ящикъ, Гоголь уже не могъ миновать Франкфуртъ. Но у него были иныя побужденія отправиться именно въ этотъ городъ. Гоголь сообщаетъ Смирнову, что онъ во Франкфуртѣ получилъ „небольшое письмецо отъ Жуковскаго". Очевидно, Гоголь просилъ друзей адресовать ему письма

---

[1]) «Матеріалы для біографіи Гоголя», томъ третій, М., 1895, 194 стр.
[2]) Ibid.

во Франкфуртъ. И изъ письма его къ Прокоповичу, писаннаго изъ Бадена 21/9 іюля 1837 года, мы дѣйствительно знаемъ, что Франкфуртъ имъ еще раньше избранъ былъ мѣстомъ для полученія всякой корреспонденціи. Гоголь просилъ Прокоповича, „чтобы векселя были доставлены во Франкфуртъ на имя русскаго посольства съ извѣщеніемъ, чтобы тотчасъ же были доставлены“ ему. „Объ этомъ,—писалъ Гоголь,—ты, между прочимъ, мнѣ самъ дай знать чрезъ poste restante во Франкфуртъ“.

Желаніе получить во Франкфуртѣ письма и деньги, очевидно, было достаточною побудительною причиной для Гоголя нарочно заѣхать въ этотъ городъ.

Дѣйствительность оправдала не всѣ ожиданія Гоголя. Черезъ два мѣсяца, 19 сентября 1837 года, онъ писалъ Прокоповичу: „я не получилъ отъ тебя никакого отвѣта на письмо, писанное изъ Бадена“. Значитъ, денегъ Гоголь не получилъ во Франкфуртѣ. Но за то здѣсь ожидали его сообщенія друзей, и личныя и письменныя, которыя всѣ, безъ сомнѣнія, сосредоточивались около главнаго событія русской жизни 1837 года и этимъ событіемъ снова заняли все вниманіе Гоголя. Такимъ событіемъ была кончина Пушкина.

Во Франкфуртѣ Гоголь прежде всего получилъ „небольшое письмецо отъ Жуковскаго“: „пять или шесть строкъ,—пишетъ Гоголь Н. М. Смирнову,—но такой исполнены грусти по недавней великой утратѣ, что я не могъ ихъ читать равнодушно“. Письмо Жуковскаго писано было еще въ мартѣ мѣсяцѣ, и неудивительно, что оно было посвящено трогательнымъ воспоминаніямъ о Пушкинѣ: Жуковскій былъ не только свидѣтелемъ его послѣднихъ дней и кончины, но и стражемъ его литературнаго наслѣдія и главнымъ опекуномъ его осиротѣлой семьи.

Гоголь упоминаетъ еще о своемъ письмѣ къ Жуковскому отъ 18/6 апрѣля 1837 года, на которое отвѣта ему еще не приходило.

Во Франкфуртѣ же Гоголь неожиданно встрѣтился съ Александромъ Ивановичемъ Тургеневымъ, провелъ съ нимъ полдня, и, разумѣется, ихъ бесѣда, кромѣ личныхъ обстоятельствъ каждаго, не могла не касаться того же событія 1837 года, которымъ потрясено было все образованное русское общество. А. И. Тургеневу суждено было опредѣлить поэта въ Лицей, а затѣмъ, по повелѣнію Императора Николая Павловича, и проводить его бренные останки къ мѣсту вѣчнаго упокоенія [1]). Онъ такъ былъ привязанъ

[1]) «Пушкинъ и его современники», выпускъ VI, СПБ., 1908 года, 46—97 стр.

къ Пушкину и такъ высоко цѣнилъ его геній, что счелъ своею обязанностію во всѣхъ подробностяхъ описать послѣдніе дни, которыми онъ былъ потрясенъ до глубины души, и которые всѣ прошли передъ его глазами. Его письма за это время [1]) полны захватывающаго интереса и самыхъ трогательныхъ подробностей.

Безъ всякаго сомнѣнія, обо всемъ этомъ Тургеневъ бесѣдовалъ и съ Гоголемъ. Ближайшимъ поводомъ къ этому могла служить книжка *Современника*, которую Гоголь видѣлъ у Тургенева. Это была первая книжка на 1837 годъ Пушкинскаго Журнала, выпущенная въ свѣтъ уже послѣ кончины Пушкина, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „*Современникъ*, литературный журналъ А. С. Пушкина, изданный по смерти его Кн. П. А. Вяземскимъ, В. А. Жуковскимъ, А. А. Краевскимъ, Кн. В. Ѳ. Одоевскимъ и П. А. Плетневымъ. Томъ пятый. СПБ. Въ Гуттенберговой типографіи. 1837". Въ этой книжкѣ, на 320—322 стр., дѣйствительно напечатано стихотвореніе, подъ названіемъ „Отрывокъ", произведшее на Гоголя такое сильное впечатлѣніе:

„Опять на родинѣ! я посѣтилъ
„Тотъ уголокъ земли, гдѣ я провелъ
„Отшельникомъ два года незамѣтныхъ".

Вниманіе Императора Николая Павловича къ А. И. Тургеневу, о которомъ разсказываетъ Гоголь, вызвано блестящими результатами заграничной поѣздки Тургенева. Подробнѣе объ этомъ писалъ самъ Тургеневъ къ брату Н. И. Тургеневу 19 февраля 1837 г. изъ Петербурга [2]). „11 февраля,—сообщалъ А. И. Тургеневъ,—представилъ мои портфели съ Римскими и Парижскими бумагами Князю (А. Н. Голицыну) и прочелъ ему сдѣланныя изъ нихъ Сербиновичемъ каталоги и записки. 14-го въ воскресенье представилъ онъ ихъ съ моей запиской Государю. Въ запискѣ просилъ я перстня съ шифромъ Марино Марини и позволенія *обнщать* ему 2-го Станислава (со звѣздою), если доставитъ еще *неизвѣстныя* бумаги, 1500 руб. Сербиновичу, и экземпляровъ Государственныхъ Грамотъ для Парижской Библіотеки, для Дрезденской и столько же экземпляровъ Археографическихъ Актовъ, недавно вышедшихъ. Государь все далъ и мнѣ по экземпляру. Сверхъ того мнѣ табатерку съ вензелемъ и 5000 руб. на писцовъ и 1000 Монмерке за бумаги, предоставляя мнѣ пріобрѣсти ихъ покупкою. Государь,

---

[1]) См. въ только-что указанномъ выпускѣ изданія «Пушкинъ и его современники».

[2]) Ibid., 82—84 тр.

видя изъ моей записки, что я желаю возвратиться въ Парижъ, и что я вмѣстѣ желаю просмотрѣть Архивъ Московскій, велѣлъ гр. Несельроде допустить меня, а о моемъ отъѣздѣ сказалъ, чтобы я изъ Москвы написалъ еще когда сберусь. Въ понедѣльникъ былъ я у гр. Бенкендорфа по одному дѣлу о рукописяхъ же, и онъ мнѣ сказалъ, что Государь уже говорилъ ему о моихъ бумагахъ и хвалилъ мои пріобрѣтенія. Во вторникъ за обѣдомъ онъ опять говорилъ о нихъ князю А. Н. (Голицыну), обо мнѣ и о бумагахъ моихъ, съ похвалою, и, прочитавъ мои записки, началъ читать самые акты. Ввечеру въ тотъ же день увидѣлъ онъ меня на балѣ у Французскаго посла, громко подозвалъ меня къ себѣ и сказалъ вслухъ, во услышаніе всѣхъ предстоявшихъ à peu près такъ. „Тургеневъ, благодарю тебя, очень благодарю. Я читаю твои бумаги съ великимъ удовольствіемъ. Ты много трудился". На это я отвѣчалъ, что сожалѣю, что не всѣ хорошо переписаны, а Государь возразилъ: „Нѣтъ нужды, я читать умѣю", и прибавилъ: „Теперь благословляю тебя; поѣзжай, куда хотѣлъ; но прошу тебя объ одномъ: *другимъ не занимайся*". Я сказалъ съ чувствомъ: „Ваше величество видѣли, что я работалъ своею рукою и не терялъ время: обѣщаю и впередъ также трудиться". Государь сказалъ мнѣ: „Вѣрю тебѣ, вѣрю; теперь дай же руку", и сильно пожалъ мнѣ ее. Я откланялся. Одинъ едва знакомый человѣкъ, не слыхавъ и не видѣвъ, что Государь говорилъ со мною, замѣтилъ кому-то: „Странно, что къ Тургеневу всѣ подходятъ и разговариваютъ сегодня; прежде этого не случалось". Тутъ же Государь говорилъ и съ Жуковскимъ о моихъ бумагахъ и обо мнѣ, и, вѣроятно, многое изъ нихъ будетъ можно издать. Бенкендорфъ подошелъ ко мнѣ и минутъ 20 говорилъ о нихъ же; а потомъ и Барантъ сказалъ мнѣ, что Государь говорилъ ему съ большимъ интересомъ о моихъ пріобрѣтеніяхъ. На другой день благодарилъ я князя А. Н. (Голицына). Онъ полагаетъ, что теперь и писать изъ Москвы снова объ отъѣздѣ не для чего... *22 февраля*... Вчера сказалъ мнѣ князь Голицынъ, что Государь опять ему говорилъ о бумагахъ моихъ. Князь Голицынъ хочетъ написать ко мнѣ оффиціально, что Государь позволяетъ мнѣ ѣхать въ чужіе края. Прежде двухъ или трехъ недѣль отсюда не выѣду".

Всѣ эти впечатлѣнія, разумѣется, сильно отозвались въ душѣ Тургенева, и онъ черезъ полгода съ живостію передалъ ихъ Гоголю.

Письмо Гоголя адресовано Николаю Михайловичу Смирнову. Это экземпляръ очень рѣдкой корреспонденціи. По крайней мѣрѣ, въ четырехтомномъ изданіи А. Ф. Маркса „Письма Н. В. Гоголя",

редакторъ изданія В. И. Шенрокъ, повидимому, не помѣстилъ ни одного письма Гоголя къ Н. М. Смирнову.

Разумѣется, такой пробѣлъ вовсе не означаетъ того, что Гоголь никогда не переписывался съ Н. М. Смирновымъ. Нѣтъ, и В. И. Шенроку эта переписка извѣстна, по крайней мѣрѣ, нѣсколько лѣтъ раньше изданія писемъ онъ самъ заявлялъ: „Въ концѣ тридцатыхъ годовъ Гоголь переписывался съ Н. М. Смирновымъ“ [1]). Мало того, въ это время Шенроку даже извѣстно было одно письмо Гоголя къ Н. М. Смирнову, и онъ даже самъ напечаталъ это письмо, какъ онъ же самъ и заявилъ въ примѣчаніи своемъ къ только-что приведенному свидѣтельству о перепискѣ Гоголя съ Смирновымъ: „Одно изъ писемъ Гоголя къ Смирнову было напечатано въ нами составленномъ „Указателѣ къ письмамъ Гоголя“, стр. 84“. Обращаемся къ 84-ой страницѣ книги В. И. Шенрока, изданной въ 1886 году подъ заглавіемъ: „Указатель къ письмамъ Гоголя, заключающій въ себѣ объясненіе инціаловъ и другихъ сокращеній въ изданіи Кулиша, съ приложеніемъ неизданныхъ отрывковъ изъ писемъ матери Н. В. и его собственныхъ“. Дѣйствительно, на этой страницѣ напечатано письмо Гоголя, значительное по объему, пересланное Гоголемъ въ качествѣ приложенія къ письму его отъ 24 декабря 1844 года, адресованному Александрѣ Осиповнѣ Смирновой. Однако и то письмо, какъ и печатаемое теперь, не имѣло обращенія.

Почему Шенрокъ не перепечаталъ его въ полномъ собраніи писемъ Гоголя? Это остается неизвѣстнымъ.

Во всякомъ случаѣ настоящее письмо принадлежитъ къ весьма ограниченной серіи писемъ Гоголя къ Н. М. Смирнову.

Личность адресата засвидѣтельствована самимъ Гоголемъ, который собственноручно написалъ его фамилію на чистой четвертой страницѣ почтоваго листа, втрое свернувши его для почтовой пересылки безъ конверта.

Такимъ образомъ письмо Н. В. Гоголя отъ 3 сентября 1837 г., изъ Франкфурта, восполняетъ остававшійся до сего времени перерывъ въ его перепискѣ, является рѣдкимъ представителемъ переписки его съ Н. М. Смирновымъ и сообщаетъ любопытныя подробности о жизни и душевномъ состояніи Гоголя въ концѣ лѣта 1837 года.

---

[1]) «Русская Старина», 1888 года, апрѣль, статья В. И Шенрока «А. О. Смирнова и Н. В. Гоголь», стр. 51.

2.

Начало 1845 года застало Гоголя во Франкфуртѣ у Жуковскаго. Здоровье его настоятельно требовало передвиженія, и онъ, въ серединѣ января, передъ самымъ рожденіемъ сына у Жуковскаго, Павла Васильевича, поѣхалъ въ Парижъ.

Во Франкфуртѣ Гоголь почти мѣсяцъ, съ конца декабря 1844 г. и до отъѣзда въ Парижъ, писалъ длиннѣйшее письмо къ Александрѣ Осиповнѣ Смирновой, въ отвѣтъ на желаніе ея перемѣнить благотворительныя намѣренія Гоголя, но не окончилъ его и такъ и уѣхалъ въ Парижъ, оставивъ письмо во Франкфуртѣ не оконченнымъ.

Въ Парижѣ Гоголь, въ концѣ января, получилъ отъ Жуковскаго письмо Александры Осиповны, о чемъ и писалъ онъ Жуковскому 28 января: „Письмо ваше вмѣстѣ съ письмомъ Смирновой получилъ и благодарю васъ за то и за другое“. Это было первое письмо Александры Осиповны изъ двухъ, датируемыхъ однимъ числомъ 30 января 1845 года [1]). Въ письмѣ этомъ она сообщала Гоголю о себѣ: „А между тѣмъ А. О., всегда готовая къ услугамъ, вышлетъ, послѣ перваго генваря, 1000 ассиг., а деньги еще смотря по обстоятельствамъ автора“, т. е. Гоголя.

Однако исполнила Александра Осиповна свое обѣщаніе лишь въ концѣ января 1845 года, когда она въ письмѣ своемъ, второмъ отъ 30 января, сообщала Гоголю: „При этомъ письмѣ вексель посылаю, пока что могу, а современемъ будетъ и остальное [2]).

Возвратившись къ серединѣ февраля мѣсяца изъ Парижа во Франкфуртъ, Гоголь и „засталъ“ уже здѣсь это письмо съ векселемъ, о чемъ прежде всего и сообщилъ въ печатаемомъ ниже письмѣ своемъ къ Александрѣ Осиповнѣ отъ 15 февраля 1845 г. изъ Франкфурта.

Поблагодаривъ Александру Осиповну за письмо и за деньги, Гоголь, однако, очень категорически заявляетъ, что ему „ненужны

---

[1]) «Сѣверный Вѣстникъ», 1893 года, январь, 242—246 стр. Правильность датировки перваго письма весьма сомнительна, что̀ видно и изъ приводимыхъ словъ А. О.—обѣщанія выслать деньги «послѣ перваго генваря» и изъ первыхъ строкъ слѣдующаго письма отъ 30 января: «цѣлый предлинный мѣсяцъ протянулся, и вы молчали, и я молчала».

[2]) Ibid., стр. 245.

деньги“ [1]), но въ аргументаціи этого заявленія обнаруживаетъ совершенно субъективныя основанія этой ненадобности денегъ. Оказывается, что Гоголю ненужны деньги Александры Осиповны вовсе не потому, что онъ самъ разбогатѣлъ, а потому, что, по его соображеніямъ, ему „теперь“ легче „доставать денегъ“, чѣмъ прежде. Еще за три дня до написанія этого письма, въ письмѣ своемъ къ Александрѣ Осиповнѣ изъ Парижа отъ 12/24 февраля, Гоголь не отрицалъ своей нужды въ деньгахъ и вспоминалъ о томъ, что онъ прямо „просилъ“ денегъ у Александры Осиповны. Но уже тогда у него начались колебанія насчетъ пріемлемости денежной помощи отъ Александры Осиповны. „Теперь,—писалъ Гоголь,—по обѣщанію вашему прислать мнѣ тысячу, какъ только успѣете собрать, и по словамъ вашимъ, чтобы я надѣялся на вашу помощь и впредь, я вижу, что эти деньги ваши, и мнѣ страхъ жалко взять ихъ у васъ, мой добрый, прекрасный и, увы! небогатый деньгами другъ мой“!

Тогда же Гоголь соглашался взять уже только одну эту обѣщанную тысячу рублей и предостерегалъ отъ дальнѣйшей присылки: „Если вы мнѣ вышлете эту тысячу, я ее возьму и не отправлю назадъ, но только и возьму отъ васъ одну ее, и объявляю вамъ впередъ, что сверхъ ея я не приму отъ васъ ничего“.

Получивъ во Франкфуртѣ эту тысячу рублей, Гоголь и аргументируетъ, въ письмѣ своемъ отъ 15 февраля, ненадобность именно дальнѣйшихъ присылокъ денегъ Александрою Осиповной, при чемъ аргументы его распадаются на двѣ категоріи: на субъективные и на объективные.

Съ одной стороны онъ высказываетъ увѣренность въ другихъ людей, въ постороннюю помощь, которая, какъ онъ думалъ, сама придетъ навстрѣчу его нуждамъ. „Статочное ли дѣло,—спрашиваетъ онъ,—чтобы меня допустили теперь погибнуть съ голоду? Я теперь нуженъ другимъ, а потому другіе сохранятъ меня“. Съ другой стороны, свое личное душевное состояніе онъ признавалъ на столько свободнымъ отъ разныхъ эгоистическихъ побужденій и на столько подготовленнымъ къ смиренію и къ покорному принятію доброй поддержки отъ чужихъ людей, что допускалъ возможнымъ для себя просить о помощи: „И какъ нищій, я могу

[1]) Въ разъясненіе словъ Гоголя: «Будутъ деньги», необходимо вспомнить письмо къ нему Александры Осиповны Смирновой отъ 18 декабря 1844 г., гдѣ она, между прочимъ, писала: «когда я васъ спрашивала о денежныхъ вашихъ обстоятельствахъ, вы отвѣчали мнѣ, что деньги всегда будутъ, а какъ—и не намекнули даже. Богъ васъ знаетъ, какія у васъ на этотъ счетъ понятія!» («Русская Старина», 1888 года, октябрь, 142 стр.).

теперь попросить у перваго поперечнаго, въ увѣренности, что заплачу ему если не самымъ дѣломъ, то искренними молитвами".

Не измѣнилось къ лучшему и здоровье Гоголя. И въ этомъ новомъ письмѣ онъ подтверждаетъ свое сообщеніе другимъ своимъ друзьямъ [1]), что лишь путешествіе благотворно дѣйствовало на него. Какъ только онъ пріѣзжалъ въ какой-нибудь городъ и оставался въ немъ на нѣсколько дней, такъ прежнее недомоганье снова возвращалось и напоминало ему о себѣ.

Недуги физическіе, казалось, окончательно надломили его силы и здоровье. „Я дрожу весь, пишетъ онъ 15 февраля, чувствую холодъ безпрерывный и не могу ничѣмъ согрѣться... исхудалъ весь какъ щепка, чувствую истощеніе силъ".

Очевидно, болѣзнь уже и въ это время была во всей силѣ. Между прочимъ, въ сообщеніи Гоголя о переѣздахъ своихъ какъ будто вкралась неточность, а можетъ быть преувеличеніе. „*Недѣлю* проживши во Франкфуртѣ"... А вѣдь предыдущее письмо его къ Александрѣ Осиповнѣ отъ 24 февраля (по новому стилю) писано еще изъ Парижа. Очевидно, недѣли онъ не могъ прожить во Франкфуртѣ, когда весь промежутокъ между двумя письмами равнялся всего тремъ днямъ.

Разстроенное здоровье, безсиліе медицины и другихъ средствъ, переставшихъ облегчать страданія, вынуждаютъ Гоголя рѣшиться на крайнее средство—испытать лѣченіе холодной водой у прославившагося Присница въ Грефенбергѣ. Онъ хотѣлъ бы подкрѣпить свою рѣшимость опытомъ брата Александры Осиповны Аркадія Осиповича Россетъ, и поэтому просилъ сообщить о результатахъ его лѣченія въ Грефенбергѣ. Какъ извѣстно, отвѣтъ былъ отрицательный: „Братъ мой, — писала Смирнова отъ 24 марта 1845 года изъ Петербурга,—вовсе не противъ воднаго умѣреннаго лѣченія, т. е. отъ употребленія воды и окачиванія, даже два три раза повторяемаго, но для этого не нуженъ Грефенбергъ" [2]).

Всю надежду теперь Гоголь полагалъ на молитву и на свое путешествіе во Святую Землю, а потому и въ этомъ письмѣ настойчиво проситъ усиленно молиться за него.

Всѣ эти свѣдѣнія чрезвычайно интересны и важны для біографіи Гоголя, еще далеко не вполнѣ выясненной.

---

[1]) «Матеріалы для біографіи Гоголя», В. И. Шенрока, томъ четвертый, 303—348 стр.

[2]) Ibid., 336—347 стр.

Но самою главною особенностью этого письма является „приложеніе“ (третье письмо изъ печатаемыхъ ниже) къ нему, отправленное вмѣстѣ съ этимъ письмомъ къ Александрѣ Осиповнѣ и представляющее собою обширное и очень подробное изложеніе мыслей Гоголя по поводу благотворительныхъ намѣреній его.

Извѣстно, что Гоголь завершилъ 1844-й годъ „прекраснымъ планомъ, которому, къ сожалѣнію, не суждено было осуществиться, по обстоятельствамъ, отъ него независѣвшимъ“. Онъ выразилъ желаніе, чтобы часть выручки отъ продажи его сочиненій употреблялась для помощи талантливымъ студентамъ С.-Петербургскаго университета [1]). Однако, это желаніе Гоголя встрѣтило сильныя возраженія со стороны его друзей, въ томъ числѣ и со стороны Александры Осиповны Смирновой, приславшей ему цѣлое письмо по этому поводу, отъ 18 декабря 1844 года [2]). Въ этомъ письмѣ она сообщала Гоголю, что желаніе его не будетъ исполнено, что намѣреніе его отмѣнено, и деньги получатъ совсѣмъ другое назначеніе... Она писала Гоголю: „У васъ на рукахъ старая мать и сестры... Дѣло ваше, прежде всего, при полученіи отчета Прокоповича, сперва и не помышляя ни о какой помощи бѣднымъ студентамъ, выручить ее изъ стѣсненныхъ обстоятельствъ, и потому мы рѣшили съ Плетневымъ, что такъ и поступимъ“. Естественно, что письмо это „нѣсколько огорчило“ Гоголя, и онъ рѣшился отвѣтить на него подробнымъ объясненіемъ.

Подлинникъ отвѣта Гоголя до сихъ поръ оставался въ неизвѣстности. Даже Кулишъ не видалъ его. Его заявленіе о томъ, что Гоголь отвѣчалъ въ 1845 году цѣлою тетрадью, „изъ которой, по необходимости, — говоритъ Кулишъ,—я долженъ былъ сдѣлать большія исключенія“ [3]), вѣрно лишь въ хронологической части. Изъ письма Гоголя къ А. О. Смирновой отъ 15 февраля 1845 г., которое впервые теперь печатается, подтверждается сообщеніе Кулиша отъ отвѣтѣ Гоголя въ 1845 году: дѣйствительно, Гоголь свой отвѣтъ послалъ при другомъ письмѣ, писанномъ 15 февраля 1845 года. Дальнѣйшія же указанія на „тетрадь“, изъ которой Кулишъ дѣлалъ извлеченія, вовсе не говорятъ о томъ, что въ рукахъ Кулиша было подлинное письмо Гоголя. Если бы у него

[1]) «Записки о жизни Н. В. Гоголя», томъ второй, СПБ., 1856 г., 23 стр., «Матеріалы для біографіи Гоголя», В. И. Шенрока, томъ четвертый, М. 1898, 294—298 стр.

[2]) «Записки о жизни Н. В. Гоголя», томъ второй, 23—25 стр.; «Русская Старина», 1888 года, октябрь, 141—145 стр.

[3]) Записки о жизни Н. В. Гоголя, томъ второй, 25 стр.

былъ Гоголевскій подлинникъ, то онъ не напечаталъ бы въ примѣчаніи къ этому письму, что „даты оно не имѣетъ“ [1]). Въ дѣйствительности, подлинное письмо Гоголя имѣетъ дату и очень точную: „1844. Декабря 28“. Очевидно, у Кулиша была та самая копія этого письма, по которой оно напечатано В. И. Шенрокомъ во второмъ томѣ изданія „Письма Н. В. Гоголя“, на 546—557 стр. [2]). Надобно замѣтить, что, при печатаніи отвѣта Гоголя по этой копіи, Кулишъ сдѣлалъ сокращенія. Шенрокъ напечаталъ эту копію безъ сокращеній, т. е. возстановилъ всѣ сокращенія Кулиша, но оказывается, до подлинной полноты письма было еще далеко.

Изъ сопоставленія подлинника съ тою копіей, по которой письмо Гоголя печаталось и Кулишомъ и Шенрокомъ, приходится убѣдиться въ томъ, что копія не только вопроизводила подлинникъ съ большими сокращеніями, но и безъ всякой нужды и по непонятнымъ причинамъ почти цѣликомъ измѣнила подлинникъ въ стилистическомъ отношеніи, то выкидывая цѣлыя предложенія и части предложенія, то произвольно мѣняя ихъ мѣста и перегоняя ихъ съ одного мѣста въ другое, то замѣняя одни слова другими, то, наконецъ, совсѣмъ искажая подлинникъ. Даже въ самомъ обращеніи Гоголя къ Александрѣ Осиповнѣ копія почему-то опустила мѣстоименіе „*моя*“. Въ дальнѣйшемъ содержаніи письма почти нѣтъ предложенія и даже строки безъ сокращеній и искаженій; „Въ чемъ требовалось тайны“ передѣлано въ „требовалась тайна“. „чего вамъ не слѣдовало“—въ „что вамъ не слѣдовало“; „тогда какъ вамъ бы слѣдовало“ въ „тогда когда бы вамъ слѣдовало“; „неблагородно“ въ „неблагоразумно“; „свята“ въ „святою“; „молилось“ въ „молили васъ“, „разсмотрѣнія“ въ „размышленія“ и т. д. и т. д. Выраженія подлиннаго письма Гоголя: „увѣренность ваша въ авторитетъ словъ своихъ, особливо, когда вы твердо называете“, сокращены по копіи до „увѣренность, когда вы твердо называете“. Гоголь писалъ: „тайная помощь моя бѣднымъ талантамъ основана на посильномъ знаніи моемъ человѣческаго сердца, а не просто на какой-нибудь идеѣ, принятой на вѣру“, а въ копіи осталось только: „тайная помощь бѣднымъ талантамъ основана на посильномъ знаніи моемъ человѣческаго сердца“, а дальнѣйшія выраженія всѣ опущены. У Гоголя: „если жъ судить, то нужно судить, забравши всѣ доказательства и аргументы“; въ копіи проще: „если судить, то нужно собрать всѣ доказательства“. У

---

[1]) «Сочиненія и письма Гоголя», VI томъ.

[2]) Извѣстна еще копія этого письма, по которой напечатана часть письма въ «Русской Старинѣ» 1889 года, январь, 157—158 стр.

Гоголя: „употребить ихъ на какое-нибудь другое употребленіе, какъ бы благоразумно оно вамъ ни показалось“; въ копіи „употребить на другое дѣло, какъ бы оно вамъ благоразумно ни казалось“. Гоголь писалъ: „дѣлающій доброе дѣло не безъ разума его дѣлаетъ и соображается съ тѣмъ, когда оно должно быть явно и когда тайно“; по копіи напечатано: „дѣлающій добро долженъ соображаться съ тѣмъ, когда оно должно быть явно и когда тайно“. Гоголь влагалъ въ уста Смирновой такой монологъ: „Послушайте, хотя я и близка къ этому человѣку, но если онъ скрылъ что-нибудь отъ меня, то неблагородно будетъ съ моей стороны проникнуть въ это. Одно только,—такъ бы вы могли прибавить,— могу я вамъ сказать въ успокоеніе, что этотъ человѣкъ достоинъ“, и т. д.; по копіи этотъ монологъ напечатанъ нѣсколько въ иномъ видѣ: „Хотя я и близка къ этому человѣку, но если онъ скрылъ отъ меня, то не благоразумно будетъ съ моей стороны проникнуть въ это. Вы могли бы прибавить, что этотъ человѣкъ достоинъ“, и т. д.

Такихъ примѣровъ неточной передачи Гоголевскаго текста слишкомъ много на всемъ протяженіи письма. Можно думать, что и приведенные наглядно убѣждаютъ въ неудовлетворительности печатнаго текста и въ необходимости новаго изданія его по подлиннику. Тѣмъ болѣе, что пропусковъ въ печатномъ текстѣ гораздо больше и они значительнѣе, чѣмъ можно было предполагать по нѣкоторымъ примѣчаніямъ В. И. Шенрока во второмъ томѣ „Писемъ Н. В. Гоголя“.

О значеніи этого письма для біографіи Гоголя нѣтъ надобности говорить особо: самое содержаніе письма краснорѣчиво свидѣтельствуетъ обо всемъ этомъ, да и драгоцѣнность его уже была отмѣчена біографами Гоголя. Возстановленное въ подлинномъ и полномъ видѣ письмо это дастъ еще больше матеріала для будущей Гоголевской біографіи.

3.

Письмо Гоголя къ Александрѣ Осиповнѣ Смирновой, адресованное въ Калугу и надписанное: „Неаполь, ноября 24“, несомнѣнно, относится къ 1846 году. Годъ написанія его точно устанавливается опредѣленными данными самого письма и сопоставленіемъ ихъ съ извѣстными уже и прочно обоснованными фактами изъ біографіи Гоголя.

Письмо отправлено *изъ Неаполя*, того „прекраснаго перепутья“, откуда Гоголь *собирался ѣхать* „во Святую Землю“, но „замедленія разныхъ родовъ,—писалъ Гоголь,—по поводу *печатанія книги* и вообще моихъ дѣлъ въ Петербургѣ останавливаютъ устроеніе всѣхъ споспѣшествующихъ обстоятельствъ къ путешествію“. Здѣсь, въ Неаполѣ, Гоголь „остановился *подъ крышей* у Софьи Петровны *Апраксиной*“.

Всѣ эти данныя, кратко выраженныя въ подчеркнутыхъ выраженіяхъ письма Гоголя, съ несомнѣнностью заставляютъ отнести время написанія его къ 1846 году [1]). Если же сопоставить подробности письма и особенно характеристику душевнаго и физическаго состоянія Гоголя, сдѣланную имъ въ этомъ письмѣ, съ письмами, отправленными Гоголемъ въ ноябрѣ 1846 года къ другимъ лицамъ, то совпаденіе получается полное, а иногда почти тожество въ выраженіяхъ. Такъ, сообщеніе В. А. Жуковскому, въ письмѣ отъ того же 24 ноября 1846 года и изъ Неаполя же, о здоровьѣ: „На душѣ у меня такъ тихо и свѣтло, что я не знаю, кого благодарить за это, кто вымолилъ своими чистыми молитвами мнѣ это состоянье у Бога“; очень напоминаетъ слѣдующее мѣсто изъ письма къ А. О. Смирновой: „здоровье мое вашими молитвами, или, можетъ быть, общимъ дружнымъ соединеніемъ молитвъ многихъ угодныхъ Богу людей, которые все время молились обо мнѣ безустанно, поправилось неожиданно“. „Неаполь прекрасенъ“, писалъ Гоголь Жуковскому, и въ тотъ же день сообщилъ Смирновой: „передо мной прекрасный Неаполь“. Готовясь къ отъѣзду въ Іерусалимъ, Гоголь писалъ Жуковскому: „а покамѣстъ я долженъ сидѣть у моря и ждать погоды“, и тоже повторилъ Смирновой: „Въ Неаполѣ у моря и жду погоды“. „Я пріютился у Софьи Петровны Апраксиной“ изъ письма къ Жуковскому очень напоминаютъ: „остановился подъ крышей у Софьи Петровны Апраксиной“, изъ письма къ Смирновой.

Не продолжая этихъ сопоставленій, можно и на основаніи приведенныхъ примѣровъ согласиться на признаніи хронологической близости между этими письмами и даже на ихъ одновременности, особенно въ виду собственноручнаго надписанія Гоголемъ того же числа и надъ письмомъ къ А. О. Смирновой, какимъ помѣчено и письмо его къ Жуковскому [2]).

---

[1]) «Матеріалы для біографіи Гоголя», В. И. Шенрока, томъ четвертый, 444 стр. и слѣд.

[2]) «Письма Н. В. Гоголя», томъ третій, 259—261 стр.

ЛЕНИНГРАДСКАЯ ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Письмо это Гоголь написалъ въ отвѣтъ на письмо Александры Осиповны, отправленное ею изъ Калуги 15-го октября 1846 года [1]). Очевидно, объ этомъ именно письмѣ Александры Осиповны Гоголь писалъ 24 ноября Жуковскому: „На почтѣ нашелъ я здѣсь (т. е. въ Неаполѣ) себѣ письмо, пересланное мнѣ изъ Франкфурта, на конвертѣ котораго знакомая мнѣ рука, вычеркнувши всѣ прежнія строки, начертала весьма четко мое имя, вмѣстѣ со словами poste restante, такъ что въ мысляхъ моихъ вдругъ предсталъ и самъ прекрасный хозяинъ ея". Такимъ образомъ, А. О. Смирнова отправила свое письмо къ Гоголю по Франкфуртскому адресу. Во Франкфуртѣ, за отъѣздомъ Гоголя, получилъ ея письмо Жуковскій и, переправивъ своею рукою адресъ, переслалъ его вслѣдъ за Гоголемъ въ Неаполь. Въ Неаполѣ Гоголь получилъ письмо Александры Осиповны и, по автографу на адресѣ, вспомнилъ о Жуковскомъ, и потомъ, 24 ноября, отвѣтилъ имъ обоимъ въ одинъ день.

Изъ содержанія этого письма А. О. Смирновой только и становится понятнымъ не совсѣмъ ясное заявленіе Гоголя: „Великъ Богъ! Что было вамъ въ страданье, то обратится вамъ въ радость". Именно, Александра Осиповна писала: „съ половины іюля я безпрестанно хворала или, лучше сказать, была тяжко больна. Богъ одинъ знаетъ, что я выстрадала душевно и мысленно; физическихъ страданій не было, кромѣ почти трехмѣсячной безсонницы. Меня не оставляли добрые люди; при мнѣ были три старыя дѣвушки Бахметевы; онѣ мнѣ говорили: „выходить тебѣ, матушка, только слушай насъ, да молись". И въ самомъ дѣлѣ выучили меня молиться, возили въ церковь, читали мнѣ вслухъ Евангеліе, молитвы, сочиненія Тихона Задонскаго, Иннокентія, и какъ сестры ходили за мной. Меня Господь не оставилъ въ самыя трудныя минуты, всегда молитва успокоивала меня и располагала къ новой молитвѣ. Теперь я уже хожу въ среду и въ пятницу къ обѣднѣ и не чувствую скуки, которая прежде мною овладѣвала". Вотъ этотъ-то переходъ отъ болѣзни къ выздоровленію и эта привычка къ молитвѣ, пріобрѣтенная Смирновой во время болѣзни—заставили Гоголя написать: „что было вамъ въ страданье, то обратится вамъ въ радость". Александра Осиповна за время болѣзни „выучилась" молиться и получила духовное утѣшеніе, слушая чтеніе святыхъ книгъ. Въ концѣ концовъ она уже не чувствовала прежней скуки, и это ея возрожденное состояніе Гоголь привѣтствовалъ своимъ благочестивымъ восклицаніемъ: „Великъ Богъ"!

---

[1]) «Русская Старина», 1890 года, августъ, 280--281 стр.

Въ это время и состояніе Гоголя, физическое и духовное, „освѣжилось“. Онъ оправился, успокоился и весь ушелъ въ приготовленіе къ паломничеству во Святой градъ и во Святую Землю. Отъ этихъ заботъ его и отъ этого направленія всѣхъ его помысловъ и желаній его отвлекаютъ лишь „замедленія разныхъ родовъ по поводу печатанія книги“... Вотъ лишнее доказательство полной освѣдомленности А. О. Смирновой о печатаніи „Переписки съ друзьями“ и новое опроверженіе категорическаго заявленія В. И. Шенрока о томъ, что „съ Смирновой Гоголь почти не переписывался въ это время тревогъ и волненій“ [1]). Переписка ихъ продолжалась, но, очевидно, не всѣ еще письма ихъ увидали свѣтъ.

Подробности о здоровьѣ и планы путешествія извѣстны уже по письмамъ Гоголя къ другимъ лицамъ. Въ настоящемъ письмѣ его къ А. О. Смирновой останавливаетъ на себѣ вниманіе взглядъ Гоголя на свои литературныя дарованія какъ на призваніе и какъ на миссію, которыя предопредѣлены ему для осуществленія въ этой жизни: „путешествіе мое для испрошенія благословенья Божьяго на подвиги мои въ жизни, на тѣ дѣла и подвиги, для которыхъ даны мнѣ Имъ же способности“. И этотъ взглядъ Гоголя на себя и на свой литературный трудъ напоминаетъ „Молитву“ его, которую онъ читалъ „всякій день“: „соприсутствуй мнѣ въ трудѣ моемъ, для него же произвелъ меня въ міръ... вѣрю, яко и сіе самое дѣло рукъ моихъ, надъ нимъ же работаю нынѣ, не отъ моего произволенія, но отъ святой воли Твоей. Ты поселилъ во мнѣ и первую мысль о немъ; Ты и возрастилъ ее, возрастивши и меня самого для нея; Ты же далъ силы привести къ концу Тобой внушенное дѣло, строя все въ спасенье мое“ [2]).

Григорій Георгіевскій.

I.

Письмо къ Н. М. Смирнову.

Сентября 3. Франкфуртъ.

Ящикъ Вашъ я дотащилъ до Франкфурта въ здоровомъ состояніи и отдалъ его Заргу, который обѣщался исполнить въ точности ваше желаніе.

---

[1]) «Матеріалы для біографіи Гоголя», В. И. Шенрока, томъ четвертый, 436 стр.

[2]) «Письма Н. В. Гоголя», т. третій, 309—310 стр.

Что же касается до медленнаго движенія вашего путешествія, то я самъ ѣзжу нескорѣе вашего. Пароходъ доставилъ мнѣ пріятный сюрпризъ ѣхать вмѣсто одного дня—два. Дождь, вѣрный спутникъ Рейнскаго путешествія, усугубилъ пріятность. Всѣ пассажиры столпились въ одну каюту, и нѣмецкой запахъ сдѣлался до такой степени густъ, что можно было 700 топоровъ повѣсить въ воздухѣ. Круглыя окна нашей каюты до такой степени визжали и обливались слезами, что тоска проходила меня насквозь отъ головы и до пятокъ. А мокрые зонтики, сальные сапоги и всеобщій насморкъ до нынѣ мнѣ грезятся. Наконецъ, я доѣхалъ до Франкфурта, и вотъ уже три дня любуюсь гнуснѣйшею погодою, какая когда-либо была въ мірѣ и (пошлыми) благородными физіогноміями жидовъ. Ибо вамъ, я думаю, уже извѣстно, что Франкфуртъ страшно пахнетъ жидомъ, включая въ то число...

Да, вотъ чуть было не позабылъ сказать: во Франкфуртѣ встрѣтился я съ Тургеневымъ, съ которымъ мы провели полдни. Онъ интересовался о васъ и особенно о здоровьѣ Александры Осиповны. Я его удовлетворилъ, какъ могъ. Онъ поѣхалъ теперь въ Штутгартъ, потомъ еще куда-то (имя я позабылъ: какой-то нѣмецкой городъ), а потомъ въ Парижъ въ концѣ этого же мѣсяца. Государь очень былъ доволенъ сдѣланными имъ розысканіями и говорилъ ему нѣсколько разъ, что читалъ съ большимъ наслажденіемъ его портфели, и отпустилъ его теперь куда хочетъ вытряхивать и рыть все, что ни есть въ кладовыхъ Европы.

Тургеневъ, между прочимъ, сказалъ важную истину, которая отчасти извѣстна можетъ быть и Александрѣ Осиповнѣ, что живя за границею тошнитъ по Россіи, а не успѣешь пріѣхать въ Россію, какъ уже тошнитъ отъ Россіи.

Я получилъ, между прочимъ, небольшое письмецо отъ Жуковскаго, писанное еще имъ въ мартѣ мѣсяцѣ. Пять или шесть строкъ, но такой исполнены грусти по недавней великой утратѣ, что я не могъ ихъ читать равнодушно. Онъ все также добръ и также любитъ меня и говоритъ, что онъ думаетъ о мнѣ очень часто. На письмо мое, писанное изъ Рима, я еще ничего не получалъ. Оно вѣрно лежитъ въ Зимнемъ дворцѣ и дожидается его прибытія изъ путешествія.

У Тургенева я видѣлъ совершенно оконченную печатаніемъ первую книжку *Современника*. Тамъ есть стихи Пушкина подъ названіемъ: „Отрывокъ“, въ которыхъ онъ говорилъ, какъ онъ посѣтилъ свою деревню, въ которой не былъ уже десять лѣтъ, какими показались ему его домикъ, его комната, за стѣною кото-

рой уже не раздавались тяжелые шаги его бѣдной няни, и тѣ же деревья съ новыми молодыми. Удивительная простота, и такая тихая и вмѣстѣ глубокая грусть, что я даже не въ силахъ былъ переписать: Мнѣ такъ сдѣлалось грустно.

Я ѣду сегодня. Отправляюсь въ Женеву, гдѣ буду ожидать, покамѣстъ будетъ свободенъ пропускъ въ Италію отъ всякихъ холерныхъ наваждeній. Вообразите себѣ мое несчастіе: въ Римѣ холера. Меня это какъ громомъ хватило. А я уже помышлялъ, съ какою радостью увижу я знакомый куполъ и мѣста, сдѣлавшіяся для меня второю родиною.

Не ѣздите въ Берлинъ. Тамъ холера, говорятъ, бѣснуется. Богъ съ нимъ.

Будьте здоровы, и да принесетъ васъ добрый вѣтеръ благополучно къ Невскимъ берегамъ, и да заботятся святыя силы о здоровьѣ Александры Осиповны, этого прекраснаго украшенія, котораго такъ мало достойна наша пошлая столица.

Если будете писать ко мнѣ въ продолженіи сентября, октября или ноября, то адресуйте въ Женеву въ *Poste restante.*

Адресъ на послѣдней страницѣ почтоваго листа:

A Dresde. A Monsieur Monsieur Bossange et C-nie. Pour remettre à M-r de Smirnof.

Почтовая печать:

Frankfurt. 11—12. 3 Sept. 1837.

II.

Письма къ А. О. Смирновой.

Франкф. н/м. февраля 15. 1845.

Пріѣхавши во Франкфуртъ, я засталъ ваше письмо, безцѣнный другъ мой Александра Осиповна, и съ нимъ вексель. Благодарю васъ за то и за другое, и вновь повторяю вамъ: мнѣ ненужны деньги, не присылайте мнѣ ничего сверхъ посланныхъ.

Вообще не безпокойтесь на счетъ средствъ моего существованія. Мнѣ было гораздо труднѣе прежде доставать денегъ, чѣмъ теперь. Не думайте также, что говоря иногда: „Будутъ деньги“,

я говорилъ это въ твердой увѣренности на Бога. Нѣтъ, въ грѣшной душѣ моей недостаетъ столько вѣры. Я говорилъ это вслѣдствіе соображеній просто ариѳметическихъ: складывая цифры мысленно, я говорилъ вамъ гласно сумму.

Да и подумайте, точно, статочное ли дѣло, чтобы меня допустили теперь погибнуть съ голоду. Я теперь нуженъ другимъ, а потому другіе сохранятъ меня. При томъ, слава Богу, во мнѣ теперь все почти умерло то, что почитается извинительнымъ честолюбіемъ и гордостью. И какъ нищій, я могу теперь попросить у перваго поперечнаго, въ увѣренности, что заплачу ему, если не самымъ дѣломъ, то искренними молитвами. При томъ для путешествія моего въ Іерусалимъ я могу собрать вдругъ себѣ деньги, а это самое главное.

Но меня мучитъ теперь другое: меня мучитъ плохое состояніе моего здоровья, которое, признаюсь, никогда еще не было такъ плохо. Одна только поѣздка и путешествіе какъ будто помогаетъ. Отъ переѣзда въ Парижъ я почувствовалъ себя лучше. Пріѣхавши въ Парижъ, почувствовалъ хуже. Переѣздъ изъ Парижа во Франкфуртъ вновь помогъ мнѣ. Недѣлю проживши во Франкфуртѣ, я вновь почувствовалъ хуже. И все во мнѣ до такой степени расклеилось, что не знаю, чему и приписать. Я дрожу весь, чувствую холодъ безпрерывный и не могу ничѣмъ согрѣться. Не говорю уже о томъ, что исхудалъ весь, какъ щепка, чувствую истощеніе силъ и опасаюсь очень, чтобы мнѣ не умереть прежде путешествія въ Обѣтованную Землю.

А потому прежде всего помолитесь, другъ мой, о моемъ здоровьѣ, помолитесь сильно. Крѣпко, какъ можно крѣпче. Богу все возможно, и на Него только одного моя надежда. А медицина никакой никогда еще не дѣлала пользы мнѣ, тѣмъ болѣе теперь. Хотя, впрочемъ, я готовъ ѣхать даже къ Призницу единственно ради рѣшительности его средствъ, и останавливался только мыслію, не нуженъ ли мнѣ теплый климатъ, и не произошло ли что отъ того, что я остался зиму во Франкфуртѣ, которая, какъ нарочно, въ этомъ году довольно жестока и продолжается доселѣ, до самаго сегодняшняго дня.

Увѣдомьте меня о состояніи здоровья Аркадія Осиповича, и помогъ ли ему хотя въ чемъ-нибудь Призницъ.

А больше всего прошу васъ вновь, помолитесь обо мнѣ, просите и другихъ молиться. Просите и молите Бога, чтобы Онъ удостоилъ меня увидѣть Святую Землю. Тамъ на Гробѣ Господнемъ будутъ нужны, слишкомъ нужны мои молитвы. Ибо прибли-

жается теперь время молитвъ. И безъ Бога ничего несдѣлаетъ теперь никто въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ и при нынѣшнемъ положеніи дѣлъ какъ всего міра, такъ и своихъ собственныхъ. И такъ, помолитесь же крѣпко и сильно.

Посылаю вамъ письмо давно уже написанное въ отвѣтъ на ваше желаніе и намѣреніе перевершить рѣшенное дѣло. Не сердитесь на меня за него: такъ мнѣ должно было поступить. Я перечелъ его еще разъ теперь. Многое можно было изъяснить лучше, другое короче, а о третьемъ и вовсе не слѣдовало бы упомянуть. Но основанье его такъ и должно быть такъ. Страницы отъ 1 до 7-й покажите Плетневу.

Не сердитесь на меня, другъ мой добрѣйшій и прекрасный, Александра Осиповна. И помолитесь о моемъ выздоровленіи.

Вашъ Гоголь.

III [1]).

1844. Декабря 28.

Письмо Ваше, добрѣйшая моя Александра Осиповна, меня нѣсколько огорчило.

Плетневъ поступилъ нехорошо, потому что разсказалъ то, въ чемъ требовалось тайны во имя дружбы; вы поступили не хорошо, потому что согласились выслушать то, чего вамъ не слѣдовало, тогда какъ вамъ бы слѣдовало въ самомъ началѣ остановить его такими словами:

— Послушайте, хотя я и близка къ этому человѣку, но если онъ скрылъ что-нибудь отъ меня, то неблагородно будетъ съ моей стороны проникнуть въ это. Одно только, – такъ бы вы могли прибавить,—могу я вамъ сказать въ успокоеніе, что этотъ человѣкъ достоинъ нѣсколько довѣрія, онъ несовсѣмъ способенъ на необдуманныя дѣла, и даже, сколько я могла замѣтить, онъ довольно осмотрителенъ относительно всякаго рода добрыхъ дѣлъ и не отваживается ни на что безъ какихъ-нибудь своихъ соображеній. А потому окажемъ ему довѣріе, особливо когда онъ опирается на слова: воля друга должна быть свята.

---

[1]) Письмо это прислано какъ приложеніе къ предыдущему письму. Г.Г.

Но вы такъ не поступили, моя добрая Александра Осиповна. Напротивъ, вы взяли даже на себя отвагу перерѣшить все дѣло, объявить мнѣ, что я дѣлаю глупость, что дѣлу слѣдуетъ быть вотъ какъ, и что вы, не спрашивая даже согласія моего, даете ему другой оборотъ и приступаете по этому поводу къ нужнымъ распоряженіямъ, позабывши, между прочимъ, то, что это дѣло было послано не на усмотрѣніе, не на совѣщаніе, не на скрѣпленіе и подписаніе, но, какъ рѣшенное, послано было *на исполненіе*, и во имя всего святаго, во имя дружбы молилось его исполнить.

Точно ли вы поступили справедливо и хорошо, и справедливо ли было съ вашей стороны такъ скоро причислить мой поступокъ къ *донкишотскимъ?* Въ обыкновенныхъ, житейскихъ дѣлахъ призывается, по крайней мѣрѣ, въ такихъ случаяхъ докторъ съ тѣмъ, чтобы пощупать пульсъ и узнать, дѣйствительно здорова ли голова и цѣлъ ли умъ, и уже не прежде рѣшаются отвергнуть рѣшеніе, какъ безумное. А вы, поступили ли такимъ образомъ со мной?

Упрекъ вашъ и замѣчанія, что у меня есть мать и сестры, и что мнѣ о нихъ слѣдуетъ думать, а не о томъ, чтобы помогать стороннимъ мнѣ людямъ, мнѣ показались также несправедливы, отчасти жестоки и горьки для моего сердца. Другъ мой, Александра Осиповна, я не почитаю себя сыномъ, исполнившимъ всѣ свои обязанности относительно родителей, но разсмотрите сами, не сдѣлалъ ли я, что по возможности мнѣ можно было сдѣлать. Мнѣ слѣдовала половина имѣнія (и при томъ лучшая, 100 душъ крестьянъ и земли). Я ихъ отдалъ матери и сестрамъ въ то время, когда я самъ не имѣлъ вѣрнаго пропитанія. Этотъ поступокъ называли въ свое время также донкишотскимъ многіе добрые люди. Кромѣ того, мнѣ удалось кое-что присылать имъ иногда въ помощь изъ Петербурга, добытое собственными трудами. Кромѣ того, я помѣстилъ сестеръ моихъ въ институтъ и платилъ за нихъ изъ своего кармана до времени, пока добрая Государыня не взяла ихъ на свой счетъ. Это, конечно, небольшое дѣло. Лучшимъ дѣломъ съ своей стороны я считаю то, что пожертвовалъ имъ своимъ временемъ и провелъ съ ними годъ, по выходѣ ихъ изъ института, для того, чтобы хотя сколько-нибудь воспитать ихъ для того мѣста и круга, среди котораго будетъ обращаться ихъ жизнь, чему, какъ извѣстно, не учатъ въ институтахъ. Словомъ, съ тѣми средствами, которыя я имъ доставилъ, можно было вести безбѣдную жизнь; но встрѣтилось одно мѣшающее обстоятельство. Мать моя добрѣйшая женщина (съ ней мы друзья и чѣмъ далѣе,

тѣмъ болѣе становимся друзьями), но хозяйка она довольно плохая. Сестры мои умныя и добрыя дѣвушки, любимыя всѣми въ околоткѣ за радушіе, простоту въ обращеніи и готовность помогать всякому, но къ хозяйству и экономическимъ оборотамъ по имѣнію имѣютъ естественное отвращеніе; и немудрено: это дѣло мужа, а не женщины. Съ ними случается то же самое, что со многими: онѣ отказываютъ себѣ во всемъ, иногда самомъ необходимомъ, и этимъ, однакожъ, ничуть не помогаютъ хозяйству, потому что въ самомъ хозяйствѣ хозяйствуютъ *не впопадъ*, воздерживаютъ и ограничиваютъ себя не впопадъ, издерживаютъ и тратятъ въ отношеніи къ потребностямъ экономическимъ *не впопадъ*. Оказавши не одинъ разъ вспомоществованье имъ деньгами, даже и въ послѣдующее время (я не оставлялъ ихъ до сихъ поръ, сколько могли мнѣ содѣйствовать слабыя мои средства), я увидѣлъ яснѣй, что не въ деньгахъ сила, и что онѣ будутъ бросаемы какъ въ сосудъ, въ которомъ нѣтъ дна, и котораго вѣчно не наполнишь. Я почелъ это знакомъ и опредѣленіемъ Божіимъ, что мнѣ слѣдуетъ, наконецъ, заняться самому тѣмъ, чѣмъ доселѣ гнушался, и взялъ теперь на свои руки ихъ хозяйство. И хотя это отняло у меня много времени, но Богъ милостивъ, Онъ помогъ мнѣ и здѣсь, какъ помогалъ мнѣ во многомъ. И я больше ничего, какъ смиренно разсматриваю отчеты, распоряженія и продѣлки, вижу, что многое можно поправить простыми средствами, и есть надежда, что дѣло пойдетъ на ладъ, хотя слишкомъ горьки, трудны и скучны для меня съ перваго раза эти занятія. И такъ, разсудите сами, другъ мой, справедливы ли были ваши упреки, и не жестоко ли было для моего сердца услышать ихъ отъ васъ?

Еще скажу вамъ, что мнѣ показалась слишкомъ рѣзкою увѣренность ваша въ авторитетъ словъ своихъ, особливо, когда вы твердо называете желаніе мое помочь бѣднымъ студентамъ безразсуднымъ. Не бѣднымъ студентамъ хочу помочь я, но *бѣднымъ талантамъ*, не чужимъ, но роднымъ и кровнымъ. Я самъ терпѣлъ и знаю нѣкоторыя тѣ страданія, которыхъ не знаютъ другіе и о которыхъ даже и не догадываются, а потому и помочь не въ состояніи. Несправедливъ также вашъ упрекъ и въ желаніи моемъ помочь тайно, а не явно. Несправедливо также приведены здѣсь, въ другомъ случаѣ справедливыя, слова, что дѣла наши должны свѣтить всему міру. Равно какъ не впопадъ было приведено вами многое изъ François de Sales. На все это я могу вамъ сказать только словами Ап. Павла: „Кійждо своею мыслью да извѣствуется“.

Повѣрьте, что дѣлающій доброе дѣло не безъ разума его дѣлаетъ и соображается съ тѣмъ, когда оно должно быть явно и

когда тайно. А потому и сія тайная помощь моя бѣднымъ талантамъ основана на посильномъ знаніи моемъ человѣческаго сердца, а не просто на какой-нибудь *идеѣ*, принятой на вѣру. Талантамъ дается слишкомъ нѣжная, слишкомъ чуткая и тонкая природа. Много, много ихъ можно оскорбить грубымъ прикосновеніемъ, какъ нѣжное растеніе, принесенное съ юга въ суровый климатъ, можетъ погибнуть отъ неумѣстнаго съ нимъ обхожденія не пріобвыкшаго къ нему садовника. Трудно бываетъ таланту, пока онъ молодъ, или еще справедливѣе, пока онъ не вполнѣ христіанинъ. Иногда и близкій другъ можетъ оскорбить, оказавъ ему радушную помощь, можетъ потомъ попрекнуть его въ неблагодарности. Это часто дѣлается въ свѣтѣ, иногда даже безъ строгаго разсмотрѣнія, а по какимъ-нибудь внѣшнимъ признакамъ. Но когда дающій скрылъ свое имя, значитъ, онъ вѣрно не потребуетъ никакой благодарности. Такая помощь пріемлется твердо и неколеблемо, и будьте увѣрены, что незримыя и прекрасныя моленья будутъ совершаться въ тишинѣ о душѣ незримаго благотворителя вѣчно, и сладко будетъ получившему даже и при концѣ дней вспомнить о помощи, присланной неизвѣстно откуда.

И такъ, оставимте эти строгія взвѣшиванья благодѣтельныхъ дѣлъ нашихъ. Мы не судьи. Если жъ судить, то нужно судить, забравши всѣ доказательства и аргументы. Не тяжко ли будетъ для васъ, если бы я, увидя кого-нибудь изъ братьевъ вашихъ нуждающагося и сидящаго безъ денегъ, сталъ бы укорять васъ въ томъ, что вы помогаете постороннимъ бѣднымъ, или же даже изъявляете готовность помочь мнѣ? Свѣтъ вѣдь обыкновенно такъ судитъ. Не будьте же похожи и вы на свѣтъ. Оставимъ эти деньги на то, на что онѣ опредѣлены. Эти деньги *выстраданныя* и *святыя*, и грѣшно ихъ употреблять на что-либо другое. И если бы добрая мать моя узнала, съ какими душевными страданіями для ея сына соединилось все это дѣло, то не коснулась бы ея рука ни одной копѣйки изъ этихъ денегъ, напротивъ, продала бы изъ своего собственнаго состоянія и приложила бы отъ себя еще къ нимъ. А потому и Вы не касайтесь къ нимъ съ намѣреніемъ употребить ихъ на какое-нибудь другое употребленіе, какъ бы благоразумно оно вамъ ни показалось. Да и что толковать объ этомъ долго; обѣтъ, который дается Богу, соединяется всегда съ пожертвованьемъ и всегда въ ущербъ или себѣ, или роднымъ, но ни самъ дающій его, ни родные не возстаютъ противъ такого дѣла. А потому я не думаю, чтобы вы, или Плетневъ, вооружили бы себя уполномочіемъ разрѣшить меня отъ моего обѣта и взять на свою душу всю отвѣтственность.

И такъ, оставимъ въ покоѣ дѣло рѣшенное и конченное: много есть и безъ него, о чемъ хлопотать. О потерѣ же моей не сокрушайтесь. Повѣрьте, что ни я, ни мать моя съ ея семействомъ не много здѣсь потеряли. Едва-едва какую-нибудь тысячу въ годъ, и то съ большой возней и хлопотами, удалось бы мнѣ получать, что все равно для меня что ничего. При томъ я имѣю особенное предчувствіе, что я ничего бы не получилъ изъ этихъ денегъ, но назначенныя на благое дѣло, въ помощь тѣмъ, которымъ рѣдко помогаютъ, онѣ не пропадутъ.

Къ тому жъ, сами знаете, молодые люди съ дарованіями появляются рѣдко, а потому сумма успѣетъ накопиться, и что мнѣ бы приходилось бездѣлицами въ раздробь, то придется имъ цѣликомъ и въ значительной суммѣ. При томъ сами распорядители подвинутся большимъ рвеніемъ и, зная, что жертвуетъ не богачъ, но бѣднякъ, который едва самъ имѣетъ чѣмъ существовать, употребятъ эти деньги такъ хорошо, какъ бы не употребили денегъ богача, такъ что и полушка не утратится даромъ.

Но, довольно. Еще разъ молю, прошу и требую именемъ дружбы исполнить мою просьбу. Не честно разглашенная тайна должна быть возстановлена. Плетневъ пусть выметъ изъ своего кармана двѣ тысячи и пошлетъ моей матери; мы съ нимъ послѣ сочтемся. Всѣ объясненія по этому дѣлу со мною должны быть кончены. Вы также должны отступиться отъ этого дѣла; мнѣ непріятно, что вы въ него вмѣшались. Все должно кончиться между Плетневымъ и Прокоповичемъ, и, повѣрьте, оно кончится хорошо. Никто изъ нихъ не будетъ лѣнивымъ и нерадивымъ въ этомъ дѣлѣ и не укоритъ даже въ нерадѣніи другого, хотя бы нѣкоторые пустые *видимые* признаки и говорили о томъ. Я слишкомъ знаю хорошо, къ чему могутъ быть способны души ихъ, и даже вѣрю тому, что они могутъ любить меня, а потому, какъ дѣло любви ко мнѣ, это будетъ выполнено.

Эти страницы письма вы покажите Плетневу, и во имя любви ко мнѣ способствуйте съ своей стороны въ томъ, чтобы просьба моя была исполнена.

Отсюда письмо начинается для васъ однѣхъ, не съ тѣмъ, чтобы его показывать кому-либо.

Не стыдно ли вамъ взглянуть на меня глазами Плетнева? Вы сами сказали въ одномъ изъ прежнихъ вашихъ писемъ, что у Плетнева недовольно ума для того, чтобы понять меня, а теперь сами раздѣляете его заблужденія и обвиняете меня въ томъ же, въ чемъ и онъ. Неужели вы до сихъ поръ не можете почувствовать, что

мы стоимъ съ нимъ на двухъ разныхъ полюсахъ, и что мнѣ гораздо съ нимъ труднѣе изъясняться, чѣмъ вамъ съ Н. М.? Требуя отъ меня простоты и откровенности, онъ самъ не знаетъ, чего онъ хочетъ. Я пробовалъ съ нимъ говорить всѣми возможными способами, и все было равно неудачно. Повѣрьте, что говорить съ тѣмъ человѣкомъ, который чувствуетъ недовѣрчивость къ каждому нашему слову и подозрительность ко всякому нашему поступку, сомнѣваясь въ искренности всякаго нашего движенья,— совершенно напрасный трудъ, потерянное время, себѣ страданіе, ему тоже огорченіе.

Но наиболѣе всего я раскаивался тогда, когда стремился быть откровеннымъ съ такими людьми. Тутъ всегда выходило хуже всего: умъ ихъ былъ вовсе не въ состояніи сварить словъ моихъ, предавался недоразумѣніямъ, толковалъ все иначе и, наконецъ, такъ запутывался въ собственныхъ догадкахъ и предположеніяхъ, что я горько досадовалъ на себя самого даже и за одну мысль быть съ ними откровеннымъ. И вполнѣ скрытнымъ я начиналъ быть въ глазахъ ихъ именно съ тѣхъ поръ, когда покусился какъ-нибудь на откровенность.

Такъ какъ вы уже вмѣшались въ это дѣло, то я вамъ скажу нѣсколько словъ, которыя могутъ вамъ отчасти объяснить его, хотя, признаюсь вамъ, мнѣ слишкомъ тягостно даже и нѣсколько словъ произнести: такъ даже одно напоминаніе о тѣхъ внутреннихъ моихъ страданіяхъ, которыми, незримо никому, страдала душа моя, мнѣ (по слабосилію моему) горько.

Прежде всего скажу вамъ о характерѣ моихъ сношеній съ моими литературными друзьями и пріятелями, къ числу которыхъ принадлежитъ и Плетневъ.

Прежде всего у меня начались знакомства и сношенья съ литераторами, потому что я самъ былъ литераторъ. Я всегда умѣлъ уважать ихъ достоинства и умѣлъ отъ каждаго изъ нихъ воспользоваться *тѣмъ, что* каждый изъ нихъ въ силахъ былъ дать мнѣ. Для этого у меня былъ всегда умъ. Такъ какъ въ умѣ моемъ была всегда многосторонность и какъ пользоваться другими и воспитываться была у меня всегда охота, то неудивительно, что мнѣ всякій изъ нихъ сдѣлался пріятелемъ и близкимъ, какъ имѣющій въ себѣ что-нибудь такое, чего другой собратъ его не имѣетъ. Они же всѣ какъ нарочно (что можетъ случиться только у насъ въ Россіи) одарены необыкновенными и съ тѣмъ вмѣстѣ до крайности оригинальными и не сходными между собою достоинствами, разнообразными умами, разнообразными характерами (отсюда очевидно,

почему они такъ часто между собой враждуютъ и не сходятся во мнѣніяхъ).

И такъ, умѣя цѣнить ихъ, я умѣлъ отъ каждаго изъ нихъ воспользоваться кое-чѣмъ, а возблагодарить ихъ за это откладывалъ всегда на дальше, то есть, на то время, когда поумнѣю самъ и буду въ состояніи поучить ихъ тому, чего у нихъ недостаетъ. Но никогда никому изъ нихъ я не навязывался на дружбу, никого не просилъ изъ нихъ или, что еще несправедливѣе, ни отъ кого не требовалъ жить со мной душа въ душу, раздѣлять со мною мои мнѣнія и т. п. Словомъ, никакихъ никому не давалъ обѣщаній и никого не обязывалъ ничѣмъ относительно меня. Никому изъ нихъ не повѣрялъ ни предположеній, ни плановъ относительно меня самого и всего, что относилось лично къ судьбѣ моей, считая это не нужнымъ по многимъ причинамъ: во-первыхъ, потому что я и самъ бы не могъ въ ясномъ видѣ сказать имъ того, что во мнѣ самомъ еще находилось въ младенчествѣ; во-вторыхъ, потому что посильное знаніе людей у меня, благодаря Бога, было уже и тогда, и я могъ уже и тогда чувствовать, чѣмъ какой человѣкъ могъ быть мнѣ полезенъ, и стало быть, что именно ему слѣдуетъ и что не слѣдуетъ говорить; наконецъ, въ третьихъ, я уже и тогда чувствовалъ, что любить мы должны всѣхъ болѣе или менѣе, смотря по ихъ достоинствамъ, но истиннымъ и ближайшимъ другомъ, которому бы могли повѣрять мы все до малѣйшаго движенія нашего сердца, мы должны избирать только одного Бога. Это я живѣе и болѣе долженъ былъ почувствовать, чѣмъ всѣ другіе, потому что одаренный по Его небесной милости многими сторонами характера и способностей, я бы никогда не могъ высказать себя всего никому, и потому что за всякую глупую попытку быть откровеннымъ не кстати и не у мѣста платилъ уже и тогда весьма дорого.

И такъ, я уже и въ началѣ смекнулъ мое положеніе и велъ себя въ отношеніи къ моимъ литературнымъ пріятелямъ такъ, какъ слѣдовало себя вести, говорилъ съ ними слегка о нѣкоторыхъ моихъ литературныхъ предположеніяхъ. Но о себѣ самомъ, относительно моего душевнаго, внутренняго состоянія не говорилъ ни съ кѣмъ. Со всѣми ими я остался пріятелемъ. И таково было положеніе дѣлъ до времени выѣзда моего изъ Россіи. Никто изъ нихъ меня не зналъ. Но моимъ литературнымъ разговорамъ всякій былъ увѣренъ, что меня занимаетъ одна только литература, и что все прочее ровно не существуетъ для меня на свѣтѣ.

Съ тѣхъ поръ, какъ я оставилъ Россію, произошла во мнѣ великая перемѣна. *Душа* заняла меня всего, и я увидѣлъ слиш-

комъ ясно, что безъ устремленія моей души къ ея лучшему совершенству не въ силахъ я былъ двигнуться ни одной моей способностью, ни одной стороной моего ума во благо и въ пользу моимъ собратьямъ, и безъ этого воспитанія душевнаго всякій трудъ мой будетъ только временно-блестящъ, но суетенъ въ существѣ своемъ. Какъ Богъ довелъ меня до этой мысли, какъ воспитывалась незримо отъ всѣхъ моя душа—это извѣстно вполнѣ Богу. Объ этомъ не разскажешь. Для этого потребовались бы томы, и эти томы все бы не сказали всего. Да и къ чему разсказывать о томъ, какія вещества горѣли и перегорали во мнѣ? Когда услышите потомъ раздавшееся благоуханіе, сами тогда догадаетесь, отъ горенія какихъ веществъ произошло благоуханье. Если жъ не услышите благоуханія, то нечего и знать о томъ, что горѣло въ душѣ моей. Скажу вамъ только то, что небесно-милостивъ былъ ко мнѣ Богъ, что святая милость Его помогла мнѣ въ стремленіи моемъ, и что теперь, каковъ я ни есть, хотя вижу ясно неизмѣримую бездну, отдѣляющую меня отъ совершенства, но вижу вмѣстѣ съ тѣмъ, что я далеко лучше отъ того человѣка, какимъ былъ прежде.

Но всего этого, что произошло во мнѣ, не могли узнать мои литературные пріятели. Въ продолженіи странствованія моего и моего внутренняго душевнаго воспитанія, я сходился и встрѣчался съ другими людьми, и встрѣчался съ ними родственнѣй и ближе, потому что уже душа слышала душу. А потому и знакомства, завязывавшіяся въ это время, были прочнѣй тѣхъ, которыя завязывались въ прежнія времена. Не мудрено: я самъ сталъ достойнѣй знакомства прочнаго, а не минутнаго. Доказательство этого вы можете видѣть на себѣ. Вы были знакомы со мною и прежде, и видѣлись со мною и въ Петербургѣ, и въ другихъ мѣстахъ. Но какая разница между тѣмъ нашимъ знакомствомъ и вторичнымъ нашимъ знакомствомъ въ Ниццѣ! Не кажется ли намъ самимъ, какъ будто мы другъ друга только теперь узнали, а до того времени вовсе не знали?

А въ послѣднее время произошли такія знакомства, что съ одного, другого разговора уже обоимъ показалось, какъ будто вѣкъ знали другъ друга, и уже отъ такихъ людей я никогда не слыхалъ упрековъ въ недостаткѣ простоты, или упрековъ въ скрытности и неоткровенности. Все само собой казалось ясно, сама душа высказывалась, сами рѣчи говорились. Если жъ что не обнаруживалось, и почиталось ему до времени лучшимъ пребывать въ сокровенности, то уважалась даже и самая причина такой скрытности. И съ полнымъ чувствомъ обоюднаго довѣрія другъ къ другу,

каждый даже утверждалъ другого хранить то, о чемъ собственный разумъ его и совѣсть считаетъ ненужнымъ говорить до времени, изгоняя великодушно изъ себя даже и тѣнь какого-либо подозрѣнья или пустого любопытства.

И такъ, вотъ какого рода уже становились мои отношенія со встрѣчавшимися въ послѣдующее время со мною душами. Само собой разумѣется, что обо всемъ этомъ не могли знать ничего мои прежніе литературные пріятели. Не мудрено: они всѣ познакомились со мною тогда, когда я еще былъ прежнимъ человѣкомъ, зная меня даже и тогда довольно плохо. Въ пріѣздъ мой въ Россію они всѣ встрѣтили меня съ разверстыми объятіями. Всякій изъ нихъ, занятый литературнымъ дѣломъ, кто журналомъ, кто другимъ, пристрастившись къ одной какой-нибудь любимой *идеѣ* и встрѣчая въ другихъ противниковъ своему мнѣнію, ждалъ меня какъ какого-то мессію, котораго ждутъ Евреи, въ увѣренности, что я раздѣлю его мысли и идеи, поддержу его и защищу противъ другихъ, считая это первымъ условіемъ и актомъ дружбы, не подозрѣвая даже того (невиннымъ образомъ), что требованія эти, сверхъ нелѣпости, были даже безчеловѣчны. Жертвовать мнѣ временемъ и трудами своими для поддерживанія ихъ любимыхъ идей было невозможно, потому что я, во-первыхъ, не вполнѣ раздѣлялъ ихъ, во-вторыхъ, мнѣ нужно было чѣмъ-нибудь поддерживать бѣдное свое существованіе, и я не могъ жертвовать имъ моими статьями, помѣщая ихъ къ нимъ въ журналы, но долженъ былъ ихъ напечатать отдѣльно, какъ новыя и свѣжія, чтобы имѣть доходъ.

Всѣ эти бездѣлицы у нихъ ушли изъ виду, какъ многое уходитъ изъ вида людей, которые не любятъ разбираться въ тонкости обстоятельства и положенія другого, а любятъ быстро заключать о человѣкѣ, а потому на всякомъ шагу дѣлаютъ безпрестанныя ошибки. Прекрасные душой дѣлаютъ дурныя вещи, великодушные сердцемъ поступаютъ безчеловѣчно, не вѣдая того сами. Холодность мою къ ихъ литературнымъ интересамъ они почли за холодность къ нимъ самимъ. Не призадумались составить изъ меня эгоиста въ своихъ мысляхъ, которому ничто общее благо, а дорога только своя собственная литературная слава. При томъ каждый изъ нихъ былъ до того увѣренъ въ истинѣ и въ справедливости своихъ идей и положеній, что всякаго, съ нимъ несогласнаго, считалъ не иначе, какъ совершеннымъ отступникомъ отъ истины.

Предоставляю вамъ самимъ судить, каково было мое положеніе среди такого рода людей. Но врядъ ли вы догадаетесь, какого рода были мои внутреннія страданія, которыхъ начало началось

отсюда. (Плетневъ меньше всѣхъ былъ въ нихъ виновенъ, или, лучше сказать, онъ вовсе невиненъ, но за то онъ былъ смѣшнѣй всѣхъ и точный ребенокъ донынѣ). Скажу вамъ только то, что между моими литературными пріятелями началось что-то въ родѣ ревности. Всякій изъ нихъ сталъ подозрѣвать меня въ томъ, что я промѣнялъ его на другого. И слыша издали о моихъ новыхъ знакомствахъ и о томъ, что меня стали хвалить люди имъ неизвѣстные, усилили еще болѣе свои требованія, основываясь на давности своего знакомства. Я получалъ престранныя письма, въ которыхъ каждый, выставляя впередъ себя и увѣряя меня въ чистотѣ своихъ отношеній ко мнѣ, порочилъ и почти неблагородно клеветалъ на другихъ, увѣряя, что они мнѣ льстятъ только изъ своихъ выгодъ, что они меня не знаютъ вовсе, что они любятъ меня только по моимъ сочиненіямъ, а не потому, что они любятъ меня самого (всѣ они до сихъ поръ еще увѣрены, что я люблю всякаго рода ѳиміамъ), и упрекая меня въ то же время такими вещами, обвиняя такими низкими обвиненіями, какихъ, клянусь, я бы не сдѣлалъ самому дурному человѣку и поступковъ, приписываемыхъ мнѣ, я бы не приписалъ не только немного худшему меня, но даже никому бы не приписалъ, потому что просто безумное было бы дѣло приписать ихъ кому бы то ни было. Они въ мысляхъ своихъ сдѣлали изъ меня какую-то игрушку, безхарактернаго человѣка, который не знаетъ вовсе людей, мѣняется въ мысляхъ и переходитъ отъ одного къ другому. И съ тѣмъ вмѣстѣ придавали мнѣ такія качества, которыя явно противурѣчатъ такому безхарактерному человѣку, какъ-то: эгоизмъ, славолюбіе, недовѣрчивость, скрытность и тому подобное. Однимъ словомъ, они, наконецъ, вовсе запутались и сбились со всякаго толку. Каждый изъ нихъ на мѣсто меня составилъ себѣ свой собственный идеалъ, имъ же сочиненный образъ и характеръ, и сражался съ собственнымъ своимъ сочиненіемъ въ полной увѣренности, что сражается со мною.

Теперь, конечно, все это смѣшно, и я могу, сказавши: „Дѣти, дѣти!“, обратиться по-прежнему къ своему дѣлу. Но тогда мнѣ было невозможно того сдѣлать. Недоразумѣнія доходили до такихъ оскорбительныхъ подозрѣній, такіе грубые наносились удары и при томъ по такимъ чувствительнымъ и тонкимъ струнамъ, о существованіи которыхъ не могли даже и подозрѣвать наносившіе удары, что изныла и изстрадалась вся моя душа, и мнѣ слишкомъ было трудно. Тѣмъ болѣе это было трудно, что даже и оправдаться мнѣ не было возможности, какъ ни хотѣлось оправдаться. Оправдаться мнѣ уже потому было нельзя, что слишкомъ многому мнѣ

нужно было вразумлять ихъ, слишкомъ во многомъ мнѣ нужно было раскрывать имъ мою внутреннюю исторію. А при мысли о такомъ трудѣ и самая мысль моя приходила въ отчаяніе, видя предъ собою безконечныя страницы. При томъ всякое оправданіе мое было бы имъ въ обвиненіе, а они еще недовольно созрѣли душою и недовольно христіане, чтобы выслушать такія обвиненія. Мнѣ оставалось одно—обвинить до времени себя, чтобы какъ-нибудь до времени ихъ успокоить и, выждавъ времени, когда души ихъ будутъ болѣе размягчены, открывать имъ постепенно, исподоволь и понемногу настоящее дѣло.

Вотъ легкое понятіе о моихъ соотношеніяхъ съ моими литературными пріятелями, изъ которыхъ вы сами можете вывесть и соотношенія мои съ Плетневымъ.

Онъ бы былъ гораздо умнѣе въ сношеньяхъ со мной и справедливѣй ко мнѣ, если бы на бѣду не затянулся самъ въ литературное дѣло. Ему вообразилось, что онъ, по смерти Пушкина, долженъ защищать его могилу издаваньемъ „*Современника*“, къ которому самъ Пушкинъ и при жизни своей не питалъ большей привязанности, хотя издавалъ его собственными руками, и хотя я тоже съ своей стороны подзадоривалъ его на это дѣло. Журналъ опредѣленной цѣли не имѣлъ никакой даже и при немъ, а теперь и подавно. Плетневъ связываетъ съ нимъ какую-то пространную идею, которую имѣетъ всякій и толкуетъ по-своему. Впрочемъ, и самъ онъ этой идеи въ статьяхъ своего „*Современника*“ никому не далъ понять. Но тѣмъ не менѣе онъ считаетъ, что одинъ только идетъ по прямой дорогѣ, по которой долженъ идти всякій литераторъ. и всѣхъ, кто не помѣщаетъ статей въ „*Современникѣ*“, считаетъ людьми отшатнувшимися и чуть не врагами тѣни Пушкина.

Я это видѣлъ, а потому избѣгалъ всякаго литературнаго разговора съ нимъ въ бытность мою въ Петербургѣ, ибо мнѣ предстояло или сказать: „Идея твоя совершенно справедлива, великодушна и благородна,—я твой помощникъ и сотрудникъ“; или же сказать: „Любезный другъ, ты гоняешься за тѣнью“. Перваго я бы не могъ выполнить, а вторымъ я бы разсердилъ его навсегда. Вотъ почему я избѣгалъ съ нимъ всякихъ рѣчей о подобныхъ предметахъ, что повергало его въ совершенное недоумѣніе, ибо онъ считаетъ, что я живу и дышу литературой. Я очень хорошо зналъ и чувствовалъ, что онъ терялся обо мнѣ въ догадкахъ и путался въ предположеніяхъ, хотя этого не давалъ онъ мнѣ замѣтить и хотя объ этомъ не писалъ мнѣ писемъ, а изрѣдка только въ разговорахъ съ другими выражалъ не ясно свое неудовольствіе на меня. Мнѣ за-

хотѣлось узнать, наконецъ, въ какомъ состояніи находится онъ теперь относительно себя и относительно меня, и съ этой цѣлью я, наконецъ, заставилъ его написать откровенное письмо. Изъ этого письма я узналъ то, что онъ больше ребенокъ, чѣмъ я предполагалъ. Въ письмѣ юношескіе упреки, юношескія стремленія, смѣшеніе понятій дружбы и дружескихъ отношеній съ цѣлями литературными. Къ этому примѣшалась мысль о единствѣ церкви въ какомъ-то безотчетномъ, необъяснившемся для него самого соединеніи съ литературой; наконецъ, противорѣчія себѣ самому, и при всемъ этомъ твердая увѣренность въ непреложности своихъ положеній и въ томъ, что онъ, наконецъ, мнѣ высказалъ всю правду, указавши мнѣ путь и дорогу, какъ человѣку отшатнувшемуся.

Письмо это мнѣ было нужно, потому что, кромѣ сужденій о мнѣ, показало отчасти его душевное состояніе. Но при всемъ томъ я былъ приведенъ въ совершенное недоумѣніе, какъ отвѣчать на него. Когда я показалъ его Жуковскому, онъ разсмѣялся и совѣтовалъ отвѣчать на него въ шутливомъ тонѣ, объяснивъ ему слегка, что онъ нѣсколько зарапортовался. Но я видѣлъ, что этого никакъ нельзя. Плетневъ бы тогда разсердился на меня на вѣки. Въ письмѣ его слишкомъ было много увѣренности въ справедливости своихъ положеній и въ томъ, что онъ одинъ можетъ цѣнить меня. При томъ въ немъ отражалась какая-то *червствость душевная*, негодующая на другихъ, а не *размягченность душевная*, негодующая на себя, ищущая упрековъ себѣ. Я чувствовалъ, что мнѣ слишкомъ было нужно быть осторожнымъ въ отвѣтѣ. Я ограничился только тѣмъ, чтобы сдѣлать ему сколько-нибудь яснымъ: что можно ошибиться въ человѣкѣ, что намъ нужно быть болѣе смиренными въ разсужденіи узнанія человѣка, не предаваться скорымъ заключеніямъ, приличнымъ гордому и увѣренному въ себѣ человѣку, не выводить по нѣкоторымъ поступкамъ, которыхъ даже и причинъ мы не знаемъ, непреложныхъ положеній о всемъ человѣкѣ. Наконецъ, мнѣ хотѣлось сколько нибудь возбудить въ немъ состраданіе къ положенію другаго, который можетъ сильно страдать, тогда какъ другіе даже и не подозрѣваютъ о его страданіяхъ, и который чрезъ то самое еще болѣе страждетъ, когда другіе даже и не подозрѣваютъ о его страданіяхъ. Намѣреніе мое было при этомъ и то, чтобы сколько-нибудь расположить его душу къ умягченію, что одно я считалъ и для него и для меня необходимымъ, отстранивъ всякія объясненія на тѣ обвиненія, которыя просто были даже вовсе несвойственны моей природѣ, и могли быть сдѣланы человѣкомъ, знающимъ плохо

человѣческое сердце. Но и это письмо (которое, можетъ, было только плохо написано, потому что мнѣ трудно писать къ тому, съ которымъ еще не завязались душевныя искреннія рѣчи, но которое, однако жъ, въ существѣ своемъ было искренно), но и это письмо навело на него только одни недоразумѣнія.

Вы говорите, что съ Плетневымъ произошла большая перемѣна въ послѣдніе три года, и что онъ сдѣлался истиннымъ христіаниномъ. Странно: его письмо этого не показываетъ. Христіанинъ не будетъ говорить такимъ образомъ о чистотѣ души своей, какъ говорилъ онъ, и чѣмъ чище онъ будетъ душой, тѣмъ больше будетъ въ силахъ видѣть нечистоту души своей, постигая только тогда всю недоступность божественнаго совершенства. Христіанинъ не будетъ также отзываться такимъ образомъ, какъ отзывается онъ о людяхъ, которыхъ считаетъ моими друзьями, называя ихъ промышленниками, раскольниками, врагами истины и просвѣщенія и тому подобными именами. Противъ нѣкоторыхъ изъ этихъ людей, на которыхъ онъ намекаетъ, я болѣе всѣхъ другихъ имѣлъ бы право негодовать, получивъ личныя оскорбленія отъ нихъ, изъ коихъ, Богъ знаетъ, вынесъ ли бы и десятую долю Плетневъ. Но, отстранивъ въ сторону всякія личныя отношенія, я долженъ сказать истинную правду, а именно, что душа у нихъ также добрая, какъ и у него, и сердце также прекрасное, какъ и у него, но что они также, какъ и онъ, сбились нѣсколько съ толку, или, какъ говорится, зарапортовались. Также, какъ и онъ отчасти бредятъ и единственно отъ невѣдѣнія своего произвели нѣкоторые поступки такіе, которыхъ бы никакъ не произвели, если бы были побольше христіанами.

Наконецъ, мнѣ кажется, христіанинъ не станетъ такъ отыскивать дружества, стараясь деспотически подчинить своего друга своимъ любимымъ идеямъ и мыслямъ и называя его потому только своимъ другомъ, что онъ раздѣляетъ наши мнѣніе и мысли. Такое опредѣленіе дружества скорѣе языческое, чѣмъ христіанское. При томъ же и Христосъ не повелѣвалъ намъ быть друзьями, но повелѣлъ быть братьями. Да и можно ли сравнить гордое дружество, подчиненное законамъ, которые начертываетъ самъ человѣкъ, съ тѣмъ небеснымъ братствомъ, котораго законы давно уже начертаны на небесахъ? Тѣ, которыхъ души уже загорѣлись такой любовью, сходятся сами между собою, ничего не требуя другъ отъ друга, никакихъ не произнося клятвъ и увѣреній, чувствуя, что связь тикая уже вѣчна, и что разссориться они не могутъ, потому что все простится, и трудно было бы даже имъ и выдумать что нибудь такое, чѣмъ бы одинъ изъ нихъ могъ оскорбить другого. Развѣ мы

съ вами давали-какія нибудь обѣщанія другъ другу, развѣ изъ насъ требовалъ кто-нибудь отъ другого одинаковаго образа мыслей, мнѣній и тому подобное? Напротивъ, каждый изъ насъ шелъ своей дорогой къ тому же нашему небесному виновнику нашей жизни. А встрѣтились мы потому, что шли къ *Нему*. Но что тутъ говорить! Растетъ любовь сама собою, и поглощаетъ потомъ все наше бытіе, и любится намъ уже отъ того, что любится.

И такъ, мнѣ кажется, что вы не совсѣмъ справедливы, сказавши, что Плетневъ теперь сдѣлался истиннымъ христіаниномъ. Я знаю также, что очень много теперь есть истинно достойныхъ людей, которые думаютъ, что они христіане, но христіане только еще *въ мыслнхъ и въ идеяхъ*, но не *въ жизни и не въ дѣлѣ*. Они не внесли еще Христа въ самое сердце своей жизни, во всѣ дѣйствія свои и поступки. Есть также и такіе, которые потому только считаютъ себя христіанами, что отыскали въ евангельскихъ истинахъ кое-что такое, что показалось имъ подкрѣпляющимъ любимыя ихъ идеи. А потому вы испробуйте сами Плетнева, заговорите съ нимъ о такихъ пунктахъ, на которыхъ узнается, какъ далеко ушелъ человѣкъ въ христіанствѣ. Испробуйте также его мнѣнія о другихъ людяхъ. Отзывается ли онъ о нихъ такъ, какъ христіанинъ. И если, по словамъ вашимъ, *онъ въ васъ имѣетъ такую же нужду, какъ вы во мнѣ*, то сдѣлайте для него то, что предпишетъ вамъ истинная братская любовь: уврачуйте, что найдете въ болѣзненномъ состояніи, умягчите съ небесной кротостью то, что зачерствѣло; но обо мнѣ покамѣстъ съ нимъ не говорите, не разувѣряйте его на счетъ меня, и храни васъ Богъ показывать ему какія-нибудь мои письма, да и никому ихъ, кромѣ развѣ одного духовника вашего, ихъ не показывайте. Повѣрьте, что они будутъ чужды для всякаго: ибо писаны на языкѣ того человѣка, къ которому писаны. А такихъ языкознателей или, лучше, душезнателей, которые могли бы читать всѣ языки, сами знаете, немного.

О Плетневѣ вообще вотъ что можно сказать. Душа у него точно чистая и прекрасная. Но онъ не сдѣлалъ никакого тяжелаго проступка, не былъ потрясенъ сокрушающей силой несчастія, Богъ не призвалъ его къ тому, *чтобы быть ближе къ Нему*, а потому онъ гордъ своею чистотою, и въ этомъ грѣхъ его, ибо, сами знаете, Богу лучше кающійся грѣшникъ, чѣмъ гордый праведникъ. Отъ того и душа его обросла черствою корою всякихъ привычекъ свѣтской жизни и не слышитъ, что она бываетъ временами далека отъ самой себя. Плетневъ имѣетъ умъ, но этотъ умъ не *глубокъ* и не *многостороненъ*, а потому онъ не можетъ видѣть

далѣе того горизонта, который обнимаютъ глаза его, и естественно что отвергаетъ самую мысль, что есть пространства внѣ имъ зримой черты.

Но довольно о Плетневѣ. Поговоримъ теперь вообще о тѣхъ четырехъ страничкахъ выговоровъ и увѣщаній вашихъ, которыя вы мнѣ помѣстили въ вашемъ письмѣ.

Другъ мой, вы, видно, не помолились передъ тѣмъ, когда писали ихъ. Въ нихъ слышенъ холодъ, черствость, и не слышна та прекрасная ваша душа, которая такъ часто обнаруживается во всѣхъ другихъ строкахъ вашихъ писемъ. Кажется, какъ будто бы вы въ нихъ воюете только съ однимъ безразсудствомъ моего поступка, видите только поступокъ отдѣльно отъ человѣка, а не видите самого человѣка, ни обстоятельствъ его, ни причинъ двигнувшихъ, ни даже того, возможно ли приписать умному сколько-нибудь человѣку въ такой степени безразсудство. Я ставлю на мѣсто себя опрометчиваго и горячаго юношу, способнаго дѣйствовать на то донкишотство, которое вы приписываете мнѣ, и разсматривалъ эти страницы вашего письма уже не въ отношеніи ко мнѣ, а въ отношеніи ко взятому юношѣ, но нашелъ, что они и ему не придутся. Они, кромѣ того что не впопадъ, они лишены силы сердечнаго убѣжденія, въ нихъ отсутствіе того, что можетъ тронуть душу. Они какъ будто писаны на воздухъ, а не направлены собственно къ какому-нибудь *лицу*, котораго *личность* и *природу* вы видѣли передъ своими глазами, когда писали. Другъ мой, если вы будете такимъ образомъ убѣждать кого-либо, то я не удивлюсь, что слова ваши не будутъ имѣть дѣйствія, и доброе стремленіе ваше не достигнетъ цѣли. Ради Бога, передъ тѣмъ какъ будете писать къ кому-либо съ тѣмъ, чтобы подѣйствовать на него и убѣдить, представьте себѣ мысленно его всего, его поступки во всѣхъ другихъ родахъ, сообразите все, не уничтожаютъ ли уже въ немъ находящіяся другія свойства того, что вы въ немъ предполагаете. А сообразивши все, помолитесь Богу, чтобы Онъ (далъ) вамъ слово убѣждающее. Взгляните также на самихъ себя. Имѣйте для этого на столѣ духовное зеркало, то есть, какую-нибудь книгу, въ которую можетъ смотрѣть ваша душа, хоть, наприм., „Подражаніе Христу“. Первая страница, которая вами развернется, будетъ кстати. Она дастъ душѣ вашей покойное и мирное настроеніе. Совѣтъ вашъ исполнится великимъ смиреніемъ духа. Ни рѣзкаго, ни самоувѣреннаго, ни самонадѣяннаго не будетъ въ немъ. Благоуханье любви только одно послышится въ немъ. Ивъ совѣтѣ вашемъ будетъ Божій совѣтъ, и не будетъ человѣка, который бы устоялъ противъ него, хотя бы въ нѣсколько разъ сильнѣйшую правду вы хотѣли сказать ему.

Всѣ мы вообще слишкомъ привыкли къ рѣзкости и мало глядимъ на себя въ то время, когда даемъ другому упреки, потому и упреки наши бываютъ недѣйствительны. Очень чувствую, что и я, говоря вамъ въ этомъ письмѣ, говорю, можетъ быть, слишкомъ дерзко и самоувѣренно. Такова природа человѣческая. Она всюду перельетъ, все доведетъ до излишества. Ей невозможно безпристрастіе, и даже защищая самую святую середину, она покажетъ въ словахъ своихъ увлеченье человѣческое, стало быть, низкое и недостойное предмета.

Другъ мой, добрѣйшій и ближайшій моему сердцу, будемъ смиреннѣй въ упрекахъ, когда упрекаемъ другихъ. Но не относительно насъ съ вами. Мы люди свои, мы не должны взвѣшивать словъ своихъ, когда говоримъ другъ другу. Но все-таки *портретъ* другъ друга мы должны имѣть предъ глазами, когда мы пишемъ другъ къ другу. Иначе слово будетъ холодно и не всегда впопадъ. Но имѣя въ виду это, мы можемъ упрекать и рѣзче и сильнѣе, и упреки будутъ *впопадъ*. При томъ, упрекнувши другого даже, можетъ быть, и очень сильно, изъ насъ вѣрно каждый потихоньку тѣ же упреки обратитъ къ самому себѣ, а потому и не будетъ удерживаться ни излишнимъ смиреніемъ, ни осторожностью.

IV.

Неаполь. Ноября 24.

Наконецъ, отъ васъ письмо, другъ мой Александра Осиповна. Великъ Богъ! Что было вамъ въ страданье, то обратится вамъ въ радость. Глядите свѣтло впередъ: все будетъ прекрасно. Все устроитъ Богъ, какъ лучше и какъ должно. Если бы вы были вполнѣ здоровы, вы были бы мнѣ теперь нужны въ Петербургѣ. Но еще не вполнѣ укрѣпившееся ваше здоровье заставило васъ остаться въ Калугѣ, стало быть, это вѣрный знакъ, что внутри Россіи будете мнѣ еще нужнѣе, чѣмъ въ Петербургѣ.

О себѣ скажу, что здоровье мое вашими ли молитвами, или, можетъ быть, общимъ дружнымъ соединеніемъ молитвъ многихъ угодныхъ Богу людей, которые все время молились обо мнѣ безустанно, поправилось неожиданно, совершенно противу чаянія даже опытныхъ докторовъ. Я былъ слишкомъ дуренъ, и этого отъ меня

не скрыли. Мнѣ было сказано, что можно на время продлить мою жизнь, но значительнаго улучшенія въ здоровьѣ нельзя надѣяться. И вмѣсто этого я ожилъ, духъ мой и все во мнѣ освѣжилось.

Передо мной прекрасный Неаполь, и воздухъ успокоивающій и тихій. Я здѣсь остановился какъ бы на какомъ-то прекрасномъ перепутьѣ, ожидая попутнаго вѣтра воли Божіей къ отъѣзду моему во Святую Землю.

Въ отъѣздѣ этомъ руководствуюсь я Божьимъ указаньемъ и ничего не хочу дѣлать по своей собственной волѣ. А потому гляжу на устроеніе всѣхъ споспѣшествующихъ къ тому обстоятельствъ. Путешествіе это и прежде предполагалось предприняться такимъ образомъ, когда мнѣ удастся все сдѣлать, что слѣдуетъ для того, чтобы съ спокойной совѣстью отправиться въ дорогу. Оно предполагалось не иначе произвестись, какъ въ сообществѣ близкихъ душѣ и сердцу моему людей. Я еще не такъ окрѣпъ духомъ, чтобы въ силахъ одному пуститься въ такую дорогу. Еще немощна душа моя и не можетъ безъ помощи другихъ помолиться такъ, какъ бы хотѣла помолиться.

Теперь замедленія разныхъ родовъ по поводу печатанія книги и вообще моихъ дѣлъ въ Петербургѣ останавливаютъ устроеніе всѣхъ споспѣшествующихъ обстоятельствъ къ путешествію. Стало быть, воля Божія, чтобы на нѣсколько времени я отодвинулъ назадъ отъѣздъ мой.

Со всѣми тѣми людьми, которые хотѣли также ѣхать въ этомъ году, случились тоже разныя непредвидѣнныя задержки. Стало быть, нѣтъ еще воли Божіей, что бы я подымался въ дорогу.

Какъ погляжу внутрь самого себя, вижу, что далеко еще не готовъ къ этому путешествію. Еще многаго, многаго того не сдѣлалъ, безъ чего не въ силахъ буду, какъ слѣдуетъ мнѣ, помолиться. Путешествіе мое не простое поклоненье. Путешествіе мое для испрошенія благословенья Божьяго на подвиги мои въ жизни, на тѣ дѣла и подвиги, для которыхъ даны мнѣ Имъ же способности, которыхъ мнѣ не слѣдовало до времени выказывать, но воспитать прежде въ самомъ себѣ. Школьникъ, который даже и лучше другихъ учился, все однако же робѣетъ, помышляя объ экзаменѣ и о предстоящемъ ему выпускѣ. Какъ же не робѣть тому школьнику, который чувствуетъ, что еще нерадиво учился? Но да будетъ во всемъ воля Божья.

Еще ничего не знаю, ѣду я или не ѣду этой зимой. Но не колеблюсь духомъ, готовясь встрѣтить свѣтло все, что ни опредѣлитъ мнѣ Божья воля.

Въ Неаполѣ я у моря и жду погоды. Остановился подъ крышей у Софьи Петровны Апраксиной. На письмахъ выставляйте Palazzo Ferandini, или же по-прежнему Poste restante.

Весь вашъ Г.

Ради Бога, не оставляйте меня увѣдомленіемъ обо всемъ томъ, что дѣлается съ вами, хотя небольшіе отрывки изъ дневника вашей жизни!

На послѣдней страницѣ почтоваго листа адресъ:

Kalouga. Russie.

Ея Превосходительству

Александрѣ Осиповнѣ

Смирновой.

Въ Калугѣ.

Въ походѣ и бою на броненосцѣ „Адмиралъ Ушаковъ“ [1]).

Часть III.

Дни 14 и 15 мая 1905 года.

Японія. О-въ Ниносима 1/14 іюня.

Какъ мало прожито,
Какъ много пережито!

Три недѣли назадъ я былъ еще на „Ушаковѣ“, теперь въ качествѣ военноплѣннаго офицера живу въ странѣ Восходящаго Солнца.

Все погибло кромѣ чести. (Я говорю о своихъ соплавателяхъ на „Ушаковѣ“). Между прочимъ погибла и начатая послѣ Сингапура вторая часть моего дневника; странно было бы ее теперь прочесть: тамъ я описывалъ соединеніе нашего отряда съ Рождественскимъ, тѣ энергію и энтузіазмъ, которые онъ поднялъ своимъ приказомъ съ призывомъ „кровью смыть позоръ нашей родины“ и ту вѣру въ него и въ свои силы, которую мы испытывали. Теперь всѣ товарищи по плѣну, съ которыми я встрѣчаюсь, говорятъ, что никто не вѣрилъ въ успѣшный исходъ дѣла, что всѣ знали и не сомнѣвались, что идутъ на напрасную гибель, что Рождественскаго всегда считали выскочкой и карьеристомъ, а между тѣмъ я помню, какъ восторженно отзывались о немъ и ка-

[1]) См. „Русскую Старину“ февраль. 1909 г.

кими свѣтлыми надеждами дѣлились съ нами офицеры съ его эскадры, пріѣзжавшіе къ намъ съ поздравительными вѣзитами по случаю соединенія во время послѣдней стоянки.

Я вмѣстѣ съ другими былъ полонъ надеждами на успѣхъ, а теперь могу только сказать: „какъ мы были наивны“.

Я могъ еще ошибаться, никогда не видѣвъ японцевъ, имѣя о нихъ самое превратное понятіе, но, на что надѣялись старшіе и опытные люди—не знаю. Рождественскій, въ геній котораго я такъ вѣрилъ, упалъ съ пьедестала, въ началѣ плѣна я старался даже не входить въ критику его дѣйствій—мнѣ больно было въ немъ разочаровываться.

Избѣгая подробностей, я хочу все-таки возстановить содержаніе утопленной части дневника:

Мы вышли изъ бухты Куабе, гдѣ соединились съ Рождественскимъ 1 мая (н. ст.). Соединеніе эскадръ произошло такимъ образомъ: пройдя Сингапуръ, мы шли Китайскимъ моремъ, тщетно вызывая телеграфомъ „Кострому“, которой такъ и не нашли въ мѣстѣ назначенія рандеву, какъ вдругъ показывается впереди дымокъ и потомъ выходитъ навстрѣчу пароходикъ величиной не болѣе финляндскихъ, ходящихъ по Невѣ. Поровнявшись съ „Николаемъ“, онъ подошелъ къ нему, на верхъ вышелъ человѣкъ въ штатскомъ и вынесли два тюка (все мы наблюдали въ бинокль).

На другой день, это было 23 апрѣля, Небогатовъ поднялъ сигналъ, вызвавшій бурю восторговъ: „Иду въ такую-то широту и долготу, гдѣ предполагаю соединиться со 2-ой эскадрой“.

Какъ оказалось позже, Рождественскій, пройдя Малаккскій проливъ, принялъ мѣры перехватить нашъ отрядъ всюду, гдѣ мы могли пройти, и далъ инструкціи для соединенія. Вотъ, благодаря чему, эскадры нашли другъ друга.

30 апрѣля пришла наконецъ „Кострома“, которая, идя изъ Батавіи, не могла въ назначенномъ мѣстѣ соединиться, такъ какъ Небогатовъ, давъ предписаніе командиру соединиться 20 и 21 апрѣля, самъ считалъ рандеву 22 апрѣля.

Итакъ 1 мая соединенная эскадра двинулась впередъ, шли 9-тиузловымъ ходомъ, по пути было двѣ погрузки, или вѣрнѣе перегрузки угля, ибо адмиралъ заставлялъ брать угля много болѣе положеннаго запаса.

Задержали и арестовали пароходъ подъ англійскимъ флагомъ, шедшій съ керосиномъ, подъ которымъ, говорятъ, были орудія для японцевъ, люди съ него были ссажены на госпитальный „Орелъ“, а пароходъ съ нашей командой былъ отправленъ кругомъ Японіи во Владивостокъ.

На параллели Шанхая разстались съ транспортами, кромѣ самыхъ необходимыхъ, отправивъ ихъ въ Шанхай выжидать нашего „господства надъ моремъ“.

Болѣе ничего замѣчательнаго, кажется, не было и можно перейти къ самому интересному.

Цусимскій бой.

„Привелъ меня Богъ видѣть злое дѣло“.

13 мая подъ вечеръ показалось нѣсколько одиночныхъ дымковъ, и телеграфъ началъ принимать чужіе знаки. Съ „Суворова“ сигналомъ сообщили, что видны непріятельскіе развѣдчики.

„Завтра быть бою“, рѣшили всѣ у насъ. Настроеніе бодрое, увѣренность въ успѣхѣ такова, что нѣкоторые уже строятъ планы на жизнь во Владивостокѣ.

Вечеромъ я написалъ нѣсколько писемъ на случай смерти, съ полночи до 4-хъ стоялъ на вахтѣ, ночь прошла спокойно; въ 4 часа заснулъ, а въ 5 разбудили на молебенъ, послѣ котораго броненосецъ былъ окропленъ святой водой.

Я до 7 часовъ ждалъ и такъ какъ на горизонтѣ ничего не было видно, легъ спать и проспалъ до 9 часовъ. За это время показались 4 непріятельскихъ корабля и быстро скрылись.

Въ 11 часовъ послѣдовалъ съ „Суворова“ сигналъ: „команда имѣетъ время обѣдать“. Мы сѣли за столъ, но едва вѣстовые разнесли жаркое, сверху раздались звуки боевой тревоги и, едва мы добѣжали на свои мѣста, была съиграна „короткая тревога“ (сигналъ о началѣ стрѣльбы).

Я командовалъ батареей 120-ти милиметровыхъ пушекъ, расположенныхъ подъ спордекомъ.

Впереди была видна южная оконечность острова Цусимы, изъза которой вышли 4 непріятельскихъ крейсера; съ мостика передали разстояніе, стрѣльба началась, на одномъ изъ противниковъ показался дымъ, послѣ чего они повернули и стали быстро удаляться. У насъ проиграли отбой.

Эта „проба пера“ не произвела на меня впечатлѣнія, а скорѣе напомнила учебно-боевую стрѣльбу.

На шканцахъ команда, не успѣвшая пообѣдать, толпилась вокругъ баталера, раздававшаго вино; я прислушался къ разговорамъ: сигнальщикъ Васильевъ разсказывалъ о томъ, что онъ видѣлъ, какъ у японца начался пожаръ, всѣ въ восторгѣ, слышны

торжествующія восклицанія: „Что, не любишь? То ли еще будетъ“.

Ясно было, что японцы не остановятся и выйдутъ съ главными силами позже: мы шли Восточнымъ проливомъ, или, какъ его называютъ русскіе, проливомъ Крузенштерна. Время тянулось медленно, всѣ ждали продолженія событій, наконецъ, въ 1 часъ 50 минутъ дня снова заиграли боевую тревогу: съ лѣвой стороны въ 50 кабельтовахъ [1]) одинъ за другимъ изъ мглы вырисовывались корабли японской эскадры.

Бой начался, я весь отдался стрѣльбѣ, вокругъ падали японскіе снаряды, подымая столбы воды, смѣшанной съ темно-желтымъ дымомъ, вдали сверкали вспышки непріятельскихъ выстрѣловъ, вначалѣ онѣ пугали, такъ хотѣлось при каждой замѣченной вспышкѣ стать за „моральное прикрытіе“ (батарея была защищена не броней, а листовымъ желѣзомъ), но я одолѣлъ это желаніе и быстро привыкъ.

Минутъ черезъ 25 послѣ начала боя съ мостика раздалось „ура“, подхваченное внизу. Артиллерійскій унтеръ-офицеръ Горбуновъ взволновано схватилъ меня за руку: „Смотрите“.

Я взглянулъ въ бинокль и увидѣлъ концы мачтъ погружавшагося въ воду корабля. „Ура“ гремѣло. Это былъ первый и, увы, послѣдній свѣтлый моментъ боя.

Увѣренность въ побѣдѣ возросла, я энергично продолжалъ стрѣльбу, пока непріятель не вышелъ изъ угла обстрѣла, послѣдними продефилировали мимо насъ чудо-богатыри „Ниссинъ“ и „Кассуга“, лучшіе изъ японскихъ крейсеровъ, которые принесли много горя Портъ-Артуру и которые въ свое время могли быть пріобрѣтены Россіей и тогда сослужили бы большую службу.

Пользуясь свободной минутой, я вышелъ посмотрѣть на шканцы и встрѣтилъ тамъ трюмнаго механика, сообщившаго мнѣ съ дрожью въ голосѣ:

„Какъ ужасно, я видѣлъ какъ тонулъ „Ослябя“.

Я былъ пораженъ неожиданнымъ извѣстіемъ: „Ослябя“ перевернулся съ правой стороны отъ насъ, и потому ни я, ни прислуга лѣвыхъ пушекъ не могла видѣть катастрофы.

Стрѣльба продолжалась, незадолго передъ тѣмъ Рождественскій съ четырьмя однотипными броненосцами, составлявшими гвоздь нашей эскадры („Суворовъ“, „Императоръ Александръ III“, „Орелъ“ и „Бородино“) вышелъ впередъ; передъ этимъ они шли отдѣльной колонной справа отъ остальныхъ.

---

[1]) Кабельтовъ=60 футамъ. Морская миля имѣетъ 10 кабельтовъ.

Вокругъ „Суворова“ вода прямо закипѣла отъ падающихъ снарядовъ, не забывали и другихъ, въ насъ, маленькихъ, вѣроятно не цѣлили и снаряды, падавшіе около, были случайные.

— „На „Суворовѣ“ пожаръ“ крикнулъ одинъ изъ комендоровъ.

— „Какой пожаръ, просто дымъ отъ выстрѣловъ, не смотри, а дѣлай свое дѣло“, отвѣтилъ артиллерійскій кондукторъ Шутовъ.

— „Да нѣтъ же пожаръ, вонъ и огонь.

— „Молчи, дуракъ“, прошипѣлъ кондукторъ, сильно дернувъ его за рукавъ.

Я видѣлъ давно, что „Суворовъ“ горитъ, и мысленно молился о сохраненіи Рождественскаго; въ это время почувствовалъ небольшое сотрясеніе броненосца, и вслѣдъ за этимъ раздалась команда старшаго офицера: „пожаръ въ жилой палубѣ“! Мы направили шланги изъ батареи внизъ, черезъ нѣсколько минутъ ихъ вернули съ извѣстіемъ, что пожаръ потушенъ, я сбѣжалъ внизъ напиться и въ офицерскомъ отдѣленіи, гдѣ у насъ былъ устроенъ перевязочный пунктъ, увидѣлъ нѣсколько тѣлъ съ обезображенными лицами, надъ которыми стоялъ докторъ.

Оказалось, что снарядъ произвелъ надводную пробоину въ носовомъ отдѣленіи и имъ убило трехъ матросовъ на мѣстѣ, четвертый, замѣченный позже и принесенный на перевезочный пунктъ, истекъ кровью; четырехъ ранило.

Вернувшись въ батарею и взглянувъ въ правую сторону, я увидѣлъ такую картину: параллельно съ нами, безъ мачтъ и трубъ, съ большимъ креномъ, шелъ остовъ пылающаго корабля, бортъ его накалился до красна, дымъ, вырываясь за неимѣніемъ трубъ прямо изъ палубы, окутывалъ чернымъ облакомъ погибающій броненосецъ, придавая ему какой-то особенно страшный, чудовищный видъ, но онъ все-таки шелъ впередъ и продолжалъ стрѣлять. Это былъ „Суворовъ“, но съ мостика сказали, что это „Александръ III“.

Прошло еще нѣсколько времени и съ правой же стороны показался еще броненосецъ, шедшій прямо на насъ: трубы и мачты цѣлы, но онъ идетъ съ замѣтно увеличивающимся креномъ, между трубъ пылаетъ громадный костеръ. Наши пушки за дальностью разстоянія не стрѣляли и прислуга собралась около амбразуры, у всѣхъ блѣдныя лица и широко раскрытые глаза напряженно смотрятъ, слышенъ шопотъ:

„Господи, помоги имъ“.

Броненосецъ уже такъ близокъ къ намъ, что можно разсмотрѣть отдѣльныя фигуры; кренъ его все увеличивается, на поднявшемся борту чернѣютъ люди, а на мостикѣ въ величественно-

спокойной позѣ, опершись руками на поручни, стоятъ два офицера; въ это время съ праваго борта вспыхиваетъ огонь, раздается выстрѣлъ, моментъ—броненосецъ перевертывается, люди скользятъ внизъ по поднявшемуся борту, и вотъ гигантъ лежитъ вверхъ килемъ... а винты продолжаютъ вертѣться, еще немного, и все скрывается подъ водой.

Стоящій рядомъ со мной комендоръ крестится: „Господи, упокой ихъ души“!

Изъ глазъ матросовъ текутъ слезы, я чувствую какъ у меня спазмой сжимается горло, и рычу: „Стрѣляйте, цѣлься хорошенько, отомстите“!

Команда разбѣжалась по мѣстамъ, и стрѣльба загремѣла.

Къ мѣсту катастрофы бросился „Жемчугъ“ или „Изумрудъ“, но, осыпаемый японскими снарядами, долженъ былъ уйти на свое мѣсто.

Мы считали, что погибъ „Бородино“, на самомъ дѣлѣ это былъ „Александръ III“; на немъ погибла большая часть Гвардейскаго экипажа во главѣ съ капитаномъ 1 ранга Бухвостовымъ. Они достигли безсмертія и умерли славно, стрѣляя до послѣдней минуты. Послѣдній выстрѣлъ, послужившій имъ погребальнымъ салютомъ, произвелъ на меня сильное впечатлѣніе и это впечатлѣніе пригодилось мнѣ на другой день.

Бой продолжался, мелькомъ я видѣлъ, какъ команда покидала на шлюпкахъ, разстрѣлянный вспомогательный крейсеръ „Уралъ“, и маленькій буксирный пароходъ „Русь“, какъ безстрашно бродилъ другой буксиръ „Свирь“, подбирая утопающихъ. Впечатлительность начинала притупляться, порою казалось, что все это кошмаръ или представленіе на сценѣ, какъ-то не вѣрилось, что люди въ теченіе нѣсколькихъ часовъ ходятъ другъ около друга и убиваютъ.

Японцевъ не стало видно, они были окутаны не то дымомъ, не то туманомъ, мелькали изъ мрака вспышки и падали около насъ снаряды, стрѣлять давно уже можно было только на угадъ.

Въ то время все окружающее пространство настолько было покрыто дымомъ отъ выстрѣловъ и горящихъ судовъ, что адмиралъ Того (какъ я узналъ впослѣдствіи) потерялъ наши суда изъ виду и, думая, что мы отступили, бросился на югъ и затѣмъ, вернувшись, продолжалъ обстрѣливать.

Вдругъ на батареѣ пронеслось извѣстіе: „Суворовъ“ гибнетъ“.

Бывшій въ это время головнымъ, броненосецъ шелъ съ большимъ креномъ и представлялъ изъ себя пылающій костеръ, картина была совершенно аналогична гибели „Александра III“.

Я отвернулся и пошелъ въ сторону, вскорѣ меня догналъ матросъ:

— „Ваше благородіе, „Суворовъ“ перевернулся“.

(Это былъ, какъ выяснилось позже „Бородино“).

Нервы не выдержали, я не могъ владѣть собою и сбѣжалъ внизъ въ каюту успокоиться. Около этого же времени „Ушаковъ“ получилъ вторую пробоину въ носъ на ватеръ-линіи. Людей не тронуло, но въ пробоину полилась вода, такъ что пришлось закрыть наглухо носовой отсѣкъ, подвести пластырь не оказалось возможнымъ.

Смеркалось. Остатки нашей эскадры, слѣдуя за „Николаемъ“, въ безпорядкѣ шли курсомъ на Владивостокъ, до котораго оставалось миль 500, японцы продолжали стрѣлять откуда-то изъ мглы.

Чувствовалась страшная усталось и разбитость во всемъ организмѣ, казалось, что стоитъ только сѣсть и заснешь. Скорѣе бы ночь: забыться хоть не надолго, отдохнуть отъ всѣхъ этихъ ужасовъ.

И вотъ ночь наступаетъ, но дѣло не кончено: раздался сигналъ „отраженіе минной атаки“, и за нимъ команда „Миноносцы съ правой стороны“.

На горизонтѣ чернѣютъ точки, быстро приближаясь: разъ, два, три... не сосчитать, ихъ масса несется на насъ съ какимъ-то бѣшенымъ остервенѣніемъ.

Ну, теперь конецъ: можно отбить десять, ну двадцать миноносцевъ, а ихъ туча.

Между тѣмъ наступила полная темнота, каждую минуту надо ждать миннаго удара, миноносецъ, какъ скорпіонъ, можетъ незамѣтно подойти и выпустить свое жало. Будучи увѣренъ въ неотвратимой гибели броненосца, я рѣшилъ исполнить до послѣдней возможности свой долгъ, а затѣмъ всѣ усилія употребить для собственнаго спасенія, поэтому незамѣтно, пользуясь темнотой, досталъ, купленный еще въ Петербургѣ поясъ, и спряталъ его въ углу батареи, предполагая въ случаѣ гибели броненосца плавать въ водѣ до истощенія силъ въ надеждѣ на помощь.

На нѣкоторыхъ изъ нашихъ судовъ загорѣлись прожектора и снопы голубого свѣта заходили по водѣ. Стрѣльба шла разрывными сегментными снарядами.

Несмотря на всю опасность положенія, можно было залюбоваться картиной этой ночной трагедіи: вотъ на одномъ изъ двигающихся сноповъ свѣта мелькнулъ какой-то силуэтъ, свѣтъ остановился на немъ, ему на помощь подвели другой прожекторъ и ясно виденъ миноносецъ. Канонада усиливается, въ воздухѣ со

всѣхъ сторонъ вокругъ злополучнаго врага рвутся, эффектно сверкая, снаряды, какимъ-то дикимъ хохотомъ заливаются пулеметы. Вотъ миноносецъ пошелъ носомъ внизъ, сталъ на попа... мгновеніе—и его ужъ не видно, люди съ него плаваютъ въ водѣ, а лучи прожекторовъ ищутъ уже новую жертву.

Японцы выпустили на насъ въ эту ночь болѣе ста миноносцевъ!

„Ушаковъ“ стрѣлялъ не долго, вскорѣ раздался отбой, но разошедшіеся комендоры продолжали стрѣлять, пока командиръ лично не закричалъ о прекращеніи стрѣльбы. Это было часовъ въ 10 вечера, мы пошли въ совершенной темнотѣ, ничѣмъ не выдавая свое присутствіе, и только потому, вѣроятно, избѣгли гибели отъ мины

Дѣлать было больше нечего, я пошелъ въ каютъ-компанію, тамъ еще лежали покойники; въ каютѣ безпорядокъ, матрасы были вынесены для задѣлыванія пробоинъ. Я пошелъ на мостикъ и легъ въ сторонѣ на палубѣ; на меня наткнулся сигнальщикъ Васильевъ и, удивившись, что я лежу на голой палубѣ, уговорилъ перейти и лечь на носилки, стоявшія между трубами, и принесъ даже пальто, которымъ накрылъ.

Выстрѣлы еще продолжались, но рѣже, я старался заснуть, но долго не могъ, наконецъ, впалъ въ какое-то забытье.

Было очень холодно, съ неба глядѣли, блестящія, холодныя, равнодушныя звѣзды. Мнѣ все время видѣлись вертящіеся винты перевернувшагося броненосца и тонущіе люди, изрѣдка мелькала мысль, что тамъ, далеко въ Россіи, еще ничего не знаютъ и надѣются; хотѣлъ встать, но долго не могъ, наконецъ, очнулся и пошелъ внизъ: въ каютъ компаніи на всѣхъ диванахъ спали офицеры, я сунулся въ ближайшую каюту и засыпая думалъ: „подольше бы длилась ночь, вѣдь завтра съ утра опять этотъ ужасъ“.

2/15 іюня О-въ Ниносима.

Гибель броненосца „Адмиралъ Ушаковъ“.

„Не веселую, братцы, вамъ пѣсню спою,
Не могучую пѣсню побѣды,
Что пѣвали отцы въ Бородинскомъ бою,
Что пѣвали въ Очаковѣ дѣды“.

Наступило утро 15 мая. Я проснулся въ 8 часовъ и едва успѣлъ вымыться, какъ на верху заиграли тревогу; довольно веселый мотивъ этого сигнала на этотъ разъ звучалъ какъ-то тоскливо, наступала развязка драмы, хотѣлось хоть немного отдалить тотъ моментъ, но надо идти на мѣсто.

Оказалось, что насъ догналъ японскій крейсеръ „Читоза“, приблизившись кабельтовъ на 40, но едва у насъ подняли тревогу,

какъ онъ быстро повернулъ и скрылся. Потомъ весь день изрѣдка показывался, вѣроятно, его дымокъ.

Тревогу оставили.

За ночь произошло слѣдующее: изъ-за полученныхъ наканунѣ пробоинъ носовое отдѣленіе заполнилось водою, благодаря чему мы при полномъ ходѣ имѣли только 10 узловъ вмѣсто 14, и большой дифферентъ на носъ сильно затруднялъ управленіе броненосцемъ. Изъ-за этого мы не могли поспѣвать за другими судами и къ утру оказались въ одиночествѣ.

Командиръ собралъ совѣтъ: рѣшили скрываться отъ всѣхъ открывающихся дымовъ, стараться затеряться въ морѣ, а ночью подвигаться на сѣверъ, въ надеждѣ пробраться во Владивостокъ, или Татарскій проливъ.

Около 11 часовъ съ лѣвой стороны на горизонтѣ появилось нѣсколько дымовъ, очевидно, шла какая-нибудь эскадра, затѣмъ дымы скрылись, вдали послышались выстрѣлы, но черезъ пять минутъ все стихло; мы хотѣли было пойти на выстрѣлы, но потомъ разсудили, что попадемъ при своемъ ходѣ поздно, японцы соединиться со своими не дадутъ, и мы только ускоримъ гибель броненосца, вмѣсто того, чтобы его стараться спасти. На этомъ основаніи мы взяли въ сторону и благодаря этому не были свидѣтелями того величайшаго позора, которымъ въ это время заклеймилъ Россію и флотъ Небогатовъ, безъ единаго выстрѣла сдавъ свои суда.

Но не буду забѣгать впередъ.

На броненосцѣ царитъ безпорядокъ, всюду на палубахъ по щиколотку вода, налитая во избѣжаніе пожаровъ, команда бродитъ съ мрачными лицами, общій видъ напоминаетъ разоренный улей.

Мы метались изъ стороны въ сторону: идемъ напримѣръ на Nord. впереди показывается дымокъ, мы поворачиваемъ обратно и такъ все время мѣняли курсы и мечтали: „Туманъ бы теперь погуще дня на два, можно было бы ускользнуть“, но солнце сіяло и желаніе не исполнялось.

Кое-какъ позавтракали, разошлись по каютамъ, я долго лежалъ на диванѣ въ каютъ-компаніи, заснуть не могъ и смотрѣлъ на портретъ адмирала Ушакова: старикъ мрачно и печально смотрѣлъ изъ своей рамы. Наконецъ надоѣло лежать.

Чтобы убить время, взялъ дневникъ и сталъ описывать вчерашній бой. Писалъ долго, мелькомъ слышалъ, какъ вахтенный доложилъ старшему офицеру о томъ, что сзади, на горизонтѣ, по-

казались два дыма, и они приближаются. Я продолжалъ писать и только-что закончилъ описаніе дневного боя, какъ заиграли тревогу. Пошелъ наверхъ, оставивъ дневникъ на столѣ.

Сзади уже можно было различить контуры судовъ, они шли большимъ ходомъ и замѣтно нагоняли.

Старшій артиллерійскій офицеръ крикнулъ мнѣ, что передній японецъ типа „Идзуми“, я вглянулъ на таблицу и прочелъ: „4 восьмидюймовыхъ, 12 шестидюймовыхъ, скорость 20,5 узловъ“.

Второй корабль, вѣроятно, подобный. Итого 8 большихъ и 24 среднихъ пушки и 20 узловъ, противъ нашихъ 4-хъ большихъ, 4-хъ среднихъ и 10 узловъ хода.

Не дурно, кто толкъ понимаетъ!

Разстояніе быстро уменьшалось, вотъ на переднемъ кораблѣ взвился сигналъ.

Я подошелъ къ священнику и далъ ему порученія на случай, если онъ останется живъ, голосъ у меня дрожалъ. Симпатичный батя замѣтилъ и говоритъ:

„Хорошо, все сдѣлаю, если Богъ спасетъ, а ты успокойся, а то команда увидитъ“.

Въ это время раздался сигналъ открыть огонь, я быстро взялъ себя въ руки и, подойдя къ пушкамъ, приказалъ цѣлить между трубами, т. к. не было надежды пробить броню, а оставалось только принести непріятелю возможно большій вредъ передъ тѣмъ, какъ погибнуть.

Едва сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ, какъ стрѣльбу прекратили. Комендоръ взглянулъ въ оптическій прицѣлъ и говоритъ: „Да это наши, нашъ флагъ“.

Кто-то прибѣжалъ сверху: „Ну, Богъ спасъ... это наши „Аврора“ и „Олегъ“.

На переднемъ суднѣ висѣлъ длинный сигналъ, и дѣйствительно былъ поднятъ нашъ флагъ, суда стояли противъ солнца и видны были очень не ясно.

Лица у всѣхъ просіяли, но, увы! не на долго.

Оказалось, что японскій адмиралъ поднялъ по международному своду: „Совѣтую вамъ сдать вашъ корабль, т. к. „Николай“ сдался“, а т. к. мы не обращали на сигналъ вниманія, то онъ вмѣсто позывныхъ поднялъ русскій флагъ.

Едва разобрали первую половину сигнала, какъ командиръ приказалъ:

„Довольно... долой отвѣтъ, открыть огонь“.

Стрѣльба началась, разстоянія въ батарею не давали, прикинулъ на глазъ... 50 кабельтовъ, выстрѣлъ... всѣ смотрятъ за паденіемъ снаряда: большой недолетъ.

„Ушаковъ“ сдѣлалъ попытку сблизиться, японцы отодвинулись, и разстояніе не измѣнилось.

Прицѣлы стояли на 52 кабельтова (предѣльная дальность нашей батареи), все время недолеты: стрѣльба шла зря, между тѣмъ какъ японцы, изъ своихъ болѣе дальнобойныхъ пушекъ, успѣшно вели пристрѣлку, на спардекѣ уже были убитые.

Въ это время, изъ жилой палубы, команда цѣлой лавой хлынула наверхъ, и въ батареѣ образовалась давка, всѣ стремились на шканцы, чтобы броситься за бортъ.

„Неужели струсили“, подумалъ я и бросился въ толпу крича:

— „Куда, корабль еще цѣлъ, вы бросаете его, по мѣстамъ!“

Толпа остановилась и послушно разсыпалась по мѣстамъ, кто опять внизъ, кто наверхъ. Вскорѣ вышелъ въ батарею старшій офицеръ и сказалъ, что ему было передано кѣмъ-то изъ матросовъ приказаніе командира спасать команду.

Я вернулся въ батарею, въ это время заиграли отбой, прислуга по моему приказанію перешла на лѣвую сторону за прикрытіе, я тоже перешелъ туда, по пути спрашивая, зачѣмъ играли отбой.

— „Кингстоны открыты“,—отвѣтилъ боцманъ.

„Вотъ онъ конецъ“, и въ это время у меня въ глазахъ вновь мелькнула геройская кончина „Александра III“. Броненосецъ имѣлъ порядочный кренъ, но еще можно было стрѣлять.

Прислуга праваго борта по орудіямъ; никто изъ бывшихъ въ батареѣ не отозвался.

„Что жъ мы безъ выстрѣла ко дну пойдемъ, такъ одинъ пойду“— и я бросился на правую сторону.

— „И я, и я“, раздались голоса, за мной выбѣжали комендоры лѣваго борта Шишкинъ и Алексѣевъ.

Подбѣжавъ къ кормовой 120 милиметровой пушкѣ, я дернулъ курокъ, раздался выстрѣлъ и вслѣдъ за нимъ какой-то глухой ударъ у сосѣдняго орудія.

Инстинктивно отскочивъ и оглянувшись, я увидѣлъ въ батареѣ море огня и едва перешелъ на лѣвую сторону, какъ на правой начали рваться бесѣдки съ приготовленными снарядами.

Болѣе ничего не оставалось дѣлать, надо было заботиться о себѣ: батарея горѣла, и кренъ былъ уже градусовъ 45.

Я одѣлъ поясъ и, выйдя на палубу, стоялъ и ждалъ конца.

Въ водѣ всюду плавали люди, вотъ цѣлая толпа уцѣпилась вокругъ большого спасательнаго круга, въ это время перелетѣвшій снарядъ разорвался въ самой серединѣ этой группы: поднялся водяной, кровавый столбъ, во всѣ стороны полетѣли руки, ноги, головы, а кругомъ отчаянный вой перелетовъ, удары попавшихъ снарядовъ, крики раненыхъ... какая-то оргія смерти.

Броненосецъ медленно продолжалъ крениться, перелетающіе снаряды продолжали убивать плававшихъ въ водѣ.

Я закурилъ папиросу и машинально загадалъ: „если успѣю докурить до конца, спасусь“.

Но вотъ лѣвый бортъ сталъ замѣтно подыматься. Пора. Бросилъ папиросу, докуренную до половины, перекрестился и повисъ на подкильной цѣпи.

Знакомое каждому купающемуся чувство меня охватило, хотѣлось отдалить погруженіе въ холодную воду, ради этого я еще разъ перекрестился... и очутился въ водѣ. (Температура воды по дневнымъ измѣреніямъ была $11^1/_2$ R.). Сильными движеніями я старался отдалиться отъ гибнущаго корабля, чтобы онъ не затянулъ меня за собою, плылъ на спинѣ и смотрѣлъ: вотъ „Ушаковъ“ легъ совсѣмъ на бокъ и вслѣдъ за этимъ быстро перевернулся вверхъ килемъ, изъ кормовыхъ кингстоновъ забили два высокихъ фонтана, японцы сдѣлали еще три выстрѣла и замолкли, на киль броненосца влѣзли три какихъ-то матроса. Я все время работалъ во всю, удаляясь отъ корабля. Но вотъ корма его скрылась, носъ съ тараномъ рванулся вверхъ и затѣмъ все скрылось подъ водою, оставивъ послѣ себя огромный водоворотъ, а заходящее солнце продолжало ярко освѣщать водную поверхность и стоящіе далеко, въ какомъ-то молчаливомъ торжествѣ японскіе крейсера.

Одинъ моментъ мнѣ показалось, что меня засасываетъ, сердце упало, но это только показалось.

Японцы были далеко, мнѣ думалось, что они уйдутъ и не будутъ спасать, страшная перспектива остаться плавать въ морѣ сильно угнетала, но надо надѣяться и бороться до послѣдней возможности.

Поднялась большая зыбь, когда я очутился на гребнѣ волны, то увидѣлъ непріятельскія суда. Черезъ нѣсколько времени меня опять подняло, и мнѣ показалось, что они немного приблизились. А вдругъ спасусь, и я поплылъ держа направленіе на японцевъ.

Когда подымала волна, я видѣлъ кругомъ плавающихъ матросовъ, мимо меня проплылъ комендоръ Алексѣевъ, ящикъ, на ко-

торомъ онъ хотѣлъ спасаться, утонулъ, и онъ плылъ безъ всякой поддержки, я постарался отплыть дальше отъ него и вообще держался въ сторонѣ отъ людей: надо было заботиться только о себѣ.

Не прошло и трехъ минутъ, какъ я былъ пристыженъ въ этомъ эгоистическомъ рѣшеніи: въ сторонѣ послышался возгласъ: „Ребята, спасай г-на Д.“! ко мнѣ подплыли три матроса, держась за пустой боченокъ безъ верхняго дна и настойчиво приглашали подержаться и меня, не взирая на возраженія, что меня хорошо держитъ мой поясъ. Я не помню фамилій этихъ матросовъ, но до сихъ поръ съ самымъ теплымъ чувствомъ вспоминаю ихъ великодушіе.

Я долго плылъ, японцы все еще были далеко, наконецъ, на переднемъ подняли сигналъ.

— „Что это? Приказаніе спустить шлюпки или идти дальше?“

Роковой вопросъ: я съ напряженіемъ смотрю впередъ и въ это время вдругъ слышу среди команды:

„Ребята, сигналъ. Ну, ка ты, сигнальщикъ, разбирай!“ (Морякъ пойметъ соль этой остроты). Удивительный народъ, шутить въ такую минуту!

Но вотъ, что-то зашевелилось около японскаго крейсера... О, это была шлюпка!

Поплылъ навстрѣчу и сталъ приближаться, въ это время поясъ развязался, пришлось останавливаться и перевязывать.

Зыбь все время отбрасывала въ сторону, одно время подхватила струя какого-то теченія и понесла куда-то въ бокъ, я выбился, но уже замѣтно сталъ уставать, шею начала сводить судорога. Неужели погибну въ виду спасенія? Я отдохнулъ и поплылъ опять. Шлюпка далеко еще, но уже видно, какъ съ нея подаютъ весла и вытаскиваютъ людей, иногда начинаютъ грести и то приближаются, то удаляются, а между тѣмъ солнце давно зашло и дѣлается все темнѣе и темнѣе.

Да много пришлось перечувствовать, я научился въ то время молиться Богу!

Наконецъ шлюпка замѣтно приближается, но я еще не вѣрю въ спасеніе; выгребаю изъ послѣднихъ силъ, шею сводитъ судорога, я рычу, стараясь обратить на себя вниманіе; остается саженъ десять, изъ шлюпки что-то кричатъ и машутъ руками.

Еще сажень, и передо мной протянутый крюкъ: О, какъ онъ мнѣ дорогъ, какъ жадно я въ него вцѣпился... теперь я спасенъ!

Я схватился за бортъ, но влѣзть былъ не въ силахъ, меня подхватили, и вотъ я въ шлюпкѣ. Одинъ изъ японцевъ протянулъ мнѣ что-то понюхать, матросъ съ привѣтливо оскаленной физіо-

номіей стаскиваетъ тужурку и рубашку, другой обтираетъ тѣло кускомъ ваты.

Брр... какъ холодно; я потянулся къ курткѣ одного изъ матросовъ, тотъ моментально снялъ ее съ себя и надѣлъ на меня. Стало теплѣе, и я началъ оглядываться: внизу сидѣлъ и щелкалъ зубами нашъ батя, противъ меня весь зеленый съ выпученными глазами штурманъ; подъ банками лежали нѣсколько матросовъ.

Шлюпка пошла къ трапу корабля—теперь я военноплѣнный.

И. А. Дитловъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Князь Дмитрій Александровичъ Оболенскій, авторъ помѣщаемыхъ ниже воспоминаній о Великой Княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, родился въ 22-мъ году прошлаго столѣтія. Отецъ его, кн. Александръ Петровичъ, женатый на дочери извѣстнаго поэта, дѣятеля 20-хъ годовъ и сотрудника Императрицы Маріи Ѳеодоровны Нелединскаго-Мелецкаго, принадлежалъ къ большой, пользовавшейся всеобщимъ уваженіемъ въ Москвѣ семьѣ князей Оболенскихъ. Наиболѣе значительная часть служебной дѣятельности кн. Дмитрія Александровича, по окончаніи курса въ училищѣ Правовѣдѣнія, протекала въ царствованіе Императора Александра Второго. Онъ занималъ болѣе или менѣе выдающіяся должности по министерствамъ Юстиціи, Морскому, Финансовъ и Государственныхъ имуществъ; послѣднимъ онъ управлялъ въ началѣ 70-хъ годовъ, послѣ чего до самой смерти, въ 1881-мъ году, состоялъ членомъ Государственнаго Совѣта.

Ему пришлось принимать участіе почти во всѣхъ великихъ реформахъ Царя Освободителя. Участіе это, весьма близкое, отличалось однако нѣкоторою особенностью. Въ сравнительно рѣдкихъ случаяхъ кн. Дмитрій Александровичъ игралъ здѣсь оффиціально выдающуюся роль, и съ именемъ его рѣдко связывается прямо то или другое преобразованіе. Но роль его тѣмъ не менѣе бывала значительной. Онъ принадлежалъ къ числу довольно рѣдкихъ въ тѣ времена лицъ, занимавшихъ высокое служебное положеніе въ Петербургѣ, всѣ интересы, связи, вкусы и идеалы которыхъ лежали внѣ чиновно-бюрократической сферы и даже внѣ сферы высшаго петербургскаго общества, къ которымъ кн. Дмитрій Александровичъ все же принадлежалъ. Многочисленное родство въ Москвѣ, литературныя связи и связи съ тогдашними общественными дѣятелями дали ему возможность играть нѣкоторую посредническую роль между выдвигавшимися тогда новыми дѣятелями, свѣжими молодыми умственными силами, стремившимися на службу для дѣла реформъ и средой чисто правительственной и отчасти даже придворной.

Воспоминанія о Вел. Княгинѣ Еленѣ Павловнѣ написаны кн. Дмитріемъ Александровичемъ, если не въ самый годъ смерти Великой Княгини, то во всякомъ случаѣ не позже 1876 года.

Духовный обликъ этой исключительной личности Царской семьи въ воспоминаніяхъ кн. Дмитрія Александровича очерченъ чрезвычайно ярко и является въ освѣщеніи до сихъ мало извѣстномъ широкимъ кругамъ нашего общества.

Мои воспоминанія о Великой Княгинѣ Еленѣ Павловнѣ.

Съ эпохой важныхъ, историческихъ событій и реформъ обыкновенно связываются имена только выдающихся, такъ сказать, оффиціальныхъ дѣятелей; имена эти вносятся въ лѣтописи исторіи и передаются потомству въ полныхъ, законченныхъ образахъ, ясно очерченныхъ характерахъ и опредѣленныхъ результатахъ ихъ дѣятельности. Совсѣмъ въ иныхъ условіяхъ представляются оцѣнкѣ потомства заслуги лицъ, высокимъ нравственнымъ вліяніемъ своимъ освѣтившихъ путь къ проявленію новой жизни, новыхъ началъ, новыхъ стремленій. Ихъ скромная дѣятельность лишена всякой картинной обстановки, она проявляется въ ежедневномъ, ежечасномъ вліяніи на среду, ихъ окружающую; незамѣтно даже для самихъ современниковъ она расчищаетъ и вспахиваетъ поле, воспитываетъ сѣятелей для будущей жатвы. Бываетъ трудно яркими чертами указать на видимые знаки дѣятельности такихъ лицъ въ данную эпоху; фактическая сторона этой дѣятельности неуловима для историка и только искреннія и вѣрныя воспоминанія современниковъ, лично испытавшихъ на себѣ всю силу вліянія этой дѣятельности, могутъ, отчасти, указать на высокое значеніе ея въ важную историческую эпоху.

Съ этою цѣлью рѣшаюсь я изложить свои воспоминанія о покойной Великой Княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, къ памяти которой не могу относиться иначе, какъ съ благоговѣніемъ, внушеннымъ мнѣ слишкомъ 25 лѣтнимъ ко мнѣ неизмѣннымъ благоволеніемъ. Но я не подкупленъ этимъ чувствомъ; личное Ея вниманіе ко мнѣ, оставаясь отраднымъ воспоминаніемъ въ моемъ сердцѣ, не усилитъ освѣщенія, воспроизведеннаго памятью моей, образа.

I.

Начиная разсказъ мой съ перваго знакомства моего съ Великой Княгиней въ 1847 году, я по необходимости долженъ сказать нѣсколько словъ о себѣ и тогдашнемъ состояніи общества и въ особенности о молодомъ поколѣніи того времени.

Въ 1847 году, я былъ уже съ годъ въ Петербургѣ Товарищемъ Предсѣдателя Гражданской Палаты, жилъ очень скромно, почти вовсе не выѣзжалъ въ свѣтъ, очень усидчиво занимался службой и не только не имѣлъ никакого доступа къ какому-либо двору, но не имѣлъ тамъ даже никакихъ ни знакомствъ, ни связей. Кругъ товарищей по училищу и по службѣ состоялъ преимущественно изъ лицъ, занимавшихъ разныя второстепенныя мѣста въ министерствахъ. Со всѣми литераторами того времени я былъ болѣе, или менѣе знакомъ, но въ особенности я подерживалъ связи съ московскими друзьями: съ Самаринымъ, я, кромѣ дружбы, былъ соединенъ узами близкаго родства, съ Аксаковыми, обоими братьями, былъ очень друженъ, съ Хомяковымъ и Кирѣевскимъ былъ близко знакомъ, и вообще всѣ тогдашніе московскіе славянофилы были моими пріятелями, еще со времени служенія моего въ Москвѣ въ 1842 году.

Въ то время была въ полномъ разгарѣ вражда славянофиловъ съ западниками; сіи послѣдніи, кромѣ всего кружка петербургскихъ литераторовъ, имѣли на своей сторонѣ почти всю интеллигентную служащую въ разнымъ министерствахъ молодежь, бывшихъ студентовъ и во главѣ ихъ Николай Алексѣевичъ Милютинъ, уже тогда имѣвшій въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ репутацію весьма способнаго человѣка. Часто эта молодежь собиралась у разныхъ товарищей, между прочимъ, у меня часто бывали по вечерамъ правовѣды, а у Милютина, сколько мнѣ помнится, разъ въ недѣлю обѣдали и проводили вечера; я бывалъ на этихъ обѣдахъ и вечерахъ, хотя не принадлежалъ къ кружку западниковъ. На всѣхъ этихъ собраніяхъ, несмотря на рѣзкое различіе въ основныхъ убѣжденіяхъ, всѣ сходились въ одномъ общемъ чувствѣ, въ желаніи лучшаго порядка. Служебный бытъ и высшія правительственныя лица подвергались злой и насмѣшливой критикѣ. Всякій приходилъ съ своимъ анекдотомъ про своего министра или директора, и радушный смѣхъ отвѣчалъ словамъ разсказчика. Либеральныя идеи не имѣли тогда вообще опредѣленной формы; изъ политическихъ и экономическихъ сочиненій преимущественно тогда читались новыя книги: Прудона, Фурье, Луи

Блана и проч. Французская революція 1848 года еще болѣе оживила молодежь; но это оживленіе было чисто платоническое; никто, разумѣется, не мечталъ стать въ ряды явныхъ революціонеровъ, но только не сочувствуя тому строгому режиму, въ которомъ все общество держалось въ особенности съ 1848 года, молодежь работала, училась, читала и съ презрѣніемъ относилась къ безпутной, пустой жизни высшаго общества. Надъ всѣмъ царилъ страхъ; въ администраціи—рутина, въ судѣ—формализмъ, доведенный до безобразія. Жизнь скрывалась въ умахъ и сердцахъ молодежи, но сдерживалась ими съ какою-то непонятною твердою надеждою, что настоящій порядокъ долго продолжаться не можетъ, и что скоро должны наступить болѣе благопріятные дни. Надо сказать, что во многихъ даже высокопоставленныхъ лицахъ того времени, отражавшихъ старыя теченія, было то же сознаніе, что время ихъ прошло, и что въ молодежи слышится новое настроеніе, болѣе плодотворное. Это видно изъ того, что подобныя личности, какъ гр. Киселевъ, гр. Перовскій, гр. Протасовъ, ласкали и приближали къ себѣ молодежь.

Эти благородныя личности понимали, что они слишкомъ связаны съ существующимъ порядкомъ, и что отъ ихъ иниціативы лучшаго порядка или иного направленія ожидать нельзя. Мнѣ по крайней мѣрѣ случилось разъ въ разговорѣ съ гр. Киселевымъ и Протасовымъ высказать такія вещи, что гр. Киселевъ, посмотрѣвъ на Протасова, сказалъ: „А что, любезный другъ, вѣдь онъ правъ, мы уже съ тобой такъ думать и чувствовать не можемъ, наше дѣло теперь имъ мѣста очищать; не знаю, какъ ты, а я ихъ люблю“.

Гр. Протасовъ, несмотря на свою крайнюю сдержанность, отозвался въ этомъ смыслѣ, и мнѣ нерѣдко случалось слышать отъ него такія истины, которыя прямо противорѣчили тому направленію, въ которомъ онъ самъ былъ вынужденъ дѣйствовать. Я имѣлъ нѣсколько разъ случай убѣдиться въ его сочувствіи къ молодежи. Я лично пользовался его добрымъ расположеніемъ, и часто мы съ нимъ бесѣдовали; ему видимо пріятенъ былъ мой юношескій пылъ, и онъ не только не противорѣчилъ мнѣ, но въ общемъ характерѣ всѣхъ его разговоровъ со мною слышалось сочувствіе, хотя онъ часто уговаривалъ меня быть осторожнымъ. Вообще въ министрахъ и главныхъ дѣятеляхъ того времени не замѣтно было ни того страха, ни того презрѣнія къ молодежи и къ необходимымъ либеральнымъ стремленіямъ юнаго поколѣнія, которыми отличаются высшія, правительствующія лица настоящаго времени [1]).

[1]) 1874— 876 года.

Большая часть министровъ того времени мало занималась дѣлами, сохраняя извѣстный престижъ, зависящій отъ степени ихъ личнаго фаворитизма, они охотно предоставляли второстепеннымъ дѣятелямъ всю власть и всю работу. При этомъ они не гнушались и не боялись употреблять людей способныхъ.

Во всякомъ министерствѣ можно было назвать двухъ или трехъ дѣятелей, которые дѣйствовали или въ согласіи или во враждѣ между собой и въ таинство этой борьбы были часто посвящены всѣ кружки служащей молодежи. Дворъ и всѣ приближенные ко двору оставались въ совершенномъ невѣдѣніи того, что происходитъ внѣ предѣловъ двора. Русскіе журналы, ежемѣсячно выходившіе въ большомъ числѣ въ Москвѣ и въ Петербургѣ, никѣмъ изъ высшихъ сановниковъ не читались, а между тѣмъ въ то время уже Бѣлинскій въ Петербургѣ и славянская школа въ Москвѣ развивали ученія, сильно настраивавшія молодежь въ томъ или другомъ направленіи. Однажды гр. Киселевъ при мнѣ разсказывалъ гр. Протасову, что Государь спросилъ его, читаетъ ли онъ русскіе журналы, на что онъ, Киселевъ, отвѣчалъ, что самъ онъ не читаетъ, но что у него камердинеръ читаетъ, кажется, „Современникъ“. На это Государь ему отвѣчалъ, что „Современникъ“ ничего, а вотъ въ Москвѣ, говорятъ, есть какой-то скверный журналъ. Этотъ разговоръ очень характеризуетъ дѣйствительное отношеніе правительства къ тогдашнему движенію мысли въ обществѣ. Когда Государю захотѣлось узнать, что такое московскіе славянофилы, и когда III отдѣленіе не могло ему дать на этотъ вопросъ никакого яснаго объясненія, то приказано было арестовать жившаго въ то время въ Петербургѣ Ивана Аксакова и допросить его о томъ, что такое московскіе славянофилы.

Все это показываетъ, до какой степени высшее петербургское общество и высшіе представители правительства мало знали и интересовались тѣмъ, что дѣлается въ интеллектуальныхъ сферахъ Россіи.

Въ числѣ моихъ училищныхъ товарищей былъ кн. Львовъ, съ семействомъ котораго я былъ знакомъ. Сестра этого кн. Львова была фрейлиной при Великой Княгинѣ Еленѣ Павловнѣ и жила въ Михайловскомъ дворцѣ, но я у ней не бывалъ. Въ одно прекрасное утро, въ концѣ зимы 1847 года, къ величайшему моему удивленію, получаю я отъ нея записку, съ приглашеніемъ на вечерній чай и съ предупрежденіемъ, что у ней будетъ Великая Княгиня Елена Павловна.

Не имѣвъ, до сего, никакого доступа ни въ какой дворецъ, я въ особенности не ожидалъ никогда переступить порогъ Михай-

ловскаго дворца, въ которомъ жилъ тогда Великій Князь Михаилъ Павловичъ, наводившій страхъ и ужасъ на всю военную молодежь, а въ глазахъ насъ, штатскихъ, представлявшійся чѣмъ-то прямо страшнымъ, какимъ-то дикимъ звѣремъ. О супругѣ его Великой Княгинѣ доходили до насъ какіе-то неопредѣленные слухи; говорили, что она женщина болѣзненная и своенравная. Она рѣдко выѣзжала, еще рѣже являлась въ публикѣ. Я впрочемъ разъ видѣлъ ее, будучи еще въ училищѣ, на школьномъ, музыкальномъ вечерѣ у Принца Ольденбургскаго, гдѣ я въ оркестрѣ игралъ на контрабассѣ и вѣроятно по странности выбраннаго мною инструмента былъ замѣченъ Великой Княгиней.

Въ опредѣленный часъ я явился въ Михайловскій дворецъ, на квартиру княжны Львовой. Тутъ былъ встрѣченъ привѣтливой хозяйкой, которая объявила мнѣ, что Великая Княгиня сойдетъ къ ней съ Великой Княжной Екатериною Михайловною и просила меня не смущаться явленіемъ сихъ царственныхъ особъ, потому что онѣ очень любезны и просты въ обращеніи. Дѣйствительно скоро вошли въ гостиную обѣ Великія Княгини. Меня имъ представили. Елена Павловна сѣла за особый, чайный столикъ, къ которому и меня пригласила сѣсть, а Екатерина Михайловна заняла мѣсто у другого чайнаго стола вмѣстѣ съ фрейлинами и приглашенными дѣвицами.

Съ первыхъ же словъ Великая Княгиня поразила меня и простотой своего обращенія, и живостью своего разговора. Она объявила мнѣ, что знаетъ, что я служу въ Гражданской Палатѣ, что я прежде служилъ въ Казани и Тулѣ. Сдѣлала нѣсколько дѣльныхъ вопросовъ о ходѣ дѣлъ въ Гражданской Палатѣ. Мнѣ тѣмъ болѣе странно было слышать эти вопросы, что я въ первый разъ увидѣлъ женщину, которая ясно знала и понимала, что такое Гражданская Палата. Понятно, робость непривыкшаго къ придворной жизни юноши скоро во мнѣ исчезла, и я отвѣчалъ Великой Княгинѣ, съ желаніемъ дать Ей почувствовать, что я отношусь къ нашему судебному порядку критически. Бесѣда наша скоро была прервана начавшимися jeux innocents, куда и я былъ позванъ. Этотъ первый вечеръ остался въ моей памяти только потому, что онъ былъ первый; но я не понялъ тогда ни цѣли моего призыва, ни причины, вызвавшей у Великой Княгини желаніе со мной познакомиться.

Не помню, былъ ли я вторично приглашенъ къ кн. Львовой въ теченіе зимы 1847 года. Кажется, нѣтъ.

Весною Великая Княгиня переѣхала въ Павловскъ, а я оставалс съ женою въ Петербургѣ. Въ то время люди въ малыхъ

чинахъ и занимавшіе дѣятельныя мѣста на службѣ и не думали переѣзжать на дачи.

Въ одинъ прекрасный, лѣтній день, получилъ я записку отъ княжны Львовой съ приглашеніемъ отъ имени Великой Княгини, пріѣхать къ Ней въ Павловскъ, въ 7 часовъ вечера. Поѣзда желѣзной дороги были тогда очень рѣдки. Я разсчитывалъ пріѣхать въ Павловскъ въ 7 часовъ, вернуться съ послѣднимъ поѣздомъ, который отходилъ тогда въ 9 часовъ, но, пріѣхавъ въ Павловскъ, я къ величайшему своему недоумѣнію встрѣтилъ у воротъ дворца шарабанъ, которымъ правилъ Великій Князь Михаилъ Павловичъ и въ немъ сидѣли Великая Княгиня Елена Павловна и гр. Киселевъ. На вопросъ мой, швейцаръ объявилъ мнѣ, что Великая Княгиня уѣхала кататься и прежде 9 часовъ вечера домой не будетъ. Не зная, куда дѣться, я въ отчаяніи пошелъ бродить по парку, не зная какимъ путемъ и когда, получу возможность вернуться въ городъ, гдѣ ожидала меня больная жена, которой я не имѣлъ возможности дать о себѣ извѣстій, такъ, какъ въ то время телеграфъ не былъ доступенъ публикѣ. Наконецъ, около 10 часовъ вечера Великая Княгиня вернулась съ прогулки и, узнавъ, что я ожидаю, приказала дать мнѣ для ночлега комнату и сказать, что приметъ меня на другой день утромъ. Мнѣ отвели великолѣпный аппартаментъ, принесли чай и ужинъ, приготовили постель, и я очутился въ роли какого-то заколдованнаго принца, совершенно не понимая, что все это значитъ и зачѣмъ я призванъ и что со мною будетъ. Утромъ познакомился я съ барономъ Розеномъ, исправлявшимъ должность гофмаршала; съ нимъ совершилъ прогулку по саду, но ничего не могъ узнать о цѣли моего пріѣзда. Наконецъ, около полудня, я увидѣлъ, что Великому Князю подали дорожный экипажъ, и онъ уѣхалъ въ Петербургъ. Мнѣ сдѣлалось какъ-то легче, ибо, признаюсь, не безъ страха встрѣчалъ каждый изъ насъ его даже на улицѣ.

Сейчасъ послѣ его отъѣзда явился ко мнѣ камердинеръ Великой Княгини съ приглашеніемъ и ввелъ меня въ ярко-освѣщенную солнцемъ гостиную, въ глубинѣ которой, среди массы зелени и цвѣтовъ, сидѣла Великая Княгиня.

Слишкомъ тридцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, но я еще живо сохранилъ воспоминаніе объ этомъ свиданіи. Съ привѣтливой улыбкой, протянувъ мнѣ руку, она пригласила меня сѣсть и послѣ разспросовъ о женѣ, вчерашнемъ вечерѣ и ночи, проведенной мною въ Павловскѣ, прямо перешла къ вопросамъ самаго животрепещущаго свойства.

Чтобъ вызвать меня на откровенность, она сама коснулась

критической оцѣнки всего существующаго направленія въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, при этомъ высказала столько знанія фактическихъ условій нашей общественной жизни, что я невольно выражалъ, постепенно увлекаясь, мой восторгъ и главное мое удивленіе. Это видимо ее и забавляло, и радовало.

Говоря о молодомъ поколѣніи, она высказала мнѣ все свое сочувствіе къ его благороднымъ порывамъ и стремленіямъ; съ негодованіемъ отзывалась она о пустотѣ и мелочности интересовъ придворной жизни, объ отсутствіи мысли и всякаго желанія узнать и понять нужды края, объ общемъ равнодушіи, пустомъ безжизненномъ формализмѣ, губящемъ все. Искренность словъ своихъ потверждала она воодушевленнымъ жестомъ и непритворнымъ выраженіемъ блестящихъ глазъ. Въ свою очередь я невольно забылъ, что бесѣдую съ Великою Княгинею; на приглашеніе ея говорить все, что было на душѣ, иногда заходя слишкомъ далеко и очнувшись, я останавливался, но она просила продолжать и не стѣсняясь говорить все, какъ думаю и чувствую. Однѣхъ, подобныхъ рѣчей было бы довольно, чтобы воодушевить 24-хъ лѣтняго юношу, а тутъ еще предъ нимъ женщина, въ полномъ очарованіи еще не увядшей красоты, въ раскошномъ убранствѣ волшебнаго замка. Понятно, что могъ я чувствовать, цѣлуя на прощанье протянутую мнѣ руку. Дала бы эта рука мнѣ знакъ бросится въ огонь или въ воду, ни минуты не остановился бы я исполнить Ея повелѣнія.

Повидимому, мой юношескій восторгъ и хотя незрѣлый, но добросовѣстный взглядъ, понравились Великой Княгинѣ, ибо послѣ свиданія въ Павловскѣ сталъ я уже зимой чаще, почти каждую недѣлю приглашаться къ княжнѣ Львовой, гдѣ начались, названные въ послѣдствіи Великой Княгиней, soirées morganatiques. На эти вечера сталъ приходить и самъ Михаилъ Павловичъ, я ему былъ представленъ и онъ пересталъ быть для меня страшнымъ. Часто въ разговорахъ Великая Княгиня разспрашивала меня о моихъ товарищахъ и другихъ молодыхъ способныхъ людяхъ, служащихъ въ разныхъ вѣдомствахъ. Все это съ цѣлью ознакомиться съ молодежью не придворною и не военною. Первымъ, послѣ меня, явился въ салонъ княжны Львовой, Николай Милютинъ. Обыкновенно Великая Княгиня садилась за особый столикъ съ чаемъ; Милютинъ и я садились около нея, и она намъ разливала чай; на другомъ углу залы, Великій Князь садился играть въ шахматы съ M-lle Troubat, а посреди залы усаживались Великая Княжна Екатерина Михаиловна съ фрейлинами, дѣвицами и придворными кавалерами и приглашенными офицерами. Нерѣдко, въ нашъ разговоръ съ Великой Княгиней вмѣшивался Великій Князь и такъ

какъ онъ вносилъ въ этотъ разговоръ взгляды, явно противоположные взглядамъ Великой Княгини, то она на это очень досадовала и нерѣдко явственно выражала свою досаду, внезапно оставляя залу.

До самой кончины Великаго Князя, послѣдовавшей въ 1849 году, Великая Княгиня была крайне стѣснена въ приглашеніи лицъ, не имѣющихъ права пріѣзда ко двору, а потому число представителей молодого поколѣнія было весьма ограничено; но черезъ посредство Милютина и меня, она уже начинала постоянно слѣдить за всѣмъ, что дѣлается, и знать, кто чѣмъ занимается. Вѣроятно, съ цѣлью ближе ознакомиться съ способностями замѣченныхъ ею людей, она возлагала на нихъ разныя порученія. По разнообразію этихъпоручені̆ можно видѣть, какъ разнообразны были интересы, ее занимавшіе. Въ теченіе моего разсказа мнѣ часто придется упоминать о порученіяхъ, ею на меня возложенныхъ, но придерживаясь по возможности хронологическаго порядка въ своемъ разсказѣ, я упомяну объ одномъ изъ первыхъ ея порученій; оно изложено въ слѣдующемъ собственноручномъ ко мнѣ письмѣ Великой Княгини:

„Voici, mon cher Prince, le texte de la lettre au métropolitain, que je vous demande de mettre en bon russe:

Qu'ayant été instruite de la reconstruction de l'église à l'invocation de la S-te Croix, située dans la Московская слободка de la Ямская à St Petersbourg, j'ai désiré contribuer pour ma part, a l'accomplissement de cette sainte oeuvre, en offrant à cette église une image de S-te Héléne et St. Constantin avec des religues de la S-te Croix, de St. Andrè et St. Jean le Précurseur de St. Constatin et de St. Jean Chrysostöme.

J'y suis portée par ma vénération sincère pour l'Emblème de notre foi et de notre ésperance, invogné soudent au milieu des malheurs, que j'ai éprouvés et par le désir de donner à la commune des ямщикъ une preuve de mon interêt.

C'est en demandant au métropolitain ses prières et sa bénédiction qu'il faudra terminer la lettre [1]).

Hélène.

---

[1]) „Вотъ, любезный князь, текстъ письма къ митрополиту, которое я прошу васъ изложить правильно по-русски:

Узнавъ о возобновленіи церкви Воздвиженія Честнаго Креста, находящейся въ Московской Ямской слободѣ, въ Петербургѣ, я пожелала принять, съ своей стороны, участіе въ этомъ святомъ дѣлѣ и поэтому жертвую для этой церкви образъ св. Константина и Елены съ частицами Животворящаго

Я передалъ эти слова въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Преосвященный Митрополитъ Никаноръ. Узнавъ о возобновленіи въ Московской Ямской слободѣ храма Воздвиженія Честнаго и Животворящаго Креста Господня, я пожелала принять участіе въ семъ богоугодномъ дѣлѣ, приношеніемъ въ храмъ сей образа Святыхъ Великихъ Царей и равноапостольныхъ Константина и Елены съ хранящимися въ немъ частицами отъ честнаго древа Животворящаго Креста и отъ Мощей Святыхъ: Предтечи и крестителя Іоанна, Апостола Андрея Первозваннаго, Равноапостольнаго Царя Константина и Святителя Іоанна Златоустаго.

„Къ приношенію Святыни сей въ Храмъ Воздвиженія Честнаго Креста влечетъ меня чувство глубокаго благоговѣнія къ сему святому Знаменію страданій Христовыхъ, Божественная сила коего, среди постигавшихъ меня скорбей, животворяла сердце мое утѣшеніями Вѣры и Надежды.

„Вмѣстѣ съ симъ желаю, чтобы сей даръ Мой принятъ былъ С.-Петербургскимъ Ямскимъ Обществомъ, какъ знакъ Моего къ нему вниманія.

„Препровождая къ Вашему Преосвященству приношеніе мое и поручая себя молитвамъ вашимъ, пребываю всегда вамъ доброжелательная".

Мнѣ въ точности неизвѣстно, чѣмъ заслужило С.-Петербургское Ямское Общество такой особый знакъ вниманія со стороны Великой Княгини, но мнѣ помнится, что Она всегда принимала представителей этого Общества по большимъ праздникамъ съ поздравленіемъ.

Вскорѣ послѣ упомянутаго выше дара Великая Княгиня чрезъ посредство мое заказала иконописцу Ѳадѣеву еще большой запрестольный образъ Воздвиженія Креста въ тотъ же храмъ. Образъ этотъ писался Ѳадѣевымъ въ Михайловскомъ дворцѣ въ особо отведенной залѣ, и Великая Княгиня сама указывала иконописцу расположеніе группъ. При этомъ, помню, съ какимъ вниманіемъ и любознательностью разспрашивала она молодого иконописца о всѣхъ правилахъ иконописанія.

Креста и мощей св. Андрея Первозваннаго, св. Іоанна Предтечи, св. Константина и св. Іоанна Златоуста.

Меня побуждаетъ къ тому мое искреннее благоговѣніе къ святому символу нашей вѣры и надежды, къ которому я часто прибѣгала въ минуты скорби и постигавшихъ меня несчастій, а равно желаніе дать этимъ ямскому обществу знакъ моего къ нему благоволенія.

Письмо слѣдуетъ закончить, прося у митрополита его молитвъ и благословенія. Елена.

Я уже сказалъ, что съ кончиною Великаго Князя кругъ лицъ, приглашенныхъ Великой Княгиней, постоянно увеличивался. Всѣ лучшіе представители молодого поколѣнія, чѣмъ нибудь-обратившіе на себя вниманіе, приглашались къ княжнѣ Львовой на вечера, которые по минованіи годичнаго, траурнаго срока обратились уже въ постоянныя еженедѣльныя собранія. Разнообразіе этихъ вечеровъ придавало имъ особую прелесть; музыка, танцы, игры составляли внѣшнюю, такъ сказать, обстановку собраній; но особенно отличительный изящно-умный тонъ всему давала царственная хозяйка. Съ изумительнымъ искусствомъ умѣла она согласовать простоту и непринужденность въ обращеніи съ сдержанностью и приличіемъ придворнаго этикета.

Непринужденнымъ, веселымъ и вмѣстѣ какимъ-то радушнымъ настроеніемъ всѣхъ присутствующихъ отличались эти собранія. Ни одинъ изъ приглашенныхъ не оставлялся безъ видимаго знака вниманія хозяйки. Съ каждымъ умѣла она найти предметъ разговора и при томъ съ такимъ тактомъ находила всегда живую струнку своего собесѣдника, что тотъ невольно выносилъ самое отрадное впечатлѣніе и горделиво относилъ оказанное ему вниманіе къ личному своему достоинству. Этой чисто-женской способностью, какъ будто мимоходомъ намекнуть человѣку, что онъ ею замѣченъ—обладала Великая Княгиня въ высшей степени. Сознавая всю силу лести на сердце человѣческое, она умѣла на столько очищать ее отъ всякихъ внѣшнихъ признаковъ, что возбуждала словами своими только одно неуловимое чувство довольства; возвышающее человѣка въ собственныхъ глазахъ своихъ. Побѣжденный этимъ чувствомъ, онъ сразу подчинялся ея обаянію и освобождался отъ всѣхъ стѣсненій застѣнчивости или осторожности.

Говоря о первомъ періодѣ морганатическихъ вечеровъ, я еще не могу здѣсь касаться до указанія на то политическое значеніе, которое получили эти вечера впослѣдствіи, но не могу не сказать, что уже тогда вечера эти, среди высшаго петербургскаго общества, представляли собою явленіе совершенно новое и небывалое. Желаніе доставить развлеченіе молодой Великой Княжнѣ Екатеринѣ Михайловнѣ и слабое здоровье Великой Княгини, лишавшее ее возможности вывозить въ свѣтъ дочь свою и принимать у себя,—были тогда, всѣми признанными предлогами устройства морганатическихъ вечеровъ у княжны Львовой.

Женскій, придворный штатъ Великой Княгини состоялъ тогда изъ весьма милыхъ и красивыхъ фрейлинъ: Жеребцовой, Зедлеръ, Бутурлиной; серьезный элементъ представлялся только въ лицѣ княжны Львовой; на нее возлагалась обязанность оффиціальной хо-

зяйки и тягота разговоровъ и заниманій приглашенныхъ не танцующихъ, умныхъ или ученыхъ людей, разныхъ возрастовъ и спеціальностей. Таковыхъ въ первое время было не много. По временамъ являлись художники (Нефъ, Айвазовскій, Пименевъ и проч.) академики (Беръ, Востоковъ, Пироговъ, Вяземскій). Изъ чиновнаго люда: братья Милютины, Одоевскій, Хрущовъ, Бревернъ. За симъ много офицеровъ для танцевъ и молодыхъ кавалеровъ изъ нихъ, многіе не имѣющіе пріѣзда ко двору. Лично я пользовался особымъ вниманіемъ и расположеніемъ и приглашался не только на всѣ возможные вечера, но почти еженедѣльно приглашался къ обѣду. На этихъ обѣдахъ постоянно встрѣчался я съ гр. Блудовымъ, гр. Протасовымъ, гр. Уваровымъ гр. Киселевымъ, гр. Вельегорскимъ, барономъ Корфомъ и пр. Въ этой компаніи скромная роль моя заключалась болѣе въ молчаніи и слушаніи умныхъ рѣчей; но нерѣдко я служилъ, какъ представитель молодого поколѣнія, осколкомъ надъ которымъ Великая Княгиня пробовала современное достоинство высказанныхъ воззрѣній. Весьма часто, послѣ обѣда, Великая Княгиня оставляла меня у себя, и тутъ я обязанъ былъ разсказывать, что дѣлается въ дѣловомъ мірѣ и въ средѣ молодежи. Все ее интересовало, она всѣхъ знала, все понимала, всему сочувствовала; изъ самыхъ вопросовъ ея всегда видно было, какъ глубоко она входила въ суть самаго дѣла; при этомъ она всегда умѣла обобщить вопросъ и выводить иногда совершенно неожиданно такое заключеніе, какое свойственно только тайной проницательности женскаго ума. Ея разсказы, полные воспоминаній прошедшаго, отличались весьма интересными подробностями, и я не могу простить себѣ, что своевременно ихъ не записывалъ. Будучи вполнѣ знакома съ основными началами, разныхъ литературныхъ партій, Великая Княгиня внимательно слѣдила за борьбой славянофиловъ съ западниками и хотя сочувствіе ея несомнѣнно принадлежало западникамъ, но она всегда благосклонно и внимательно относилась къ ученымъ изслѣдованіямъ и политическимъ статьямъ московскихъ славянофиловъ. Московскій профессоръ Шевыревъ во всякій пріѣздъ свой въ Петербургъ былъ приглашаемъ въ Михайловскій дворецъ на продолжительную бесѣду. Послѣ кончины Гоголя, Великая Княгиня много содѣйствовала къ изданію его посмертныхъ сочиненій. Въ моихъ воспоминаніяхъ о первомъ изданіи этихъ сочиненій, напечатанныхъ въ „Русской Старинѣ“ 1873 года, подробно разсказана вся исторія гоненія на память Гоголя послѣ его смерти. Нельзя было тогда думать безъ особаго сильнаго покровительства преодолѣть всѣ цензурныя препятствія и при первомъ указаніи моемъ на эти препятствія Великая Кня-

гиня взялась сейчасъ хлопотать о снятіи опалы съ памяти и сочиненій Гоголя. Нѣсколько разъ приглашала она къ себѣ М. С. Щепкина, извѣстнаго московскаго актера, прибывшаго тогда въ Петербургъ, для чтенія, какъ посмертныхъ, такъ и прежнихъ сочиненій Гоголя.

Кромѣ искусства читать М. С. Щепкинъ, весь проникнутый любовью и уваженіемъ къ памяти покойнаго своего друга, умѣлъ такъ трогательно разсказывать о немъ свои воспоминанія и такъ живо изображать всю несправедливость гоненія на его память, что невольно подчинялъ своему убѣжденію самыхъ равнодушныхъ слушателей.

При строгой цензурѣ того времени естественно процвѣтала рукописная литература. Всѣ сколько-нибудь замѣчательныя записки доходили до Великой Княгини разными путями; многія изъ нихъ она пропагандировала между высокопоставленными лицами.

Все это составляло предметъ нашихъ частыхъ бесѣдъ.

Но, независимо отъ сего, Великая Княгиня допускала меня къ участію въ разныхъ распорядкахъ своей домашней жизни и обстановки. Когда двѣ фрейлины ея вышли замужъ, она пожелала непремѣнно взять къ себѣ дѣвицу изъ хорошаго московскаго семейства, непричастнаго интригамъ петербургскаго общества. Семейство Свербѣевыхъ обратило на себя ея вниманіе, хотя она лично никого не знала изъ этого семейства, но слышала отъ князя Одоевскаго и другихъ москвичей, что въ домѣ Свербѣевыхъ собираются часто всѣ представили московской интеллигенціи разныхъ партій. Ей видимо хотѣлось установить болѣе близкую связь съ московскимъ обществомъ. По порученію Великой Княгини, я писалъ отцу Свербѣеву, съ которымъ по его женѣ, рожденной княжнѣ Щербатовой, я находился въ довольно близкомъ родствѣ, и передалъ ему предложеніе Великой Княгини взять одну изъ дочерей его къ себѣ во фрейлины. Но Свербѣевъ не могъ тогда, по семейнымъ обстоятельствамъ принять это предложеніе.

Вскорѣ поступила ко двору Великой Княгини въ качествѣ фрейлины баронесса Эдита Ѳедоровна Раденъ. Съ той поры мои воспоминанія о Великой Княгинѣ сливаются съ воспоминаніями о живой еще участницѣ всѣхъ ея благихъ дѣлъ [1]). Уважая скромность Эдиты Ѳедоровны, я воздержусь въ разсказѣ моемъ упоминать ея имя; но какъ неразлучно свѣтило съ своимъ спутникомъ, такъ неразлучно проходитъ черезъ все мое повѣствованіе и имя Великой Княгини, связанное съ именемъ ея достойной спутницы.

---

[1]) Эд. Ѳед. Раденъ скончалась въ 1885-мъ году.

II.

Тяжелыя времена наступили для Россіи. Поднимался роковой, восточный вопросъ. На балу у Великой Княгини происходилъ тотъ знаменитый разговоръ Государя Николая Павловича съ англійскимъ посломъ Сеймуромъ, который имѣлъ рѣшительное вліяніе на политику Англіи въ этомъ вопросѣ. Посольство князя Меншикова въ Константинополь и за симъ начатіе военныхъ дѣйствій противъ Турціи настроили все петербургское общество на весьма воинственный ладъ.

Около этого времени въ служебной карьерѣ моей произошла важная перемѣна. По приглашенію Великаго Князя Константина Николаевича, вступившаго тогда въ управленіе Морскимъ министерствомъ, перешелъ я на службу въ это министерство на должность директора коммисаріатскаго департамента. Независимо служебныхъ оффиціальныхъ отношеній, я поставленъ былъ, черезъ посредство Головнина,[1]) въ личное сношеніе съ Великимъ Княземъ, который самъ, принадлежа къ молодому поколѣнію, внесъ въ сферу высшаго управленія новый элементъ, который тѣмъ болѣе усиливался, чѣмъ болѣе разоблачалась дряблость и несостоятельность стараго порядка.

Между Великою Княгинею Еленой Павловной и Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ естественно установилась болѣе глубокая связь, которую старательно поддерживали приближенные обоихъ.

Послѣ первыхъ неудачъ нашихъ на Дунаѣ и когда ясно обнаружилась противъ насъ уже коалиція всей Европы—полная несостоятельность наша въ военномъ, финансовомъ, политическомъ и административномъ отношеніяхъ сдѣлалась для всѣхъ очевидною. Всѣ высшіе представители власти пришли въ какое-то оцѣпенѣніе, а власть второстепенныхъ дѣятелей, постепенно усиливаясь, стала группироваться около нѣкоторыхъ центровъ. Постоянно слѣдя за всѣмъ, что дѣлается, Великая Княгиня соединяла у себя всѣ эти центры; чрезъ посредство ея доводились до свѣдѣнія и Государя, до самой кончины своей, ежедневно ее посѣщавшаго и министровъ—разные факты, записки, предложенія. Она указывала, непосвященнымъ во всѣ таинства придворной жизни, всѣ пути къ достиженію извѣстныхъ цѣлей. Когда же война начала принимать

[1]) Александръ Васильевичъ Головнинъ, ближайшій сотрудникъ Вел. Кн. Константина Николаевича, впослѣдствіи Министръ Народнаго Просвѣщенія, умеръ въ 1886-мъ году.

широкіе размѣры, и театръ войны перенесенъ былъ въ предѣлы Имперіи, въ Крымъ, то она уже выступила непосредственно на дѣятельность, за которую несомнѣнно заслужила благодарную память потомства.

Участь раненыхъ и больныхъ воиновъ всегда и прежде составляла предметъ ея заботъ. Никто лучше Н. И. Пирогова не можетъ очертить характеръ дѣятельности Великой Княгини въ этомъ отношеніи. Ея постоянной, неутомимой и настоятельной поддержкѣ обязанъ онъ тѣми успѣхами, которыми ознаменовались усилія его устроить медицинскую и госпитальную часть на театрѣ военныхъ дѣйствій. Но непосредственно Великой Княгинѣ принадлежитъ иниціатива мысли: устройства Общины сестеръ милосердія для ухода за больными и ранеными въ время войны. Въ то время, когда объ учрежденіи Общества Краснаго Креста еще никто и не думалъ, въ головѣ Великой Княгини уже вполнѣ созрѣла человѣколюбивая мысль, во всѣхъ отношеніяхъ, тожественная съ мыслью, осуществившеюся впослѣдствіи въ размѣрахъ международнаго Общества.

Чтобы достойно оцѣнить высокое значеніе этой мысли, нужно припомнить, при какихъ обстоятельствахъ она возникла и какъ мало тогда было условій, обезпечивающихъ успѣхъ ея исполненія.

Взглядъ на военное дѣло вообще и на военное время въ особенности столь отличенъ отъ филантропическаго и болѣе разумнаго взгляда настоящаго времени, что одна только мысль о допущеніи женщинъ въ военные госпитали казалась несовмѣстимою ни съ дисциплиною, ни съ исключительнымъ замкнутымъ кругомъ военнаго званія.

При Императорѣ Николаѣ Павловичѣ присутствіе женщины съ крестомъ, у постели больного или умирающаго солдата, представлялось бы какимъ-то непростительнымъ вольнодумствомъ, а начальство госпиталя никогда не согласилось бы допустить въ госпиталь постороннихъ свидѣтельницъ существовавшаго порядка. Солдатъ долженъ былъ умирать по формѣ, на вытяжку—для нѣкоторыхъ болѣзней было предписано употреблять систему доктора Манто по Высочайше утвержденному рецепту.

Планы для построекъ госпиталей составлялись безъ всякаго соображенія удобствъ больныхъ, а для достиженія другихъ цѣлей.

Такъ, напримѣръ, большой Кронштадтскій госпиталь устроенный на 3 тысячи больныхъ, изображаетъ собою букву Н т. е. Николай I-й. Конечно, это можно видѣть только съ аэростата à vol d'oiseau, но на планѣ Высочайше утвержденномъ это ясно. Въ

опредѣленные часы ночи отворялись, несмотря на холодъ, окна, и начиналась чистка паркетовъ особыми госпитальными командами. Все это для удовлетворенія требованія начальства, заключающагося единственно въ томъ, чтобы все лоснилось, и чтобы отнюдь не было дурного запаха. Имѣя въ своемъ завѣдываніи морскіе госпитали въ Петербургѣ и въ Кронштадтѣ, я все это самъ видѣлъ и по опыту могу свидѣтельствовать, что мысль о допущеніи въ госпитали сестеръ милосердія была встрѣчена съ одной стороны съ насмѣшкой, а съ другой— съ явнымъ недоброжелательствомъ.

Нужна была сильная воля, не останавливающаяся ни передъ какими препятствіями, нужна была мудрая предусмотрительность въ общемъ и въ подробностяхъ, нужно было горячее сердце и опытность въ добрѣ. Все это соединяла въ себѣ Великая Княгиня. Кромѣ высокаго ея положенія, ей, какъ женщинѣ, снисходительно уступали даже тѣ, коимъ дико казалось затѣиваемое ею нововведеніе.

Съ перваго же шага вступленія Великаго Князя Константина Николаевича въ управленіе Морскимъ министерствомъ начались вводиться въ семъ министерствѣ разныя преобразованія, общій характеръ которыхъ шелъ, можно сказать, на перекоръ общему духу существовавшаго направленія. Здѣсь не мѣсто говорить объ этихъ преобразованіяхъ и указывать на то общее значеніе, которое получили впослѣдствіи реформы и вопросы, возбуждаемые въ Морскомъ министерствѣ.

Понятно, что Великая Княгиня вполнѣ была увѣрена найти въ Великомъ Князѣ и въ его новыхъ сотрудникахъ усердныхъ помощниковъ при исполненіи благихъ ея предначертаній.

Въ ввѣренномъ мнѣ управленіи коммиссаріатской части нашлись и средства и готовность немедленно ввести сестеръ милосердія, сперва въ Калинкинскомъ госпиталѣ, а потомъ и въ Кронштадтскомъ.

Въ отдѣльномъ, скромномъ, деревянномъ флигилѣ Калинкинскаго госпиталя впервые пріютилась Крестовоздвиженская Община сестеръ милосердія. Не было ни одной мельчайшей подробности въ внѣшнемъ устройствѣ помѣщенія и службы, которая бы ускользала отъ вниманія Великой Княгини, но при этомъ главная забота ея заключалась въ томъ, чтобы дать этой общинѣ тотъ высоко религіозный характеръ, который, воодушевляя сестеръ, закалялъ бы ихъ для борьбы со всѣми физическими и нравственными страданіями.

Многіе, мало знавшіе Великую Княгиню, нерѣдко отзывались

о ней, какъ о женщинѣ весьма умной, но у которой умъ преобладалъ надъ сердцемъ, и потому неспособной воодушевиться горячимъ рвеніемъ къ религіозному началу. Нужно было быть свидѣтелемъ дѣятельности ея при устройствѣ Крестовоздвиженской Общины, чтобы понять, какъ это мнѣніе было несправедливо.

Въ основѣ всякаго предположенія Великой Княгини лежала прежде всего вѣрная, здравая и честная утилитарная мысль; за тѣмъ по мѣрѣ того, какъ мысль эта осуществлялась, она получала въ глазахъ Великой Княгини все болѣе высокое общее, нравственное значеніе. Она стремилась поднять свое созданіе на высоту своего религіознаго чувства, вселить въ него начало жизни и тѣмъ поставить его въ независимость отъ случайностей внѣшнихъ условій. Такія созданія всегда живучи. Онѣ рѣзко отличаются отъ эфемерныхъ занятій нервной чувствительности, нерѣдко составляющихъ все содержаніе моднаго благотворительнаго или богоугоднаго учрежденія. Ходъ развитія мысли учрежденій Крестовоздвиженской Общины сестеръ милосердія и Русскаго музыкальнаго общества можетъ служить доказательствомъ этой истины. Скромная въ началѣ попытка учрежденія Общины сестеръ милосердія увѣнчалась въ Крымскую войну блестящимъ успѣхохъ. По окончаніи же военныхъ дѣйствій и съ прекращеніемъ всѣхъ экстренныхъ рессурсовъ для содержанія этой Общины, вся почти тяжесть расходовъ пала на личныя средства Великой Княгини, тѣмъ не менѣе она не только не ослабла въ своемъ рвеніи къ упроченію существованія сего полезнаго учрежденія, но съ свойственной ей энергіею стремилась расширить кругъ его дѣятельности. Вотъ, что писала мнѣ фрейлина Раденъ въ 1858 году по порученію Великой Княгини:

Mon cher Prince, Madame la Grande Duchesse vient de reçevoir la nouvelle, que le prêtre attaché à l'Община, le père Янышевъ est forcé par des raisons de santé et de sa famille de quitter sa place, il passe à l'ambassade de Berlin. En même temps, il m'écrit longuement sur la nécessité d'avoir auprès de l'Община soit un moine, soit un prêtre veuf, afin que rien ne détourne le confesseur de soeurs de ses devoirs au nombre desquels, il met en première ligne la visite incessante des hopitaux. Le prêtre de Крестовоздвиженская Община devrait être tout à elle, s'y pénétrer autant que les soeurs de l'ésprit véritable de leur sainte vocation et diriger leurs consciences dans ce sens. Les principes sont si vrai, que Madame la Grande Duchesse en a été frappée et me charge de Vous communiquer ses plans à cet égard en vous demandant votre avis. Croyez vous que Кавелинъ, le moine de Jerusalem (отецъ Леонидъ)

serait fait pour deriger moralement la Communauté; croyez vous qu'il saurait entrer dans l'esprit de l'oeuvre, apprendre aux soeurs cette abnégation complète pour l'amour de Dieu sans laquelle on ne fait rien de grand, comprendre lui même la portée d'un ordre de charité active pour l'avenir de l'Eglise? A son retour Madame la Grande Duchesse voudrait après ces quelques années d'activité de l'Община sans reglement définitif, detérminer la position finale de la Communauté réligieuse au St. Synode. Cependant pour être sûr même dans l'avenir de la direction spirituelle de son oeuvre Madame la Grande Duchesse aurait voulu remettre à jamais entre les mains d'une Communauté particulière d'hommes, le soin de guider les consciences des soeurs, afin que le même esprit s'y conservât et qu'elles marchassent toujours dans la même voie. Cette communauté d'hommes du sein de laquelle on choiserait exclusivement les confesseurs de l'Община devrait avoir le même bût, qu'elle, celni de la charité active et aller visiter les malades, les pauvres, enseigner les enfants dans les grandes villes être une Communauté ou un ordre de Missionaire de la charité, non pas parmi les paiens, mais parmi les basses classes chez nous. Marchant ainsi de front, vers le même but ces nouveaux Pêres Missionaires et les Soeurs de la Croix serait unis par un lien indivisible et dans leurs attributions entrerait la direction morale des soeurs partout où l'on en enverait.

Me suis-je bien expliquée? A présent j'ajoute seulement que Son Altesse vous demande si les moines de l'Оптина пустынь seraient aptes de réaliser ce rêve si leur activité, leur ardeur réligieuse pourrait prendre cette direction utile, que la règle de St. Basile approuve"? Въ концѣ этого письма собственноручная приписка Великой Княгини:

„Mille amitiés et la prière de bien Vous pénetrer du contenue de ces lignes, que me tient fort à coeur et ne cesse de me préoccupper...

Adieu et mille bonnes amitiés, portez vous bien et revenez aux affaires armé de courage, de bon vouloir, d'énergie et de patience" [1]).

---

[1]) Любезный князь, до свѣдѣнія ея высочества, великой княгини Елены Павловны дошло, что состоящій при общинѣ священникъ, о. Янышевъ, вынужденъ, по болѣзни и по семейнымъ обстоятельствамъ, оставить свое мѣсто; онъ переходитъ въ Берлинское посольство. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ пишетъ мнѣ пространно о томъ, что при общинѣ необходимо имѣть священникомъ монаха или вдовца, дабы духовный отецъ сестеръ ничѣмъ не отвлекался отъ своихъ обязанностей, въ числѣ которыхъ онъ считаетъ самой главной частое посѣщеніе госпиталей. Священникъ Крестовоздвижен-

Конечно многое изъ сихъ высокихъ предположеній не осуществилось по причинамъ, внѣ власти Великой Княгини состоящимъ, но онѣ показываютъ, какимъ высоконравственнымъ и религіознымъ настроеніемъ была проникнута Великая Княгиня при организаціи созданнаго ею учрежденія, и какимъ духомъ старалась она воодушевить его.

ской Общины долженъ принадлежать всецѣло, долженъ проникнуться также какъ и сестры, истиннымъ духомъ ихъ святого призванія и какъ духовный отецъ руководить ими въ этомъ смыслѣ. Этотъ взглядъ такъ вѣренъ, что ея высочество была поражена имъ и поручила мнѣ сообщить вамъ ея планы на этотъ счетъ и узнать ваше мнѣніе. Какъ вы думаете, будетъ ли Кавелинъ, іерусалимскій монахъ (отецъ Леонидъ) человѣкомъ подходящимъ для того, чтобы руководить Общиной въ этомъ духѣ; сумѣетъ ли онъ проникнуться духомъ Общины, сумѣетъ ли внушить сестрамъ полное самоотверженіе, во имя Господа, безъ коего нельзя сдѣлать ничего великаго, можетъ ли онъ самъ понять все значеніе для будущаго церкви, дѣятельной духовной Общины? Великая Княгиня, по возвращеніи своемъ, хотѣла бы окончательно упрочить въ глазахъ Св. Синода, положеніе духовной Общины, которая существуетъ уже нѣсколько лѣтъ безъ опредѣленнаго устава. Но, чтобы быть совершенно спокойной относительно того, въ какомъ духѣ будетъ вестись, въ будущемъ, созданное ею дѣло, ея высочество хотѣла бы, чтобы духовнымъ пастыремъ сестеръ были исключительно лица принадлежащія къ какой-либо мужской общинѣ или монастырю, дабы среди сестеръ сохранился тотъ же духъ, и онѣ шли бы и впредь тѣмъ же путемъ какъ теперь. Члены этой общины или монастыря, изъ котораго исключительно избирались бы духовные пастыри Крестовоздвиженской Общины, должны преслѣдовать ту же цѣль дѣятельнаго милосердія, посѣщать больныхъ, бѣдныхъ, заниматься въ большихъ городахъ обученіемъ дѣтей; это должна быть Община братьевъ милосердія или миссіонеровъ, которые будутъ дѣйствовать не среди язычниковъ, а среди нашихъ низшихъ классовъ. Идя такимъ образомъ къ одной общей цѣли, эти новые о.о. миссіонеры и сестры Крестовоздвиженской Общины были бы связаны неразрывными узами; въ число ихъ обязанностей входило бы быть духовными пастырями сестеръ всюду, куда бы послѣднихъ ни послали. Ясно ли я изложила все это? Присовокуплю еще, что ея высочество спрашиваетъ васъ, могли ли бы монахи Оптиной пустыни осуществить эту мечту, могла ли бы ихъ дѣятельность и ихъ религіозное рвеніе принять это полезное направленіе, которое одобряется уставомъ св. Василія Великаго?

Въ концѣ этого письма собственноручная приписка Великой Княгини:

«Шлю вамъ привѣтъ и прошу хорошенько проникнуться содержаніемъ этихъ строкъ; это дѣло близко моему сердцу и непрестанно занимаетъ меня...

Прощайте; примите самыя дружескія пожеланія, будьте здоровы и возвращайтесь къ дѣламъ вооруженные смѣлостью, готовностью дѣйствовать (въ этомъ духѣ), энергіей и терпѣніемъ».

Не менѣе замѣчательна воодушевившая Великую Княгиню мысль при окончательной организаціи Русскаго музыкальнаго Общества. Среди заботъ объ устраненіи многихъ препятствій и личныхъ интригъ, неразлучныхъ со введеніемъ правильной организаціи въ подобномъ дѣлѣ, Она въ длинномъ собственноручномъ письмѣ писала мнѣ изъ Карлсбада въ 1867 году между прочимъ слѣдующее:

„J'espère qui comme moi, Vous ne perdérez pas courage, malgré les expériences facheuses, que nous avons faites et que Vous continuerez à donner vos soins à une institution, que nous léguerons j'aime à le croire à la Russie dans toutes les conditions d'une longue vie quôn lui conteste et d'un développement artistique, digne de l'art et de notre patrie“ [1]).

Вотъ, какое широко-культурное значеніе придавала Великая Княгиня учрежденію, въ глазахъ многихъ, лишенному будущности и всякаго вліянія на нравственное развитіе общества.

Но, возвращаюсь къ разсказу; онъ былъ прерванъ мною съ цѣлью уяснить примѣрами ту истину, что Великая Княгиня одарена была особымъ свойствомъ воодушевлять дѣятелей и созданіе свое нравственнымъ стимуломъ, вносящимъ твердое, жизненное живучее начало въ дѣло.

Съ какимъ рвеніемъ и съ какою заботливостію приступила Великая Княгиня къ образованію Общины, о томъ свидѣтельствовать будетъ исторія сего учрежденія. Я здѣсь могу сказать только, что уже въ началѣ осады Севастополя отправленъ былъ въ Крымъ первый транспортъ съ сестрами и госпитальными вещами. Великая Княгиня извѣстила меня слѣдующею собственноручною запискою:

„Mon cher Prince, je crois Vous faire plaisir en vous mandant que j'ai donné l'ordre, que 15 des soeurs envoyées à mes frais samedi soient exclusivement destinées à soigner des marins. Les soeurs expediées aux frais de 5000 trouveront plus tard d'autres malades mais du moins vos marins auront de la consolation le plus tôt possible. Votre zêle se propage et j'apprends que 60 сердобольныхъ vont aussi être dirigées sur Simpheropol. Milles amitiés“ [2]).

---

[1]) Надѣюсь, что Вы, такъ же какъ и я, не утратите бодрость духа, несмотря на всѣ испытанныя нами невзгоды, и по-прежнему будете заботиться объ учрежденіи, которое мы оставимъ, я надѣюсь, въ наслѣдіе Россіи, съ задатками долголѣтія и съ задатками художественнаго развитія достойнаго искусства и нашей родины“.

[2]) „Любезный князь, я думаю вамъ пріятно, будетъ узнать, что, по моему приказанію, 15 сестеръ, отправляемыхъ въ субботу, на мое иждивеніе

То, что съ такою деликатною любезностію Великая Княгиня относитъ къ моему усердію, была лично ей принадлежащая заслуга.

Удачный опытъ, отозвавшійся не только въ благословеніяхъ больныхъ и раненыхъ, но и въ единогласномъ отзывѣ всѣхъ военоначальниковъ, вызвалъ во всемъ обществѣ ревностное желаніе дѣйствовать на пользу раненымъ и больнымъ испытаннымъ уже путемъ. Въ Морское министерство и къ Великой Княгинѣ стали стекаться со всѣхъ сторонъ приношенія вещами и деньгами; явилось много желающихъ вступить въ ряды сестеръ милосердія разныхъ наименованій.

Въ этомъ движеніи приняла впослѣдствіи участіе Цесаревна (нынѣшняя Императрица)[1]) и такимъ образомъ положено было начало тому учрежденію, которое впослѣдствіи въ Франко-Прусскую войну впервые получило правильную организацію въ Общество Краснаго Креста.

Изъ приведеннаго выше письма фрейлины Раденъ и приписки Великой Княгини видно, какое широкое развитіе думала она дать Крестовоздвиженской Общинѣ; хотя мечта ея (son rêve, какъ она сама называла) и не осуществилась, но тѣмъ не менѣе до самой кончины своей Великая Княгиня заботилась и лелѣяла свое возлюбленное созданіе.

Съ кончиной Государя Николая Павловича повѣяло вдругъ новой жизнью. Но бѣдственная Крымская война была еще въ полномъ разгарѣ. Вся Россія въ глубокой грусти, утомленная печальными извѣстіями, ежедневно получаемыми изъ Севастополя, не могла еще придти въ себя. Какое-то неопредѣленное чувство надежды и сомнѣнія царило въ высшихъ сферахъ Петербургскаго Общества.—Великая Княгиня утратила въ покойномъ Государѣ искренно любящаго ее друга и современника. Съ новымъ молодымъ поколѣніемъ царственныхъ особъ она была совсѣмъ въ иныхъ отношеніяхъ.

Никто изъ нихъ, кромѣ Великаго Князя Константина Николаевича, не принималъ непосредственнаго участія въ управленіи, ни

предназначены исключительно для ухода за моряками. Тѣ сестры, которыя будутъ посланы за счетъ 5000 руб., найдутъ впослѣдствіи другихъ больныхъ, но по крайней мѣрѣ ваши моряки будутъ утѣшены возможно скоро. Ваше усердіе распространяется, и я слышала, что 60 сердобольныхъ также будутъ посланы въ Симферополь. Всего наилучшаго".

[1]) Государыня Императрица Марія Александровна. *Прим. ред.*

съ кѣмъ изъ нихъ Великая Княгиня не была въ особенно близкихъ отношеніяхъ. Они относились къ ней, какъ къ умной, своенравной тетушкѣ, живущей въ мірѣ для нихъ чуждомъ. Великая Княгиня сразу поняла, что оставаться ей въ прежнемъ отчужденіи отъ личныхъ, близкихъ отношеній съ семьей уже было невозможно, и что на ней лежитъ обязанность сблизиться съ молодой Царственной Четой и пріобрѣсть ея довѣріе. Еще въ послѣдніе два года царствованія Императора Николая Павловича, Цесаревичъ и Цесаревна бывали приглашаемы на морганатическіе вечера къ княжнѣ Львовой, гдѣ издали показывались имъ личности, не принадлежащія ко двору и къ большому свѣту, но о которыхъ они слыхали по репутаціи. Къ присутствію этихъ лицъ и къ ихъ физіономіи они начинали привыкать. Я даже разъ былъ приглашенъ Великою Княгинею къ обѣду съ Цесаревною, гдѣ и былъ ей представленъ.

На другой день по кончинѣ Императора Николая Павловича былъ я приглашенъ къ Великой Княгинѣ и имѣлъ съ нею весьма длинный разговоръ, изъ котораго вынесъ заключеніе, что она твердо рѣшилась стараться пріобрѣсти вліяніе, съ цѣлью, по возможности, парализавать вліяніе лицъ, которыхъ въ особенности она считала вредными и въ этомъ случаѣ надѣялась на содѣйствіе Великаго Князя Константина Николаевича. Она просила меня съ своей стороны стараться убѣдить Великаго Князя не устранять себя отъ близкаго участія въ дѣлахъ общаго управленія и не ограничиваться въ разговорахъ съ братомъ однимъ спеціальнымъ интересомъ Морского министерства. Она сказала мнѣ, что помнитъ, какъ покойный Великій Князь Михаилъ Павловичъ тоже систематически устранялъ себя въ началѣ царствованія Императора Николая Павловича отъ всякаго участія въ дѣлахъ не военныхъ, самъ впослѣдствіи скорбѣлъ объ этомъ и вынужденъ былъ, не рѣдко, дѣйствовать чрезъ ея посредство. Болѣе всего Великая Княгиня опасалась вліянія генералъ-адъютанта Ростовцева. Объ немъ она была тогда самаго невыгоднаго мнѣнія. Его близкія отношенія къ покойному Великому Князю Михаилу Павловичу оставили въ ней непріятное воспоминаніе. Я отвѣчалъ Великой Княгинѣ, что не берусь самъ исполнить ея порученія по отношенію къ Великому Князю, ибо рѣшительно не имѣю на него никакого вліянія, внѣ круга моихъ прямыхъ служебныхъ обязанностей, но что я убѣжденъ, что сила вещей заставитъ Великаго Князя не ограничивать дѣятельность свою однимъ тѣснымъ кругомъ Морского вѣдомства, что желательно было бы, для общаго спокойствія, что бы отношенія обоихъ братьевъ были бы опредѣлены болѣе положительно, что совершенно воз-

можно, ежели бы предоставлено было Великому Князю мѣсто, которое бы вмѣняло ему въ обязанность, въ извѣстной мѣрѣ, заниматься общими дѣлами, какъ, напримѣръ, мѣсто предсѣдателя Государственнаго Совѣта.

Первые дни новаго царствованія ознаменовались единственно безчисленными повелѣніями о перемѣнѣ формъ обмундированія и плаксивными приказами генерала Ростовцева и по видимому оправдывали опасенія Великой Княгини.

Ростовцевъ въ первый же мѣсяцъ новаго царствованія сдѣланъ былъ членомъ Государ. Совѣта и Комитета Министровъ. Между тѣмъ дѣла въ Крыму шли все хуже и хуже. Вѣнскія конференціи были прерваны. Россія истощала послѣднія средства. Общее негодованіе на прежнее царствованіе, за всю обнаружившую неурядицу во всѣхъ отрасляхъ управленія, проникло во всѣ слои общества, и вездѣ слышалось рѣзкое осужденіе всего существующаго порядка.

Рукописная литература, въ разныхъ видахъ и съ разныхъ сторонъ, обличала всѣхъ и все. Въ Морское министерство, какъ видимому центру новаго направленія, стекались записки и проекты по всѣмъ возможнымъ предметамъ. „Морской сборникъ“ сдѣлался органомъ сего новаго направленія. За всѣмъ этимъ движеніемъ Великая Княгиня продолжала пристально слѣдить, не упуская ни одного случая для дѣятельнаго участія въ возбужденіи вопросовъ и въ подготовленіи, посредствомъ личнаго своего вліянія, почвы для разрѣшенія ихъ.

Не ограничиваясь уже одними soirées morganatiques, начала уже принимать у себя къ обѣду и по вечерамъ. Достаточно было, хотя бы на словахъ, намекнуть ей о какой-либо полезной мѣрѣ или указать ей на какой-нибудь вопіющій, фактъ и она сейчасъ придумывала способъ, какъ помочь дѣлу.

Однажды, въ разговорахъ съ Великой Княгиней, я сказалъ ей, что хотя награда, дарованная Севастопольскому гарнизону покойнымъ Государемъ, о зачисленіи каждаго мѣсяца за годъ службы и велика, но въ сущности ею воспользуются не многіе, ибо большая часть гарнизона вѣроятно погибнетъ или за ранами сдѣлается неспособной продолжать службу. Между тѣмъ несчастные армейскіе офицеры, сколько мнѣ извѣстно, крайне нуждаются въ насущномъ пропитаніи, ибо, получая небольшое жалованье, не въ состояніи покупать припасы по дорогой цѣнѣ въ Севастополѣ. На другой же день послѣ этого разговора Великая Княгиня пригласила къ себѣ военнаго министра и уговорила его испросить офицерамъ въ Крыму пособіе и сдѣлать это къ 25 іюня—дню рожденія покойнаго Государя. Нѣсколько дней спустя Великая Княгиня прислала мнѣ письмо

военнаго министра, въ которомъ онъ извѣщалъ ее, что Высочайше повелѣно всѣмъ штабъ и оберъ-офицерамъ въ Крыму производить столовыя деньги, и что объ этомъ послано приказаніе по телеграфу.

Было бы весьма трудно перечислить всѣ подобные случаи благотворнаго участія Великой Княгини въ частныхъ распоряженіяхъ того времени, тѣмъ болѣе, что не одинъ я пользовался ея готовностью помогать доброму дѣлу. Къ ней обращались всѣ какъ къ вѣрному органу, чрезъ посредство котораго всякая полезная мысль могла осуществиться. Мало по малу и въ высшихъ, царственныхъ и придворныхъ сферахъ начали привыкать къ ея посредничеству.

Съ изумительнымъ тактомъ орудовала она всѣми увлекательными свойствами женскаго ума. Скоро всѣ министры подчинились ея вліянію и такъ какъ къ концу крымской кампаніи чувствовалась неизбѣжность существенныхъ реформъ, и всѣ самые важные вопросы носились уже, такъ сказать, въ воздухѣ—то сфера занятій, разговоровъ и сужденій въ обществѣ Великой Княгини постепенно расширялась. Съ назначеніемъ С. С. Ланского министромъ внутреннихъ дѣлъ, всѣ сколько-нибудь важныя дѣла сего министерства были извѣстны Великой Княгини; а такъ какъ въ то время, какъ и теперь, не было между министрами большого согласія, то нерѣдко она содѣйствовала примиренію враждующихъ сторонъ. Число представителей молодого поколѣнія, получившихъ уже въ разныхъ министерствахъ вліятельное значеніе, постепенно увеличивалось, и всѣ они пользовались особымъ вниманіемъ Великой Княгини.

Вскорѣ послѣ паденія Севастополя, а именно въ сентябрѣ 1855 года, Государь съ Императрицей и всѣ Великіе Князья поѣхали въ Москву. Цѣль поѣздки была показаться народу и поклониться угодникамъ. Великая Княгиня, не упускавшая, при новомъ царствованіи, ни одного случая участвовать въ придворныхъ торжествахъ, рѣшилась также поѣхать и пригласила меня ей сопутствовать.

Выѣхавъ изъ Петербурга безъ разрѣшенія и вѣдома начальства, я не могъ оставаться въ Москвѣ болѣе двухъ сутокъ и не участвовалъ на выходахъ. Великая Княгиня поселилась въ своемъ дворцѣ, наскоро приведенномъ въ порядокъ, такъ какъ тамъ давно уже никто не жилъ. Она, разумѣется, не упустила случая познакомиться со всей московской интеллигенціей.

Въ то время всѣ еще были подъ впечатлѣніемъ паденія Севастополя, война еще продолжалась на сѣверной сторонѣ. Носились слухи, что въ Москвѣ изданъ будетъ манифестъ, въ которомъ по

примѣру 1812 года Государь объявитъ, что не положитъ оружія, пока хотя одинъ врагъ останется на русской землѣ. Но этого манифеста не было, а напротивъ стали поговаривать о мирѣ. Изъ Москвы Государь съ Великими Князьями отправились въ Николаевъ, а Великая Княгиня вернулась въ Петербургъ.

Въ теченіе зимы 1855 года вечернія собранія у Великой Княгини разнообразились, играми, шарадами и музыкой. Своеобразный и необычный при дворѣ тонъ этихъ собраній видимо нравился Государю, и онъ съ Императрицей часто бывалъ на нихъ и всегда встрѣчалъ тутъ болѣе или менѣе незнакомыя ему лица, съ видомъ которыхъ онъ мало-по-малу свыкался, такъ что иногда съ ними разговаривалъ.

Въ началѣ 1856 года, вслѣдствіе вмѣшательства Австріи, начались переговоры о мирѣ, которые кончились парижскими конференціями. Все это время горькихъ испытаній, памятно намъ, современникамъ... Тяжелое чувство оскорбленія народной гордости и сознаніе полной нашей во всѣхъ отношеніяхъ несостоятельности умѣрялось во многихъ надеждой, что событія такъ ясно обнаружили причину нашихъ неудачъ, что скоро неминуемо должна настать пора существенныхъ преобразованій. Но далеко не всѣ обольщали себя этой надеждой. Дѣйствительно, ничто не предвѣщало близость новой эпохи и начала новаго направленія въ правительствѣ. Люди оставались тѣ же, пріемы и формы орудованіемъ властью оставались прежніе. Отсутствіе послѣдовательной мысли въ чемъ-либо было прежнее. Одно лишь увольненіе графа Клейнмихеля и замѣщеніе его генераломъ Чевкинымъ, казалось, какъ будто указывало на нѣкоторый переворотъ въ оцѣнкѣ способностей людей; но и эта перемѣна оказалась единичною, а потому не могла имѣть никакихъ послѣдствій. Сейчасъ по заключеніи мира все въ Петербургѣ стало заботиться о приготовленіяхъ къ коронаціи.

Между тѣмъ все въ Россіи зашевелилось. Со всѣхъ сторонъ посыпались въ Петербургъ проекты желѣзныхъ дорогъ, записки о разныхъ финансовыхъ реформахъ и улучшеніяхъ, о судебномъ преобразованіи, объ освобожденіи крестьянъ, о преобразованія арміи и пр. и пр. У меня сохранилось отъ того времени два большіе ящика, полные записками по всѣмъ этимъ вопросамъ. Ко мнѣ обращались знакомые и незнакомые только потому, что знали, что я имѣю доступъ къ Великой Княгинѣ и Великому Князю Константину Николаевичу.

Большинство этихъ проектовъ и записокъ, конечно, по содержанію, сомнительнаго достоинства, но въ нихъ слышался отчаян-

ный вопль людей, взывающихъ къ правительству о спасеніи. Видно было, что неудачная война заживо задѣла общество, и оно пробудилось.

Въ началѣ апрѣля 1856 года, Государь ѣздилъ въ Москву и тамъ въ рѣчи, обращенной къ представителямъ дворянства, намекнулъ на крестьянскій вопросъ, сказавъ, что желательно, чтобы реформы шли съ верху, а не съ низу. Эти слова еще болѣе замутили общество. Всякій толковалъ ихъ по-своему, а вслѣдъ за симъ какъ будто для того, чтобы уже окончательно сбить всѣхъ съ толку, объявленъ былъ циркуляръ Министра Внутреннихъ Дѣлъ Ланского губернаторамъ и губернскимъ предводителемъ дворянства, въ которомъ ясно выражалась только мысль, что надо поддерживать помѣщиковъ и удерживать крестьянъ въ повиновеніи.

Все это доказывало только шаткость и неопредѣленность воззрѣній въ высшемъ правительствѣ и еще болѣе убѣждало всѣхъ, что старое зданіе расшатывается. Чѣмъ выше было общественное положеніе лицъ, тѣмъ чувствительнѣе и замѣтнѣе для нихъ было это шатаніе. Понятно, что Великая Княгиня скорѣе другихъ почувствовала, что наступило время формулированія вопросовъ уже не въ общихъ неопредѣленныхъ выраженіяхъ, а въ видѣ конкретномъ, перенесенномъ на почву практическую.

Съ рѣшимостью дѣйствовать въ этомъ направленіи прибыла Великая Княгиня въ Москву на коронацію.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ минувшаго.

(Воспоминанія и впечатлѣнія литератора. 1865—1897 г.) [1]).

XVI.

У литературныхъ могилъ.

Торжественныя похороны Достоевскаго, Тургенева, Кавелина, Костомарова, Салтыкова (Щедрина) и Шелгунова. — Открытіе памятника Некрасову.—У могилы В. Ѳ. Корша.

Къ числу нашихъ „литературныхъ учрежденій“, по всей справедливости, надо отнести похороны и панихиды. Но и этого рода собранія и поминки не сразу удалось завоевать русскимъ писателямъ, и не всегда сходили они благополучно.

Извѣстно, что останки Пушкина были „изъяты“ ночью изъ Конюшенной церкви и тайно увезены для погребенія въ Псковской губерніи. Даже родныхъ не было на погребеніи великаго поэта.

Въ началѣ вѣка ссылали его живого; въ концѣ концовъ, сослали и мертваго.

Лермонтова извели въ 27 лѣтъ, въ кавказской ссылкѣ, и похоронили въ глуши. Въ 1891 году, выдрессированное Побѣдоносцевымъ духовенство не хотѣло, безъ особаго разрѣшенія,—служить панихиды въ Казанскомъ Соборѣ, въ 50-ти-лѣтнюю годовщину кончины Лермонтова.

На похоронахъ В. Г. Бѣлинскаго, въ 1848 году, присутствовало гораздо болѣе полиціи, нежели поклонниковъ великаго критика.

---

[1]) См. „Русскую Старину“, декабрь 1908 г.

Болѣе или менѣе торжественная обстановка похоронъ зависитъ не только отъ политическихъ настроеній и „страха іудейскаго“, но и отъ погоды физической. Сильный морозъ, осеннее ненастье или лѣтній отдыхъ всегда вліяли на число присутствующихъ на выносахъ или отпѣваніяхъ. Обломовщина, обывательская лѣнь не располагаютъ къ чествованію ни живыхъ, ни покойниковъ, если это не сопряжено съ какими-нибудь личными происками или удовольствіями. Русскаго читателя надо сильно расшевелить, „ударить по сердцамъ съ невѣдомой силой“,—чтобъ вызвать сколько нибудь приличное и активное вниманіе къ писателямъ. Сами литераторы, честная, чуткая къ добру учащаяся молодежь, да кое-кто изъ рабочаго люда—представляютъ единственный контингентъ, изъ котораго набирались обыкновенно участники „литературныхъ поминокъ“.

Въ 80-хъ годахъ стали устраивать довольно торжественныя и многолюдныя похороны съ хорами добровольцевъ-пѣвчихъ и вѣнками впереди. Зелень и цвѣты вѣнковъ, несомыхъ впереди, придавали особую красоту и величавость процессіи. Цвѣты красноречія у могилъ выясняли смыслъ этихъ манифестацій, значеніе творчества, общественной и политической дѣятельности писателя. Кладбища обращались иногда въ трибуну.

Первыя торжественныя похороны подобнаго рода состоялись въ честь Ѳ. М. Достоевскаго, въ январѣ 1881 года. Изъ Кузнечнаго переулка, по Владимірскому проспекту и по Невскому процессія потянулась въ Александро-Невскую лавру. Разстояніе было небольшое, но народу было достаточно. При подобной же обстановкѣ хоронили Кавелина и Костомарова. Въ обоихъ случаяхъ надо было пройти черезъ весь городъ, съ Васильевскаго острова до Волкова кладбища. Самыя величественныя, по истинѣ, общественныя похороны устроились при погребеніи И. С. Тургенева. Стоялъ прекрасный, солнечный, сентябрьскій день. Столица уже съѣзжалась. Было около 200 депутацій съ вѣнками отъ редакцій, отъ всѣхъ слоевъ общества и крестьянъ, освобожденію которыхъ такъ настойчиво и художественно содѣйствовали незабвенныя произведенія Тургенева. Процессія тянулась версты на три, съ Варшавскаго вокзала.

Она прошла окраинами Петербурга, охвативъ лишь часть Загороднаго проспекта; но толпы народа покрывали тротуары, зрители виднѣлись на всѣхъ крышахъ и въ окнахъ. Служащимъ, учебнымъ заведеніямъ и военнымъ было запрещено участвовать въ похоронахъ великаго писателя. Но гражданскія похороны удались какъ нельзя лучше, съ небывалой стройностью и торжественностью. Наша бюрократія часто отличалась безтактностью. Она

умѣла выказывать свое невѣжество, дикую грубость, вражду ко всему, что чтятъ народы и просвѣщенное человѣчество. Тургенева она почтила своимъ отсутствіемъ и отщепенствомъ. Сановники 80-хъ годовъ отреклись отъ Тургенева, какъ предшественники ихъ чуждались Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Бѣлинскаго.

Похоронамъ Тургенева бюрократія придала значеніе „революціонной пропаганды". Послѣдовало запрещеніе подобныхъ процессій, участія депутацій и ношенія вѣнковъ. По мудрому указанію Побѣдоносцева, вѣнки стали сваливать въ кучу, на запасныя колесницы, и возили съ тѣхъ поръ за гробомъ. Неудачныхъ министровъ, плохихъ градоначальниковъ, генераловъ, одержавшихъ побѣды на плацъ-парадахъ, хоронили съ почестями и торжественными процессіями; а обществу и народу нельзя было сколько-нибудь прилично проводить въ могилу любимыхъ писателей, художниковъ, артистовъ. Только для двухъ композиторовъ—Чайковскаго и Рубинштейна допущено было исключеніе.

Вопреки давленію Побѣдоносцева, все же въ извѣстныхъ случаяхъ общественное сочувствіе и уваженіе умѣло выказываться съ достаточной ясностью. Такой почетъ проявился при похоронахъ М. Е. Салтыкова (Щедрина) и Н. В. Шелгунова. Громадные хоры молодежи шли впереди и чередуясь пѣли „Святый Боже". Вокругъ гроба и за колесницей шли толпы. Множество полиціи и жандармовъ довершало торжественность, какъ-бы въ насмѣшку надъ дѣйствительными намѣреніями администраторовъ. Въ этихъ случаяхъ стекаются свободные люди, подъ вліяніемъ мысли и сердца, а не по наряду полиціи или указу консисторій.

На сколько могу припомнить, въ первый разъ мнѣ пришлось сказать рѣчь при открытіи памятника Н. А. Некрасову, въ сентябрѣ 1878 г. Мнѣ не было случая лично познакомиться съ Некрасовымъ; онъ болѣлъ, тяжко страдалъ; безпокоить его, безъ особой надобности, было безбожно; но я зналъ наизусть всѣ лучшія его произведенія и до сихъ поръ иныя помню и люблю. Пусть не во всѣхъ изъ нихъ много поэзіи; но для публициста всѣ они прекрасно звучатъ.

Не могу представить даже, чтобы кто-либо, взрощенный идеями 60-хъ годовъ, не былъ горячимъ поклонникомъ пѣвца свободы и народной скорби. На похоронахъ Некрасова я не могъ быть, будучи въ то время въ Болгаріи; но мнѣ удалось присутствовать при открытіи ему кладбищенскаго памятника. День былъ осенній, но солнечный, такой, какой любятъ охотники. Народу было много, преимущественно учащейся молодежи обоего пола; но

были и старые почитатели Некрасова. Могила его находится на кладбищѣ Новодѣвичьяго монастыря, близко отъ воротъ, направо, въ первой линіи. Когда духовенство отслужило панихиду, упалъ покровъ съ памятника, и надъ головами толпы, поднимаясь къ ясному небу, предсталъ знакомый ликъ поэта... Открытое, умное чело очень схожаго бронзоваго бюста сіяло привѣтомъ. Всѣ глаза были обращены къ нему; всѣ ждали слова; но царило молчаніе. Прошло нѣсколько минутъ, становилось какъ-то неловко. Я стоялъ довольно далеко отъ памятника, куда добраться было трудно. Слышатся какія-то недоумѣнія. Кто-то заявляетъ, что запрещено говорить и рѣчей не будетъ. Иные, казалось мнѣ, вопросительно оглядываются на меня. Неужели открытіе памятника Некрасову пройдетъ среди отупѣлаго молчанія? Даже предъ смертью, изъ страдальческихъ устъ Некрасова вырывалась горькая жалоба, что первое его стихотвореніе встрѣтилось съ цензурнымъ произволомъ и, послѣ возвѣщенныхъ свободъ, умирать ему приходится, испытывая подобныя же насилія надъ даромъ Божьимъ!.. Неужели съ рабской покорностью, склонить выю передъ слухами о полицейскомъ запретѣ?

Я чувствую, что кровь приливаетъ мнѣ въ голову; меня потянуло къ любимому поэту. Предо мной разступается толпа, мнѣ даютъ дорогу. Я слышу, что называютъ мою фамилію, которой „Русское Обозрѣніе“ и дѣло Вѣры Засуличъ придали извѣстность. Я не знаю еще, что скажу, но остановиться уже не возможно. У самаго памятника такъ тѣсно, что дышать трудно; меня почти притискиваютъ къ рѣшеткѣ; я перешагнулъ черезъ нее и очутился на возвышеніи фундамента могилы. Снявъ шляпу, я началъ импровизированную рѣчь. О Некрасовѣ сказать не трудно. Богатство его поэзіи и совмѣстная журнальная дѣятельность съ передовыми писателями даютъ неистощимый матеріалъ. Я напомнилъ, что самъ Некрасовъ ясно опредѣлилъ качество своей музы. Она не умерла и не умретъ, до тѣхъ поръ, пока не угаснутъ справедливость и любовь къ народу. Сбудется и желаніе поэта, чтобъ къ могилѣ его „широкія лапти народныя проторили пути“. По мѣрѣ развитія просвѣщенія, будетъ расти и шириться слава Некрасова и любовь къ нему. Объ этомъ свидѣтельствуютъ окружающіе его и теперь поклонники. Нѣтъ, онъ не умеръ, а глядитъ на насъ, подтверждая свои завѣты.

И я прочелъ надпись на подножьи памятника, извѣстное: „Сѣйте разумное, доброе, вѣчное“... „Этотъ завѣтъ мы обязаны свято блюсти, а поэту-гражданину вѣчная благодарность, вѣчная память“.

Такъ закончилась моя рѣчь, сказанная отъ всего сердца, не-

подготовленно. Вопреки обычаю, кладбище огласилось рукоплесканіями. Мнѣ пожимали руки. Одна старушка, съ слезами, почти рыдая, благодарила меня. Молчаніе было прервано, послышались новыя рѣчи, стихи. Заговорила молодежь. Я усталъ и уѣхалъ. Передавали, что толпа не расходилась, пока не смерклось.

Меня удивляло, что никто изъ редакціи „Отечественныхъ Записокъ“ не произнесъ рѣчи. Объясняли, что церемонія открытія памятника была разрѣшена подъ условіемъ молчанія. Но молчаніе было нарушено, и никакихъ опасностей и бѣдъ отъ этого не произошло.

На томъ же кладбищѣ Новодѣвичьяго монастыря, очень близко отъ могилы Некрасова, схороненъ Валентинъ Ѳедоровичъ Коршъ. Несчастная судьба этого публициста-издателя! Занимая первенствующее положеніе въ прогрессивной журналистикѣ 60-хъ годовъ, онъ лишился самостоятельнаго положенія, обратился въ скромнаго, незамѣтнаго журналиста и переводчика. Ему пришлось подъ старость скитаться по чужимъ изданіямъ, не имѣя вѣрнаго заработка, оставить безъ всякихъ средствъ семью. И умеръ онъ въ самый разгаръ реакціи, въ самое безотрадное время, въ 1884 году, да еще и лѣтомъ, когда Петербургъ въ разъѣздѣ. Тѣло В. Ѳ. Корша привезено было откуда-то изъ-за границы, гдѣ онъ лечился. Въ городѣ было душно, пыльно и пусто. Похороны пришлись на воскресный іюльскій день, когда всѣ, кто можетъ, бѣгутъ изъ Петербурга, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ, погулять въ лѣсу, полюбоваться волнистой рожью.

И я, обыкновенно, по воскреснымъ днямъ, гостилъ за городомъ, у близкихъ друзей; но съ первымъ же пароходомъ пріѣхалъ на похороны Корша. Отпѣвали его въ большой церкви. Обычныхъ богомолокъ и нищихъ, кажется, было больше, нежели родныхъ и знакомыхъ. Около гроба было очень свободно. Отсутствовали даже тѣ журналисты, которые составили себѣ имя подъ руководствомъ Корша и „благопріобрѣтали“ теперь, подслуживаясь къ попятнымъ вѣяніямъ, сгубившимъ всю либеральную печать, разорившимъ однихъ и принудившимъ къ бездѣйствію другихъ. Кладбищенскимъ забвеніемъ, скорбью, бѣдностью, людской неблагодарностью, равнодушіемъ и несправедливостью вѣяло около этого гроба.

Ко мнѣ подошелъ племянникъ В. Ѳ. Корша, г. Григорьевъ, сынъ извѣстнаго критика.

— Слава Богу, что вы пріѣхали,—шепнулъ онъ:— можетъ быть, вы скажете что-нибудь въ память дяди?.. Неужели у его могилы не будутъ помянуты прежнія „С.-Петербургскія Вѣдомости“?..

— И я чувствую эту потребность,— отвѣчалъ я,—но не знаю, удастся ли... Меня давитъ тоска!..

— Вы сами въ такомъ положеніи: лучше другихъ вамъ извѣстно, что пережилъ несчастный дядя, — уговаривалъ г. Григорьевъ.

Отпѣли, понесли тяжелую ношу къ могилѣ. Опустили, пропѣли обычную „вѣчную память“; куски земли грохнули на гробъ, а у меня все еще не слагалось стройной, ясной рѣчи... Горестныя, ѣдкія чувства подавляли мысли; но сказать было надо. Такихъ людей, какъ Коршъ, не зарываютъ въ землю, не помянувши прощальнымъ словомъ. Не многіе даже въ состояніи понять эти страданія. Вѣдь его не мучили; не было ранъ и пытокъ. Запретили газету,—что за важность?—Лишили возможности писать, высказываться свободно; но милліоны людей не чувствуютъ въ этомъ ни малѣйшей бѣды. Если у кого имѣніе отсудятъ, или съ должности прогонятъ, праздниковаго пособія не дадутъ,—это, понятно, чувствительно! Въ высшемъ обществѣ привыкли даже думать, что все зло отъ литературы: чѣмъ меньше газетъ и журналовъ, тѣмъ лучше! Какой-нибудь приказъ, лживая реляція, губернаторскій отчетъ, веселенькій водевиль и пикантный французскій романъ,— вотъ ихъ умственная пища! Отнять газету, запретить журналъ, сжечь книгу, уничтожить статью,—въ этихъ „сферахъ“ считается подвигомъ. Полицейскими мѣропріятіями эти умственные опекуны не стѣсняются. Они глумятся надъ „нечитайлами“, которыхъ они же держатъ въ тьмѣ, а сами способны довольствоваться невѣжествомъ Весь XIX- йвѣкъ, за исключеніемъ немногихъ свѣтлыхъ годовъ, прошелъ у насъ въ явной и тайной борьбѣ верховъ съ просвѣщеніемъ, наукой и печатью. Самые глупые и невѣжественные люди достигали у насъ степеней высокихъ; отнятіе, ограниченіе умственной пищи у общества, у народа, считалось надежнѣйшей опорой власти, крѣпостничества, промышленности и торговли. Кое-какая „техника“ еще допускалась, но „идей“ не надо было; мысль, разсужденія, гласность преслѣдовались.

В. Ѳ. Корша обобрали и вещественно, и духовно. Его заживо схоронили, изъяли изъ русской журналистики, обрекли на нищенство и буквально забили въ гробъ безконечной цѣпью полицейскаго произвола. В. Ѳ. Коршъ былъ легальнѣйшій человѣкъ, необычайно добрый, искренно вѣровавшій въ силу просвѣщенія и справедливости. Онъ былъ вѣрнымъ приверженцемъ либеральныхъ идей и преобразованій. Всякая жестокость его возмущала; малѣйшая неправда находила въ немъ осужденіе. Этого было достаточно, чтобъ потоки гнѣва излились на Корша, чтобъ у него были

отняты „С.-Петербург. Вѣдомости“, при посредствѣ самой гадкой интриги. Смерть унесла его преждевременно, потому, что онъ не хотѣлъ, не могъ оставаться въ станѣ „ликующихъ, праздно-болтающихъ, обагряющихъ руки въ крови“... Но настанетъ время, когда будутъ помянуты всѣ угнетенные и страдавшіе за правду, за свѣтъ, за общее благо. Въ числѣ этихъ подвижниковъ не забудется и честный, стойкій русскій писатель и журналистъ.

Въ такомъ родѣ была рѣчь, произнесенная мною на похоронахъ В. Ѳ. Корша. Многіе плакали; но всѣхъ-то ихъ было крайне мало у этой бѣдной могилы.

На другой день появились краткіе отчеты объ этой рѣчи, по обыкновенію въ крайне искаженномъ видѣ. Одна газета даже оклеветала меня, будто я былъ врагомъ Корша и радовался отнятію у него „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“. Это вынудило меня на опроверженіе. Оно было помѣщено въ „Новостяхъ“.

Григорій Градовскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Шпиртъ.

(Со словъ М. Г. Черняева въ Ташкентѣ въ 1882 г.).

Осенью послѣ взятія Ташкента генералъ Черняевъ переправлялся съ отрядомъ, при которомъ было единственныхъ 2 единорога (кстати сказать изготовленія 1812 г.) чрезъ рѣку Сыръ-Дарью. На Дарьѣ шелъ ледъ. Каюкъ, перевозившій одинъ изъ единороговъ, наткнулся на льдину, получилъ пробоину и пошелъ ко дну. Для Азіи, гдѣ въ тѣ времена русскія силы мѣрились не дивизіями, а ротами, и гдѣ огонь имѣлъ громадное значеніе — потеря была крайне чувствительная.

Генералъ тотчасъ же вызвалъ изъ Уральской сотни охотниковъ—нырнуть и завязать веревку за цапфы единорога; пообѣщалъ и нашивки, и крестъ, и 100 рублей.

Вызвались три рыжебородыхъ молодца. Генералъ похвалилъ ихъ, но получилъ еще запросъ: „а какъ насчетъ шпирта?“

„Сколько выпьете, только достаньте“!

„Рады стараться“!

И вотъ съ каюка, закрѣпленнаго якорями у мѣста, гдѣ затонуло орудіе, раздѣвшись стали станичники нырять. Генералъ былъ тутъ же. Нырнулъ первый—побылъ въ водѣ,—вынырнулъ—и ему крышку спирта; пока онъ отдыхалъ—другой въ воду, потомъ третій; нырнули раза по три—выпили по три крышки, но завязать веревки все еще не смогли.

Вечерѣло. Генералъ въ ажитаціи. Стали нырять всѣ разомъ.

Стоявшій тутъ же на каюкѣ, старикъ—урядникъ на всю эту процедуру глядѣлъ крайне неодобрительно и на вопросъ генерала—что это казаки его такъ долго возятся?—сказалъ:—дозвольте Вашему Превосходительству доложить,—если Вы эту модель—поить ихъ, не изволите бросить,—они, пошрѣли ихъ бороду [1]), такимъ манеромъ до ночи провозятся; разрѣшите мнѣ самому распорядиться. И только что вынырнувшіе казаки,—по привычкѣ, протянули было руки за спиртомъ, урядникъ—разъ, два, три—треснулъ каждаго по уху. Вотъ вамъ, такіе сякіе, шпиртъ. Маршъ сейчасъ и завязать! Тѣ въ воду и, вынырнувъ наконецъ, объявили, что готово—завязано.

Продѣлать все это при пронзительномъ вѣтрѣ въ водѣ, гдѣ идетъ ледъ—вы—нынѣшніе,—нутка...

Безсмертный.

[1]) Уральское ругательство.

Дипломатическія депеши датскаго посланника при Русскомъ Дворѣ, Вестфалена, о воцареніи императрицы Анны Іоанновны [1]).

(Окончаніе).

№ 17.

Москва. 23/12 марта 1730 года.

Ваше высочество! Я сердечно радуюсь, что вѣрно отгадалъ относительно Голицыныхъ и Долгорукихъ, которые вмѣстѣ съ великимъ канцлеромъ болѣе всѣхъ въ Россіи, видитъ Богъ, расположены къ интересамъ Россіи. Они смертельно ненавидятъ герцога голштинскаго, его соумышленниковъ, сына его покойной супруги и принцессу Елисавету; принадлежащіе къ этой партіи представляютъ далеко не ничтожную группу въ Россіи. Увѣдомляю Ваше Превосходительство объ этомъ дѣлѣ съ величайшей точностью, считая его заслуживающимъ вниманія, главнымъ образомъ по отношенію къ будущему. Политика была бы не столь трудна, если бы она могла ограничиться лишь борьбою съ дѣлами настоящаго и своевременными мѣропріятіями для избѣжанія зла и обращенія ко благу. Но должность акредитованнаго министра, какъ главнаго, такъ и второстепеннаго затруднительна, вслѣдствіе обязанности, такъ-сказать, провидѣть будущее. Въ случаѣ его ошибки, мѣры для отстраненія угрожавшихъ намъ ударовъ неизбѣжно явятся несоотвѣтственными и выяснится, что не пользовались въ свое время преимуществами, которыя сулило будущее; а отъ этихъ ошибокъ происходитъ паденіе государствъ.

Умоляю Ваше Превосходительство, соблаговолите вспомнить о частномъ письмѣ, которое я осмѣлился написать Вамъ 2-го числа

---

[1]) См. «Русская Старина» фев. 1909 г.

прошедшаго мѣсяца. Приближается срокъ, когда я долженъ уплатить англійскому консулу сумму, которую онъ ссудилъ мнѣ 22-го января, и которую я употребилъ на службу королю. Въ этомъ дѣлѣ заинтересованы мое честное слово и мой кредитъ, а я положительно не въ состояніи уплатить долга изъ моихъ собственныхъ средствъ, если бы даже продалъ все, что имѣю. Кромѣ того, увѣряю Ваше Превосходительство всѣмъ, что свято, что царствованіе Екатерины и революція, послѣдовавшая за ея смертью, стоили лично мнѣ болѣе пяти тысячъ чистыми деньгами; я нѣсколько разъ писалъ объ этомъ господину фонъ-деръ Гагену, но онъ никогда не удостоилъ меня отвѣтомъ, что̀ однако очень жестоко.

Ваше Превосходительство конечно соблаговолите обратить вниманіе какъ на все вышеизложенное, такъ и на ту опасность, которой подвергся интересъ короля, вслѣдствіе неожиданной кончины царя Петра II, и на то непоправимое зло, которое грозило нашимъ дѣламъ, если бы послѣ смерти юнаго монарха вопросъ о престолонаслѣдіи рѣшился иначе. Не могу сказать, чтобы я прямо способствовалъ выбору нынѣ царствующей государыни, но смѣло похвалюсь, что я косвенно сильно повліялъ на отстраненіе отъ престолонаслѣдія ребенка изъ Киля.

Прошу Ваше Превосходительство удостоить меня продолженіемъ Вашего милостиваго ко мнѣ расположенія и особаго покровительства и отозвать меня отъ того опаснаго и расточительнаго поста, на которомъ я нахожусь. Я еще настолько бодръ, что и въ другихъ должностяхъ могу оказать большія услуги, мое зрѣніе сохранилось очень хорошо, я много пишу и читаю безъ очковъ, съ огнемъ такъ же свободно, какъ при дневномъ свѣтѣ; память у меня прекрасная, соображеніе столь же быстро, какъ было въ 30 лѣтъ. Я никогда не страдалъ ни малѣйшимъ припадкомъ подагры и до сихъ поръ не знаю, что такое каменная болѣзнь, ревматизмъ и зубная боль. Единственное нездоровье, посѣщающее меня время отъ времени—сильные насморки и вслѣдъ за ними давленіе въ груди; лучшее лекарство противъ этого—мало ѣсть, пить еще меньше и питаться исключительно молочнымъ.

№ 18.

Москва. 19/30 марта 1730 года.

Ваше Величество! Моя депеша отъ 9-го февраля заключала извѣстіе, что къ имперскому министру, находящемуся при здѣшнемъ дворѣ, прибылъ нарочный изъ Вѣны. 16-го февраля я сообщилъ Вамъ сущность представленій графа Вратислава тогдашнему Верховному Совѣту Россіи. Онъ говорилъ, что достоинство римскаго

императора никакъ не можетъ допустить вмѣшательства иностранныхъ державъ, предписывающихъ государю, какимъ образомъ онъ долженъ распредѣлять ленныя владѣнія Священной Имперіи. Короли Франціи, Испаніи и Великобританіи вмѣстѣ съ Голландскими штатами оскорбили Его Императорское Величество, заключивъ Севильскій трактатъ, несмотря на то, что предписываетъ знаменитый союзъ четырехъ державъ относительно статьи о войскахъ; тамъ говорится, что войска должны быть введены въ великія герцогства Тоскану и Парму и Піаченцу, для утвержденія этихъ государствъ за донъ-Карлосомъ послѣ смерти теперешнихъ ихъ владѣтелей. Его Императорское Величество не могъ заключить изъ этого неслыханнаго поступка четырехъ союзныхъ державъ ничего другого, какъ намѣренія съ ихъ стороны возжечь въ Европѣ огонь новой всеобщей войны.

Вслѣдствіе этого, Его Императорскому Величеству необходимо имѣть возможность отразить насиліе насиліемъ, и онъ оказался вынужденнымъ напомнить двору Россіи черезъ своего министра объ обязательствѣ, между ними заключенномъ, въ особенности же о союзномъ договорѣ 1726 года, въ силу котораго Россія обязана выставить императору 20 тысячъ пѣхоты и 10 тысячъ драгунъ, въ случаѣ войны съ Его Величествомъ державъ Ганноверскаго союза и ихъ сторонниковъ. Графъ Вратиславъ просилъ Верховный Совѣтъ Россіи отъ имени своего государя хорошо запомнить договоръ 1726 года на тотъ конецъ, чтобы имперское правительство могло разсчитывать не только на движеніе русскаго вспомогательнаго корпуса въ настоящее время, но и на послѣдующій успѣхъ его дѣйствій, согласно приказаніямъ Его Величества.

Смуты, возникшія тогда въ Москвѣ и прекратившіяся лишь съ того времени, какъ царица возвратила себѣ самодержавіе, не дозволили здѣшнему двору отвѣтить положительно на указанную выше просьбу императора, а потому я до сихъ поръ хранилъ объ этомъ дѣлѣ молчаніе. На-дняхъ Ея Царское Величество призвала къ себѣ графа Вратислава и, по внушенію Остермана, категорически заявила ему, что если разразится война, между императоромъ и государствами Ганноверскаго союза, то она не преминетъ послать на помощь императору тридцати-тысячный корпусъ, который Россія обязалась выставить Его Императорскому Величеству. Считаю своимъ долгомъ нарушить молчаніе объ этомъ интересномъ дѣлѣ, сообщая Вашему Величеству и королевскому Совѣту заявленіе царицы графу Вратиславу относительно движенія 30.000 русскихъ на помощь императору, въ случаѣ войны. Вслѣдствіе такого объявленія полки, которые войдутъ въ составъ вспомога-

тельнаго корпуса, получили приказаніе быть наготовѣ къ большому и продолжительному походу, а полковымъ командирамъ уже выдано сукно и другія вещи для обмундированія ихъ полковъ заново; число людей въ полкахъ свыше положеннаго комплекта, и еще при князѣ Меншиковѣ эти полки были снабжены прекрасными ружьями, саблями и штыками; теперь Военный Совѣтъ занятъ доставленіемъ офицерамъ лошадей, экипажей и другихъ вещей, необходимыхъ для выступленія въ походъ. Въ такомъ положеніи находится это важное дѣло, сегодня, 30-го марта.

Все, что я сейчасъ имѣлъ честь донести, положительно вѣрно; несмотря на это, я не рѣшаюсь считать несомнѣннымъ походъ русской арміи въ Германію, но тоже не утверждаю противнаго и не увѣряю въ томъ Ваше Величество и королевскій Совѣтъ, какъ могъ бы сдѣлать въ настоящее время, если бы Долгорукіе были бы теперь тѣмъ же, чѣмъ были два съ половиной мѣсяца тому назадъ. Система здѣшняго двора стала совершенно иная; необходимость вынуждаетъ поклоняться новымъ кумирамъ, всякій изъ нихъ требуетъ себѣ приношеній и отвертывается отъ тѣхъ, кто является съ пустыми руками; какъ же я приближусь къ русскому капищу и заслужу милость новыхъ кумировъ.

Я прочелъ въ письмѣ отъ 18-го февраля ст. стиля, адресованномъ въ Лондонъ, что вскорѣ въ Берлинъ прибудетъ чрезвычайный министръ отъ короля Великобританіи. Онъ явится съ порученіемъ предложить Его Величеству Прусскому и его потомству такія выгодныя условія, что черезъ 2—3 мѣсяца мы увидимъ, какъ европейскіе интересы королей англійскаго и прусскаго сольются въ одно. Авторъ этого письма заранѣе радуется предстоящему отъѣзду графа Секендорфа и окончанію его происковъ при дворѣ короля прусскаго. „Это все“, говоритъ онъ, „непремѣнно исполнится, потому что новый британскій министръ располагаетъ двумя стами тысячъ ефимковъ для пріобрѣтенія друзей въ Берлинѣ“.

№ 19.

Москва. 30/19 марта 1730 года.

Милостивый Государь! По отправленіи почты разнесся слухъ, что курьеръ изъ Персіи привезъ важную новость: Испагань взята законнымъ шахомъ этого государства, Тахмасибомъ, а узурпаторъ Эшрефъ долженъ былъ покинуть столицу и быстро направился на свою родину, въ провинцію Кандагаръ.

Завтра я постараюсь разузнать на счетъ этой важной новости и съ первой же почтой сообщу Вамъ, преждевременна она, или нѣтъ. Само собою разумѣется, что я стою за справедливость и

успѣхъ праваго дѣла, а потому желаю, чтобы слухъ оказался истиннымъ, но такъ какъ я по своей природѣ вѣрю, какъ св. апостолъ Ѳома, то рѣдко поддаюсь первымъ слухамъ.

Царица въ первый разъ присутствовала сегодня въ Сенатѣ и въ теченіе двухъ часовъ слушала пренія по дѣламъ, которыя были на очереди. Изо всѣхъ провинцій Россіи доносятъ, что возведеніе на престолъ одной изъ дочерей царя Ивана Алексѣевича и исключеніе ребенка изъ Киля и принцессы Елисаветы встрѣтило всеобщее и единодушное одобреніе со стороны всѣхъ жителей, благородныхъ и неблагородныхъ, великихъ и малыхъ, духовныхъ и мірскихъ, и что во всей Россіи царствуетъ полнѣйшее спокойствіе, въ чемъ сомнѣвалось большинство иностранныхъ министровъ при здѣшнемъ дворѣ, но я по истиннѣ никогда не сомнѣвался. Поручаю себя продолженію Вашей дружбы и имѣю честь быть и т. д.

№ 20.

Москва. 6 апрѣля/26 марта 1730 г.

Ваше Величество! Въ прошедшій четвергъ я отправилъ г. статсъ-секретарю фонъ деръ Гагену частное письмо, въ видѣ постскриптума къ моему всеподданнѣйшему донесенію Вашему Величеству отъ того же числа. Теперь я могу увѣрить Ваше Величество и королевскій Совѣтъ, что законный шахъ Персіи Тахмасибъ овладѣлъ столицей своего государства Испаганью, послѣ троекратной побѣды надъ узурпаторомъ Эшрефомъ, котораго обратилъ въ бѣгство. Не считая себя въ безопасности послѣ потери лучшей части войскъ. Эшрефъ рѣшился оставить Испаганъ и удалился съ остатками арміи на свою родину, въ провинцію Кандагаръ, какъ я уже писалъ объ этомъ г. фонъ деръ Гагену. Говорятъ, что одинъ персидскій генералъ, во главѣ 20.000 кавалеріи, стремится настичь Эшрефа прежде, нежели ему удастся перейти знаменитый перешеекъ Кирманъ. И такъ, мы должны ожидать новаго рѣшительнаго дѣйствія между этими двумя воюющими сторонами.

Со времени отправленія послѣдней почты здѣсь произошло слѣдующее: въ прошедшую субботу царица дала публичную аудіенцію послу шаха Тахмасиба, прибывшему въ Москву за нѣсколько дней до смерти юнаго монарха. Она сдѣлала это, несмотря на то, что вѣрительная грамота адресована не на ея имя, а на имя покойнаго царя. Такъ какъ я присутствовалъ на аудіенціи, то могу сказать, что пріемъ былъ великолѣпенъ.

Несмотря на то, что посолъ не аккредитованъ при нынѣ царствующей государынѣ, его допустили до аудіенціи, желая безъ сомнѣнія, чтобы онъ вступилъ въ переговоры относительно привезен-

наго имъ полномочія. Это тонкая политика, такъ какъ полномочіе представляетъ большія выгоды для здѣшняго двора, будучи дано въ то время, какъ Тахмасибъ находился въ ужасномъ состояніи. Но вопросъ въ томъ, попадетъ ли министръ въ эту ловушку; теперь дѣла его государя совершенно въ иномъ положеніи, чѣмъ когда онъ отправлялся въ Москву; съ тѣхъ поръ Тахмасибъ выигралъ три сраженія, получилъ болѣе 150 нѣмецкихъ миль земли и возвратилъ свою столицу; все это, взятое вмѣстѣ, очень измѣняетъ положеніе дѣлъ Тахмасиба и усиливаетъ значеніе его министра. Здѣсь однако твердо увѣрены, что шахъ Тахмасибъ дастъ Россіи тѣ же преимущества, которыя даны ей Эшрефомъ въ послѣднемъ договорѣ. Было бы большимъ счастьемъ для Россіи, если бы она могла когда-нибудь спокойно воспользоваться преимуществами этого договора, я думаю, что въ такомъ случаѣ здѣшній дворъ имѣлъ бы болѣе причинъ гордиться своимъ договоромъ съ Персіей, нежели Ништадтскимъ миромъ со Швеціей.

До сихъ поръ русскій Верховный Совѣтъ дѣйствовалъ чрезвычайно мудро, твердо и политично; его непоколебимая твердость доставляла Россіи преимущество, которыми она пользуется въ настоящее время на Востокѣ и на Западѣ, и внушила уваженіе всѣмъ государствомъ Европы и Азіи, чего, конечно никто не станетъ оспаривать.

Къ графу Вратиславу прибылъ на-дняхъ второй курьеръ отъ вѣнскаго кабинета съ предписаніемъ, какъ распредѣлить присланные съ первымъ курьеромъ прекрасные подарки, цѣна которыхъ, какъ говорятъ, доходитъ до 60 тысячъ червонцевъ. Баронъ Остерманъ никогда ничего не принимаетъ, а потому въ этомъ раздѣлѣ будутъ вѣроятно участвовать: курляндскій любимецъ царицы [1]) княгиня Черкасская и Ягушинскій.

Варшавскій дворъ, какъ извѣстно, всѣми средствами старается покорить сердца тѣхъ, кто можетъ принести пользу, или вредъ интересамъ Рѣчи Посполитой. Этотъ дворъ прислалъ покойному юному монарху 30 прекрасныхъ охотничьихъ собакъ, 4 опытныхъ охотниковъ и чрезвычайно изящный, неимовѣрно роскошный охотничій нарядъ со всѣми принадлежностями, присовокупивъ къ нему костюмъ сравнительно менѣе цѣнный, но изъ массивнаго золота для несчастной невѣсты царя и аграфъ, стоимостью болѣе 2 тысячъ рублей, на шляпу для ея брата, бывшаго царскаго фаворита.

Такъ какъ все это было получено послѣ смерти юнаго царя, то нынѣ царствующая государыня приняла собакъ и охотниковъ,

[1]) Э. І. Биронъ

но посланникъ короля польскаго заблагоразсудилъ удержать впредь до новаго повелѣнія охотничій нарядъ, предназначавшійся юному царю, и подарки невѣстѣ и ея брату.

Я слышалъ, что адмиралъ Вильстеръ, недостойный подданный Вашего Величества, сражавшійся противъ Васъ и своего отечества и съ тѣхъ поръ питавшій непримиримую ненависть ко всему, что носитъ имя Даніи, удаленъ за сопротивленіе приказаніямъ петербургскаго адмиралтейства, во главѣ котораго находился господинъ Сиверсъ, человѣкъ понимающій, политичный, вѣрный государству, которому служилъ, но въ то же время великій датскій патріотъ.

P. S. Тотъ же послѣдній курьеръ привезъ графу Вратиславу ультиматумъ Его Императорскаго Величества о нежеланіи приступить къ Севильскому договору; графъ Вратиславъ объяснился по этому поводу съ великимъ канцлеромъ графомъ Головкинымъ и барономъ Остерманомъ слѣдующимъ образомъ.

Союзники заключили между собою въ Севильѣ договоръ, всецѣло уничтожающій смыслъ знаменитаго союза четырехъ державъ, который обезпечивалъ принцу донъ-Карлосу наслѣдіе Флоренціи и Пармы, послѣ смерти ихъ великихъ герцоговъ. Подобный образъ дѣйствій союзниковъ, въ которомъ выразилось ихъ желаніе принудить Его Императорское Величество присоединиться къ нимъ, слишкомъ оскорбили достоинство императора, чтобы онъ могъ приступить къ этому новому договору. Это тѣмъ болѣе невозможно, что Севильскіе союзники не соблаговолили пригласить на договоръ императора, неограниченнаго распредѣлителя ленныхъ владѣній Тосканы и Пармы, а еще потому, что цѣль союза четырехъ державъ состояла въ томъ, чтобы никогда не допускать испанскихъ войскъ въ Италію. Безъ этого условія императоръ ни за что не согласился бы на договоръ и совершенно естественно могъ считать себя всецѣло отъ него освобожденнымъ, такъ какъ Испанія, Франція, Англія и Голландія, желая ввести испанскія войска въ Тоскану и Парму, тѣмъ самымъ уничтожали основаніе знаменитаго союза четырехъ державъ, столь выгоднаго для инфанта донъ-Карлоса.

Но императоръ не слѣдуетъ въ своемъ образѣ дѣйствій подобнымъ примѣрамъ: всегда вѣрный союзникамъ, онъ даже въ настоящее время твердо и искренно намѣренъ исполнить свои обязанности относительно свѣтлѣйшаго инфанта донъ-Карлоса, давъ ему всевозможныя гарантіи для его наслѣдства въ Италіи, которое онъ долженъ получить, согласно дѣйствительному смыслу столько разъ упомянутаго союзнаго договора четырехъ державъ. Несмотря на это, Его Императорское Величество не могъ сдѣлать ничего

болѣе; императорское слово его конечно стоитъ шести тысячъ испанцевъ въ Тосканѣ, но въ Севильскомъ договорѣ кроется нѣчто совершенно иное, и императоръ, видя ясно, что намѣренія Севильскаго союза не ограничиваются Тосканой и что рано, или поздно, придется прибѣгнуть къ крайнимъ мѣрамъ, считаетъ нужнымъ лучше начать дѣйствовать теперь же, чѣмъ выжидать водворенія испанцевъ въ Италіи. Короче: его честь, достоинство и интересъ его и всей имперіи требуютъ твердаго отпора планамъ, составленнымъ противъ него Севильскимъ союзомъ, а потому онъ твердо и непоколебимо рѣшился держаться постановленій четырехъ державъ и сопротивляться исполненію намѣреній Севильскаго союза.

Москва. Ut in relatione.

№ 21.

Москва. 6 апрѣля/26 марта 1730 года.

Милостивый Государь! Я вспомнилъ, что въ 1720 году прибылъ въ Варшаву посланникъ крымскаго хана съ вѣрительной граматой къ Станиславу Лещинскому, котораго крымскій ханъ считалъ тогда на польскомъ престолѣ. Вмѣсто него оказался Августъ, возвратившій себѣ корону. Этотъ случай далъ покойному графу Флемингу [1]) поводъ оказать своему государю важную услугу. Графъ Флемингъ обѣщалъ татарскому министру хорошее вознагражденіе и уговаривалъ просить публичной аудіенціи. Татаринъ поддался убѣжденіямъ, просилъ у короля Августа аудіенцію, получилъ ее и былъ принятъ съ большимъ блескомъ. Король вручилъ ему вѣрительныя грамоты и прекрасные подарки для хана и для него самого. Эта политическая стратегема немедленно придала особенное значеніе дѣйствіямъ короля польскаго, какъ въ глазахъ его приверженцевъ, не ожидавшихъ подобной выходки отъ крымскаго хана—сердечнаго друга короля шведскаго, такъ и въ глазахъ его противниковъ, которые были просто озадачены. Но едва успѣлъ несчастный татарскій министръ вернуться въ Каффу, какъ ханъ приказалъ задушить его.

Это небольшое отступленіе относится къ извѣстному мѣсту сегодняшняго всеподданнѣйшаго моего донесенія. Дѣла находятся здѣсь въ величайшемъ спокойствіи.

№ 22.

Москва. 13/2 апрѣля 1730 года.

Государь! Мое послѣднее всеподданнѣйшее донесеніе Вашему Величеству было отъ 6 числа сего мѣсяца; съ тѣхъ поръ прои-

[1]) Графъ Флемингъ—саксонскій министръ польскаго короля Августа II.

зошло затруднительное дѣло, изъ котораго я наконецъ нашелъ выходъ.

Агентъ милорда Таунсэнда при здѣшнемъ дворѣ, господинъ Рондо [1]), былъ у меня съ визитомъ и далъ мнѣ прочитать письмо господина Тильсона, главнаго повѣреннаго, служащаго въ департаментѣ иностранныхъ дѣлъ Сѣвера, который находится подъ управленіемъ лорда Таунсэнда. Въ письмѣ между прочимъ сказано:

„Милордъ, очень довольный Вашимъ образомъ дѣйствій и Вашей проницательностью, въ то же время весьма удивленъ, что Вы ничего не доносите ему о королѣ Датскомъ и о его посланникѣ при томъ дворѣ, при которомъ Вы находитесь. Милордъ поручилъ мнѣ предупредить Васъ, что г. Вестфаленъ готовится заключить новый союзный договоръ между Даніей и Россіей; договоръ былъ бы заключенъ, если бы не умеръ послѣдній царь".

Перечитавъ нѣсколько разъ эти строки, я понялъ, что все вышеписанное принято въ Лондонѣ за серьезное, и замѣтилъ, что г. Рондо относится ко мнѣ недовѣрчиво. Поэтому я разсудилъ, что лучшій исходъ—открыть двору Великобританіи сущность моихъ переговоровъ и тѣмъ самымъ вывести его изъ заблужденія, въ которое онъ впалъ, вслѣдствіе донесенія какого-нибудь незнающаго человѣка. Я честнымъ словомъ завѣрилъ г. Рондо, что ничего подобнаго между Вашимъ Величествомъ и Россіей не предполагалось, и объяснилъ ему содержаніе проекта статей, составленнаго для того, чтобы упрочить на морѣ безопасность обѣихъ державъ и разъ навсегда прекратить споры, которые могли бы между ними возникнуть, тогда какъ Ваше Величество желаете быть со всѣми въ мирѣ. Невозможно себѣ представить, до чего обрадовался г. Рондо, когда я выяснилъ ему дѣло; моихъ словъ болѣе чѣмъ достаточно для убѣжденія г. Таунсэнда въ невѣрности переданной ему новости. Будучи такъ грубо обманутъ своимъ корреспондентомъ, милордъ Таунсэндъ можетъ быть не затруднится сказать барону Зёлендалю [2]), откуда онъ узналъ эту повѣсть; по многимъ причинамъ было бы желательно, чтобы онъ это сдѣлалъ.

Въ прошедшее воскресенье, въ день Пасхи, я въ первый разъ имѣлъ честь обѣдать у Ея Величества; по правую ея руку сидѣла гер-

---

[1]) Рондо—англійскій президентъ при русскомъ Дворѣ.

[2]) Повидимому, Датскій посолъ въ Англіи. Россія не имѣла въ то время правильныхъ дипломатическихъ сношеній съ Англіей, и при русскомъ дворѣ не было англійскаго посланника, а былъ лишь повѣренный въ дѣлахъ, Клавдій Рондо.

гогиня Мекленбургская, возлѣ нея графъ Вратиславъ, затѣмъ я, посланники: шведскій, польскій, прусскій и т. д.

P. S. 19 января я отправилъ въ Копенгагенъ состоящій изъ 16 пунктовъ проектъ договора между Россіей и Даніей объ упроченіи безопасности на морѣ обѣихъ державъ. Надѣюсь, что онъ достигъ мѣста назначенія.

№ 23.

Москва. 20/9 апрѣля 1730 года.

Милостивый Государь! Сегодня сообщу Вамъ, что царица назначила свою коронацію на 19-е число текущаго мѣсяца (стараго стиля), всѣ дѣлаютъ большія приготовленія, чтобы присутствовать на этомъ празднованіи, которое несомнѣнно будетъ очень торжественно.

Имперскій и испанскій министры конечно заставятъ много о себѣ говорить, а чрезвычайные послы Швеціи, Польши и Пруссіи, оба министра герцога голштинскаго и министръ бланкенбургскій усиленно приготовляются къ празднику коронаціи. Работа у нихъ идетъ день и ночь. Они сговорились сдѣлать себѣ по двѣ праздничныхъ одежды, новую придворную ливрею и новую упряжь для 6 лошадей, между прочимъ сѣдла и попоны для двухъ всадниковъ. Эти министры смѣло могутъ такъ поступать, будучи увѣрены, что имъ возвратятъ затраченныя деньги.

А я, бѣдняга, ни въ чемъ не будучи увѣренъ, нѣсколько дней колебался, не зная, на что рѣшиться; разсудивъ однако, что не слѣдуетъ отставать въ этомъ случаѣ отъ моихъ собратьевъ, я принялъ мѣры, чтобы явиться на празднествѣ съ такимъ же блескомъ, какъ посланники Швеціи, Польши и Пруссіи.

Я точно такъ же поступалъ при коронаціи послѣдняго юнаго монарха и до сихъ поръ не могу равнодушно объ этомъ вспомнить: 1000 рихсдалеровъ, которыми королю угодно было меня тогда наградить, вмѣстѣ съ другими 333 рихсдалерами пошли на уплату за квартиру въ Петербургѣ, согласно контракту, кромѣ того я заплатилъ 200 рублей за перевозку въ Москву разныхъ припасовъ, мебели, экипажей, книгъ, винъ и т. п.

Другимъ иностраннымъ министрамъ при здѣшнемъ дворѣ не только съ лихвой возвратили издержанныя ими деньги, но сверхъ жалованья выдаютъ отъ 8 до 10 рихсдалеровъ въ сутки на экстраординарные расходы, пока они находятся внѣ столицы, или въ дорогѣ; кромѣ того имъ отпускаютъ по крайней мѣрѣ 400 рублей въ годъ на почтовые расходы. Я ничего подобнаго не имѣю, но былъ бы въ отчаяніи, если бы не оказалъ королю и его интересамъ

столько же дѣйствительныхъ услугъ, сколько любой изъ министровъ оказалъ своему государю. Будучи въ такихъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, скажу, какъ честный человѣкъ, что я считалъ бы за величайшую милость, если бы мое начальство могло отозвать меня отъ того опаснаго и расточительнаго поста, на которомъ я нахожусь.

Царица здорова, составила свой дворъ и пожаловала орденъ Андрея Первозваннаго князю Черкасскому и своему родственнику, Симону Салтыкову. Она изъявила желаніе содержать флотъ (корабельный и галерный) въ такомъ порядкѣ, до какого намѣревался довести его Петръ I.

P. S. Вслѣдствіе приказанія, полученнаго съ курьеромъ, прусскій посланникъ объявилъ вчера его превосходительству господину барону Остерману, что король прусскій совершенно примирился съ королемъ Великобританіи и съ удовольствіемъ будетъ впредь способствовать примиренію всѣхъ европейскихъ державъ. Я ожидалъ подобной развязки дѣлъ лондонскаго и берлинскаго дворовъ и ничуть не удивился этому поступку прусскаго короля, доказательствомъ чему служитъ мое донесеніе отъ 30/19 числа прошлаго мѣсяца.

№ 24.

Москва 24/13 апрѣля 1730 года.

Милостивый Государь! Едва я узналъ, что князь Василій Лукичъ Долгорукой въ настоящее время отправился въ Сибирь, какъ поспѣшилъ къ барону Остерману, чтобы спросить о судьбѣ знаковъ нашего ордена Слона. Не заставъ дома вице-канцлера, я съ той же цѣлью поѣхалъ къ великому канцлеру графу Головкину, который отвѣтилъ мнѣ, что князь Василій Лукичъ дѣйствительно навлекъ на себя немилость императрицы, своей самодержавной государыни, но такъ какъ не было ни формальнаго процесса, ни обвинительнаго приговора, то, по его мнѣнію, нѣтъ причины лишать князя Долгорукаго орденовъ, тѣмъ болѣе, что онъ назначенъ губернаторомъ въ Сибирь, куда требуется довѣренное лицо. Если,—чего, впрочемъ, великій канцлеръ не ожидаетъ,—справедливый гнѣвъ царицы дойдетъ до того, что князя Василія Лукича лишатъ всѣхъ чиновъ, великій канцлеръ немедленно меня объ этомъ увѣдомитъ и озаботится, чтобы знаки королевскаго ордена были возвращены мнѣ въ сохранности, о чемъ я и счелъ нужнымъ Вамъ сообщить.

Конечно, я употреблю всевозможныя старанія, чтобы оказать услугу госпожѣ Тиллякъ, но Богъ знаетъ, какъ за это взяться,—ея притязанія давнишни и еще, пожалуй, неосновательны. Управляв-

шихъ военнымъ казначействомъ въ то время, какъ умеръ ея мужъ, теперь нѣтъ въ живыхъ, а списки служащихъ содержатся здѣсь не въ такомъ порядкѣ, какъ у насъ. Однимъ словомъ, въ здѣшней странѣ просто невозможно исполненіе порученій, подобныхъ тому, которое предписано мнѣ въ всемилостивѣйшемъ рескриптѣ короля отъ 14 марта. Впрочемъ, постараюсь предпринять по этому дѣлу все, что только будетъ отъ меня зависѣть, и въ скоромъ времени сообщу Вамъ о результатѣ.

P. S. До сихъ поръ меня не увѣдомили о полученіи моей депеши отъ 19 января, и я начинаю опасаться, не затерялась ли она дорогой?

№ 25.

Москва. 24/13 апрѣля 1730 года.

Ваше Величество! Соблаговоливъ допустить въ свой тайный совѣтъ, именуемый Правительствующимъ Сенатомъ, Голицыныхъ и Долгорукихъ, нынѣ царствующая государыня дала поводъ думать, что она простила имъ нанесенное ей оскорбленіе. Оскорбленіе это заключалось не только въ замыслѣ лишить ее самодержавія, которымъ пользовались ея отецъ, дѣдъ и вообще всѣ ея предшественники, но въ смѣлости предложить ей, даже заставить ее подписать пункты, уничтожавшіе основы старинной формы правленія Россіи.

Они сдѣлали это безъ участія существовавшихъ тогда другихъ государственныхъ коллегій, высшаго духовенства и всего низшаго дворянства, численность котораго простирается до 50 тысячъ семействъ только въ центральной Россіи (земляхъ прежняго Московскаго государства), не считая генералитета и низшаго дворянства, находящихся въ странахъ, завоеванныхъ русскими, напримѣръ: въ царствахъ Казанскомъ, Астраханскомъ и Сибирскомъ, въ княжествахъ Смоленскомъ и Черниговскомъ, въ Украйнѣ, которая должна быть земной рай, въ Карелiи, въ Ингерманландіи, въ епископствѣ Дерптскомъ, въ Лифляндіи, Эстландіи, на островахъ Даго и Эзель и т. д.

Но грозная опала, недавно разразившаяся надъ главными представителями Долгорукихъ, доказываетъ, что царица ничуть не забыла злого замысла противъ своей самодержавной власти; считаю долгомъ разъяснить это важное дѣло, представивъ обстоятельный отчетъ о томъ, чему мы были здѣсь свидѣтелями въ прошедшіе четвергъ, пятницу и субботу.

Въ городѣ разнесся слухъ, будто бы невѣста покойнаго царя беременна на пятомъ мѣсяцѣ. Эта новость дошла наконецъ до царицы и сначала встревожила ее; Ея Величество рѣшила командировать двухъ пожилыхъ женщинъ, въ сопровожденіи акушерки, съ

приказаніемъ выяснить дѣло; женщины донесли, что несчастная дѣвушка положительно не беременна. Несмотря на это, Ея Величество опредѣлила удалить отца невѣсты покойнаго монарха, письменно приказавъ ему ѣхать со всѣмъ семействомъ (не исключая и невѣсты царя), въ одно изъ наиболѣе отдаленныхъ отъ Москвы помѣстій и не выѣзжать оттуда безъ особеннаго ея дозволенія. Три брата этого князя,—одинъ изъ которыхъ, князь Сергѣй Долгорукой, человѣкъ выдающагося ума, женатый на несчастной дочери Шафирова, былъ въ то время чрезвычайнымъ посланникомъ въ Польшѣ,—подобно князю Алексѣю получили приказаніе съ женами и дѣтьми удалиться въ свои помѣстья. Князь Иванъ Долгорукой, фаворитъ покойнаго юнаго монарха, три дня тому назадъ женился на прекрасной и чрезвычайно богатой дочери фельдмаршала Шереметева и вмѣстѣ съ женой удаленъ въ Дербентъ, въ Персію. Братъ фельдмаршала Долгорукаго, тайный совѣтникъ и сенаторъ, бывшій прежде губернаторомъ Сибири, съ семьей сосланъ въ Казань, а кавалеръ нашего перваго ордена, Василій Лукичъ Долгорукой, удаленъ въ Тобольскъ, въ Сибири. Многіе приверженцы этой фамиліи подверглись той же участи; не считая женщинъ и дѣтей, число ихъ простирается до 24. Имъ велѣно было выѣхать изъ Москвы въ теченіе сутокъ, и въ настоящее время они всѣ высланы изъ столицы. Князь Василій Лукичъ за недѣлю до постигшей его опалы потерялъ жену [1]).

И вотъ, фамилія Долгорукихъ, которая три мѣсяца тому назадъ была въ такой славѣ, которую почитали и страшились болѣе другихъ знатныхъ фамилій Россіи, совершенно поражена. Хотя въ то время, какъ я пишу мое всеподданнѣйшее донесеніе, фельдмаршалъ Долгорукой еще не смѣщенъ, но я не вѣрю, чтобы онъ уцѣлѣлъ, несмотря на то, что герцогиня мекленбургская усиленно старается спасти этого храбраго человѣка. Странная превратность судьбы!

Какъ ни серьезна эта катастрофа, она меня ни мало не удивила: въ испорченной водѣ и рыба вонючая. Хотя Долгорукіе преступны передъ своей государыней, но они и Голицыны всегда были

---

[1]) Сообщенія Вестфалена объ опалѣ князей Долгоруких очевидно основаны на распространявшихся въ то время слухахъ. Въ дѣйствительности же князь Ив. Ал. Долгорукій былъ сосланъ не въ Дербентъ, а вмѣстѣ съ женою, отцомъ княземъ Алексѣемъ Григ. Долгорукимъ и всѣмъ его семействомъ въ Пензенскую деревню отца, с. Никольское. Оттуда, въ половинѣ мая 1703 г. кн. А. Г. Долгорукій и вся его семья были отправлены въ Березовъ. Подробности см. въ моей книгѣ «Изъ жизни русскихъ дѣятелей», Казань. 1891 г.

преданы интересамъ Вашего Величества болѣе, чѣмъ кто-либо въ Россіи, а потому я съ трудомъ удерживаюсь отъ слезъ, донося Вашему Величеству о паденіи фамиліи Долгорукихъ, за которымъ, повидимому, скоро послѣдуетъ паденіе Голицыныхъ. Дай Богъ, чтобъ нынѣ царствующая государыня прожила много лѣтъ; надѣюсь, что она распорядится престолонаслѣдіемъ такъ, что не произойдетъ ничего, что могло бы повредить Даніи.

Но если, чего Боже избави, она умретъ внезапно и не успѣетъ распорядиться престолонаслѣдіемъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ находятся здѣсь теперь дѣла, я не могу помѣшать восшествію на россійскій престолъ ребенка изъ Киля, что, по-моему, будетъ однимъ изъ величайшихъ несчастій для Вашего Величества и для интересовъ Вашего королевскаго дома; развѣ только мнѣ во́-время дадутъ средства, чтобы привести къ другимъ результатамъ.

Ваше Величество и королевскій Совѣтъ соблаговолите обратить вниманіе на это предостереженіе, вытекающее изъ моего прекраснаго знанія дѣлъ здѣшней страны и изъ ревностнаго чувства всецѣлой преданности Вашему Величеству. Государь! я не въ первый и не въ послѣдній разъ дѣлаю важныя предостереженія, которыя съ теченіемъ времени оправдываютъ мои предсказанія. Можетъ быть, меня упрекнутъ въ слишкомъ трусливой и осторожной политикѣ, но для своего оправданія я необходимо долженъ высказать нижеслѣдующее: не говоря уже о томъ, что лучшая и самая здравая политика ставитъ себѣ правиломъ во всякомъ важномъ дѣлѣ принимать мѣры предосторожности издалека, я не могъ бы поручиться за исходъ интересовъ Вашего Величества въ Россіи въ настоящее время, если бы я не позаботился теперь же объ отстраненіи отъ престолонаслѣдія голштинскаго ребенка даже на будущее время. Для достиженія этой цѣли я имѣлъ счастье располагать сильными и вліятельными людьми, которыхъ заставилъ взвѣсить всѣ неудобства, могущія произойти отъ воцаренія въ Россіи сына голштинскаго герцога. Слишкомъ рано—иногда вредитъ, но есть средство исправить; тогда какъ слишкомъ поздно—непоправимо.

№ 26.

Москва. 27/16 апрѣля 1730 года.

Ваше Величество! Графъ Бонде, оберъ-камергеръ герцога голштинскаго и первый изъ его министровъ при здѣшнемъ дворѣ, послѣ смерти Петра II такъ горячо вступился за права ребенка изъ Киля на россійскій престолъ, что тогдашній Верховный Совѣтъ рекомендовалъ ему уѣхать отсюда; онъ исполнилъ бы это, если бы не роды его жены, по случаю которыхъ ему дали нѣсколько

мѣсяцевъ отсрочки. Этотъ голштинскій министръ снискалъ дружбу курляндскаго фаворита [1]), подаривъ ему цугъ изъ 8 прекрасныхъ ютландскихъ лошадей, которыя предназначались фавориту послѣдняго царя [2]). Вслѣдствіе этого, Ея Величество допустила графа Бонде объявить свое полномочіе посредствомъ новой вѣрительной граматы, также какъ и генералъ-маіора Тессина [3]), и велѣла передать графу Бонде, что онъ при ея дворѣ всегда будетъ принятъ и благосклонно выслушанъ.

Зная изъ вѣрныхъ источниковъ, что графъ Бонде ждетъ приказаній и инструкцій для заключенія брака между любекскимъ епископомъ и молодой принцессой мекленбургской [4]), я считаю своимъ долгомъ предупредить объ этомъ Ваше Величество и королевскій Совѣтъ, чтобы, въ случаѣ необходимости, можно было придумать средства для разрушенія этого новаго намѣренія голштинскаго двора.

Такъ какъ это предупрежденіе составляетъ единственную цѣль моего сегодняшняго донесенія, то кончаю его удостовѣреніемъ, что Ея Величесво царица совершенно здорова, и что коронація будетъ во вторникъ на слѣдующей недѣлѣ.

№ 27.

Москва. 27/16 апрѣля 1730 года. 9 часовъ вечера.

Милостивый Государь! По отправленіи почты, его превосходительство баронъ Остерманъ увѣдомилъ меня, что императрица его государыня вынуждена была лишить князя Василія Лукича Долгорукова всѣхъ чиновъ и орденовъ, между прочимъ и ордена Слона, такъ какъ открыто много новыхъ опасныхъ замысловъ, въ которыхъ выказалась вся черная неблагодарность князя Долгорукова. Завтра я обращусь къ великому канцлеру графу Головкину, которому поручено передать мнѣ знаки ордена Слона; съ первой же почтой сообщу Вамъ подробности.

№ 28.

Москва 4 мая—23 апрѣля. 1730 года.

Ваше Величество! Великій канцлеръ графъ Головкинъ далъ одному изъ статсъ-секретарей знаки ордена Слона, принадлежавшіе князю Василію Лукичу Долгорукому, для передачи мнѣ подъ оффи-

---

[1]) Герцогъ Э. І. Бирон.

[2]) Князь Ив. Ал. Долгорукой.

[3]) Ген.-маіоръ Тессинъ, голштинскій посл., съ декабря 1729 по августъ 1731 г.

[4]) Дочь Екатерины Іоанновны, племянница Анны Іоанновны—принцесса мекленбургская Анна Леопольдовна.

ціальную росписку; но пока не совершится коронація государыни, отъ этихъ людей ничего не дождешься.

Празднованіе по-прежнему назначено во вторникъ, на 9-е число текущаго мѣсяца, а сегодня четвергъ. Всѣ, желавшіе измѣнить образъ правленія Россіи и лишить нынѣ царствующую государыню самодержавія, чрезвычайно трусятъ, не выражая этого открыто. Не думаю, однако, чтобы государыня рѣшилась подвергнуть ихъ всѣхъ опалѣ, такъ какъ сторонниковъ ограниченія было много и среди нихъ заслуженныя и вліятельныя личности. Какъ бы то ни было, но послѣ паденія Долгорукихъ, въ числѣ которыхъ находились 4 кавалера ордена Андрея Первозваннаго и невѣста покойнаго монарха Россіи, генералъ-фельдмаршалъ Голицынъ, этотъ великій и счастливый россійскій полководецъ, въ присутствіи всего двора бросился къ ногамъ государыни и, послѣ того какъ она сдѣлала ему знакъ встать, онъ произнесъ слѣдующую рѣчь:

„Благочестивѣйшая и могущественнѣйшая императрица! Сколько мнѣ извѣстно, Тебѣ внушили негодованіе противъ дѣйствій нѣкоторыхъ Твоихъ подданныхъ, желавшихъ измѣнить прежній образъ правленія Россіи, и Ты намѣрена строго наказать всѣхъ участниковъ. Если ты желаешь видѣть въ этомъ дѣяніи важное преступленіе, признаю себя виновнымъ и въ высшей степени преступнымъ, но въ то же время увѣряю Тебя, что я никогда не желалъ въ чемъ бы то ни было Тебѣ вредить. Всякій кроткій государь, подобный Тебѣ, сдѣлаетъ изъ своихъ подданныхъ все, что захочетъ. Но не согласна ли Ты, всемилостивѣйшая императрица, что Твой третій, или четвертый наслѣдникъ можетъ быть кровожаднымъ и жестокимъ государемъ? Я хотѣлъ защитить наше бѣдное потомство противъ такого произвола, назначивъ благоразумную границу ихъ непомѣрной власти и власти фаворитовъ, которые всегда немилосердно насъ мучили. Ты сама испытала ихъ надменность во время фавора Меншикова. Я знаю, что какъ бы ни были чисты мои побужденія, я безвозвратно погибъ, если Тебѣ угодно будетъ поступить со мной по всей строгости законовъ. Я въ твоей власти: если Ты непремѣнно желаешь меня наказать, всенижайше и серьезно прошу Тебя, лучше казни меня смертью, но не огорчай ссылкой. Если мнѣ придется провести остатокъ дней моихъ въ печали, я буду смертельно страдать все время, пока проживу. Прояви милость, о которой я Тебя умоляю, принявъ во вниманіе заслуги, оказанныя мною отечеству, а недавно и Тебѣ самой“.

Говорятъ, что Ея Величество ничего положительнаго ему не отвѣтила, но залилась слезами. Если бы его братъ сенаторъ (князь Дмитрій Михайловичъ) могъ рѣшиться на подобный шагъ, царица

помиловала бы обоихъ великихъ людей, но онъ и слышать объ этомъ не хочетъ, а лежитъ въ постели и всегда имѣетъ при себѣ большую дозу опіума, которую намѣренъ принять, какъ только узнаетъ, что попалъ въ немилость; у него достаточно друзей, чтобы во́-время быть увѣдомленнымъ, Онъ до сихъ поръ просилъ государыню только объ одной милости—отозвать его сына изъ Берлинскаго посольства; этотъ сынъ камергеръ и кавалеръ одного со мной ордена.

P. S. Сейчасъ я получилъ приглашеніе присутствовать въ будущій вторникъ на коронаціи Ея Величества. Приглашеніе написано отъ имени великаго канцлера и вице-канцлера однимъ изъ секретарей канцеляріи иностранныхъ дѣлъ.

№ 29.

Москва. 8 мая/27 апрѣля 1730 года.

Ваше Величество! По моему мнѣнію, нынѣ царствующая государыня смотритъ на молодую принцессу мекленбургскую, какъ на особу, которую намѣрена сдѣлать наслѣдницей россійскаго престола, потому что невѣроятно, чтобы государыня, при своемъ чрезмѣрномъ полнокровіи и дородствѣ, рѣшилась нарушить обѣтъ безбрачія и такимъ образомъ оставить послѣ себя потомство. Молодая принцесса мекленбургская уже нѣсколько дней, какъ нездорова, есть даже сильные признаки, что у нея оспа. А такъ какъ я думаю, что намъ должно желать твердаго и прочнаго установленія русскаго престолонаслѣдія, при соблюденіи въ этомъ политическихъ интересовъ Вашего Величества и Вашего королевскаго потомства, то я и поспѣшилъ сообщить Вашему Величеству объ этомъ непріятномъ обстоятельствѣ, сильно меня встревожившемъ.

Завтра совершится коронованіе царицы съ безконечно бо́льшимъ блескомъ и великолѣпіемъ, чѣмъ коронованіе царицы Екатерины и Петра II. Въ этотъ день на особѣ Ея Величества драгоцѣнныхъ каменьевъ будетъ надѣто на сумму болѣе 600 тысячъ рублей, не считая короны; одинъ англійскій консулъ продалъ ей разныхъ драгоцѣнностей почти на 200 тысячъ рублей чистыми деньгами.

Я появлюсь на этомъ празднованіи одѣтый не хуже прочихъ министровъ; у меня есть экипажи, праздничныя одежды, парикъ, кружева и т. д.; но, будучи вынужденъ сдѣлать новый заемъ почти въ 1.200 рублей, для покрытія этого чрезвычайнаго расхода, я всеподданнѣйше умоляю и надѣюсь, что Ваше Величество соблаговолите принять это во вниманіе.

Немедленно послѣ совершенія коронаціи Ея Величества, будутъ выданы новыя палатки и лошади подъ обозъ и подъ артиллерійскія орудія тѣмъ полкамъ, которые назначены на помощь импе-

ратору. Тогда 30-тысячный русскій корпусъ во всякое время можетъ выступить въ походъ, тѣмъ болѣе, что имѣются деньги для продовольствія этого войска въ теченіе года. Приведенные факты не подлежатъ сомнѣнію. Опасно увлекаться льстивыми и обманчивыми надеждами въ такомъ дѣлѣ, какъ теперешній походъ 30-тысячнаго русскаго корпуса на помощь императору, если война состоится, и Его Императорское Величество будетъ требовать похода русскаго корпуса въ Германію; до сихъ поръ графъ Вратиславъ этого не сдѣлалъ, а настоялъ только, чтобы были готовы выступить въ походъ по первому требованію императора.

P. S. Король прусскій, все время старавшійся пріобрѣсти благорасположеніе русскаго двора, прислалъ орденъ Чернаго Орла оберъгофмаршалу графу Лёвенвольде, узнавъ, что онъ съумѣлъ заслужить уваженіе нынѣ царствующей государыни. Говорятъ, что этотъ король посылаетъ еще разные подарки, какъ Ея Царскому Величеству, такъ и тѣмъ лицамъ, которыя имѣютъ наиболѣе значенія при здѣшнемъ дворѣ.

№ 30.

Москва. 11 мая/30 апрѣля 1730 года.

Милостивый Государь! Молодая принцесса мекленбургская все еще очень больна, но у нея не оспа. Кромѣ того празднованіе коронаціи царицы Анны Ивановны Романовой въ полномъ разгарѣ и продолжится цѣлыхъ 8 дней. По этому случаю было роздано много наградъ и повышеній. Его превосходительству барону Остерману пожаловано графское достоинство и прекрасныя помѣстья въ Лифляндской провинціи, стоимостью въ 80 тысячъ рихсдалеровъ, съ правомъ потомственнаго владѣнія и образованія изъ нихъ маіората. Я покончу на этомъ мое нынѣшнее сообщеніе, откладывая остальное до слѣдующей почты, а пока беру на себя смѣлость просить Васъ благосклонно вспомнить о содержаніи моего послѣдняго всеподданнѣйшаго донесенія королю.

В. Корсакова.

Записки сенатора Есиповича [1])

Скоро послѣ моего пріѣзда въ крѣпость прибылъ туда курьеръ князя Гагарина, который подалъ мнѣ слѣдующую записку:

Я не могу быть сегодня при назначенномъ свиданіи. N удостоитъ оное своимъ присутствіемъ. Обращаясь къ нему съ покорнѣйшею просьбою не дѣлать изъ онаго свиданія допроса, который сопряженъ съ формами и долженъ производиться въ присутствіи и при защитникѣ, но снабдить мужа и жену тѣми добрыми совѣтами, которымъ надо бы дать время созрѣть, и плодъ которыхъ можетъ оказаться только послѣ нѣсколькихъ часовъ размышленія. Я заѣзжалъ къ N въ 9 часовъ, но уже не засталъ дома, почему и вынужденъ къ Вамъ писать, прося Васъ, Яковъ Григорьевичъ, прочесть ему настоящую записку. При свиданіи, кромѣ Алексѣя Ѳеодоровича, прошу Васъ находиться.

Въ тяжкій для Васъ день, не хочу, чтобы вы ѣздили ко мнѣ, но не пришлете ли Николая Николаевича.

3-го сентября. Гагаринъ.

Свиданіе, о которомъ говорится въ началѣ этой записки, было свиданіе одного изъ главныхъ подсудимыхъ съ его женою. Послѣ Каракозова главнымъ посудимымъ считался домашній учитель Худяковъ. Около пяти мѣсяцевъ сидѣлъ онъ уже въ Алексѣевскомъ равелинѣ и во все это время не видалъ своей жены. Сущность обвиненія его заключалась въ томъ, что онъ привезъ изъ

[1]) См. „Русскую Старину“ февраль 1909 г.

Женевы проектъ образованія общества „Адъ“, и что онъ далъ Каракозову деньги для покупки рокового пистолета. Онъ возражалъ, что ѣздилъ въ Женеву только для свиданія съ женою, которая училась тамъ пѣнію. N подозрѣвалъ, что не только Худяковъ, но и жена его была въ сношеніяхъ съ членами революціоннаго комитета въ Женевѣ, а потому, когда жена Худякова стала просить свиданія съ мужемъ, то N пришла сначала мысль дозволить это свиданіе, лишь подъ тѣмъ условіемъ, чтобъ Худякова призналась сама и изобличила мужа, а потомъ когда князь Гагаринъ призналъ такой способъ дѣйствій несогласнымъ съ Уставомъ Уголовнаго судопроизводства, то N сталъ настаивать, чтобъ свиданіе мужа съ женою было дозволено въ его присутствіи. Это свиданіе назначено было именно 3-го сентября.

Часовъ въ 11 комендантъ крѣпости сказалъ мнѣ, что Худякова пришла и находится въ пріемной, а потому можно ли привести ея мужа. Я отвѣтилъ, что нельзя до пріѣзда N.

Скоро однакожъ N прибылъ. Я представилъ на его благоусмотрѣніе записку князя Гагарина. N сказалъ мнѣ, что князь Гагаринъ потому не засталъ его, что онъ ѣздилъ на Смоленское поле, желая видѣть казнь Каракозова. На казнь эту онъ смотрѣлъ издали, ибо сидѣлъ въ каретѣ, на концѣ Смоленскаго поля, и хотя смотрѣлъ въ театральную трубку, но, такъ какъ стекла въ каретѣ были подняты и при томъ же мѣсто казни было очень далеко отъ него, то онъ очень мало видѣлъ.

Кромѣ того съ N случилась такая исторія: пріѣхалъ онъ на Смоленское поле въ каретѣ и сидѣлъ въ ней, не опуская стеколъ, какъ вдругъ дверцы кареты отворяются съ шумомъ: „Вы, Марья Ивановна, здѣсь?“ кричитъ молодой гвардейскій офицеръ прямо въ лицо N и вдругъ, вмѣсто Марьи Ивановны, увидѣвши его, вскрикиваетъ „ахъ“ и захлопываетъ дверцы.

Когда все это N мнѣ объяснилъ, то онъ приказалъ ввести въ кабинетъ коменданта крѣпости, бывшій тогда моимъ, жену Худякова.

Вмѣстѣ съ комендантомъ, генераломъ Сорокинымъ, вошла молодая, небольшого роста, женщина, бывшая очевидно на послѣднихъ дняхъ беременности.

„Вы Худякова?“ спросилъ N.

„Да-съ, Ваше Превосходительство“, отвѣчала молодая женщина.

„А мужа Вы давно не видали?“

„Очень давно,—пять мѣсяцевъ“.

„А знаете ли Вы, въ чемъ онъ обвиняется?“

„Нѣтъ, не знаю“.

„Очень важное обвиненіе, очень важное! лучше было бы, если бы онъ во всемъ признался. Вѣдь Государь милостивъ. А то худо будетъ. Вѣдь мы все знаемъ. Для него лучше, чтобъ онъ самъ признался".

„О, да вѣдь онъ скажетъ все, что знаетъ".

„А вы ничего не знаете?" продолжалъ N.

„Нѣтъ-съ, я не знаю".

Между тѣмъ комендантъ мнѣ сказалъ, что и Худяковъ уже приведенъ изъ Алексѣевскаго равелина, поэтому я доложилъ N, не изволитъ ли онъ приказать ввести его сюда.

Худяковъ вошелъ, какъ онъ всегда входилъ въ залу суда, нѣсколько посмѣиваясь, что, я долженъ признаться, производило очень неблагопріятное для него впечатлѣніе. Думаю, что это былъ отчасти нервный смѣхъ, отъ котораго онъ могъ бы и удержаться, ибо впослѣдствіи совершенно оставилъ эту манеру, вѣроятно, послѣ сдѣланнаго ему его защитникомъ замѣчанія. Встрѣтились они съ женою послѣ тяжелой пятимѣсячной разлуки—онъ смѣясь, а она плача.

N и самому Худякову сдѣлалъ нѣсколько наставленій на тотъ предметъ, что ему было бы очень выгодно сознаться во всемъ, но Худяковъ стоялъ на томъ, что все уже сказалъ и больше ничего не знаетъ. Затѣмъ N предоставилъ ему разговаривать съ его женою, а самъ отошелъ со мною къ окну.

„Она, кажется, пустая бабенка, замѣтилъ N, и должно быть дѣйствительно ничего не знаетъ".

Я былъ съ нимъ совершенно согласенъ.

Между тѣмъ Худякова сидѣла съ своимъ мужемъ на диванѣ и горько плакала, потому что на вопросъ: „что же съ тобою сдѣлаютъ?"—мужъ, посмѣиваясь, отвѣтилъ вполголоса: „а можетъ быть повѣсятъ, или разстрѣляютъ".

Затѣмъ они стали разговаривать довольно тихо, и комендантъ, сидѣвшій вблизи ихъ въ креслѣ, напомнилъ имъ, что они должны говорить громко. Громче разговоръ у нихъ шелъ какъ-то вяло, ибо оба были очень разстроены, несмотря на то, что одинъ хихикалъ, а другая всхлипывала.

„Вы, кажется, беременны?" спросилъ N, обращаясь къ Худяковой.

„Да-съ", отвѣчала она, краснѣя.

„А когда Вамъ родить?"

„Не знаю-съ".

„Сколько у васъ дѣтей?" спросилъ N у Худякова.

„Это будетъ первый", отвѣтилъ тотъ.

„Вотъ у васъ какая молодая жена, и будетъ ребенокъ, продолжалъ N, а вы въ какія дѣла вмѣшались. Лучше вамъ во всемъ раскаяться“.

„Я уже все сказалъ“, отвѣтилъ Худяковъ, даже не посмѣиваясь.

N приказалъ увести Худякова.

Свиданіе кончилось.

„Ну мы, кажется, ничего отъ нихъ не узнали?“ замѣтилъ мнѣ N.

„Точно такъ“.

„Я, кажется, держалъ себя такъ, какъ князь Гагаринъ желалъ“, продолжалъ N.

Я и это подтвердилъ.

„Скажите же князю“.

N уѣхалъ; мы остались съ комендантомъ одни. Комендантъ разсказалъ мнѣ, что часу въ 8-мъ утра, когда Каракозовъ уже былъ вѣроятно казненъ, ему, генералу Сорокину, доложили, что его желаетъ видѣть одна женщина. Онъ вышелъ къ ней и увидѣлъ передъ собою довольно бѣдно одѣтую старуху.

„Что вамъ угодно?“

„Я желаю видѣть Каракозова“.

„Вы ему родственница?“

„Нѣтъ, но я посвятила себя на то, чтобъ посѣщать и утѣшать заключенныхъ“.

„Но Каракозова уже нѣтъ у меня“, сказалъ комендантъ.

„А гдѣ же онъ?“ спросила старушка.

„Неужели же вы не знаете?“ продолжалъ комендантъ. „На всѣхъ углахъ вчера были выставлены объявленія, что сегодня будетъ казнь его“.

„Казнь. Такъ его уже казнили“.

„Я этого навѣрно не знаю, потому-что я тамъ не былъ, отвѣтилъ комендантъ, но сегодня рано поутру его увезли отсюда“.

Кто была эта женщина, осталось неизвѣстнымъ; но странно то, что можетъ быть ей одной, принимавшей участіе въ Каракозовѣ, изъ всѣхъ жителей Петербурга была не извѣстна его судьба. Заключеннымъ въ крѣпости казнь его была положительно неизвѣстна: до нихъ не доходилъ ни одинъ звукъ изъ-за стѣнъ ихъ казематовъ.

Послѣ казни Каракозова судебное слѣдствіе объ остальныхъ подсудимыхъ продолжалось безостановочно. При этомъ Ишутина приводили въ засѣданія В. суда изъ Алексѣевскаго равелина нѣсколько разъ, и онъ само собою не могъ уже видѣть Каракозова, котораго не было въ живыхъ. Однажды послѣ допроса, онъ обра-

тился къ предсѣдателю съ просьбою дозволить ему видѣться съ Каракозовымъ, тутъ только предсѣдатель объявилъ ему, что Каракозовъ казненъ. Ишутинъ горько заплакалъ.

Послѣ казни Каракозова, когда надобно было приступить къ производству судебнаго слѣдствія объ остальныхъ подсудимыхъ В. У. суда, я сказалъ князю Гагарину, что нервы мои такъ сильно разстроены, что я не могу далѣе оставаться секретаремъ В. У. суда. Князь сильно разсердился, сказалъ мнѣ, что ни за что не согласится на увольненіе меня и что даже готовъ пожаловаться Государю.

Дѣлать было нечего—надобно было продолжать тяжелую работу. Но работа была дѣйствительно слишкомъ тяжела, а нервы мои были до того разстроены, что я самъ могъ попасть въ казематъ. Я потерялъ всякую сдержанность. Я былъ нравственно боленъ.

Помню, напримѣръ, непростительныя грубости, за которыя я и теперь краснѣю.

Производилось судебное слѣдствіе о Лапкинѣ. По актамъ слѣдственной комиссіи этотъ подсудимый представлялся страшнымъ преступникомъ, сознавшимся въ томъ, что хотѣлъ истребить Царствующій домъ, всѣхъ сановниковъ и все дворянство. Предъ В. У. судомъ предсталъ вмѣсто такого изверга юноша, который съ плачемъ говорилъ, что жизнь каждаго человѣка для него священна, что наговорилъ онъ на себя такихъ ужасовъ потому, что допрашивавшая его московская комиссія угрожала ему, въ случаѣ, если онъ не сознается во всемъ, отправить его къ графу Муравьеву, а о Муравьевѣ онъ имѣлъ такое понятіе, что тотъ велитъ непремѣнно пытать его; вслѣдствіе всего этого, наговоривъ на себя всѣ возможныя преступленія, онъ хотѣлъ лишить себя жизни и началъ уже рѣзать свою руку разбитою склянкою, чтобъ выпустить кровь, но не успѣлъ въ этомъ. Видѣть Лапкина, слышать его искренній, дѣтски-плаксивый разсказъ и не вѣрить ему было невозможно. А повѣривши, нельзя было не возмущаться противъ тѣхъ противозаконныхъ пріемовъ, какіе дозволяли себѣ нѣкоторые не въ мѣру ретивые слѣдователи.

Послѣ допроса Лапкина засѣданіе было пріостановлено для завтрака судей. Подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ грустнаго разсказа этого жалкаго подсудимаго, я вошелъ въ столовую. Въ ней находился еще одинъ только членъ В. У. суда. На него допросъ Лапкина произвелъ совершенно противоположное впечатлѣніе. Только-что я вошелъ въ комнату, онъ самымъ насмѣшливымъ голосомъ сказалъ:

„Каковъ мошенникъ! Что навралъ о слѣдователяхъ! Ужасная каналья!“

„Я канальи не видалъ, я видѣлъ только большого дурака, который Богъ знаетъ что наговорилъ на себя“,—вырвалось у меня съ неудержимой силой.

„Яковъ Григорьевичъ, сказалъ князь Гагаринъ, который вошелъ въ эту минуту и вѣроятно былъ пораженъ раздражительнымъ тономъ моего голоса,—мнѣ надо съ вами поговорить, пойдемте въ кабинетъ“.

Мы вошли въ кабинетъ.

„Я увелъ васъ только для того, чтобъ вы успокоились“, — сказалъ князь и сталъ по своему обыкновенію смѣяться.

Много разъ спасалъ меня этотъ умный и добрый старикъ. Да сохранитъ его Господь.

Я не могу описать этой части процесса съ такою же подробностью, съ какою описалъ первую его часть, потому что слишкомъ много времени уже прошло—теперь уже 4 ноября 1871 г. — слѣдовательно, прошло болѣе пяти лѣтъ. А потому вспомню только нѣкоторыя существенныя черты, которыя еще не забылись.

Къ концу судебнаго производства князь Гагаринъ предложилъ мнѣ приготовить проектъ приговора. Я приготовилъ и привезъ его къ князю. Князь вполнѣ согласился, но такъ какъ въ приговорѣ не было даже и помину о смертной казни для кого бы то ни было изъ подсудимыхъ, то князь сказалъ, что надо показать его сенатору Корніолину-Пинскому. Я поѣхалъ къ Корніолину-Пинскому. Вся сила была въ томъ, какъ онъ пойметъ 243 ст. Улож. о наказаніяхъ (1866 г.). По этой статьѣ всѣ знавшіе о злоумышленіи противъ жизни Государя и не донесшіе о немъ подлежатъ смертной казни. Я понималъ эту статью такъ, что она относится къ тѣмъ, которые не донесли о злоумышленіи существующемъ, а не о томъ, которое оставлено преступникомъ. По этому толкованію Ишутинъ, Ермоловъ, Странденъ, Юрасовъ и другіе, хотя и знавшіе о первомъ злоумышленія Каракозова, не могли подлежать смертной казни, ибо имъ извѣстно было, что Каракозовъ отказался отъ своего злоумышленія и возвратился въ Москву; о второмъ же преступномъ умыслѣ его, приведенномъ въ исполненіе 4-го апрѣля, они ничего не знали, не знали даже и о томъ, что онъ во второй разъ уѣхалъ тайно отъ нихъ изъ Москвы въ Петербургъ. Это было вполнѣ доказано слѣдствіемъ и не подлежало ни малѣйшему сомнѣнію. Я разъяснилъ это Корніолину-Пинскому подробно, и суровый сенаторъ вполнѣ согласился со мною, такъ что проектъ моего при-

говора, по которому самое строгое наказаніе заключалось по 250 ст. Улож. (1866 г.) въ 15 лѣтней каторжной работѣ, былъ имъ одобренъ, и я съ торжествомъ возвѣстилъ объ этомъ князю Гагарину.

Но послѣ такого торжества каково же было мое пораженіе, когда при чтеніи моего проекта въ полномъ засѣданіи всѣхъ судей сенаторъ Корніолинъ-Пинскій тотчасъ же перешелъ къ противоположному толкованію 243 статьи и вполнѣ согласился съ графомъ Панинымъ, что знавшіе о злоумышленіи, даже оставленномъ, также подлежатъ смертной казни...

И такъ по большинству голосовъ (противъ князя Гагарина) осудили Ишутина на смертную казнь, а одинъ изъ членовъ В. У. суда подалъ особое мнѣніе о томъ, что и Худяковъ подлежитъ смертной казни. Это особое мнѣніе собственноручно записано имъ такъ:

„Не признавая Худякова, согласно съ мнѣніемъ прочихъ гг. членовъ Верх. У. суда соучастникомъ Каракозова, какъ не уличенномъ въ способствованіи ему къ перемѣнѣ пистолета, полагаетъ, однакожъ, согласно съ мнѣніемъ мин. Юстиціи, что онъ, какъ знавшій о злоумышленіи Каракозова, подлежитъ за сіе смертной казни".

Резолюція, для соблюденія судебныхъ уставовъ, списана, болѣе 2 листовъ, рукою этого члена суда (786 ст. Уст. Уголов. судопр. 1864 г.) съ проекта, составленнаго мною на основаніи мнѣній членовъ, не согласившихся съ моимъ первоначальнымъ проектомъ.

Мы съ княземъ Гагаринымъ сдѣлали однакожъ еще одну попытку: послѣ постановленія приговора онъ пригласилъ меня къ себѣ въ домъ, далъ листъ почтовой бумаги и предложилъ написать на немъ тѣ наказанія, которыя предполагались мною въ моемъ проектѣ. Когда я это исполнилъ, то на другой день князь представилъ этотъ проектъ Государю, и впослѣдствіи министръ юстиціи съ удивленіемъ разсказывалъ, что онъ видѣлъ у Государя перечень наказаній подсудимыхъ, написанный ужаснымъ (т. е. моимъ) почеркомъ. Попытка эта намъ не удалась.

Не удалось намъ также убѣдить Государя и въ необходимости не исполнять на этотъ разъ страшнаго обряда публичной казни на площади. Записка объ этомъ, представленная княземъ Государю, но оставленная безъ послѣдствій, пришита къ дѣлу В. Угол. суда.

Въ томъ же дѣлѣ находится и еще записка, въ которой князь,

представляя Государю отчетъ о дѣйствіяхъ В. У. суда, писалъ: „настоящее сложное дѣло, которое производилось въ В. У. судѣ, совершенно согласно съ правилами, указанными Вашимъ Императорскимъ Величествомъ въ новыхъ судебныхъ уставахъ, можетъ служить вѣрнымъ доказательствомъ не только полной удобопримѣняемости того законоположенія, какимъ угодно было Вашему Величеству ознаменовать достопамятное Царствованіе Ваше, но и того, что этимъ законоположеніемъ даны твердыя основы для безопасности частной и государственной".

Прочитавъ это, Государь Императоръ изволилъ замѣтить: „не всѣ такъ думаютъ".

Князь Гагаринъ: „Мы, Ваше Величество, такъ думаемъ".

Его Величество: „И вы не всѣ такъ думаете".

Государь изволилъ сказать князю Гагарину: „Вы постановили такой приговоръ, что не оставили мѣста моему милосердію".

Впрочемъ, извѣстно, что Его Величество смягчилъ еще нѣкоторыя наказанія, опредѣленныя В. У. судомъ.

Можетъ быть интересно сравнить приговоръ Верховнаго Уголовнаго суда 1826 г. съ приговоромъ Вер. У. суда 1866 года. Но пусть сравнитъ ихъ исторія.

Я позволю себѣ привести здѣсь только одно статистическое сравненіе.

Верховнымъ Уголовнымъ судомъ, учрежденнымъ 1 іюня 1826 г., изъ 121 подсудимыхъ приговорены:

5 къ смертной казни четвертованіемъ; 31 къ смертной казни отсѣченіемъ головы;

17 къ политической смерти съ ссылкою вѣчно въ каторжныя работы;

2 вѣчно въ каторжныя работы;

38 къ каторжнымъ работамъ на время;

15 къ ссылкѣ на поселеніе;

3 къ ссылкѣ въ Сибирь;

1 къ лишенію чиновъ и дворянства и къ отдачѣ въ солдаты до выслуги;

8 къ лишенію чиновъ и къ отдачѣ въ солдаты съ выслугою.

Верховнымъ У. судомъ 1866 года изъ 36 подсудимыхъ приговорены:

2 къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ смертной казни чрезъ повѣшеніе;

7 къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ каторжнымъ работамъ;

8 къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ ссылкѣ на поселеніе въ Сибирь;

1 къ лишенію всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и къ ссылкѣ на житье въ Сибирь;

11 къ заключенію въ крѣпости отъ 6 до 8 мѣсяцевъ;

7 судомъ не обвинены.

Въ высшихъ сферахъ остались недовольны приговоромъ Верховнаго У. суда 1866 г.; тѣмъ не менѣе однако же нѣкоторые органы періодической печати осмѣлились высказать иной взглядъ на результаты трудовъ этого суда. Они назвали приговоръ его актомъ настоящаго правосудія. „Кто съ полнымъ вниманіемъ прочелъ этотъ приговоръ,—напечатано въ большой передовой статьѣ 281 № „Голоса“ отъ 11 октября 1866 г.,—тотъ долженъ признать, что верховный уголовный судъ исполнилъ свое дѣло съ примѣрною, рѣдкою добросовѣстностью; рѣшеніе его, правда, не совсѣмъ сходится съ отчетомъ слѣдственной комиссіи,... но это доказываетъ болѣе всего, какъ строго изслѣдовалъ судъ всѣ факты и обвиненія и какъ твердо держался внѣ всякихъ вліяній“.

Смѣю надѣяться, что будущій историкъ блестящаго царствованія Императора Александра II вполнѣ подтвердитъ это мнѣніе современника и, можетъ, быть сознательно прибавитъ, что Верховный У. судъ 1866 года неизгладимыми буквами вписалъ въ исторію русскаго народа примѣръ безпристрастнаго и твердаго отправленія правосудія, несмотря на неблагопріятныя условія и трудныя обстоятельства, въ которыя самъ былъ поставленъ.

Въ заключеніе я могу прибавить, что послѣ этого суда князь Гагаринъ потерялъ всякое значеніе въ высшихъ сферахъ. Я возвратился на свое мѣсто въ Госуд. Совѣтѣ, гдѣ многіе члены мнѣ прямо выражали свое несочувствіе. Такъ напр. графъ Иванъ Матвѣевичъ Толстой, встрѣтивъ меня во дворцѣ въ Царскомъ Селѣ, не могъ удержаться отъ восклицанія: „ну, какъ это вы могли не осудить Худякова на смерть!“ А графъ Иванъ Матвѣевичъ былъ очень добрый человѣкъ. Только генералъ-адъютантъ Назимовъ (бывшій прежде виленскимъ генералъ-губернаторомъ, рескриптомъ на имя котораго началось дѣло освобожденія крестьянъ), увидѣвъ меня въ Госуд. Совѣтѣ, крѣпко пожалъ мою руку и сказалъ: „вы сдѣлали такое дѣло, за которое награда Вамъ будетъ не отъ лю-

дей, а отъ Бога". Но я однакожъ пересталъ быть persona grata: когда по закрытіи Верховнаго Уголов. суда, я, вступая опять въ прежнюю свою должность статсъ-секретаря Гражд. Дѣлъ Госуд. Совѣта, представлялся В. К. К. Н., то онъ сказалъ мнѣ: „Ну, наконецъ, вы кончили эту дребедень"...

Депутатъ Россіи.

(Воспоминанія и переписка Ольги Алексѣевны Новиковой) [1]).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

„Госпожа Новикова“—сказалъ лордъ Биконсфильдъ въ грозные дни жестокаго Болгарскаго волненія 1876—78 г., „я называю госпожу Новикову членомъ Парламента для Россіи въ Англіи“.

Въ то время на эти слова не посмотрѣли, какъ на дружеское замѣчаніе. Прошло тридцать лѣтъ, и они превратились въ чрезвычайный комплиментъ. Лордъ Биконсфильдъ, искусный въ лести, никогда не произносилъ болѣе тонкаго комплимента, какъ тотъ, который онъ сказалъ г-жѣ Новиковой, потому что въ самый критическій періодъ англо-русскихъ отношеній 1876—1880 г. г-жа Новикова была лучшей представительницей Россіи чѣмъ кто-либо другой.

Послы представляютъ правительство, члены Парламента представляютъ народъ. Какъ представительница русской націи, въ то время, какъ эта нація освобождала болгарскихъ христіанъ, г-жа Новикова пріобрѣтаетъ право быть привѣтствуемой премьеромъ Англіи, какъ членъ Парламента для Россіи, въ Англіи.

Со времени посѣщенія королемъ Царя въ Ревелѣ въ іюнѣ 1908 г. выражалось общее удовлетвореніе по поводу счастливаго окончанія переговоровъ между Sir Edward Gary и Lord Morley съ одной стороны и г. Извольскимъ съ другой о заключеніи англо-русскаго соглашенія. Можно поздравить другъ друга съ тѣмъ, что теперь, впервые, почти оффиціально, признаны Россія и Англія друзьями, что интересы ихъ на Востокѣ нисколько не служатъ предметомъ антагонизма, и что онѣ могутъ существовать на этомъ континентѣ

[1]) Изданіе съ предисловіемъ Стеда (W. T. Stead). Лондонъ. Andrew Melrose 3 York Street, Covent Garden. 1909.

въ мирѣ и согласіи. Но, воздавая честь дѣятелямъ, увѣнчавшимъ это зданіе международнаго доброжелательства, мы не должны были бы забывать о тѣхъ, кто положилъ ему основу. Либеральные министры иностранныхъ дѣлъ и секретари Индіи могутъ теперь заключать соглашеніе съ Россіей, но оно было бы невозможно безъ работы тѣхъ піонеровъ, которые во время бурь клали широко и глубоко въ нравственное сознаніе обѣихъ націй основы, на которыхъ ихъ преемники возводили зданіе. Настоящая заслуга англо-русскаго entente вначалѣ не принадлежитъ иностраннымъ министрамъ, временно занимающимъ мѣста въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ. Настоящими его авторами больше всѣхъ были г-жа Новикова и г. Гладстонъ, которые тридцать лѣтъ тому назадъ, когда эта страна безумствовала, потому что въ это время явился джингоизмъ, стояли плечо къ плечу, отстаивая правое дѣло, работали вмѣстѣ мужественно и честно, чтобы побороть предубѣжденія обѣихъ странъ, и представили міру доказательства вѣрнаго товарищества въ дѣлѣ англо-русскаго entente.

Въ жизнеописаніи Гладстона (Life of Gladstone) лорда Морлей, необходимость сжатаго изложенія такой долгой и знаменитой карьеры въ узкую рамку трехъ томовъ сдѣлала невозможнымъ для автора дать справедливую оцѣнку этому обстоятельству въ жизни г. Гладстона. Читая въ разсказѣ г. Морлей о роли г. Гладстона въ Восточномъ вопросѣ 1876—1880 г., несмотря на то, что онъ упоминаетъ о нѣкоторыхъ письмахъ къ г-жѣ Новиковой, признанныхъ и непризнанныхъ, совершенно возможно не дать себѣ отчета въ томъ, какъ велико было значеніе участія г-жи Новиковой въ этомъ движеніи. Напримѣръ, никто не можетъ себѣ вообразить изъ сдержанныхъ страницъ книги лорда Морлей, что въ теченіе всего этого тяжелаго времени, когда г. Гладстонъ, какъ онъ намъ говорилъ, употреблялъ всѣ усилія, чтобы противодѣйствовать политикѣ лорда Биконсфильда, онъ былъ въ постоянномъ и близкомъ общеніи съ г-жей Новиковой, что они оба дѣйствовали съ рѣдкимъ единодушіемъ въ намѣреніяхъ, что въ случаяхъ, касающихся ихъ общаго дѣла, они послѣ совѣщанія содѣйствовали другъ другу, что г. Гладстонъ былъ настолько храбръ и вѣренъ интересамъ своей родины, что не боялся отождествлять себя публично и частнымъ образомъ съ „членомъ парламента для Россіи“. Ни въ чемъ такъ ярко не проявляется контрастъ между мужествомъ и рыцарствомъ г. Гладстона и униженной робостью другихъ общественныхъ дѣятелей, какъ въ его готовности содѣйствовать г-жѣ Новиковой совѣтомъ и дѣйствіемъ въ оппозиціи своему собствен-

ному правительству, когда по его мнѣнію это правительство измѣняло чувству справедливости и человѣколюбія. Мы легко себѣ можемъ представить взрывъ негодованія со стороны джингоистской печати 1877 — 1880 г., если бы близкое сотрудничество между г. Гладстономъ и г-жей Новиковой сдѣлалось извѣстнымъ въ то время. Не мало псевдо-либераловъ низшаго сорта почувствовали бы омерзѣніе, видя, какъ ихъ лидеръ компрометтируетъ себя съ этимъ „русскимъ агентомъ“. Г-жа Новикова ничьимъ агентомъ не была: она была русской патріоткой, часто въ сильной оппозиціи съ собственнымъ правительствомъ, сердцемъ и душою преданная дѣлу угнетенныхъ славянъ, на защиту которыхъ ея братъ пожертвовалъ жизнью.

Г. Гладстонъ съ своимъ проницательнымъ взглядомъ на истинную доброту характера и искренность убѣжденій, не колеблясь, вошелъ въ неформальное, но очень полезное товарищество съ г-жей Новиковой для обезпеченія добрыхъ отношеній между Россіей и Англіей въ дѣлѣ просвѣщенія и человѣколюбія на Востокѣ. Это-то сочувствіе англійскаго государственнаго человѣка къ русской женщинѣ въ 1876—78 г. сдѣлало возможнымъ соглашеніе 1908 г.

Когда баронъ Бруновъ познакомилъ г-жу Новикову въ одинъ и тотъ же вечеръ съ г. Гладстономъ и г. Дизраэли, онъ не зналъ, какую большую услугу онъ оказываетъ своей странѣ. Быть можетъ это знакомство было самымъ полезнымъ дѣломъ, когда-либо совершеннымъ для своей страны какимъ бы то ни было русскимъ посланникомъ въ Англіи со времени Крымской войны. Г-жа Новикова безъ всякаго политическаго или дипломатическаго положенія была въ состояніи пыломъ своего женскаго энтузіазма и своимъ острымъ умомъ сдѣлать больше, чѣмъ графъ Шуваловъ для того, чтобы предотвратить войну, которую лордъ Биконсфильдъ видимо желалъ затѣять.

Дѣятельность ея въ 1876 г. имѣла очень значительное вліяніе на исторію двухъ народовъ. Объ ея значеніи часто возникали вопросы со стороны тѣхъ, которые не имѣли случая знать, какую большую роль играла г-жа Новикова въ Восточномъ кризисѣ 1876—1880 г. Оно умышленно умалялось тѣми, кто зналъ факты, но по различнымъ причинамъ считали лучшимъ ихъ скрывать. Во все время толковъ, за послѣднія 20 лѣтъ, о дѣятельности г-жи Новиковой она сама хранила самое тщательное молчаніе. Ей было во всякое время возможно разсказать все и напечатать письма, которыя должны были бы прекратить дальнѣйшіе споры. Она пользовалась полнымъ разрѣшеніемъ это сдѣлать отъ лицъ, которыхъ

это больше всего касалось. Ее часто упрашивали написать свою автобіографію, но на всѣ эти предложенія она отвѣчала отказомъ. По свойству ея характера ей претила мысль писать о самой себѣ. Поэтому являлась опасность, что одинъ изъ самыхъ интересныхъ эпизодовъ нашей новѣйшей исторіи останется неизвѣстнымъ. Въ виду этихъ обстоятельствъ я считалъ своею обязанностью вступиться за это дѣло, какъ одинъ изъ старѣйшихъ ея друзей, и предложить г-жѣ Новиковой издать ея переписку. Мое положеніе издателя обусловливается тѣмъ, что во все время этого критическаго періода, она была постоянной участницей въ „Эхо Сѣвера (Northern Echo), что я былъ въ тѣсномъ общеніи съ ней, и оба мы стояли во главѣ самой жаркой битвы. Мнѣ служитъ большимъ удовлетвореніемъ чувство, что, издавая эту книгу, я хотя бы въ малой части могу уплатить тотъ долгъ, который мы въ Англіи, по крайней мѣрѣ, имѣемъ предъ г-жей Новиковой.

Предпринять эту работу у меня тѣмъ менѣе колебаній, что г. Гладстонъ довѣрилъ мнѣ свои бумаги, въ которыхъ заключается большая часть его переписки съ г-жей Новиковой, для того чтобы я написалъ исторію національнаго протеста противъ союза съ Турціей, начавшагося въ 1876 г. и дошедшаго до кульминаціоннаго пункта въ 1880 г. Я никогда не былъ въ состояніи написать эту книгу, хотя г. Карлейль очень заботился о томъ, чтобы я исполнилъ свое намѣреніе. Въ настоящей книгѣ я имѣю случай выполнить часть моей задачи, настолько, насколько она относится къ участію г-жи Новиковой въ этомъ движеніи. Г. Гладстонъ говорилъ мнѣ, что не имѣетъ никакого возраженія противъ изданія каждаго письма, писаннаго имъ г-жѣ Новиковой, и самъ далъ мнѣ нѣсколько ея писемъ къ нему съ цѣлью описанія исторіи того времени. Несмотря на это полнѣйшее разрѣшеніе лично со стороны г. Гладстона, г-жа Новикова предпочла отложить опубликованіе корреспонденціи до того времени, какъ былъ заключенъ англо-русскій entente. Она это считала болѣе соотвѣтствующимъ съ желаніемъ не такъ г-на Гладстона, какъ г-жи Гладстонъ, которая, сообщая ей о позволеніи г. Гладстона дѣлать благоразумное и осторожное употребленіе изъ его писемъ, прибавила предостереженіе, доказывающее, что при тогдашнемъ состояніи общественнаго мнѣнія, она боялась, что можно повредить дѣлу, если будетъ извѣстна ихъ переписка. Я привожу здѣсь это письмо г-жи Гладстонъ. Годъ не былъ поставленъ, а такъ какъ оно было передано изъ рукъ въ руки, то и почтовой марки на немъ не было, которая могла бы указать, въ какое время оно написано: повидимому, оно написано въ самый разгаръ борьбы, т. е. въ періодъ 1876—1880 г.

4-е Января.

„Только одну строчку, дорогая Madame Novikoff. Посылаю Вамъ письмо, полученное моимъ мужемъ, которое Вамъ, по его мнѣнію, стоитъ прочитать. Онъ мнѣ говоритъ, что Вы стѣсняетесь пользоваться его письмами, но Вы имѣете полное право дѣлать изъ нихъ благоразумное и осторожное употребленіе: въ этомъ я увѣрена. Мой взглядъ таковъ: Вы должны очень остерегаться говорить о томъ, что получаете письма, потому что это могло бы повредить при теперешнемъ настроеніи мыслей у насъ (at home). Вы меня поймете"—Ваша искренно

Екатер. Гладстонъ (Cath. Gladston).

Г-жа Новикова молчала почти тридцать лѣтъ и согласилась на то, чтобы я сдѣлалъ благоразумное и осторожное употребленіе писемъ черезъ 10 лѣтъ послѣ смерти г. Гладстона, когда ревнивое состояніе народнаго духа, могущее принести вредъ какому бы то ни было дѣлу или лицу, не существуетъ болѣе. Можетъ ли скромность идти далѣе?

Книга, однако, обнимаетъ гораздо болѣе широкій кругъ человѣческихъ интересовъ, чѣмъ состязаніе, возникшее изъ-за болгарскихъ жестокостей и Сербской войны 1876 г. Салонъ г-жи Новиковой былъ одно время самымъ блестящимъ политическимъ центромъ Лондона. Она собирала вокругъ себя самыхъ замѣчательныхъ политиковъ и самыхъ знаменитыхъ ученыхъ того времени. Г. Кинглекъ и г. Карлейль, г. Фрудъ и г. Леки, лордъ Кларендонъ и г. Виллье, графъ Бейстъ, графъ Биландтъ, серъ Макензи Уолассъ, серъ Робертъ Моріеръ, Канонъ Лиддонъ, Авраамъ Гайуардъ и профессоръ Тиндаль были далеко не всѣ звѣзды въ той плеядѣ, гдѣ г-жа Новикова была центромъ. Съ возникновенія Русско-Японской войны г-жа Новикова прекратила свои пріемы. Но всю свою жизнь она вела переписку съ замѣчательнѣйшими людьми нашего времени, воспоминанія которыхъ проливали яркіе лучи свѣта на жизнь Европы въ послѣднюю четверть вѣка.

СОДЕРЖАНІЕ.

Часть I (1841—1875).

1. Введеніе.
2. Бытъ общественный и политическій.
3. Первые порывы. Побѣдоносцевъ и гр. Бейстъ.
4. Польша (1863—64). Лордъ Непиръ и Етрикъ (Ettrick).
5. Письма Кайзерлинга.
6. Лордъ Кларендонъ и г. Вилліе (Mr. Villiers).
7. Проблема будущаго.
8. Старо-католики и профессоръ Тиндаль.
9. Г. Кинглекъ (Mr. Kinglake).
10. До конца 1873 г.

Часть II (1876).

1. Николай Кирѣевъ.
2. Плоды жертвы.
3. Жестокое волненіе.
4. Конвенція въ St. Jamé o Stall.
5. Русскія дѣла въ Туркестанѣ.
6. Константинопольская конференція.
7. Возникновеніе войны.

Часть III (1877—1878).

1. Что сдѣлаетъ Англія?
2. На войнѣ.
3. Англо-русское освѣдомительное бюро.
4. Январь 1878 г.
5. Излишній джингоизмъ.
6. Изъ Санъ-Стефано въ Берлинъ.
7. Берлинскій конгрессъ.
8. И послѣ.

Членъ Парламента для Россіи.

Часть 1-я

1841—1875

Глава 1.

Введеніе.

Какъ только разговоръ не клеился въ Лондонской гостиной конца семидесятыхъ годовъ, не было болѣе вѣрнаго средства его оживить, какъ назвать г-жу Новикову. Кто она была? Что она дѣлала? Почему она въ Лондонѣ?—„Она членъ парламента для Россіи“, сказалъ лордъ Биконсфильдъ, и повторялся титулъ, который я присвоилъ этой книгѣ воспоминаній. „Она русскій агентъ“, говорили руссофобы низшаго сорта, забывая тотъ фактъ, что ихъ любимыя газеты доставляли больше свѣдѣній русскому правительству, чѣмъ могъ собрать какой бы то ни было агентъ въ Лондонскомъ обществѣ.

По словамъ г. Ашмедъ-Бартлетъ (M-r Ashmead-Bartlett) единственнаго убѣжденнаго руссофоба, существовавшаго тогда въ нижней палатѣ, г-жа Новикова усилила Россію въ 1876—78 г., болѣе чѣмъ могла бы это сдѣлать, снарядивъ корпусъ изъ ста тысячъ солдатъ. Другіе, не руссофобы и не руссофилы, говорили: „г-жа Новикова представительница неоффиціальной Россіи. Посланникъ русскаго правительства живетъ въ Чешамъ Плесъ (Chesham Place), но посланница русскаго народа находится въ Клариджъ Отель (Claridges Hotel).“

Этимъ однако не исчерпывалось то, что говорили о ней мужчины и женщины. Г-жу Новикову описывали какъ таинственную очаровательницу изъ Москвы, въ родѣ русской Лорелеи (Lorelei), мелодическій голосъ которой увлекалъ британскихъ государственныхъ людей.

Г-жа Новикова была перевоплощенная кн. Ливенъ, и усовершенствованная, прибавилъ одинъ изъ ея безчисленныхъ поклонниковъ. Но княгиня Ливенъ пользовалась такими способами, о которыхъ г-жа Новикова никогда думать не могла [1]).

---

[1]) Quarterly Review говоритъ: съ перваго своего пріѣзда въ Лондонъ она такъ акклиматизировалась, какъ ни одинъ иностранецъ, и нашла себѣ дру-

Это была демократизованная кн. Ливенъ. Кн. Ливенъ была женою русскаго посла тридцатыхъ годовъ, когда важныя дамы изъ партіи виговъ царствовали съ аристократическимъ достоинствомъ: г-жа Ольга Новикова явилась сорокъ лѣтъ спустя, когда эра виговъ уступила мѣсто демократизму, перенесшемуся на всю націю.

зей обоего пола. Дружба ея не касалась партій. Она была послѣдовательно въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ Кастльре, Каннингомъ, Велингтономъ, Пальмерстономъ, лордомъ Джономъ Руссель, Абердиномъ, и въ особенности графомъ Грей. Чтобы пользоваться дружбой столькихъ государственныхъ людей, находящихся въ смертельной враждѣ между собою, надо было имѣть мудрость змѣи, а по такту и по уму, быть женскимъ Талейраномъ. У нея не было язвительнаго ума дипломатовъ, но въ прежнее время веселость ея была неудержима, и она никогда не имѣла притязаній на голубиную кротость.

Edinburgh Review говоритъ: ни одна женщина въ мірѣ не пользовалась довѣріемъ столькихъ людей самаго высокаго положенія, она внушила лорду Грей страсть, вызывающую улыбку. Въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ ея жизни она была привязана самымъ нѣжнымъ чувствомъ къ г. Гизо, и это только два изъ многихъ знаменитыхъ людей, паривщихъ надъ огнемъ и опалившихся его пламенемъ.

Если вліяніе ея было велико, оно было умно и благотворно. Она трудилась надъ тѣмъ, чтобы способствовать и утвердить доброе согласіе между этой страной и Россіей въ ранней порѣ своей жизни, и была посредницей въ достиженіи entente cordiale между Франціей и Англіей въ позднѣйшей. Съ умомъ мужчины и женской чуткостью она изощряла свою власть надъ монархами и государственными людьми и обладала при ихъ посредствѣ такимъ вліяніемъ, какимъ пользовались немногія женщины.

Благодаря скандальнымъ разсказамъ, соединяемымъ съ именемъ своей знаменитой предшественницы княгини Ливенъ, г-жа Новикова не любила, когда проводили параллель между ними. Однажды она писала въ нѣсколько презрительномъ тонѣ о кн. Ливенъ Кинглеку, который отвѣтилъ обычнымъ ему саркастическимъ комплиментомъ.

Канонъ Тёквель такъ описываетъ этотъ инцидентъ въ Life of Kinglake. Онъ приводитъ съ одобреніемъ газетное сравненіе ея съ кн. Ливенъ. Она браиитъ знаменитую посланницу, онъ ее поправляетъ. Пусть она прочтетъ переписку его друга съ г. Гай Лестренжъ, и она увидитъ, какую большую роль играла кн. Ливенъ, чтобъ успокоить Англію во время войны 1828—29 гг. Она не заставила своего строгаго поклонника лорда Грея одобрить русскія намѣренія и не преодолѣла безпокойства, съ которымъ герцогъ Веллингтонъ смотрѣлъ на ея интриги, но министръ иностранныхъ дѣлъ Абердинъ былъ, повидимому, орудіемъ въ ея рукахъ, и чья бы ни была заслуга, нейтралитетъ Англіи продолжался. Это было, повторяетъ онъ нѣсколько разъ, самое критическое время для Россіи, это былъ вопросъ жизни и смерти для царя держать Англію въ состояніи дѣйствительнаго, хотя не признаннаго нейтралитета, это совершенная правда, и я съ трудомъ повѣрю, что г. Ливенъ не заслужила большую часть славы (какъ бы Вы думали) за то, что заставила Англію при этихъ обстоятельствахъ поступать слабо, тѣмъ болѣе, что мы знаемъ, какъ герцогъ не любилъ важную даму, и очевидно приписалъ ея вліянію свои непріятныя затрудненія.

Г-жа Новикова не только была une grande dame, она была журналистомъ, памфлетистомъ, авторомъ, лондонскимъ корреспондентомъ Московской газеты и Славянофильской прессы. Однажды она написала въ шутку: „Я нигилистка въ томъ, что касается условностей, и шутя она сказала правду. Едва-ли можно сказать, что она принадлежала къ какой нибудь политической партіи, хотя была дипломатомъ до конца ногтей. Была она и теологомъ тоже съ нѣкоторой политической запальчивостью. Работая надъ примиреніемъ расколовъ, которые смущаютъ христіанство, она была въ частыхъ сношеніяхъ съ людьми Высокой Англиканской церкви (high Church) и съ старокатоликами, ей были почти также знакомы распри о Filioque, какъ и условія Берлинскаго трактата.

И за всѣмъ этимъ, какъ постоянный фонъ и всюду проникающая атмосфера чувствовалось присутствіе привѣтливой, великодушной симпатичной женщины, готовой на всякое доброе дѣло, щедрой до беззаботности, съ бо̀льшимъ жаромъ помогавшей въ несчастіяхъ бѣдному соотечественнику или пробивающемуся русскому артисту, чѣмъ старавшейся обезпечить за собой признаніе заслугъ, оказанныхъ ей своей родинѣ.

Не легкая задача вѣрно изобразить такую душу, полную такихъ противоположностей. Отократка въ теоріи, аристократка по рожденію и демократка по симпатіямъ, другъ и союзница Побѣдоносцева и Гладстона, стоящихъ на противоположныхъ политическихъ полюсахъ, она жила постоянно въ близкомъ общеніи съ самой православной изъ греческихъ церквей и съ самымъ позднѣйшимъ англійскимъ иновѣріемъ. Со всею прелестью, добротой и привлекательностью женщины она соединяла мужскую рѣшительность и силу. Ея характеръ былъ такой сложный что не было двухъ ея друзей, которые бы одинаково ее понимали. Что касается ея враговъ, они никогда не могли согласиться между собою, чѣмъ она заслуживала ихъ порицаніе. Но тѣ, которые ее любили, а любили ее всѣ, коротко ее знавшіе, понимали, что подъ этими блестящими и противорѣчивыми лучами, ослѣпляющими наблюдателя, крылся огромный запасъ добронравія, горячее сердце и быстрое проявленіе симпатіи, натуры инстинктивно отзывчивой на всякое движеніе души, на всякую великодушную мысль.

Пылкая и впечатлительная по природѣ, она могла по временамъ сказать „мѣткое словечко“, а такъ какъ она хорошо говорила, то стрѣла попадала прямо въ цѣль. Но хотя былъ коготокъ и могъ царапать, онъ всегда былъ хорошо скрытъ.

Изданіе переписки лица, которое изъ принципа противится писать свои воспоминанія и чьи письма въ рукахъ у многихъ лицъ

и во многихъ странахъ, не праздное занятіе. Взявъ въ руки все свое мужество, я долженъ смѣло вернуться къ самому началу.

Больше тридцати лѣтъ тому назадъ г-жа Ольга Новикова была удивлена неожиданнымъ посѣщеніемъ въ ея отелѣ въ Брайтонѣ. Набожный евангелическій (nablemon) лордъ и основатель религіозной секты пришелъ помочь ей спасти свою душу. Первый вопросъ его, входя къ ней, былъ: сколько вамъ лѣтъ? Испуганная этимъ страннымъ entrée en matière, она удовлетворила его любопытство.

„Нѣтъ, онъ отвѣчалъ, скажите мнѣ, съ какихъ поръ вы вѣруете во Христа?“

„Да съ самаго моего рожденія. Въ Россіи дѣти бываютъ крещены на третій день послѣ рожденія. Если они слабы, такъ крестятъ ихъ и въ тотъ же самый день“.

Все это не удовлетворяло страннаго посѣтителя.

„Съ какихъ поръ вы вѣрите въ спасенье?“

„Но, отвѣчала г-жа Новикова нѣсколько нетерпѣливо, христіанство учитъ вѣрить въ спасенье. Это всякій знаетъ“.

Въ отвѣтъ посѣтитель упалъ на колѣни, шепча:

„Будемъ молиться“.

„Я думала, что онъ начнетъ объясненіе въ любви, говорила она послѣ съ насмѣшкой, я встала, чтобы позвонить, не могу припомнить даже, какъ я отъ него отдѣлалась.

На другой день пришла его жена съ тѣмъ же допросомъ, тогда я бѣжала изъ Брайтона“.

Въ слѣдующемъ году тотъ же самый господинъ поѣхалъ въ Швейцарію, гдѣ встрѣтилъ русскаго добраго знакомаго г-жи Новиковой. Послѣдній съ поспѣшностью сталъ разспрашивать о ней.

„Знакомы ли вы съ ней? какъ она поживаетъ?“

„Увы, я ничего хорошаго о ней сказать не могу,—отвѣчалъ съ важностью англичанинъ. Я боюсь, что она погибла“.

„Что вы хотите сказать, почти вскрикнулъ русскій. Какъ, гдѣ, когда она погибла? я ничего не читалъ въ газетахъ о случаѣ съ ней“.

„Она жива, отвѣчалъ лордъ, я говорю погибла потому, что она не вѣритъ въ спасенье“.

„Слава Богу, воскликнулъ русскій радостно, я такъ былъ испуганъ; если рѣчь идетъ только о спасеніи, я не боюсь: ея грѣхи не велики“.

Этотъ разговоръ происходилъ въ присутствіи другого русскаго, котораго онъ очень забавлялъ.

Нельзя обойти вопросъ о возрастѣ, когда пишешь о царственныхъ особахъ или о знаменитостяхъ.

Ольга Кирѣева родилась въ Святомъ градѣ Москвѣ 29-го апрѣля 1840 г. Родители ея были стариннаго дворянскаго рода. Мать ея, Александра, рожденная Алябьева, по своей красотѣ пользовалась почти европейской извѣстностью. Она вдохновляла Пушкина и другихъ поэтовъ. Отецъ ея Алексѣй Кирѣевъ служилъ въ гусарскомъ полку, который былъ посланъ для усмиренія Польскаго возстанія 1831 г. За эту кампанію онъ былъ награжденъ орденомъ св. Георгія за храбрость. Онъ вышелъ въ отставку, женился и жилъ въ Москвѣ или въ родномъ своемъ имѣніи Сенкино, которое принадлежитъ теперь Великому Князю Константину Константиновичу. У нихъ было пятеро дѣтей: Александръ, полный генералъ, состоящій при Великомъ Князѣ Константинѣ, Ольга и Николай и двое другихъ умершихъ въ дѣтствѣ. Алексѣй Кирѣевъ былъ высокій патріотъ съ широкими и великодушными симпатіями къ угнетеннымъ. Смолоду онъ былъ въ общеніи съ славянофилами и, какъ это нерѣдко встрѣчается, онъ соединялъ съ своимъ славянофильскимъ энтузіазмомъ большой интересъ и симпатію къ Англіи. Его воспитатель былъ шотландецъ Бакстеръ, избранный впослѣдствіи въ депутаты отъ Денди (Dundee) и еще позднѣе сдѣлавшійся подчиненнымъ членомъ въ первомъ министерствѣ Гладстона. Между шотландскимъ наставникомъ и русскимъ ученикомъ завязалась дружба, продолжавшаяся до поступленія послѣдняго въ Лейпцигскій университетъ. Англійскій языкъ сдѣлался его вторымъ роднымъ нарѣчіемъ, и г-жа Алябьева прекрасно знала англійскій языкъ. Ихъ переписка до и послѣ супружества велась главнымъ образомъ по-англійски,—фактъ, указывающій на источникъ необыкновеннаго обладанія англійскимъ языкомъ, которымъ суждено было ихъ дочери принести столько пользы впослѣдствіи. Императоръ Николай I былъ крестнымъ отцомъ всѣхъ ихъ дѣтей.

Маленькая Ольга едва вышла изъ дѣтской, какъ была поручена попеченію гувернантокъ, которыя не нашли легкой свою задачу. Вспыльчивая, чувствительная, избалованная, она вѣчно подшучивала надъ своими воспитательницами, которымъ жизнь въ домѣ становилась тягостью, и больше года онѣ не выдерживали; она была живая, способная и въ десять лѣтъ умѣла говорить по-русски, французски, англійски и нѣмецки.

Семья жила счастливо, замѣчательна была привязанность между братьями и ихъ сестрой. Алексѣй Кирѣевъ былъ любящій отецъ, и одно изъ самыхъ раннихъ воспоминаній г-жи Новиковой о немъ было то, что, проснувшись ночью, она увидѣла его на колѣняхъ у своей постели, молящимся о ней. Съ дѣтства она росла въ атмосферѣ политики и филантропіи. О самомъ раннемъ дѣтствѣ г-жа

Новикова помнитъ мало. Она мнѣ говорила: „когда умеръ отецъ въ 1849 году, Императоръ Николай былъ въ Москвѣ. Онъ навѣстилъ мать и дѣтей. Братья привѣтствовали Его Величество, какъ имъ было сказано, но мнѣ приказала гувернантка сдѣлать глубокій, глубокій реверансъ. Увы, я это приказаніе слишкомъ хорошо исполнила; не будь колонны, за которую я схватилась, я лежала бы на полу. Государь замѣтилъ трагизмъ моего положенія и бросился мнѣ на помощь. Онъ даже сказалъ, улыбаясь: „Bravo, mademoiselle, quelle charmante révérence!“ Но я не улыбалась: мнѣ не было весело“.

Ихъ домъ въ Москвѣ былъ любимымъ мѣстомъ собранія славянофиловъ и защитниковъ упраздненія крѣпостного права. Отецъ ея написалъ проектъ освобожденія крестьянъ за 20 лѣтъ до осуществленія этой реформы. Поэтъ Хомяковъ, сынъ котораго былъ избранъ въ 1907 году предсѣдателемъ третьей думы, былъ ихъ частымъ гостемъ и присутствовалъ при смерти Алексѣя Кирѣева. Иванъ Аксаковъ, котораго краснорѣчіе такъ много повліяло на возбужденіе въ Россіи желанія освободить Болгарію, былъ тоже близкимъ другомъ семьи Кирѣевыхъ. Г-жѣ Новиковой было только 9 лѣтъ, когдъ ея отецъ умеръ и былъ похороненъ на одномъ изъ кладбищъ близъ Москвы. Братья ея были сдѣланы камеръ-пажами Его Величества, а потомъ вышли въ гвардію въ то время, какъ ихъ сестра оставалась съ матерью.

Въ ранней юности, когда Ольга съ жадностью читала всякую доступную ей книгу, ея англофильское чувство, унаслѣдованное отъ родителей, было страшно оскорблено. Мемуары О. св. Елены, изданіе въ 25 маленькихъ томахъ, познакомили молодую, восторженную дѣвочку съ исторіей Наполеона. Москвичка не легко могла бы восторгаться человѣкомъ, котораго нападеніе отступило передъ пылающей Москвой, но для впечатлительной русской дѣвушки казалось, что всѣ условія рыцарства были попраны англичанами, когда они, принявъ сдачу Наполеона съ обѣщаніемъ ему свободы, сослали его умереть на островъ св. Елены. Это поразило ее какъ нѣчто непостижимое по своей безчеловѣчности, и жестокій переворотъ въ чувствѣ къ соотечественникамъ сэра Гудіонъ Ло (Sir Hudion Lowe) оставили опредѣленный и продолжительный слѣдъ въ ея душѣ.

Ей было около шестнадцати лѣтъ, когда она испытала первый и, насколько я могъ убѣдиться, единственный романическій эпизодъ своей юности. Онъ произошелъ, какъ это случается съ большинствомъ молодыхъ людей ея темперамента, отъ состраданія. Она изучала исторію нѣмецкой философіи съ старымъ нѣмецкимъ профес-

соромъ, очень ученымъ, очень некрасивымъ и очень несчастнымъ. Страшное сожалѣніе возникло въ ея сердцѣ къ этому одинокому старику. Она глубоко сочувствовала его бѣдности, одиночеству и думала о томъ, какъ онъ нуждается въ чьей-нибудь помощи, участіи и привязанности. У нея блеснула мысль: если бъ я вышла за него замужъ, какъ бы я могла устроить его жизнь, и какъ бы онъ былъ счастливъ. Понравиться ему, заставить его обратить на себя вниманіе сдѣлалось ея рѣшительнымъ желаніемъ. Однажды, она особенно хотѣла заинтересовать своимъ разсужденіемъ о Гегелѣ и его послѣдователяхъ. Работа была нелегкая, но она надѣялась, что будетъ оцѣнена и награждена симпатіей своего учителя. Старикъ прочиталъ ея рукопись внимательно, казался доволенъ и улыбнулся; но затѣмъ, увы, онъ сказалъ: „Ach Gott, если бъ Вы были мальчикъ, какой бы Вы могли быть профессоръ философіи“. Вотъ все, что онъ сказалъ, и тѣмъ романическій эпизодъ окончился.

Ея отецъ умеръ рано, тридцати шести лѣтъ, братья уѣхали въ Петербургъ, и Ольга росла въ обществѣ матери, учителей и гувернантокъ. Она ѣздила съ матерью въ Германію за годъ до своего замужества; путешествіе это замѣчательно тѣмъ, что въ это время она встрѣтилась съ Ауербахомъ, первымъ изъ многихъ знаменитыхъ писателей, которые числились въ кругу ея друзей.

Романы Ауербаха никогда не были въ модѣ въ Англіи, но одно время его считали извѣстнымъ романистомъ въ Германіи. Еврейскаго происхожденія, Ауербахъ былъ съ юности преданнымъ ученикомъ Спинозы, котораго сочиненія онъ переводилъ и философіи котораго онъ придалъ популярность, вводя ее въ разговоры лицъ своихъ романовъ. Ему было между сорока и пятьюдесятью годами, когда Ольга услышала, что онъ въ Дрезденѣ, отъ одной русской писательницы Павловой, которую она встрѣтила тамъ. Г-жа Павлова взялась познакомить ее съ Ауербахомъ. Однажды, посѣщая картинную галлерею, онѣ увидали Ауербаха передъ Мадонной.

Г-жа Павлова представила свою юную пріятельницу со словами: „это замѣчательная дѣвушка“...

Ауербахъ прервалъ ее восклицаніемъ и улыбаясь: „безъ фразъ, сударыня, здѣсь божественная Мадонна, въ ея присутствіи комплименты и преувеличенныя фразы не допускаются“.

Несмотря на нѣсколько мало обѣщающее начало знакомства, оно вскорѣ возросло въ дружбу. Онъ посѣщалъ ея мать, а такъ какъ г-жа Кирѣева не говорила по-нѣмецки, а Ауербахъ не зналъ ни французскаго, ни русскаго языка, то Ольга служила имъ перевод-

чицей, и сама вела съ нимъ продолжительныя бесѣды. Повидимому, на Ауербаха произвела живость и восторженность его юнаго русскаго друга большое впечатлѣніе, и онъ выражаетъ это тѣмъ, что влагаетъ нѣкоторыя ея слова въ уста героини въ романѣ Auf der Höhe. У нихъ во многомъ нашлась симпатія и впослѣдствіи, когда Ауербахъ пріѣхалъ въ Россію. Ольга, тогда уже г-жа Новикова, очень обрадовалась и оказала ему самый радушный пріемъ.

Въ политикѣ она всегда поддавалась предубѣжденію славянъ противъ семитовъ, но это никогда не ослѣпляло ее настолько, чтобы не цѣнить талантъ еврейскихъ авторовъ. Ауербахъ былъ первый, но далеко не послѣдній изъ ея друзей израильскаго происхожденія. Обаяніе Ауербаха было скорѣе философское, чѣмъ личное. Онъ былъ толстый, невысокаго роста человѣкъ, сильно выраженнаго еврейскаго типа, онъ былъ безпокойнаго характера, рѣдко жилъ долго на одномъ мѣстѣ; послѣднія 20 лѣтъ его жизни они рѣдко встрѣчались.

Сообщено Е. С. М.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Устроители Болгаріи: князь Черкасскій, князь Дондуковъ-Корсаковъ и Столыпинъ [1]).

II.

Назначеніе преемника князю Черкасскому, но уже подъ именемъ Россійскаго Императорскаго комиссара въ Болгаріи, послѣдовало 16-го апрѣля 1878 года: высочайшимъ приказомъ на эту должность былъ назначенъ генералъ-адъютантъ, генералъ-отъ-кавалеріи князь Александръ Михайловичъ Дондуковъ-Корсаковъ. Происходилъ онъ изъ дворянъ Псковской губ.; родился въ сентябрѣ 1820 г. (значитъ, во время назначенія Императорскимъ комиссаромъ ему шелъ 58 годъ). Воспитаніе онъ получилъ въ Петербургѣ сначала въ университетскомъ благородномъ пансіонѣ (гдѣ теперь 1-я гимназія), а затѣмъ въ университетѣ по юридическому факультету, который окончилъ съ степенью кандидата въ 1840 г. Послѣ этого онъ вмѣстѣ съ отцомъ, занимавшимъ должность попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа, совершилъ большое путешествіе за границу. А по возвращеніи въ отечество юный князь Дондуковъ, которому отецъ предоставилъ полную свободу въ выборѣ карьеры, опредѣлился юнкеромъ въ кирасирскій Наслѣдника Цесаревича полкъ, расположенный въ Гатчинѣ, гдѣ въ 1841 г. состоялось производство его въ офицеры. Но тогдашняя „ремешковая“

[1]) См. „Русскую Старину“. февраль 1909 г.

служба, вся посвященная мелочной погонѣ за внѣшней выправкой, не могла удовлетворить Александра Михайловича, отличавшагося пылкимъ, предпріимчивымъ нравомъ и жаждавшаго боевой дѣятельности. Въ то время лучшей боевой школой для людей съ подобными наклонностями былъ Кавказъ, и потому молодой князь, стремившійся сверхъ того уѣхать изъ Петербурга вслѣдствіе одной неудачной любовной исторіи, сталъ хлопотать о переводѣ въ кавказскую армію. Онъ былъ переведенъ туда въ 1844 г. съ зачисленіемъ поручикомъ по армейской кавалеріи. Прибывъ въ Тифлисъ, кн. Дондуковъ-Корсаковъ былъ назначенъ состоять при командирѣ Кавказскаго корпуса генералѣ Нейдгартѣ, а затѣмъ при замѣнившемъ его князѣ Воронцовѣ; сдѣлался вскорѣ адъютантомъ послѣдняго и былъ переведенъ въ гвардію. Въ 1854 г. за отличіе въ дѣлѣ съ турками при Кюрюкъ-Дара получилъ орденъ св. Георгія 4-й степ., а въ слѣдующемъ году назначенъ командиромъ Нижегородскаго драгунскаго полка, вскорѣ послѣ чего былъ произведенъ въ генералъ-маіоры. Въ 1852 г. зачисленъ въ запасныя войска, а въ 1859 г. назначенъ въ распоряженіе наказного атамана Войска Донского, и въ томъ же году на него было возложено исполненіе должности начальника штаба того же войска. Въ 1863 г., вслѣдствіе разногласій съ тогдашнимъ военнымъ министромъ Д. А. Милютинымъ, кн. Дондуковъ-Корсаковъ вышелъ въ отставку. Проводя зиму за границей, онъ встрѣтился тамъ съ другомъ своей юности, генераломъ Тимашевымъ, съ которымъ возобновилъ дружескія отношенія. И когда генералъ-адъютантъ Тимашевъ сдѣлался министромъ внутреннихъ дѣлъ, то, по его предложенію, кн. Дондуковъ-Корсаковъ вновь поступилъ на службу съ причисленіемъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ, а въ слѣдующемъ, 1869-мъ году былъ назначенъ кіевскимъ, волынскимъ и подольскимъ генералъ-губернаторомъ; вскорѣ послѣ того получилъ и званіе генералъ-адъютанта.

Во время турецкой войны онъ былъ назначенъ командиромъ 13-го армейскаго корпуса, находившагося въ составѣ отряда Наслѣдника Цесаревича. Въ продолженіе своей военной карьеры кн. Дондуковъ-Корсаковъ участвовалъ во многихъ битвахъ съ кавказскими горцами и турками, при чемъ получилъ нѣсколько ранъ (въ ногу и руку) и контузій.

Въ отрывкахъ изъ посмертныхъ записокъ его, напечатанныхъ въ сборникѣ „Старина и Новизна“ [1]), онъ слѣдующимъ образомъ характеризуетъ себя въ молодые годы:

---

[1]) Князь началъ ихъ писать въ Кіевѣ въ 1874 г.

„Отъ природы я очень воспріимчивъ; лѣта охладили во мнѣ пылъ молодости, доходящій иногда до безумной горячности; я привыкъ болѣе владѣть собою, но и теперь часто ощущаю проявленіе той необузданности натуры моей и неумѣренности въ рѣчахъ и сужденіяхъ, о которыхъ часто приходится еще сожалѣть мнѣ.

„Необыкновенно крѣпкое отъ природы тѣлосложеніе и вообще здоровье, несмотря на раны, болѣзни, перенесенныя лишенія, труды и, къ сожалѣнію, неумѣренную мою жизнь въ молодости, не измѣняютъ мнѣ еще при настоящихъ лѣтахъ моихъ и до сихъ поръ поддерживаютъ энергію и дѣятельность мою. Я привыкъ физически выносить неимовѣрное: десятки тысячъ верстъ проѣздилъ я курьеромъ на перекладныхъ, старался всегда отличаться передъ прочими фельдъ-егерями скоростью ѣзды; тысячи верстъ проѣхалъ я верхомъ по Кавказу и Персіи, перенося весело и съ увлеченіемъ всякую усталость. Меня всегда привлекали препятствія, опасности и всякаго рода приключенія; особенное чувство удовольствія ощущалъ я въ преодолѣніи того, что другимъ казалось невозможнымъ. Сколько глупостей, сколько шалостей я дѣлалъ, сколькимъ опасностямъ напрасно подвергала меня эта свойственная мнѣ предпріимчивость. Часто все это дѣлалъ я изъ излишней удали и фанфаронства; но по большей части это было вызвано потребностью моей натуры безотчетно и широко расходовать избытокъ жизненныхъ силъ моихъ. Начальники мои, при тогдашнихъ условіяхъ Кавказа, Воронцовъ и Муравьевъ, особенно цѣнили хорошую сторону этихъ качествъ, снисходительно относясь къ худой ихъ сторонѣ. Между товарищами это ставило меня коноводомъ всѣхъ нашихъ кутежей и предпріятій. Меня очень любили за находчивость мою и постоянно веселый нравъ; а во всѣхъ важныхъ случаяхъ и затруднительныхъ обстоятельствахъ дорожили также моимъ совѣтомъ и практическимъ взглядомъ на дѣло. Вообще я очень счастливъ въ жизни отношеніями моими, и большею частію находилъ между начальниками, подчиненными и товарищами скорѣе сочувствіе, нежели вражду, зависть или нерасположеніе. Этому много, можетъ быть, способствовалъ уживчивый, общительный и всегда веселый характеръ мой, а также и то, что я былъ постоянно врагъ всякаго притворства; меня всегда возмущало все напускное, неестественное, привитое, какъ признакъ той природной нравственной скудости человѣка, которую онъ старается прикрывать чужимъ, иногда очень неудачно заимствованнымъ отъ другихъ“.

Командиромъ корпуса во время послѣдней турецкой войны кн.

Дондуковъ-Корсаковъ былъ назначенъ въ сентябрѣ 1877 г. Прибывъ въ с. Горный Студень, гдѣ тогда (послѣ неудачныхъ штурмовъ Плевны) находились императорская и главная квартиры, князь поспѣшилъ явиться Государю, который вообще очень милостиво относился къ нему. По словамъ Дондукова-Корсакова, Александръ II произвелъ на него „крайне трогательное“ впечатлѣніе. „Онъ представился въ глазахъ моихъ не державнымъ повелителемъ, а человѣкомъ съ самымъ мягкимъ, чувствительнымъ сердцемъ. Все, что онъ нравственно испыталъ, оставило на мой взглядъ глубокіе слѣды на немъ. Я нашелъ его сильно похудѣвшимъ и страдающимъ одышкою. Вообще болѣзненный видъ его еще болѣе заставилъ уважать въ немъ ту твердость духа, которую я и не подозрѣвалъ. Онъ говорилъ твердо, спокойно, покоряясь обстоятельствамъ и надѣясь на милость Бога въ будущемъ“.

Все время войны кн. Дондуковъ-Корсаковъ пробылъ въ отрядѣ Наслѣдника Цесаревича, а 3-го февраля 1878 г. былъ вызванъ изъ Разграда въ Петербургъ, гдѣ и получилъ новое назначеніе — на должность императорскаго россійскаго комиссара въ Болгаріи, т. е. временного управителя и устроителя этой страны—до выбора болгарскаго князя.

По Санъ-Стефанскому мирному договору Болгарія должна была образовать „самоуправляющееся княжество съ христіанскимъ правительствомъ и земскимъ войскомъ“. Предварительно избранія князя, собранію, состоящему изъ именитыхъ людей Болгаріи (нотаблей по западному выраженію), надлежало, подъ наблюденіемъ россійскаго комиссара и въ присутствіи комиссара оттоманскаго, выработать органическій статутъ, или уставъ для управленія княжествомъ, подобно тому, какъ это было сдѣлано въ 1830 г. для придунайскихъ княжествъ.

Изъ этого вытекало, что задача, предстоявшая князю Дондукову-Корсакову, значительно разнилась отъ той, которую выполнялъ князь Черкасскій, заботившійся болѣе всего объ укрѣпленіи русской власти въ странѣ и о возможномъ содѣйствіи нашимъ войскамъ. Съ заключеніемъ мира, пребываніе русской администраціи въ краѣ могло быть только кратковременнымъ; поэтому приходилось заботиться главнымъ образомъ о пробужденіи элементовъ болгарской жизни и о возможно быстромъ упроченіи государственнаго порядка въ странѣ и въ особенности—объ организаціи вооруженной силы, чтобы съ отходомъ русскихъ войскъ было кому охранять княжество отъ враждебныхъ посягательствъ. Князь Черкасскій, составляя

проектъ объ учрежденіи должности верховнаго россійскаго комиссара въ Болгаріи, надѣялся втайнѣ, что эта должность будетъ поручена ему; но въ виду роли, которую приходилось играть комиссару (главнымъ образомъ какъ организатору вооруженной силы),— несомнѣнно, что назначеніе на эту должность лица военнаго званія представляло огромныя преимущества. При томъ же этому лицу можно было довѣрить и командованіе оккупаціонной арміей, тогда какъ при назначеніи комиссаромъ лица гражданскаго званія, пришлось бы поручить армію кому-либо изъ военныхъ генераловъ, вслѣдствіе чего устанавливались двѣ власти въ странѣ, а это едвали могло быть полезно для единства дѣйствій.

Дѣятельность нашего временнаго правительства, какъ и прежде должна была носить характеръ не разрушительный, а созидательный. Надлежало въ странѣ, привыкшей къ мусульманскому самоуправству и насилію, насадить сѣмена новой, христіанской гражданственности, основанной на духѣ евангельскаго ученія о любви къ ближнему и на уваженіи къ человѣческимъ правамъ; нужно было установить такой порядокъ, который обезпечилъ бы всѣмъ благо неприкосновенности личной, религіозной и имущественной, безъ различія національностей. Практически это должно было выразиться въ продолженіи административной системы кн. Черкасскаго, опиравшейся на широкое самоуправленіе, съ примѣненіемъ всюду, гдѣ было можно, выборнаго начала.

Русскихъ администраторовъ, занимавшихъ высшія мѣста въ странѣ, надлежало постепенно замѣнять мѣстными уроженцами, какъ только находились для этого подходящія лица. Сверхъ того приходилось создать и высшій административный органъ—совѣтъ при императорскомъ комиссарѣ съ отдѣлами (министерствами), соотвѣтствующими различнымъ отрасляхъ управленія. По инструкціи, данной министерствомъ иностранныхъ дѣлъ кн. Дондукову-Корсакову, совѣтъ этотъ долженъ былъ состоять изъ семи слѣдующихъ отдѣловъ: 1) внутреннихъ дѣлъ, 2) финансовъ и контроля, 3) судебный, 4) духовнаго и учебнаго вѣдомства, 5) военный, 6) почты, телеграфа, путей сообщенія и общественныхъ работъ, и 7) канцеляріи для дѣлъ общихъ и для дипломатическихъ сношеній. Отдѣлы должны были находиться въ завѣдываніи управляющихъ оными, и эти лица назначались и увольнялись по усмотрѣнію императорскаго комиссара.

Пока дѣйствующая армія находилась въ Болгаріи, императорскій комиссаръ подчинялся главнокомандующему ею (генералъ-адъютанту Тотлебену). Дѣйствуя самостоятельно по гражданскому

управленію и въ мѣропріятіяхъ, касающихся преобразованія края на новыхъ началахъ, согласно данной ему инструкціи, онъ обязывался представлять ежемѣсячно, черезъ главнокомандующаго, отчетъ о своей дѣятельности и черезъ него же вести сношенія съ русскимъ посольствомъ въ Константинополѣ.

Изъ самихъ условій мирнаго договора вытекала необходимость выполненія совѣтомъ императорскаго комиссара слѣдующихъ подготовительныхъ работъ:

1) Выработать систему и порядокъ выборовъ въ собраніе именитыхъ людей Болгаріи для составленія статута (устава) будущаго княжества, при чемъ должны были быть приняты во вниманіе и интересы народностей, живущихъ смѣшанно съ болгарами.

2) Опредѣлить среднюю доходность всей территоріи княжества для исчисленія впослѣдствіи ежегодной доли, подлежащей уплатѣ Оттоманской Портѣ.

3) Устроить подъ наблюденіемъ русскихъ комиссаровъ турецко-болгарскія комиссіи, которыя въ теченіе двухъ лѣтъ постановили бы окончательныя рѣшенія по спорнымъ дѣламъ о поземельной собственности, въ которыхъ были замѣшаны интересы мусульманъ и другихъ народностей, а также дѣла, связанныя съ интересами вакуфовъ (недвижимою собственностью мусульманскихъ духовныхъ учрежденій) и имуществами, принадлежащими Портѣ. По истеченіи двухлѣтняго срока, тѣ мусульманскія недвижимыя имущества, къ которымъ не было предъявлено никакихъ требованій, подлежали продажѣ съ публичнаго торга и вырученныя за нихъ деньги надлежало употребить на содержаніе вдовъ и сиротъ, какъ мусульманъ, такъ и христіанъ—жертвъ войны.

4) Озаботиться срытіемъ въ предѣлахъ княжества и за счетъ болгарскаго правительства прежнихъ турецкихъ крѣпостей, и начать надлежало съ укрѣпленій на Дунаѣ, гдѣ не могло быть никакихъ помѣхъ для судоходства.

Что касается вопроса о численности болгарской арміи, то таковой по Санъ-Стефанскому договору подлежалъ разрѣшенію на основаніи соглашенія между россійскимъ и оттоманскимъ кабинетами, но статья 8-я этого договора предоставляла россійскому императорскому комиссару право создать войско такой силы, чтобы оно было достаточно для охраны порядка, безопасности и спокойствія въ странѣ. Военное занятіе Болгаріи русскими войсками было опредѣлено на два года.

Изъ Петербурга кн. Дондуковъ-Корсаковъ выѣхалъ 20-го апрѣля и прибылъ въ Санъ-Стефано (черезъ Рущукъ) 8-го мая, а въ свою предполагаемую резиденцію Филиппополь (по-болгарски Пловдивъ) онъ совершилъ въѣздъ 20-го мая. Объявляя жителямъ Болгаріи и подвѣдомственнымъ ему учрежденіямъ особой прокламаціей на русскомъ и болгарскомъ языкахъ о своемъ вступленіи въ должность, императорскій комиссаръ слѣдующимъ образомъ выразилъ свой взглядъ на задачи русскаго управленія въ Болгаріи:

„Всецѣло посвящая себя исполненію высокихъ цѣлей, указанныхъ мнѣ державною волею Государя моего, я направлю всѣ заботы и старанія къ вызову всѣхъ силъ страны для установленія въ скорѣйшемъ времени самостоятельнаго національнаго управленія въ Болгаріи, основаннаго на началахъ самоуправленія, удовлетворяющаго духу и потребностямъ вызваннаго къ новой жизни народа.

„Временное управленіе и присутствіе русскихъ гражданскихъ властей въ краѣ прежде всего имѣетъ цѣлью охраненіе порядка и безопасности всѣхъ и каждаго безъ различія національности и вѣроисповѣданія.

„Въ этихъ видахъ всѣ вообще гражданскія власти неуклонно должны преслѣдовать всякое самоуправство и насиліе противъ личности и собственности жителей всѣхъ національностей.

„Судъ выборныхъ долженъ забыть прежнюю рознь и антагонизмъ между отдѣльными національностями, и безпристрастіемъ своихъ рѣшеній доказать способность страны пользоваться новою свободною жизнью и широкимъ самоуправленіемъ.

„Братски призываю всѣ живыя просвѣщенныя силы страны содѣйствовать временному русскому управленію въ исполненіи высокой предначертанной ему задачи.

„Чѣмъ дѣятельнѣе и плодотворнѣе будетъ это содѣйствіе, тѣмъ скорѣе послѣдуетъ замѣна временно вызванныхъ чиновъ изъ Россіи лицами болгарскаго происхожденія, и облегчится возможность ускорить созваніе именитыхъ людей Болгаріи для выработки органическаго статута новаго управленія страною и выбора князя.

„Эту конечную цѣль должны неуклонно имѣть въ виду и всѣ вызванные изъ Россіи чины.

„Разсчитываю на дружное, искреннее и просвѣщенное содѣйствіе этихъ чиновъ къ быстрому и успѣшному выполненію возложенной на меня довѣріемъ Государя Императора задачи—призыва къ новой и самостоятельной жизни страны, свобода которой куплена

столь дорогою цѣною крови храбраго русскаго побѣдоноснаго воинства.

„Да покажетъ себя Болгарія достойною этихъ жертвъ, и да поможетъ и подкрѣпитъ насъ Богъ въ исполненіи святой задачи, предначертанной державной волею Царя-Освободителя“.

Н. Овсяный.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Изъ жизни русскихъ войскъ въ Финляндіи въ 70-хъ и 80-хъ годахъ.

Двукратная служба въ Финляндіи (съ 1876 по 1878 годъ включительно и въ 1883—85 годахъ) дала намъ возможность не только въ нѣкоторой степени ознакомиться съ своеобразными бытовыми условіями этого интереснаго края—страною озеръ и гранита,—гдѣ, по мѣстнымъ причинамъ, каждый клочекъ мало-мальски удобной земли тщательно утилизируется подъ пахоть или для иной потребности, но и воочію убѣдиться въ сепаратныхъ стремленіяхъ интеллигенціи края и вообще въ нѣкоторой отчужденности населенія и, наконецъ, въ далеко не всегда дружелюбномъ отношеніи его къ нашимъ войскамъ, порою даже и враждебномъ.

Въ 1876 г. финляндскимъ генералъ-губернаторомъ былъ графъ Н. В. Адлербергъ 3, гордившійся своимъ шведскимъ происхожденіемъ по прямой линіи отъ упсальскаго епископа Олафа Свебеліуса [1]), чванный, непривѣтливый и войскъ, коими въ Финляндіи командовалъ, въ сущности не знавшій, ибо продолжительное время служилъ внѣ строя; что же касается знакомства съ жизненными условіями края, его управленію ввѣреннаго, то, полагаю, и въ этомъ былъ не мало грѣшенъ [2]). Помощниками его были тогда коренные

---

[1]) Статья С. Смирновой «Угнетенная страна» («Нов. Время» 29 марта 1908 г. № 11511).

[2]) Авторъ серьезнаго труда «Исторіи Финляндіи временъ Императора Александра II»—М. Бородкинъ даетъ слѣдующій отзывъ о дѣятельности графа Н. В. Адлерберга 3-го, какъ финляндскаго генералъ-гу-

финляндцы—сначала генералъ Индреніусъ, а послѣ него генералъ Авъ-Форселлесъ, шарообразный на видъ и уже довольно пожилой, а негласнымъ совѣтникомъ — нюландскій губернаторъ генералъ Альфтанъ, точно также коренной финляндецъ и не смотря на носившійся имъ мундиръ генеральнаго штаба,—съ явно шведскими тенденціями [1]). Штабъ округа помѣщался въ Гельсингфорсѣ въ наемномъ зданіи на Михайловской улицѣ (Michaels-gatan), близъ прекраснаго городского парка Кайса-ніеми. Начальникомъ штаба округа былъ генералъ А. Л. Гагемейстеръ, носившій лишь мундиръ генеральнаго штаба по занимаемой должности, но въ академіи не бывшій и помощникомъ его въ полной мѣрѣ симпатичный и дѣльный полковникъ А. К. Тимротъ. Личный составъ штаба имѣлъ лишь ту особенность, что въ немъ по штату полагался отдѣльный переводчикъ, обязанный, получаемыя оффиціальныя бумаги на шведскомъ языкѣ, переводить на русскій, предварительно доклада ихъ; подобные переводчики были въ Финляндскомъ сенатѣ и въ канцеляріяхъ генералъ-губернатора и губернаторовъ. Таковы были порядки. Войскъ въ Финляндіи было немного, и они рѣзко дѣлились на русскія и финскія; первыя состояли изъ 23-й пѣхотной дивизіи съ ея артиллерійскою бригадою, расквартированныхъ весьма разбросанно—въ Гельсингфорсѣ, Тусьбю, Тавастгусѣ, Або, Свеаборгѣ,

---

бернатора: «въ финляндскихъ реформахъ эпохи Александра II не было «ни русскаго духа, ни русскаго чувства», главнымъ образомъ вслѣдствіе того, что финляндскія дѣла вѣдались исключительно мѣстными дѣльцами, петербургскими космополитами или совершенно бездарными представителями Россіи въ родѣ графа Адлерберга» (стр. 445). Далѣе, тотъ же авторъ на стр. 493 своего труда говоритъ: «что графъ Адлербергъ въ теченіе 15 лѣтъ оставался единственнымъ вліятельнымъ представителемъ русской государственной власти въ Финляндіи и для русскаго государственнаго дѣла никакой существенной пользы не принесъ".

[1]) Въ началѣ 80-хъ годовъ генералъ-адъютантъ графъ Н. В. Адлербергъ, бывшій уже не у дѣлъ, переселился за границу, въ Баварію, гдѣ на берегу живописнаго Тегернскаго озера, въ м. Тегернзее, у него была своя вилла, даже съ домовою церковью; это привелось случайно узнать, когда въ іюнѣ 1892 года я лично былъ въ Тегернзее, получивъ порученіе распорядиться перевозкою въ Минскъ гроба съ прахомъ скончавшагося въ этомъ мѣстечкѣ начальника 30 дивизіи генерала Э. В. Жиржинскаго; тогда графъ Адлербергъ еще жилъ тамъ, но уже былъ тяжело боленъ, почему и не могъ по моему приглашенію, присутствовать въ мѣстной католической каплицѣ на литіи въ день отправки на желѣзно-дорожную станцію гроба съ тѣломъ покойнаго генерала Жиржинскаго. Между прочимъ, въ числѣ немногихъ приглашенныхъ мною присутствовать, на упомянутой литіи былъ, проводившій тогда лѣто съ семьею близъ Тегернзее, генералъ-адъютантъ графъ П. А. Шуваловъ, занимавшій должность нашего посла въ Берлинѣ.

Фридрихсгамѣ, Кюменьгородѣ и Выборгѣ, четырехъ крѣпостныхъ баталіоновъ, двухъ крѣпостныхъ артиллерій и ряда мелкихъ мѣстныхъ командъ. Финскія войска подчинялись графу Адлербергу лишь какъ генералъ-губернатору, при коемъ состоялъ по штату даже особый докладчикъ по дѣламъ финскихъ войскъ, полковникъ генеральнаго штаба Шауманъ (отецъ или вообще родственникъ убійцы генералъ-адъютанта Бобрикова); подобный же штатный докладчикъ состоялъ и при военномъ министрѣ [1]). Начальникомъ финскихъ войскъ, состоявшихъ изъ лейбъ-гвардіи 3-го стрѣлковаго финскаго баталіона (недавно упраздненнаго) и восьми финскихъ стрѣлковыхъ баталіоновъ, носившихъ наименованія по губернскимъ городамъ края [2]), былъ генералъ баронъ Рамзай, имѣвшій свой „отдѣльный“ штабъ, гдѣ и дѣлопроизводство, кажется, велось на шведскомъ языкѣ, за исключеніемъ непосредственной переписки съ военнымъ министромъ и штабомъ округа. Воочію привелось ознакомиться съ удивительными мѣстными порядками. Наши и финскія войска жили совершенно отдѣльною жизнью и другъ для друга были вполнѣ чужими; нѣкоторое исключеніе составлялъ только л.-гв. 3 финскій стрѣлковый баталіонъ и то лишь въ томъ отношеніи, что онъ каждое лѣто отправлялся на мѣсяцъ или полтора въ Красносельскій лагерный сборъ; впослѣдствіи, туда ходили и очередныхъ два финскихъ баталіона, но въ описываемое время они отбывали свой лагерный сборъ въ Вильманстрандѣ. Напримѣръ, въ Гельсингфорсѣ, въ Абосскихъ казармахъ, гдѣ квартировали штабъ 23 дивизіи съ двумя баталіонами Бѣломорскаго полка, устроено было прекрасное центральное офицерское собраніе, но оно финскими офицерами совершенно не посѣщалось; въ свою очередь и всѣ наши офицеры не имѣли доступа въ офицерскія собранія финскихъ баталіоновъ; то же самое было въ Або, Тавастгусѣ и Выборгѣ, гдѣ совмѣстно квартировали русскія и финскія войска.

Офицеры генеральнаго штаба періодически командировались для практическихъ занятій съ офицерами, но исключительно частей нашихъ войскъ, въ финскіе же баталіоны подобныхъ командиро-

---

[1]) Кажется, генеральнаго штаба генералъ-маіоръ Шульцъ, также коренной финляндецъ.

[2]) По штату 1 января 1865 года—финскія сухопутныя войска состояли изъ управленія, л.-гв. 3-го стрѣлковаго финскаго баталіона и 9 поселенныхъ стрѣлковыхъ баталіоновъ—всего 149 офицеровъ и 4.842 н. чиновъ. Финскіе же стрѣлковые баталіоны, вмѣсто упраздненныхъ поселенныхъ, сформированы были въ 1881 году по уставу о воинской повинности 1878 года. (По сочин. М. Бородкина «Исторія Финляндіи», стр. 208 и 393).

вокъ никогда не было. Совмѣстно наши и финскія войска встрѣчались только при весьма рѣдкихъ общихъ смотрахъ и на церковныхъ парадахъ въ табельные дни, при чемъ даже и тутъ дѣлались почему-то странныя исключенія, такъ какъ частямъ финскихъ войскъ, наряженнымъ въ составъ церковнаго парада, указывалось прибыть прямо на мѣсто къ концу молебна, то есть безъ ввода людей въ чудный по архитектурѣ православный соборъ (на полуостровѣ Скаттуденѣ), и это даже обусловливалось парольными приказаніями по гарнизону, подписанными комендантомъ — русскимъ генераломъ Чепурновымъ [1]). Въ праздникъ Св. Крещенія, несмотря на близость и обиліе воды, таинство водоосвященія производилось всегда внутри собора изъ-за опасенія какого-нибудь скандала и глумленій публики. Все это высшія власти въ краѣ не только знали, но и практиковали подобную уступчивость, по меньшей мѣрѣ странную [2]).

---

[1]) Замѣчу кстати, что этотъ почтенный генералъ воспитывался въ Фридрихсгамскомъ кадетскомъ корпусѣ, продолжительное время провелъ на службѣ въ Финляндіи и несмотря на чисто русскую фамилію, имъ носимую, не только говорилъ по-русски съ шведскимъ акцентомъ, но и вообще, по убѣжденію, былъ чистокровнымъ шведоманомъ.

[2]) Обособленность и отчужденность проявлялись даже въ мелочахъ. Напримѣръ. въ квартирныхъ росписаніяхъ войскъ финляндскаго военнаго округа, ежемѣсячно представлявшихся въ Главный Штабъ, ни однимъ словомъ не упоминалось о финскихъ войскахъ, какъ будто ихъ въ раіонѣ округа вовсе не было. Свѣдѣнія эти штабъ финскихъ войскъ (не знаю на какомъ языкѣ—вѣроятно на шведскомъ) представлялъ непосредственно двумъ (!) генераламъ (кореннымъ финляндцамъ), а именно состоящему для доклада по дѣламъ (!) финскихъ войскъ при генералъ-губернаторѣ и состоящему для такой же «надобности» при военномъ министрѣ и оттуда уже свѣдѣніе (о 9-ти стрѣлковыхъ баталіонахъ) попадало въ Главный Штабъ. Замѣчу кстати, что обученіе финскихъ «войскъ» велось по нашимъ уставамъ, и всѣ командныя слова произносились на русскомъ языкѣ. Были ходатайства, конечно по «своему» начальству—черезъ финляндскій статсъ-секретаріатъ, о сформированіи «своей»—финской—конницы и даже артиллеріи, но эти ходатайства, къ счастью, были отклонены; все же, спустя нѣкоторое время, былъ сформированъ 6-и эскадронный финскій драгунскій полкъ,—по правдѣ сказать, прекрасно обставленный,—но онъ просуществовалъ недолго, и нынѣ отъ «финскихъ» войскъ остались лишь одни воспоминанія. казармы, частью занятыя стрѣлковыми полками 1 и 2 финляндскихъ бригадъ и 20 драгунскимъ полкомъ, и памятникъ на Паролакскомъ военномъ полѣ близъ Тавастгуса.

Въ 1890 году даже въ Готскомъ альманахѣ, Финляндія напечатана была особо отъ Россіи и объ этомъ упомянуто было въ газетѣ «Hufvudstadtbladet». (Собр. сочин. по Финляндіи, т. I. 1908 г., стр. 107. Сост. К. Ф. Ординъ).

Даже въ календарѣ на 1908 годъ, изданномъ газетою «St.-Petersburger

Русскихъ учебныхъ заведеній въ Финляндіи было немного, а именно: Александровская мужская классическая и Маріинская женская гимназіи и прекрасный дѣтскій садъ въ Гельсингфорсѣ, классическая мужская гимназія въ Выборгѣ и нѣсколько начальныхъ приходскихъ школъ; какъ особенность края, — при штабѣ округа былъ совѣщательный комитетъ по дѣламъ русскихъ училищъ въ Финляндіи, подъ предсѣдательствомъ начальника штаба; членами въ этомъ комитетѣ были директора гимназій, чиновникъ министерства народнаго просвѣщенія, нѣсколько офицеровъ генеральнаго штаба и дѣлопроизводителемъ артиллерійскій офицеръ.

За исключеніемъ крѣпостей Свеаборга и Выборга, казармы, занятыя нашими войсками, принадлежали инженерному и мѣстному милиціонному вѣдомствамъ. Слѣдуетъ замѣтить, что казармы финскихъ войскъ, по прекрасному благоустройству, приспособленности и даже внѣшнему виду, рѣзко отличались отъ казармъ нашего инженернаго вѣдомства (въ Свеаборгѣ, Гельсингфорсѣ и Выборгѣ).

Учрежденное въ 70-хъ годахъ Гельсингфорское пѣхотное училище одноротнаго состава помѣщалось на окраинѣ города, близъ сѣверной гавани (Norra-hamn), въ одноэтажныхъ ветхихъ деревянныхъ зданіяхъ.

Преподавателями были частью учителя мѣстной гимназіи, частью офицеры артиллеристы и генеральнаго штаба. Обстановка училища, въ общемъ, была довольно жидкая, не исключая и учебныхъ пособій, и комплектовалось оно молодыми людьми преимущественно изъ числа вольноопредѣляющихся полковъ 23 дивизіи и четырехъ крѣпостныхъ баталіоновъ, расположенныхъ въ крѣпостяхъ Финляндіи, а также частью изъ армейскихъ полковъ Петербургскаго военнаго округа; между прочимъ, изъ числа юнкеровъ, окончившихъ курсъ въ этомъ училищѣ въ 1877 году, былъ 145 Новочеркасскаго полка Роборовскій, впослѣдствіи спутникъ покойнаго Пржевальскаго въ большей части его ученыхъ путешествій въ Азіи.

Крѣпостными комендантами были въ Свеаборгѣ генералъ Алопеусъ и въ Выборгѣ—преклонныхъ лѣтъ генералъ Регекампфъ,

---

Zeitung» (Zwölfter Jahrgang. Kalender 1908. Jahrbuch der S. Pet. Zeitung) на стр. 88 подъ рубрикою: «Die Regierende Fürsten, Regenten und Staatsoberhäupter sämmtlicher Staaten», помѣщено слѣдующее:

«*Russland*—Kaiser Nikolaus II“ (и дата вступленія на престолъ).

«*Finnland*—Grossfürst Nikolaus II».

Далѣе, тѣмъ же шрифтомъ, «*Buchara*—Seid Emir Abdul Ahad» и «*Chiva*». Короче, Финляндія включена въ календарь, напечатанный въ Петербургѣ, какъ «отдѣльное государство» (Staat).

крѣпостного дѣла не знавшій и получившій подобную отвѣтственную должность очевидно какъ синекуру. Раскрытъ былъ какъ-то цѣлый рядъ злоупотребленій по инженернымъ работамъ въ Свеаборгѣ и Выборгѣ, и результатомъ слѣдствія было преданіе суду начальника инженеровъ округа генерала Фролова и начальниковъ крѣпостныхъ инженерныхъ управленій въ названныхъ двухъ крѣпостяхъ, при чемъ всѣ трое тогда же были отчислены отъ должностей; инженерными крѣпостными работами главнымъ образомъ орудовали два мѣстныхъ крупныхъ подрядчика — Чер—евъ и Дем—въ, извѣстныхъ въ то же время своею благотворительностью, особенно первый—по русскимъ учебнымъ заведеніямъ края; имѣла ли связь эта „благотворительность", съ подрядными казенными работами,—судить не беремся. Названные два подрядчика и купецъ Синебрюховъ были крупными мѣстными русскими коммерсантами, но вполнѣ ошведившимися,—въ особенности послѣдній изъ нихъ, и считавшимися „финляндскими гражданами".

Начальникомъ малочисленной артиллеріи округа былъ генералъ М. П. Безакъ, окружнымъ интендантомъ—баронъ Кистеръ и медицинскимъ инспекторомъ — Генрици. Крѣпость Свеаборгъ состояла изъ старинныхъ, но прочныхъ верковъ, расположенныхъ на нѣсколькихъ гранитныхъ островахъ, при чемъ на Телячьемъ островѣ (Kalf-holm) былъ значительный складъ пороха; всѣ острова, за исключеніемъ Телячьяго и Александровскаго, соединены были между собою разводными мостами и, кромѣ цѣлаго ряда шлюпокъ, въ крѣпости было нѣсколько казенныхъ паровыхъ катеровъ [1]). Сообщеніе города съ крѣпостью и Брунсъ-паркомъ—прекраснымъ садомъ на полуостровѣ и множествомъ дачъ—поддерживалось лѣтомъ частыми рейсами паровыхъ катеровъ частнаго пароходнаго общества. Укрѣпленія Выборгской крѣпости, порядочно разбросанныя, прикрывали рейды малый и большой Транзундскій; какъ на характерную или,—

[1]) Гельсингфорсъ на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ нынѣ, возникъ въ 1639 г. въ правленіе королевы Христины. Свеаборгскія твердыни на скалахъ, командующихъ узкими входами въ Гельсингфорскую гавань, сооружены были графомъ Эрнсвердомъ въ 1749 и послѣдующихъ годахъ. Въ мартѣ 1808 года Гельсингфорсъ былъ взятъ русскими войсками, а крѣпость сдалась на капитуляцію. («Путешествіе по Финляндіи», соч. Топеліуса. 1875, стр. 39). Позиція, занимаемая свеаборгскими укрѣпленіями, играла важную роль задолго до постройки здѣсь крѣпости, а именно въ первой половинѣ XVIII столѣтія. Въ особенности же ея значеніе опредѣлилось въ 1713 г., когда Петромъ Великимъ былъ занятъ Гельсингфорсъ, и приняты мѣры для его укрѣпленія подъ наблюденіемъ генералъ-адмирала графа Апраксина («Къ упраздненію Свеаборга»; истр. справка Я. В—ръ; «Новое Время» 1907 года, 5 октября № 11338).

правильнѣе,—халатную особенность укажу, что въ горжахъ нѣкоторыхъ укрѣпленій были тогда частныя лѣсныя биржи и, слѣдовательно, въ постороннихъ соглядатаяхъ недостатка не было; производилась нескончаемая переписка объ удаленіи такихъ биржъ, но и въ 1878 году они еще существовали. Добавлю, что на самомъ берегу полуострова, гдѣ былъ упомянутый Брунсъ-паркъ, находилась большая дача, принадлежавшая англійскому консулу, и съ нея превосходно можно было видѣть всю внутренность укрѣпленій, возводившихся въ 1878 году на ближайшемъ островѣ Друмсэ и весь ходъ работъ по вооруженію ихъ; въ этомъ я имѣлъ случай убѣдиться лично [1]).

Въ крѣпостяхъ состояло на вооруженіи верковъ еще достаточное число орудій устарѣвшихъ образцовъ, на-ряду съ сравнительно небольшимъ числомъ новыхъ; встрѣчались, напр., и старые лафеты системы Венгловскаго. На фланговыхъ островахъ Сандгамѣ и Друмсэ и на полуостровѣ Дегерэ были лишь слабые слѣды батарей, построенныхъ еще во время Крымской войны, и вообще во всемъ округѣ исписывалась масса бумаги какъ по относительно важнымъ вопросамъ, такъ и по вполнѣ мелочнымъ; въ этомъ грѣшилъ и Финляндскій сенатъ, и припоминается одинъ курьезный отзывъ изъ милиціонной экспедиціи сената, конечно, на шведскомъ языкѣ, подписанный предсѣдателемъ экспедиціи и даже нѣсколькими сенаторами; въ этомъ отзывѣ, съ приложеніемъ небольшого кусочка дешевыхъ обоевъ, шла довольно пространная рѣчь относительно оклейки обоями какихъ-то комнатъ въ казармахъ, принадлежавшихъ милиціонному вѣдомству и занятыхъ нашими войсками.

Никакой русской газеты въ Финляндіи не издавалось, мѣстная періодическая пресса (газеты: „Helsingfors Dagblad“, „Nya Pressen“, „Hufwudstatsbladet“, „Finska Tidskrift“, „Uosi Suomentar“ и пр.)

---

[1]) Въ такомъ же родѣ были порядки и по отношенію Свеаборгской крѣпости. Такъ, когда во время войны 1877—78 г.г., въ виду хлопотъ объ усиленіи вооруженія этой крѣпости и о защитѣ ею гор. Гельсингфорса, возбужденъ былъ снова вопросъ о приведеніи въ исполненіе запрещенія военнаго совѣта плавать и ловить рыбу въ Свеаборгскихъ водахъ, то финляндскій сенатъ отвѣтилъ отказомъ въ рѣшеніи этого вопроса въ пользу инженернаго вѣдомства, и такимъ образомъ крѣпостное начальство, въ случаѣ войны, лишалось возможности употреблять мѣры защиты на водахъ отъ лазутчиковъ, хотя бы въ видѣ рыболововъ. (По сочиненію М. Бородкина «Исторія Финляндіи, временъ Александра II», стр. 439).

Судя по статьѣ Г. Брута („Программа новаго судостроенія“, напеч. въ «Нов. Времени» 15 февр. с. г. № 11828), шероховатости въ оборонѣ нѣкоторыхъ раіоновъ около Свеаборгской крѣпости имѣли мѣсто даже и въ весьма недавнее время (въ 1903 году).

относилась къ русскимъ въ краѣ учрежденіямъ и войскамъ враждебно и въ лучшемъ случаѣ сдержанно: малѣйшій случай въ какой-либо войсковой части немедленно попадалъ на столбцы мѣстныхъ газетъ и всегда въ раздутомъ видѣ, съ сгущенными красками. Единственною газетою, сравнительно снисходительно относившеюся къ всему русскому въ краѣ, была „Finlands Allmänna Tidning". Однимъ изъ образчиковъ статей и замѣтокъ въ мѣстныхъ газетахъ, съ оттѣнкомъ глумленія, можетъ, напр., служить слѣдующій: въ хроникѣ одной изъ газетъ помѣщена была такая замѣтка (припоминаю точный переводъ ея): „вчера прибылъ въ Гельсингфорсъ поѣздъ и сталъ на запасномъ пути; очевидно, привезены были дрова, но потомъ оказалось, что это прибылъ генералъ-губернаторъ". По-видимому, какъ будто невинная замѣтка. Общество русскихъ военныхъ чиновниковъ, служившихъ въ канцеляріи генералъ-губернатора, и учительскаго русскаго персонала въ двухъ гимназіяхъ,— повторяю, было совершенно обособлено и знакомствъ съ мѣстными жителями почти не завязывалось [1]).

Содержаніе выдавалось финскими деньгами, считая по четыре марки въ рублѣ, и счетъ былъ на золото; квартирныя деньги получались въ зависимости отъ чина и семейнаго положенія, то есть холостые получали меньше, а семейные—того же чина больше.

23 дивизія выходила въ лагерь у дер. Парола, близъ Тавастгуса, по-бригадно, то есть два полка въ лагерѣ, а полки другой бригады распредѣлялись для караульной службы въ Свеаборгѣ, Гельсингфорсѣ и Выборгѣ.

Про безукоризненный порядокъ и чистоту въ Гельсингфорсѣ и говорить нечего,— они были образцовы.

Зимнихъ развлеченій въ городѣ было немного. Изрѣдка назначались вечера въ Абосскомъ военномъ собраніи, и тамъ же читались иногда публичныя лекціи. Театровъ было два—шведскій (Nya-Theater),—въ прекрасномъ зданіи, въ центрѣ города, на „эспланадѣ" и финскій—у Абосскаго шоссе, за казармами; въ этомъ по-

[1]) Въ 1876 году въ Гельсингфорсѣ (въ Брунсъ-паркѣ) открыта была выставка. Графъ Адлербергъ открылъ ее рѣчью на *французскомъ* языкѣ, при чемъ раздались звуки «Vôrt-Land» (финскій гимнъ). И такъ, говоритъ авторъ «Исторіи Финляндіи» М. Бородкинъ (стр. 360), «*русскій* генералъ-губернаторъ открылъ выставку на языкѣ дипломатовъ и не озаботился тѣмъ, чтобы своды ея огласились звуками національнаго русскаго гимна» (стр. 206).

Изданіе «Финляндской газеты» на *русскомъ* языкѣ началось только при покойномъ генералъ-губернаторѣ Н. И. Бобриковѣ, то есть относительно весьма недавно. («Собр. сочин. по Финляндіи», т. 1, стр. 121, 1908 годъ, Сост. К. Ф. Ординъ).

слѣднемъ театрѣ въ 1876 году начала свою сценическую дѣятельность извѣстная нынѣ пѣвица Альма Фострёмъ. Зданіе русскаго драматическаго театра еще заканчивалось постройкою на довольно пустынномъ мѣстѣ; между прочимъ, въ видахъ удешевленія постройки этого театра, частью примѣненъ былъ слѣдующій оригинальный способъ, оказавшійся, однако, по подсчетамъ всѣхъ расходовъ, далеко не дешевымъ. Въ 1854 году эскадра англійскаго флота овладѣла крѣпостью Бомарзундъ и комендантъ ея Бодиско взятъ былъ въ плѣнъ. Рѣшено было утилизировать кирпичъ разрушенныхъ верковъ этой давно упраздненной крѣпости, употребивъ его частью на постройку театра, и для сего груды такого кирпича, на половину, конечно, ломаннаго, перевезти въ Гельсингфорсъ на баржахъ, буксируемыхъ пароходами казенными и наемными. Въ результатѣ вышло дешевое на дорогое [1]).

Лѣтомъ Гельсингфорсъ посѣщала обыкновенно наша практическая эскадра, становившаяся на якорь въ обширной сѣверной гавани (Norra-hamn) и частью въ южной (Södra Hamn).

Кромѣ прекрасныхъ концертовъ въ Брунсъ-паркѣ [2]), лѣтомъ было много прогулокъ на близъ лежащіе острова (Hög-holmen и др.), сообщеніе съ коими поддерживалось частыми рейсами паровыхъ катеровъ и небольшихъ пароходовъ и по Абосскому шоссе къ такъ называемой „Альпійской хижинѣ“ (Alp-hyddan).

Въ виду ожидавшейся войны съ Турціею и мобилизаціи въ 1876 году четырехъ армейскихъ корпусовъ, нѣсколько офицеровъ

---

[1]) Театръ этотъ былъ построенъ на средства русской казны и обошелся болѣе чѣмъ въ 700.000 марокъ; хотя онъ и предназначался для русскихъ спектаклей, но театральная дѣятельность началась съ италіанской оперы, а затѣмъ театръ сданъ былъ шведскому антрепренеру.

(По сочиненію М. Бородкина: „Исторія Финляндіи“, стр. 471).

По трактату 3 апрѣля 1856 г. крѣпостныхъ верковъ нельзя было возобновлять („Война 1854—55 г.г. на Финскомъ побережьи“. Сост. М. Бородкинъ стр. 177). Добавимъ еще къ этому, что Аландскія укрѣпленія (въ Бомарзундѣ) заложены были при генералъ-губернаторѣ Закревскомъ. Князь Меншиковъ, видя несообразность плана, объяснилъ Великому Князю Михаилу Павловичу безполезность этихъ укрѣпленій. Великій Князь, объяснясь съ Государемъ, сказалъ потомъ Меншикову: „Vos observations sont justes,— mais... s'est trop tard“, хотя въ то время выведенъ былъ только фундаментъ. (Записки сенатора К. И. Фишера. «Истор. Вѣстникъ» 1908. Іюль, стр. 68).

[2]) Въ Брунсъ-паркѣ по вечерамъ игралъ оркестръ л.-гв. 3 стр. финскаго баталіона (нынѣ упраздненнаго), при чемъ пьесы русскихъ композиторовъ демонстративно исполнялись имъ весьма рѣдко, но за то зачастую можно было слышать народный финскій гимнъ «Wortland» и особо любимые публикою старинные шведскіе марши «Бьернеборгскій» и «Густава Адольфа».

*

генеральнаго штаба изъ состава округа получили назначенія въ формировавшуюся на югѣ дѣйствующую армію.

11 января 1877 года послѣдовало по особому церемоніалу открытіе очереднаго Финляндскаго сейма [1]), начавшееся богослуженіемъ въ громадномъ, но неуклюжемъ старинномъ лютеранскомъ соборѣ на Сенатской площади, затѣмъ была прочитана генералъ-губернаторомъ тронная рѣчь въ тронномъ залѣ Императорскаго дворца, обыкновенно круглый годъ запертаго, и тамъ же, 15 числа, состоялся блестящій балъ, открытый полонезомъ, при чемъ въ первой парѣ шелъ графъ Адлербергъ съ женою тальмана крестьянскаго сословія, а во второй парѣ супруга графа съ крестьяниномъ—тальманомъ того же сословія [2]).

Тронная рѣчь, прочитанная въ тронномъ залѣ дворца [3]), бывшая, конечно, на русскомъ языкѣ, своевременно переведена была въ генералъ-губернаторской канцеляріи на шведскій и финскій языки, но генералъ-адъютантъ графъ Адлербергъ почему-то прочиталъ ее не по-русски, а на французскомъ языкѣ; отвѣчали на нее: ландмаршалъ—представитель рыцарскаго сословія и дворянства баронъ Борнъ—и абосскій лютеранскій епископъ (представитель духовенства края) Беркенгеймъ—по-французски и тальманъ городского сословія—бургомистръ Фрей на шведскомъ и, наконецъ, представитель крестьянскаго сословія Слотте отвѣтилъ рѣчью на финскомъ языкѣ [4]). Всѣ, конечно, начиная съ графа Адлерберга, внимательно слушали, ничего не понимая по-шведски и особенно по-

---

[1]) Первый сеймъ, послѣ присоединенія (въ 1809 г.) Финляндіи къ Россіи, былъ созванъ въ 1863 году. При открытіи сейма въ 1867 году тотъ же графъ Адлербергъ 3-й прочелъ тронную рѣчь на «*русскомъ*» языкѣ. На эту рѣчь тогдашній ландмаршалъ баронъ Норденстамъ (русскій генералъ-адъютантъ!) отвѣтилъ рѣчью на «*французскомъ*» языкѣ. (По сочин. М. Бородкина «Исторія Финляндіи» стр. 272).

[2]) Между прочимъ, по мѣстному обычаю, въ самомъ началѣ бала наряду съ фруктами и мороженнымъ разносили на подносахъ—розлитый въ небольшіе стаканчики—излюбленный горячій пуншъ малиновый (Hallon-punsch) и шведскій (Swensk-punsch),—напитокъ весьма вкусный, но въ значительной дозѣ сногсшибательный.

[3]) Тронъ въ эту залу первоначально доставленъ былъ въ г. Борго изъ Москвы въ 1809 году, а затѣмъ уже передъ сеймомъ 1863 года, пересланъ былъ въ Императорскій дворецъ въ Гельсингфорсѣ («Исторія Финляндіи», соч. М. Бородкина, стр. 166).

[4]) По § 5 церемоніала сеймоваго устава 3 апрѣля 1869 года, ландмаршалъ и вице-ландмаршалъ приносятъ передъ генералъ-губернаторомъ (заступающимъ Особу русскаго Государя) присягу, читаемую на *шведскомъ* языкѣ, то есть на языкѣ, котораго онъ не понимаетъ.

(Собран. сочин. по Финляндіи, т. I. 1908. Сост. К. Ф. Ординъ, стр. 94).

фински. По установленному мѣстными законами порядку, всѣ 4 сословія засѣдали отдѣльно и лишь отъ времени до времени были общія засѣданія (plenum) всего сейма.

Начавшаяся война съ Турціею сначала почти не отразилась на округѣ, и занятія въ войсковыхъ частяхъ шли обычнымъ порядкомъ, но иное было съ началомъ весны 1878 года. Натянутыя отношенія съ Великобританіею и возможность вмѣшательства ея въ войну, не смотря на заключенный уже Санъ-Стефанскій договоръ, вызвали рядъ спѣшныхъ мѣропріятій по оборонѣ южнаго прибрежья, усиленія крѣпостной обороны Свеаборга и Выборга, укрѣпленія позицій около Гельсингфорса, устройства оптическаго телеграфа по побережью, заготовки донныхъ минъ для загражденій и пр. и пр. Короче, началась изрядная суматоха, и указанія свыше сыпались какъ горохъ, но рейдъ былъ еще скованъ льдомъ, и волею неволею приходилось по многимъ намѣченнымъ мѣрамъ выжидать открытія навигаціи, ограничиваясь подвозомъ изъ Петербурга по желѣзной дорогѣ въ Выборгъ и Гельзингфорсъ огнестрѣльныхъ припасовъ и разныхъ не особенно громоздкихъ предметовъ для военныхъ надобностей. Начальникомъ инженеровъ округа былъ тогда генералъ Седерхольмъ—строитель Керченской крѣпости.

Какъ только поля очистились отъ снѣга и открылась навигація, началась усиленная дѣятельность. Строились батареи на островахъ Сандгамѣ и Друмсэ, исправлялись въ чемъ слѣдуетъ крѣпостные верки на островахъ Свеаборгской крѣпости, производился цѣлый рядъ рекогносцировокъ, намѣчались биваки и позиціи и пр. То-же было и въ Выборгѣ. Невозможность и малоцѣльность принятія оборонительныхъ мѣръ по всему прибрежью Финляндіи вынудили ограничиться двумя крѣпостями и ближайшими къ нимъ окрестностями и еще нѣсколькими пунктами по побережью, а также устройствомъ кое-гдѣ загражденій донными минами и эстакадами. Одновременно на судахъ флота доставлены были въ двѣ крѣпости береговыя орудія крупныхъ калибровъ съ снарядами къ нимъ, при чемъ выгрузка, перевозка на верки и установка тамъ стоила большихъ усилій. Замѣчу, что нѣсколько 11 дюймовыхъ орудій все же не были установлены и продолжали лежать на деревянныхъ подкладкахъ, близъ пристани на Александровскомъ островѣ Свеаборгской крѣпости, по неготовности бетонныхъ установокъ для нихъ. Оборона Свеаборга и ближайшаго побережья передана была въ руки адмирала Бутакова I, назначеннаго начальникомъ сухопутной береговой и морской обороны и прибывшаго въ Гельсингфорсъ съ небольшою, собственно говоря, бутафорскою эскадрою, состоявшею преимущественно изъ старыхъ судовъ Балтійскаго флота („Петро-

павловскъ", „Севастополь" и еще нѣсколькихъ); флагъ свой адмиралъ имѣлъ на „Петропавловскѣ" и при немъ, кромѣ контръ-адмираловъ Кузьмина-Караваева и Чебышева съ нѣсколькими морскими офицерами, состоялъ спеціально сформированный штабъ обороны, съ начальникомъ штаба генераломъ Витмеромъ во главѣ. Въ маѣ сформированъ былъ и штабъ Свеаборгской крѣпостной пѣхотной дивизіи, но она въ дѣйствительности имѣла лишь кадры, состоявшіе изъ четырехъ крѣпостныхъ баталіоновъ,ъ и мобилизована не была вовсе, въ виду закончившихся засѣданій Берлинскаго конгресса и заключеннаго мира съ Турціею. Въ каютъ-кампаніи на „Петропавловсѣ" происходили частыя засѣданія по дѣламъ обороны подъ предсѣдательствомъ адмирала Бутакова, чиновъ штаба обороны и приглашенныхъ лицъ. Въ виду миновавшихъ опасеній войны съ Англіею, послѣдовало Высочайшее повелѣніе о прекращеніи всѣхъ военныхъ приготовленій и о расформированіи штабовъ обороны и Свеаборгской крѣпостной пѣхотной дивизіи. Эскадра вернулась въ Кронштадтъ, и началась прежняя мирная жизнь.

Спустя 6 лѣтъ привелось вторично короткое время служить въ Финляндіи, гдѣ тогда генералъ-губернаторомъ и командующимъ войсками округа былъ уже графъ Ѳедоръ Логиновичъ Гейденъ, бывшій до этого весьма долго начальникомъ главнаго штаба, при чемъ, несмотря на всѣ достоинства этого почтеннаго государственнаго дѣятеля, бывшаго уже въ преклонныхъ годахъ и отличавшагося, къ слову сказать, добродушіемъ, корректностью и отзывчивостью на всякое доброе дѣло,—существовавшій въ Финляндіи режимъ и отношеніе населенія ея и особенно фрондировавшей части мѣстной интеллигенціи,—къ русскимъ вообще и къ нашимъ войскамъ и русскимъ учрежденіямъ въ частности,—въ сущности ни въ чемъ не измѣнились и остались тѣми же, то есть неудовлетворительными и отчасти противными національнымъ русскимъ интересамъ, каковыми были при графѣ Адлербергѣ [1]).

---

[1]) Графъ Адлербергъ 3 былъ уволенъ въ 1881 году при довольно сухомъ рескриптѣ „съ благосклонностію". («Исторія Финляндіи", М. Бородкина; стр. 498).

Однимъ изъ многихъ примѣровъ враждебнаго отношенія мѣстной прессы къ нашимъ войскамъ, квартировавшимъ въ Финляндіи, можетъ служить еще и слѣдующій: «въ 1887 году случился пожаръ въ Фридрихсгамѣ и для помощи противъ огня и охраны жителей была вызвана часть расположеннаго тамъ 93-го пѣхотнаго Иркутскаго полка, но вскорѣ, съ легкой руки корреспондента газеты «Hufwudstadtsbladet», вся Финляндія заговорила, что русскій полкъ занимался на пожарѣ не спасеніемъ несчастныхъ,

Весною 1883 года рѣшено было 24 пѣхотную дивизію съ ея артиллеріею перемѣстить изъ Петербургскаго военнаго округа въ Финляндскій на квартиры, занятыя полками 23 пѣхотной дивизіи, которая, въ свою очередь, должна была перейти въ Ямбургъ, Нарву и Ревель. Какія причины вызвали эту мѣру, связанную съ значительными расходами казны и убытками для полковыхъ хозяйствъ,— неизвѣстно, но возможно, что одною изъ причинъ, даже вѣроятно главною, была слишкомъ продолжительная стоянка 23 дивизіи въ Финляндіи.

Такъ или иначе, а лѣтомъ 1883 года полки 24 дивизіи, частью по желѣзнымъ дорогамъ (черезъ Петербургъ), частью моремъ изъ Ревеля въ Гельсингфорсъ, перемѣщены были на новыя квартиры, при чемъ собственно два полка, квартировавшіе въ Ревелѣ, перевезены были съ ихъ имуществомъ въ нѣсколько рейсовъ на броненосныхъ батареяхъ „Первенецъ“ и „Кремль“ и на крейсерѣ „Европа“ [1]).

По прибытіи на новыя стоянки, полки размѣстились: 93 Иркутскій—въ Фридрихсгамѣ съ однимъ баталіономъ въ Кюмень-городѣ, 94 Енисейскій—въ Выборгѣ, 95 Красноярскій—въ Гельсингфорсѣ, имѣя одинъ баталіонъ въ казармахъ при дер. Тусьбю—въ 7 верстахъ отъ желѣзнодорожной станціи Керво, и 96 Омскій—въ Тавастгусѣ, имѣя два баталіона въ Або и одинъ на Александровскомъ островѣ Свеаборгской крѣпости.

Устройство полковъ на новыхъ мѣстахъ заняло конечно много времени и вообще лѣтняго обученія частей дивизіи въ сущности не было. Условія службы и жизни въ Финляндіи оказались тѣми же, какъ и ранѣе. По надобностямъ караульной службы и незначительнымъ размѣрамъ лагеря у дер. Парола (около Тавастгуса)

а грабежомъ». (Собран. сочинен. по Финляндіи, т. I, стр. 120. Сост. К. Ф. Ординъ, изд. 1908).

[1]) Для примѣра приведемъ порядокъ перевозки изъ Ревеля въ Гельсингфорсъ 95-го пѣх. Красноярскаго полка. 1 и 3 баталіоны съ штабами дивизіи и полка перевезены были въ два рейса на крейсерѣ «Европа»; 2 баталіонъ съ тремя ротами 4 баталіона—на батареѣ «Не тронь меня» также въ два рейса и, наконецъ, 16-я рота, полковой обозъ, всѣ запасы и тяжести на батареѣ «Кремль». Люди помѣщались на палубахъ судовъ, а офицеры и ихъ семейства въ каютъ-кампаніяхъ. Варка пищи производилась въ паровыхъ судовыхъ котлахъ. Погода была бурная, такъ что переходъ 80-ти верстнаго разстоянія между названными городами, напр. батареи «Кремль», продолжался цѣлыя сутки.

(По исторіи 95 пѣх. Красноярскаго полка. Сост. В. Крючковъ. 1897 г. стр. 378).

возможно было имѣть тамъ лагерный сборъ только одной бригадѣ и, посему, съ началомъ лѣта 1884 года, направлены были въ Паролу 95 Красноярскій и 96 Омскій полки съ нѣсколькими батареями 24 артиллерійской бригады [1]).

Въ 1885 году, главнымъ штабомъ были выработаны основанія для спеціальной рекогносцировочной морской поѣздки по южному прибрежью Финляндіи и весною сообщены въ штабъ округа для дальнѣйшей разработки и исполненія. Поѣздку предположено было начать съ такимъ разсчетомъ во времени, чтобы закончить за недѣлю или полторы до ожидавшагося пріѣзда въ Финляндію Ихъ Императорскихъ Величествъ.

Цѣли поѣздки были весьма обширны и заключались въ слѣдующемъ: путемъ рекогносцировокъ побережья и шхерныхъ проходовъ, намѣтить выходы въ открытое море (Финскій заливъ) миноноснаго флота для наблюденія за судами крейсирующей въ заливѣ непріятельской эскадры и нападенія на нихъ, намѣтить мѣста для минныхъ заграждеиій и, проектировать способы устройства ихъ въ зависимости отъ мѣстныхъ условій, избравъ и мѣста для береговыхъ батарей, кои обстрѣливали бы доступы къ таковымъ заграждеиіямъ, выбрать мѣста для биваковъ и позицій побережныхъ отрядовъ, и, наконецъ, выработать систему связи между разными пунктами побережья путемъ электрическаго и оптическаго телеграфовъ и летучей почты. Короче, задача для поѣздки поставлена была весьма широко. Предварительно, назначенные въ поѣздку офицеры должны были ознакомиться съ порядкомъ производства

---

[1]) По сочиненію Топеліуса («Путешествіе по Финляндіи», изд. 1875 г., стр. 77) военное поле Парола (Парола-мальмъ) извѣстно было еще съ временъ Густава III, какъ мѣсто лагеря и полевыхъ упражненій финской арміи, и на этомъ полѣ въ 1782 году, названный король, во время смотра, сломалъ себѣ ногу, упавъ съ лошади. На Паролакскомъ военномъ полѣ, 17 іюля 1863 года Императоръ Александръ II произвелъ смотръ, сформированныхъ въ 1854 году, финскихъ поселенныхъ войскъ, офицеры копхъ, въ память этого послѣдняго для финской арміи (!) смотра, соорудили памятникъ въ видѣ бронзоваго льва, существующій на Паролакскомъ полѣ и нынѣ. На этомъ смотру, подъ командою генерала Вилебранда, участвовали: гвардейскій финскій стрѣлковый баталіонъ, 2-й баталіонъ Выборгскаго пѣхотнаго полка, девять финскихъ поселенныхъ стрѣлковыхъ баталіоновъ (каждый въ составѣ 350 стрѣлковъ), финляндская нарѣзная № 2 батарея и одна сотня Донскаго казачьяго № 16 полка. Между прочимъ, въ день смотра Великій Князь Владиміръ Александровичъ назначенъ былъ шефомъ 6-го Тавастгусскаго поселеннаго баталіона. («Изъ дневника Н. П. Литвинова». «Историч. Вѣстникъ» 1907 г., мартъ, стр. 792—794).

всѣхъ намѣченныхъ работъ по топографическимъ картамъ [1]), соотвѣтствующимъ сочиненіямъ, архивнымъ даннымъ и нѣкоторымъ секретнымъ оффиціальнымъ документамъ. Изъ гидрографическаго департамента высланы были подробныя морскія карты, но старыя и далеко не совершенныя, какъ это и сказалось во время поѣздки. Трудъ предстоялъ большой, но интересный. Для участія въ поѣздкѣ, кромѣ своихъ офицеровъ, командированы были изъ Петербурга и Кронштадта нѣсколько офицеровъ генеральнаго штаба, инженерныхъ и морскихъ. Образованы были двѣ рекогносцировочныхъ партіи—восточная—подъ руководствомъ генеральнаго штаба генерала Тимрота для рекогносцировокъ побережья отъ Гельсингфорса къ востоку на Котку и Выборгъ и западная [2])—для такихъ же рекогносцировокъ отъ Гельсингфорса къ западу на Ганге, черезъ Баре-зундъ и Абосскія шхеры до Нодендаля (близъ Або, въ Ботническомъ заливѣ). Детально выработана была программа работъ, маршрутъ поѣздки, мѣста остановокъ и высадокъ на берегъ для рекогносцировокъ. Западная партія, кромѣ руководителя состояла изъ трехъ офицеровъ генеральнаго штаба, одного военнаго инженера, одного артиллерійскаго офицера, окончившаго курсъ Михайловской академіи, капитана 2 ранга Калугина (спеціалиста по минному дѣлу) и одного артиллерійскаго офицера, какъ переводчика, знакомаго съ шведскимъ и финскимъ языками. Наняты были два небольшихъ парохода, при чемъ пароходъ западной партіи «Express» былъ хотя и не великъ, но достаточно помѣстителенъ съ нѣсколькими каютами и каютъ-кампаніею и сидѣлъ только до 6 футовъ, что давало возможность проходить и мелкими мѣстами. Кромѣ штурмана, хорошо знакомаго съ побережьемъ залива и шхерами, пароходъ имѣлъ команду изъ нѣсколькихъ матросовъ (финновъ). Топографическимъ инструментомъ для предстоявшихъ работъ служилъ исключительно компасъ.

Взявъ запасъ угля, прѣсной воды и продовольствія, названный пароходъ утромъ 20 іюня, при вполнѣ благопріятной погодѣ, вышелъ изъ Гельзингфорса, взявъ курсъ первоначально на Ганге.

Ежедневная работа состояла въ отмѣткахъ на картахъ пройденнаго пути, записяхъ въ записныя книжки, рекогносцировкахъ побережья, въ выборѣ биваковъ, позицій, мѣстъ для батарей, загра-

---

[1]) Кстати сказать, хотя и 3-хъ верстнаго масштаба, но старымъ и потому далеко не полнымъ въ отношеніи населенныхъ пунктовъ, дорогъ, лѣсныхъ пространствъ и проч.

[2]) Подъ моимъ руководствомъ.

жденій и пр.; въ немногіе ненастные дни и бурную погоду приходилось отстаиваться на якорѣ, укрыто, за скалистыми берегами шхерныхъ острововъ. Памятенъ дневной переходъ по открытому заливу подъ дождемъ и въ сильное волненіе, когда пароходъ огибалъ мысъ Паркалаудъ (на южной оконечности Гангеудскаго полуострова), при чемъ лоцману естественно помогалъ почтенный капитанъ 2 ранга Калугинъ. Въ обширной гавани у Тверминне, стояли тогда на якорѣ суда практической эскадры вице-адмирала Пилкина, имѣвшаго свой флагъ на броненосцѣ „Петръ Великій". Явившись адмиралу, партія получила приглашеніе прибыть на канонерку „Дождь", которою командовалъ капитанъ 1 ранга Сиденснеръ и присутствовать на береговой панихидѣ въ годовщину Гангеудскаго сраженія.

Съ попутными остановками для работъ на побережьи, пароходъ заходилъ въ Ганге и Екенесъ, при чемъ по пути осмотрѣнъ былъ и извѣстный желѣзодѣлательный и стальной заводъ въ Фискарѣ. Шхерами по живописному Баре-зунду пришлось идти въ отличную погоду.

Далѣе, пройдя Абосскими шхерами и Юнгферъ-зундомъ, а также черезъ Паргасскія ворота—по узкому фарватеру (Pargass-port), пароходъ вошелъ въ устье рѣки Ауры и сталъ на якорѣ въ Або, гдѣ по маршруту назначена была дневка [1]). Въ этомъ городѣ удалось пріобрѣсти въ книжномъ магазинѣ хорошую морскую карту побережья, Стокгольмскаго изданія, во многомъ болѣе точную, чѣмъ „секретныя" карты, высланныя изъ гидрографическаго департамента, и въ обратный путь партія пользовалась уже исключительно шведскою картою. Переѣздъ до Нодендаля былъ коротокъ, и затѣмъ пароходъ направился въ обратный путь въ Гельсингфорсъ, куда и прибылъ 17 іюля. Тщательно составленный отчетъ по поѣздкѣ съ массою графическихъ приложеній былъ спустя нѣкоторое время представленъ, но какое получилъ практическое примѣненіе—неизвѣстно.

---

[1]) Этотъ городъ, второй въ Финляндіи по численности его населенія и гораздо болѣе старинный, чѣмъ Гельсингфорсъ, красиво расположенъ на берегахъ р. Ауры. Тамъ же постоянно живетъ и глава финляндскаго лютеранскаго духовенства—абосскій архіепископъ. Въ этомъ городѣ находится старѣйшій замокъ Финляндіи, напоминающій еще эпоху крестовыхъ походовъ: онъ построенъ на сплошной скалѣ изъ гранита и кирпича и былъ въ 14, 15 и 16 столѣтіяхъ резиденціею правителей края. Замѣчательный соборъ въ Або былъ въ теченіе многихъ столѣтій церковнымъ центромъ страны. Между прочимъ, Або по-шведски выговаривается «Обо», а на финскомъ языкѣ этотъ городъ называется «Турку».

Къ концѣ іюля прибыли въ Гельсингфорсъ на яхтѣ „Александрія“ Ихъ Императорскія Величества и посѣтили мѣстныя учрежденія, русскія гимназіи—мужскую, основанную въ 1870 году, и Маріинскую женскую, существовавшую съ 1875 г., Абосскія казармы и офицерское тамъ собраніе, къ поддержанію коего много старанія приложилъ въ свое время графъ Тотлебенъ. Гельзингфорскій рейдъ былъ весьма оживленъ; не считая судовъ коммерческихъ и частныхъ яхтъ, на немъ тогда стояли на якорѣ 28 судовъ Балтійскаго флота и, въ числѣ ихъ, 5 броненосцевъ („Петръ Великій“, „Лазаревъ“, „Грейгъ“, „Спиридовъ“ и „Чичаговъ“). 29 іюля въ 5 часовъ по полудни послѣдовалъ отъѣздъ Ихъ Величествъ на яхтѣ „Держава“ въ Кронштадтъ.

Л. Л. Драке.

Александръ I и Восточная политика Россіи [1]).

Помѣщаемыя ниже выдержки изъ труда профессора Шимана „Исторія Россіи въ царствованіе императора Николая I“, имѣютъ цѣлью познакомить читателя съ этимъ обширнымъ, крайне интересно написаннымъ трудомъ нѣмецкаго профессора, извѣстнаго цѣлымъ рядомъ мелкихъ, но цѣнныхъ въ научномъ отношеніи трудовъ по исторіи Россіи.

Профессоръ Шиманъ, которому открытъ доступъ въ заграничные архивы, какъ напр.: парижскій „Dépôt des affaires étrangères“, берлинскій Geheime Staatsarchiv, вѣнскій Staatsarchiv, и нѣкоторые другіе, могъ пользоваться для своего труда первоисточниками, вслѣдствіе чего его сочиненіе отличается богатствомъ сообщаемыхъ имъ свѣдѣній.

Помимо интересной группировки фактовъ, цѣнную особенность книги составляетъ то обстоятельство, что при изложеніи событій, авторъ обращаетъ главное вниманіе на положеніе страны, на ея дипломатическія сношенія и внутреннюю связь событій и даетъ такимъ образомъ яркую и полную картину того, что переживала Россія въ описываемую имъ эпоху.

Первый томъ сочиненія проф. Шимана, составляющій какъ бы введеніе къ его труду, посвященъ Александру I, главнымъ образомъ его отношеніямъ къ Польшѣ и къ восточному вопросу и обзору внутренняго положенія Россіи передъ вступленіемъ на престолъ Императора Николая Павловича.

В. Тимощукъ.

---

[1]) Theod. Schiemann. Geschichte Russlands unter Kaiser Nicolaus I. Band I. Kaiser Alexander I und die Ergebnisse seiner Lebensarbeit. Band II. Vom Tode Alexander I bis zur Juli-Revolution. Berlin.

Для того чтобы правильно уяснить себѣ политику Россіи въ восточномъ вопросѣ и тотъ интересъ, который русскій народъ всегда проявлялъ къ этой политикѣ, слѣдуетъ твердо помнить, говоритъ профессоръ Шиманъ, что турки, подчинивъ своей верховной власти крымскихъ хановъ и ставъ ихъ естественными защитниками, унаслѣдовали тѣмъ самымъ ту вѣковую ненависть, какую русскій народъ, вынесшій трехсотлѣтнее татарское иго, питалъ къ магометанамъ и которая вошла, такъ сказать, въ его плоть и кровь.

Чувство это не могло быть искоренено, несмотря на все стараніе, съ какимъ великіе князья московскіе, вплоть до царевны Софіи, поддерживали сношенія съ Портой; оно было естественнымъ послѣдствіемъ тѣхъ взглядовъ, какіе всякій русскій человѣкъ всасывалъ съ молокомъ матери. Тяжелыя испытанія, вынесенныя предшествовавшими поколѣніями со стороны „бусурманъ“, наложили неизгладимый отпечатокъ на политическое и религіозное міровоззрѣніе русскаго народа, и это чувство было также живо въ началѣ 19 вѣка, какъ во времена Дмитрія Донского.

Къ этому прочно укоренившемуся антагонизму присоединилось, съ теченіемъ времени, со стороны турокъ опасеніе, что Россія могла пріобрѣсти вліяніе на единовѣрную и единоплеменную ей райю.

Уже въ 1576 г. венеціанскій посланникъ Соранцо писалъ, что „Султанъ относится къ московитамъ съ недовѣріемъ потому, что великій князь московскій исповѣдуетъ ту же вѣру, какъ и населеніе Болгаріи, Сербіи, Босніи и Греціи, вслѣдствіе чего населяющіе эти страны народы питаютъ къ нему глубокую приверженность и во всякое время готовы взяться за оружіе, чтобы свергнуть иго султана и перейти подданство великаго князя московскаго“.

Того же мнѣнія былъ и папа Климентъ VIII. Однако нѣтъ никакихъ доказательствъ того, что великіе князья московскіе, до Петра Великаго, считались съ этими національными и религіозными симпатіями какъ съ политическимъ факторомъ. Петръ Великій, со свойственной ему геніальностью, первый понялъ, какъ важно было использовать эти симпатіи, и хотя ему не удалось ничего достигнуть въ этомъ отношеніи, но онъ твердо и рѣшительно намѣтилъ тотъ путь, по которому шли всѣ его преемники въ восточной политикѣ.

Во время переговоровъ, предшествовавшихъ заключенію Константинопольскаго мира (13 іюня 1700 г.), уполномоченный царя, Емеліанъ Украинцевъ, на первомъ же засѣданіи заявилъ требова-

ніе, чтобы гробъ Господенъ былъ возвращенъ грекамъ. Но великій визирь и султанъ рѣшительно отказались принять на себя какія бы то ни было обязательства и поручили драгоману Александру Маврокордато отвѣтить ему, что вопросъ о Святомъ гробѣ не принадлежитъ къ числу вопросовъ внѣшней политики.

Впослѣдствіи турки заявили рѣшительно, что никто не имѣетъ права вмѣшиваться въ ихъ внутреннія дѣла и что, по ходатайству патріарховъ Іерасулимскаго и Константинопольскаго, грекамъ можетъ быть данъ фирманъ относительно гроба Господня, но что въ мирномъ договорѣ объ этомъ упомянуто не будетъ.

На этомъ дѣло кончилось, и въ мирномъ договорѣ не было даже намека на происходившіе по этому поводу переговоры. Еще менѣе, конечно, могла быть рѣчь о заступничествѣ русскихъ за ихъ единовѣрцевъ, при заключеніи мира съ Турціей 12 іюля 1711 г., послѣ пораженія Петра на берегахъ Прута.

Неудача, постигшая царя, заставила его отказаться отъ лелѣянной имъ мысли объединить славянское населеніе Балканскаго полуострова и пресѣкла дальнѣйшее развитіе этихъ плановъ, которыг удалось осуществить отчасти лишь Аннѣ Іоанновнѣ, или, лучше сказать, Остерману и Миниху.

Изъ инструкцій, данныхъ Остерманомъ русскимъ уполномоченнымъ на конгрессѣ, собравшемся въ Немировѣ, въ іюнѣ мѣсяцѣ 1737 г., видно, какую цѣль преслѣдовалъ Остерманъ: завоеваніе южно-русской степной области, ослабленіе или, если окажется возможнымъ, покореніе Крыма и обезпеченіе независимости Молдавіи и Валахіи — такова была эта цѣль. Само собою разумѣется, что вмѣстѣ съ тѣмъ возникла мысль о преобладающемъ вліяніи Россіи надъ освобожденными отъ мусульманскаго ига единовѣрцами. Послѣ взятія Хотина, депутація молдаванъ, явившись въ лагерь Миниха, признала императрицу Анну Іоанновну формально властительницей Молдавіи.

„Такъ какъ здѣшняя Молдавская земля очень хороша, и не хуже Лифляндіи“, писалъ фельдмаршалъ императрицѣ, „и жители ея, освободившись изъ рукъ варваровъ, со слезами на глазахъ отдали себя подъ покровительство вашего величества, то необходимо, чтобы ваше величество оставили эту землю за собою“.

Выгоды, которыя принесъ Россіи миръ, заключенный съ Турціей, далеко не соотвѣтствовали побѣдамъ, одержаннымъ Минихомъ, и программѣ, составленной Остерманомъ, но важно было то, что Россія продолжала идти по пути, намѣченному Петромъ, и что балканскіе славяне обвиняли въ неудачѣ своихъ плановъ не русскихъ,

а австрійцевъ и продолжали, по-прежнему, возлагать всѣ свои надежды на русское правительство.

Въ 1745 году русскій посланникъ въ Константинополѣ, Вешняковъ, писалъ, что если бы осенью на берегахъ Дуная появилась русская армія съ достаточнымъ запасомъ оружія, то численность ея, въ короткое время, удесятерилась бы: „Молдавія, Валахія, Болгарія, Сербія, Славонія, Далматія, Черногорія, Албанія, вся Греція и острова, даже Константинополь присоединились бы къ христіанскимъ войскамъ и поспѣшили бы имъ на помощь. Европейскія державы враждуютъ между собою, и ихъ силы истощены: онѣ не будутъ въ состояніи противустоять Россіи".

Вешняковъ мечталъ ни болѣе, ни менѣе какъ объ изгнаніи турокъ изъ Европы и объ образованіи на Балканскомъ полуостровѣ сильнаго христіанскаго государства, дружеская связь котораго съ Россіей была бы вполнѣ естественной и понятной.

„Ежели будетъ основано подобное государство", писалъ онъ, „то мы на долгіе годы будемъ обезпечены спокойствіемъ, ибо оно (это государство) не могло бы, не погубивъ себя, отстать отъ Россіи, у которой были бы одинакіе съ нимъ интересы и которая не соприкасалась бы съ нимъ границами. Тогда и австрійскому дому пришлось бы посбавить спѣси. Австрію надлежало бы поддержать потому, что она могла бы ограничить посягательства Франціи, но вмѣстѣ съ тѣмъ она была бы поставлена въ невозможность вести свою прежнюю политику интригъ, и такимъ образомъ равновѣсіе Европы зависѣло бы отъ Россіи и отъ новаго государства, возникшаго на Балканскомъ полустровѣ".

Этимъ была, въ общихъ чертахъ, намѣчена политика, которую пыталась современемъ провести Екатерина II, но то, что ей удалось достигнуть, далеко не соотвѣтствовало надеждамъ, которыя связывались съ осуществленіемъ этой программы.

Кучукъ-Кайнарджійскій миръ,—конвенція 10 (21) марта 1779,—манифестъ 8 (19) апрѣля 1783 г.,—торговый договоръ 10 (21) іюня 1783 г. и, наконецъ, миръ, заключенный въ Яссахъ 9 января 1792 г.,—таковы этапы, коими была отмѣчена ея восточная политика.

Екатеринѣ не удалось осуществить свои мечты о греческой имперіи для великаго князя Константина Павловича и о Дакійскомъ королевствѣ для Потемкина, но граница Россіи была отодвинута при ней до Днѣстра, сѣверное побережье Чернаго моря до границъ Кавказа было исторгнуто изъ подъ владычества мусульманъ, и султанъ принялъ на себя по отношенію къ Россіи обязательство свято соблюдать (d'observer et de remplir saintement)

права и привилегіи, данныя Молдавіи и Валахіи. Наконецъ, самое главное, 7 и 14 ст. Кучукъ-Кайнарджійскаго мира предоставили Россіи право покровительствовать православнымъ подданнымъ Порты.

Этимъ Екатерина II положила прочное основаніе вліянію Россіи на внутреннія дѣла Балканскаго полуострова, и въ основу ея дальнѣйшей восточной политики и политики ея преемниковъ былъ положенъ соотвѣтствовавшій міровоззрѣнію русскаго народа взглядъ, что Россія является естественной защитницей и покровительницей восточныхъ христіанъ.

Кучукъ-Кайнарджійскій мирный договоръ принесъ Россіи еще одну неоспоримую выгоду. Онъ не только открылъ Черное море для русскихъ военныхъ и портовыхъ судовъ, но обезпечилъ имъ свободное плаваніе въ Босфорѣ и Дарданеллахъ, или, какъ тогда говорили,—свободное плаваніе изъ Чернаго моря въ Бѣлое и обратно. Болѣе этого, въ царствованіе Екатерины II, Россіи ничего не удалось достигнуть.

Крупный шагъ на пути сближенія съ Турціей былъ сдѣланъ императоромъ Павломъ. Константинопольскій договоръ, заключенный 23 дек. 1798 (3 янв. 1799) и конвенція 21 марта (2 апрѣля) 1800 г. объ образованіи республики Іонійскихъ острововъ создали новое положеніе вещей, которое, впрочемъ, было недолговѣчно, какъ и всѣ начинанія этого несчастнаго монарха.

Требованія международной политики заставили сблизиться бывшихъ противниковъ,—Россію и Турцію. Миръ, заключенный въ Кампоформіо, встревожилъ Павла; интересъ. проявленный Наполеономъ къ Іонійскимъ островамъ, и его отношенія къ Али-пашѣ давали поводъ думать, что вліяніе Франціи могло вытѣснить на Балканскомъ полуостровѣ вліяніе Россіи. Опасенія были не напрасны. „Іонійскіе острова“, писалъ Наполеонъ еще лѣтомъ 1797 г., „важнѣе для насъ, чѣмъ вся Италія. Я полагаю, что если бы намъ пришлось дѣлать выборъ, то было бы выгоднѣе сохранить острова и возвратить Италію королю“. Занятіе Мальты и походъ Наполеона въ Египетъ имѣли для Павла рѣшающее значеніе. Когда Порта, очутившись въ безвыходномъ положеніи, обратилась къ Россіи за помощью, то вице-адмиралъ Ушаковъ, ранѣе получившій отъ императора приказаніе быть наготовѣ, сталъ 5 сентября 1798 г. на якорь передъ Буюкъ-Дере. На совѣщаніи, въ которомъ принялъ участіе англійскій посланникъ, было рѣшено какъ можно скорѣе вытѣснить французовъ съ Іонійскихъ острововъ и съ албанскаго побережья. Военныя дѣйствія начались до подписанія формальнаго договора, и къ всеобщему изумленію въ нихъ приняли совмѣстное

участіе русскія и турецкія военныя суда — зрѣлище дотолѣ не виданное. Договоромъ, заключеннымъ 3 января 1799 г., были оформлены новыя отношенія, возникшія между Россіей и Турціей; этимъ договоромъ державы гарантировали другъ другу территоріальную неприкосновенность своихъ владѣній, и ихъ военныя суда получили на время войны свободный доступъ во всѣ порта. Къ этому оборонительному союзу, какъ его называли, заключенному для противодѣйствія агрессивной политикѣ Франціи, два дня спустя присоединилась Англія.

Союзъ, заключенный такимъ образомъ съ Турціей, принесъ Россіи ту, весьма существенную выгоду, что съ открытіемъ для нея проливовъ она получила доступъ къ побережью Адріатическаго моря, тогда какъ Франція была вытѣснена изъ Албаніи и съ Іонійскихъ острововъ.

Въ то же время была учреждена, подъ главенствомъ Турціи республика семи Іонійскихъ острововъ, территоріальная неприкосновенность которой была гарантирована Россіей, а населеніе присоединенныхъ къ Турціи, бывшихъ нѣкогда венеціанскихъ земель получило, также какъ и населеніе придунайскихъ княжествъ, право свободнаго исповѣданія христіанской вѣры; туркамъ же было воспрещено имѣть въ этихъ мѣстностяхъ поселенія и пріобрѣтать земли. Понятно, что, принявъ на себя гарантію въ соблюденіи этого договора, Россія тѣмъ самымъ получила новый поводъ къ вмѣшательству во внутреннія дѣла Турціи.

Къ тому времени, когда былъ подписанъ договоръ объ Іонійскихъ островахъ, въ душѣ Императора Павла совершился тотъ внутренній переворотъ, который заставилъ его стать противникомъ Англіи; это неизбѣжно должно было отразиться и на его отношеніи къ Турціи. Русскій народъ не понималъ дружеской политики императора по отношенію къ Турціи; стараясь какъ-нибудь объяснить ее, русскіе смотрѣли на это какъ на какую-то переходную стадію, которая въ концѣ концовъ должна была привести къ ущербу Турцію. „Во время моей поѣздки по Средиземному морю“, писалъ лордъ Эльдьджинъ графу Панину, 1-го февраля 1800 г. и также изъ полученныхъ мною писемъ мнѣ стало совершенно ясно, что ваши офицеры, также какъ и солдаты, вообще смотрятъ на Турцію какъ на врага своего отечества, и что они поставили бы себѣ въ великую заслугу, если бы они могли повернуть дѣло такъ, чтобы Россія извлекла изъ него пользу за счетъ Турціи“. Всѣ сочувствовавшіе союзу Англіи и были чрезвычайно встревожены тѣмъ, что Павелъ считалъ нужнымъ поддерживать союзъ съ Турціей и хотѣлъ

сдѣлать ее участницей тѣхъ благодѣяній, какія долженъ былъ принести Европѣ всеобщій миръ.

Но все это очень скоро измѣнилось. Въ исходѣ сентября, Ростопчинъ представилъ императору записку о положеніи внѣшней политики, въ которой проводилась мысль о раздѣлѣ Турціи, при участіи Пруссіи, Австріи и Франціи. Согласно этому плану Молдавія, Болгарія и Румелія (включая Константинополь и Дарданеллы) должны были отойти къ Россіи, Австрія должна была получить Боснію, Сербію и Валахію [1]); остальная часть Балканскаго полуострова и Іонійскіе острова должны были отойти къ Греціи; при чемъ Ростопчинъ высказалъ предположеніе, что они сами собою постепенно перейдутъ со временемъ въ подданство Россіи [2]).

Фантастическіе проекты Ростопчина произвели на Павла глубокое впечатлѣніе и отчасти повліяли на его рѣшеніе предпринять походъ въ Индію.

Первою заботою Александра I, по вступленіи на престолъ, было въ первую же ночь послѣ переворота послать курьера на Донъ, чтобы пріостановить выступленіе казаковъ, готовившихся идти въ Индію. Миролюбивая политика, которой Александръ рѣшилъ слѣдовать, поддерживая дружественныя отношенія къ прочимъ державамъ, отразилась и на его отношеніи къ Турціи. При этомъ, разумѣется, играло также роль соображеніе, что Турція была въ то время настолько слаба, что съ ея стороны Россіи не угрожало ни малѣйшей опасности.

8 октября (26 сентября) 1801 г. былъ заключенъ съ Франціей мирный договоръ. Въ силу секретной конвенціи, Наполеонъ обязался начать при посредничествѣ Россіи съ Константинополемъ мирные переговоры и, что особенно важно, призналъ независимость республики семи острововъ.

Первые шаги восточной политики Александра I, какъ видно изъ всего вышесказаннаго, были весьма удачны. Ни одно изъ важныхъ пріобрѣтеній, сдѣланныхъ Павломъ, не было имъ утрачено. Россія сохранила дружественныя отношенія къ Турціи, удержала пріобрѣтенное ею положеніе на Адріатическомъ морѣ, пріобрѣла право свободнаго плаванія въ проливахъ и въ то же время сдѣлала довольно значительныя пріобрѣтенія на Кавказѣ.

Ни Аміенскій миръ, ни возобновленіе военныхъ дѣйствій между Англіей и Франціей въ маѣ мѣсяцѣ 1803 г. не отразились сколько-нибудь замѣтнымъ образомъ на турецкихъ отношеніяхъ;

---

[1]) «Не слишкомъ ли это много», замѣтилъ Павелъ на поляхъ записки.

[2]) «Ихъ можно было бы и принудить къ этому», замѣтилъ Павелъ.

принципіально, взглядъ Россіи на ея отношенія къ этой державѣ измѣнился лишь въ связи съ возникновеніемъ плановъ Чарторыйскаго относительно возстановленія Польши въ прежнихъ границахъ. Чтобы примирить прочія державы съ мыслію объ увеличеніи русской территоріи бывшими польскими землями, принадлежавшими Пруссіи, надобно было изыскать для нихъ какую-нибудь компенсацію, и Чарторыйскій обратилъ для этого свои взоры на Турцію. Но придуманная имъ комбинація была не остроумнѣе плана, выработаннаго Ростопчинымъ въ 1800 г. Любопытно одно, что Чарторыйскій впервые высказалъ при этомъ мысль о федераціи всѣхъ славянскихъ народовъ, разумѣется, насколько это могло обезпечить будущность Польши.

Договоръ, заключенный съ Турціей 24 сентября 1805 г., открылъ русскимъ военнымъ судамъ доступъ въ Босфоръ и Дарданелы, которые остались недоступны для судовъ другихъ державъ, и этимъ какъ будто снова было обезпечено за Россіей преобладающее вліяніе на Востокѣ, но это продолжалось недолго.

Ошеломляющее впечатлѣніе, которое произвело пораженіе союзныхъ войскъ подъ Аустерлицомъ, было такъ велико, что подъ вліяніемъ его Россія отказалась добровольно отъ своихъ дальнѣйшихъ плановъ, хотя въ то время они еще были вполнѣ осуществимы. Рѣшеніе это было принято главнымъ образомъ подъ вліяніемъ личнаго настроенія императора Александра, на котораго Аустерлицкое пораженіе подѣйствовало самымъ удручающимъ образомъ.

Онъ на другой же день послѣ этого пораженія уѣхалъ въ Петербургъ, и хотя ему была устроена восторженная встрѣча, такъ какъ въ Россіи обвиняли въ пораженіи не его, а Австрію и Пруссію, но мало по малу, по мѣрѣ того какъ возвращались войска, сталъ выясняться истинный ходъ событій и въ высшихъ кругахъ петербургскаго общества стали говорить, не скрывая, что главнымъ виновникомъ пораженія былъ самъ царь. Нѣкоторыя лица высказывали даже мысль о необходимости кореннымъ образомъ измѣнить русскую политику. Графъ Павелъ Александровичъ Строгановъ, бывшій въ это время въ Берлинѣ, гдѣ онъ остановился проѣздомъ въ Англію, былъ того мнѣнія, что единственнымъ средствомъ поправить дѣло было заключить немедленно союзъ съ Бонапартомъ; но склонить къ этому императора было невозможно.

Какъ констатируетъ съ грустью Чарторыйскій, императоръ былъ не въ состояніи принять какое-либо опредѣленное рѣшеніе.

„Онъ все тотъ же“, писалъ Чарторыйскій Строганову, 6 февраля 1806 г. „слабость и боязнь берутъ верхъ надъ всѣмъ остальнымъ; мы всего боимся, мы не можемъ принять никакого твердаго рѣше-

нія; ему даже нельзя дать совѣта, такъ какъ нельзя быть увѣреннымъ, что этотъ совѣтъ будетъ исполненъ, несчастье не научило его мыслить логичнѣе, напротивъ того, онъ поступаетъ болѣе своевольно, чѣмъ когда-либо. Въ результатѣ получается такая слабость, нерѣшительность, боязнь и нелѣпость, которыя могутъ повергнуть въ отчаяніе".

Для характеристики неискренней и двуличной политики того времени, любопытно отмѣтить, что Россіи и Англіи пришло одновременно на мысль ввести Наполеона въ заблужденіе, сдѣлавъ видъ, будто между Англіей и Россіей произошелъ разрывъ. Этимъ Россія надѣялась достигнуть болѣе благопріятнымъ условій мира и заставить Наполеона отказаться отъ плановъ, направленныхъ противъ Австріи и Турціи.

Графу Строганову, прибывшему тѣмъ временемъ въ Лондонъ, были посланы новыя инструкціи и, наконецъ, послѣ долгихъ колебаній, въ Парижъ, гдѣ происходили переговоры о заключеніи мира одновременно между Англіей и Франціей, и Франціей и Россіей, былъ посланъ Убри.

Камнемъ преткновенія при этихъ переговорахъ было требованіе Наполеона уступить ему Сицилію, которая была ему необходима, чтобы удержать позицію въ Неаполѣ. За обладаніе Сициліей онъ предлагалъ всевозможныя компенсаціи и не задумался даже обѣщать Англіи Ганноверъ, независимость котораго только-что была гарантирована Пруссіей.

Какъ видно изъ обнародованнаго въ 1903 г. въ Revue diplomatique проекта мирнаго договора, выработаннаго Англіей, былъ моментъ, когда эта держава готова была пойти на эти условія, но по зрѣломъ обсужденіи этотъ планъ былъ оставленъ, и когда Наполеонъ окончательно убѣдился, что ему не удастся склонить Фокса на свою сторону, то, чтобы выиграть время, онъ сталъ водить за носъ англійскаго уполномоченнаго и направилъ всю свою энергію на то, чтобы склонить Убри къ скорѣйшему заключенію мира, который и былъ подписанъ 8/20 іюля 1806 г.

Одно изъ главныхъ побужденій, заставившихъ Убри согласиться на это, было обѣщаніе Наполеона отозвать свои войска изъ Германіи и Австріи, какъ только русскіе очистятъ Каттаро, и высказанная имъ въ то же время угроза немедленно атаковать Австрію, если русскіе отъ этого откажутся.

„L'Autriche est sauvée, voilà ce qui m'a fait conclure", писалъ Убри Строганову 8 (20) іюля 1806 г.

Есть полное основаніе думать, что условія этого мирнаго договора были приняты Убри не только съ вѣдома, но и съ согласія

императора Александра, съ которымъ онъ велъ во время переговоровъ секретную переписку.

Впослѣдствіи, онъ самъ разсказывалъ въ Петербургѣ, что императоръ, передъ его отъѣздомъ въ Парижъ, повелѣлъ ему, съ глаза на глазъ, заключить миръ во что бы то ни стало (coute que coute).

Кратковременное наказаніе, которое Убри понесъ за подписаніе этого акта, и особое благоволеніе, какимъ онъ пользовался впослѣдствіи, подтверждаютъ выше сказанное предположеніе, а то обстоятельство, что Александръ, несмотря на это, не ратифицировалъ заключеннаго Убри договора, объясняется съ одной стороны давленіемъ, которое произвело на императора общественное мнѣніе враждебное Франціи, а главное, что онъ успѣлъ въ это время заключить соглашеніе съ Пруссіей, которое дало ему увѣренность, что въ случаѣ новой войны съ Франціей Пруссія ни подъ какимъ видомъ не станетъ на сторону Наполеона, вслѣдствіе чего императоръ чувствовалъ себя сильнѣе прежняго.

Вѣсть объ отказѣ царя ратифицировать мирный договоръ была получена въ Пруссіи 26 августа, а въ Парижѣ 3 сентября. И тамъ и здѣсь поняли, что война была неизбѣжна.

Съ этого момента, Россія, задавшаяся въ своей восточной политикѣ слишкомъ обширными планами и несбыточными надеждами, испытала рядъ разочарованій и навсегда утратила положеніе, завоеванное императоромъ Павломъ въ началѣ столѣтія на западномъ побережьи Балканскаго полуострова.

Русско-турецкая война продолжалась, съ небольшими перерывами, цѣлыхъ шесть лѣтъ и закончилась лишь въ 1812 г. Бухарестскимъ миромъ, съ заключеніемъ котораго рушились окончательно всѣ виды Россіи на завоеваніе Придунайскихъ княжествъ, и она лишилась возможности вмѣшиваться во внутреннія дѣла Турціи.

Незадолго до заключенія Бухарестскаго мира Франція и Австрія заключили договоръ, коимъ они обезпечили неприкосновенность Турецкой имперіи, и Австрія вступила по отношенію къ Турціи на путь дружественной политики, по которому она шла съ тѣхъ поръ неизмѣнно вплоть до настоящаго времени.

Послѣдствіемъ этихъ измѣнившихся отношеній, которыя сдѣлась однимъ изъ главныхъ факторовъ международной политики, былъ тайный антагонизмъ, создавшійся на этой почвѣ между Австріей и Россіей, не ослабѣвшій и по сей часъ, до такой степени, что даже

въ тѣ моменты, когда обѣ державы преслѣдовали въ дѣлахъ внѣшней политики одинакія цѣли и повидимому дружно шли рука объ руку, въ Петербургѣ и въ Вѣнѣ живо чувствовали, что въ вопросахъ, касающихся восточной политики, Австрія и Россія являются соперницами.

Сообщ. В. Т.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Отъ Іокогамы до Владивостока.

(Изъ воспоминаній кругосвѣтнаго плаванія на крейсерѣ „Африка“).

Глава IV.

1 января 1881 года мы встрѣтили стоя на рейдѣ Іокогамы, это былъ первый новый годъ, встрѣченный на чужбинѣ, всѣмъ было грустно и потому послѣ скромнаго ужина сейчасъ же разошлись по каютамъ. Днемъ были опять безконечные визиты, какъ въ Іокогамѣ, такъ и въ Токіо. На третій день у адмирала завтракалъ министръ иностранныхъ дѣлъ Инойе съ супругой и дочерью, также русскіе командиры и часть офицеровъ крейсера для развлеченія барышни.

Интересное зрѣлище намъ представилось 7 января: утромъ, выйдя на палубу, мы увидѣли всю Іокогаму подъ снѣгомъ,— дома то подъ снѣгомъ ничего, а вотъ деревья съ плодами и бутонами цвѣтовъ дѣло другое, казалось бы, вся зелень должна погибнуть, но здѣсь это явленіе обычное и не имѣетъ худыхъ послѣдствій. Въ этотъ день адмиралъ съ командирами обѣдалъ у бывшаго морского министра Кавамура, вмѣстѣ съ государственнымъ канцлеромъ Санджіо, вице-канцлеромъ Ивакура-Тотоми и генераломъ Сайго.

Пользуясь теплой погодой, мы ѣздили по магазинамъ смотрѣть фарфовыя издѣлія, главнымъ образомъ хотѣлось купить сатцумскаго фарфора. Его отличіе состоитъ въ легкости и въ постоянномъ не подкрашенномъ цвѣтѣ крэмъ, кромѣ того глазурь съ трещинами, покрывающими вещь какъ бы сѣткой. Живопись представляетъ миніатюру исполненную тонкимъ штрихомъ, орнаментъ выводится блѣднымъ золотомъ.

Намъ показывали разные сорта фарфора: одинъ называемый Имори, онъ гораздо тяжелѣе, отличается плотностью, бѣлизной и чистотой, служащій для выдѣлки крупныхъ вещей съ болѣе грубымъ рисункомъ [1]). Другой сортъ—Канга Кудани, одинаковаго достоинства съ Имари. потоньше, изъ него дѣлаютъ мелкія вещи [2]).

Есть еще сортъ фарфора.

Кудани, имѣющій основой цвѣтъ желтоватый, изъ него дѣлаютъ блюда и тарелки. Кромѣ перечисленныхъ названій фабрикъ фарфора, извѣстны еще фабрики въ Кіото, Овари и Новая Сатцума въ городѣ Кагосима (главный городъ провинціи Сатцума на островѣ Кіу-сіу), послѣдняя занимается подражаніемъ издѣлій старой Сатцумы. Вѣроятно, еще существуютъ и другіе сорта фарфора, но намъ не пришлось съ ними познакомиться.

11 января крейсеръ „Африка“, съ нѣсколькими высшими японскими чинами и ихъ семействами, ходилъ въ бухту Атами, но пикникъ не удался, такъ какъ всѣхъ укачало, и гости предпочли возвратиться обратно сухимъ путемъ. Во время перехода забавно было смотрѣть, въ какой видъ пришла дипломатія и другія лица; приходитъ офицеръ на ютъ (корма судна) и видитъ, что дочь одного изъ министровъ упорно смотритъ въ кадку съ водой, держась крѣпко за снасти, офицеръ выждалъ нѣкоторое время (окончанія послѣдствій качки) и спросилъ ее, что она нашла интереснаго въ кадкѣ.

— „Я просто задумалась“.

— „Пойдемте лучше въ адмиральскую каюту, вы тамъ можете прилечь и думать съ большимъ комфортомъ“.

Въ одинъ изъ послѣдующихъ дней мы посѣтили гробницы бывшихъ сіогуновъ въ чудномъ паркѣ Сибá, окруженномъ каменной оградой.

Паркъ заполненъ преимущественно хвойными деревьями, которыя посажены, какъ говорятъ, въ концѣ 16 столѣтія; главный входъ ведетъ въ прекрасную аллею, направо храма Синмей, пяти этажная погода и др. зданія, далѣе по аллеѣ дошли до стѣны съ узорными окнами въ видѣ медальона, ворота въ стѣнѣ украшены чудной работой и позолотой. Черезъ ворота вошли на первый внутренній

---

[1]) Окраска его заключается въ сочетаніи цвѣтовъ синяго и темно-краснаго на бѣломъ фонѣ.

[2]) При чемъ рисунокъ выводится по бѣлому, иногда по желтоватому фону красной краской съ блестящимъ золотомъ.

дворъ храма Сойости, дворъ окруженъ рѣзной деревянной галлереей, противъ каждаго окна которой внутри виситъ бронзовый фонарь художественной рѣзной работы.

Стѣны храма Сойости снаружи покрыты прекрасной рѣзьбой и позолотой, для сохраненія которой стѣны закрываются разборными щитами; полъ храма покрытъ чернымъ лакомъ. Внутри храма стоятъ знамена, а въ алтарѣ двѣ статуи Будды и еще какого-то бога.

Черезъ храмъ прошли во второй дворъ, тоже большой, обсаженный деревьями и цвѣтами; перейдя дворъ, вошли въ ворота, построенныя въ видѣ кумирни, ея колонны покрыты изумительной рѣзьбой съ рельефными драконами. Не менѣе великолѣпны рѣзные букеты и бронзовые медальоны на дверяхъ кумирни. Наконецъ, вошли на третій дворъ, окруженный высокими стѣнами; посреди двора стоитъ терраса съ двумя лѣстницами, идущими къ каменнымъ площадкамъ, на которыхъ находятся по одному мавзолею на могилахъ двухъ сіогуновъ, бывшихъ могущественныхъ правителей Японіи.

21 января получили приглашеніе представиться Микадо, на вокзалѣ собрались: адмиралъ флагъ—капитанъ, капитанъ 1 ранга Новосильскій, командиры судовъ—капитаны 1 ранга П. Н. Назимовъ (фрегата „Мининъ“), П. П. Тыртовъ (фрегата „Князь Пожарскій“), капитанъ-лейтенанты Е. Ив. Алексѣевъ (крейсеръ „Африка“) К. Н. Назимовъ (клипера „Крейсеръ“), по одному офицеру съ каждаго судна (съ „Африки“ мичманъ Рудневъ), оба флагъ-офицера мичмана Наумовъ и Перелешинъ.

Въ Токіо въ придворныхъ каретахъ проѣхали во дворецъ Гошо, куда также прибылъ нашъ посланникъ К. В. Струве, съ секретаремъ барономъ Розенъ (впослѣдствіи посланникъ въ Японіи передъ войной 1904 года) и драгоманомъ Малендой. Встрѣченные чиновниками министерства иностранныхъ дѣлъ, мы вошли въ залу съ раздвижными стѣнами, общаго японскаго типа. Въ залѣ около кресла, обитаго шелковой матеріей лиловаго цвѣта, съ затканными серебряными астрами, стоялъ Его Величество Микадо Муцухито въ генеральскомъ мундирѣ, съ двумя принцами по бокамъ. Съ самаго входа начались поклоны, черезъ три шага, пока не добрались до императора, который обмѣнялся съ адмираломъ короткими привѣтствіями. Затѣмъ начали пятиться назадъ до дверей; въ другой комнатѣ выпили по чашкѣ чая и вернулись обратно въ Іокогаму.

Во время нахожденія нашего во дворцѣ, намъ удалось видѣть японскихъ дамъ въ придворномъ костюмѣ, который на столько оригиналенъ, что заслуживаетъ описанія его. Въ силу старин-

ныхъ правилъ этикета, существующихъ безъ измѣненія до сихъ поръ, дамы, удостоенныя чести являться передъ лицомъ Микадо, должны показывать видъ, будто приближаются къ нему на колѣняхъ. Всякій законъ можно обойти, и въ данномъ случаѣ дамы оказались изобрѣтательными: онѣ надѣваютъ очень широкія, шелковыя, пунцоваго цвѣта, шаровары съ отверстіями для ступней ногъ. Размѣръ отверстія дѣлается такой, чтобы нога была плотно охвачена; пышныя складки костюма падаютъ съ таліи до полу, совершенно прикрывая собою всю обувь и даже ея носки, а длинные концы шароваръ волочатся сзади по полу. Въ общемъ—стоитъ ли придворная дама на мѣстѣ или движется, вамъ кажется, что она то и другое продѣлываетъ на колѣняхъ.

29 января на эскадру пріѣхали: морской министръ вице-адмиралъ Епомото, бывшій министръ вице-адмиралъ Кавамура, военный министръ генералъ-лейтенантъ Ямагата, начальникъ Главнаго Штаба генералъ-лейтенантъ Ояма, члены верховнаго совѣта: генералъ-лейтенантъ Сайго, Ямада, Міура и Тани, главный командиръ Іокогамскаго порта вице-адмиралъ Накамута. Съ ними пріѣхалъ адъютантъ военнаго министра капитанъ Гуцъ-Номіо и чиновникъ министерства иностранныхъ дѣлъ Ицикава. Гости осматривали суда эскадры, ученья на нихъ, завтракали у адмирала, затѣмъ имъ показали взрывъ мины съ катера и парусное ученье на клиперѣ „Крейсеръ“. Послѣ чего, при громѣ салюта гости уѣхали на берегъ.

Оффиціальные пріемы у адмирала приходятъ къ концу, самый парадный состоялся 3 февраля по случаю пріѣзда принцевъ императорскаго дома, двоюродныхъ братьевъ Микадо; прибыли:

Арисугава-но-міа, фельдмаршалъ.

Хигаси-фисимо-но-міа, генералъ-лейтенантъ, главный инспекторъ стрѣлковой и гимнастической части въ войскахъ.

Катасиракава-но-міа, подполковникъ.

Фусими-но-міа капитанъ.

Ямосина-но-міа кадетъ морского училища.

Принцы пріѣхали со свитой, нашимъ посланникомъ и чинами посольства, сперва на суда эскадры, гдѣ смотрѣли различныя ученія, затѣмъ завтракали у адмирала на „Африкѣ“. Послѣ завтрака имъ показали взрывъ мины и въ 3 часа отвезли на пристань.

Надо сказать, что ради бывшихъ завтраковъ, обѣдовъ и пріемовъ, адмиралъ нанялъ поваровъ и прислугу съ сервировкой изъ отеля, пріѣзжавшихъ чуть не ежедневно на крейсеръ. Случалось, вслѣдствіе погоды или другихъ обстоятельствъ пріемъ переносили на другой день, хотя кушанья были готовы, и вотъ однажды адмиралъ, въ разговорѣ съ однимъ изъ офицеровъ, говоритъ:

— „Какъ жаль, что цѣлый завтракъ пропадаетъ вслѣдствіе отмѣны".

— „А вы, ваше превосходительство, пришлите его въ каютъ-кампанію безъ церемоніи, мы съ удовольствіемъ и благодарностью его съѣдимъ".

Адмиралъ обрадовался и сдѣлалъ немедленное распоряженіе, какъ на этотъ день, такъ и на будущее время, благодаря чему у насъ бывали пріятные сюрпризы, въ видѣ прекрасныхъ завтраковъ и обѣдовъ, но къ сожалѣнію слишкомъ рѣдко.

Наконецъ, мы собрались посѣтить Іокоско, военный портъ около Іокогамы, дорога занимаетъ на пароходикѣ $1^1/_2$ часа, довольно неудобномъ, но отсутствіе комфорта сглаживается прекрасными пейзажами, особенно около входа въ портъ между островами. Портъ содержится въ большомъ порядкѣ и чистотѣ, все благоустроено—какъ три дока, такъ и мастерскія, помѣщенныя въ прекрасныхъ зданіяхъ. Конечно, Іокоско и сравнивать нельзя съ Владивостокомъ, въ смыслѣ благоустройства, но городъ, у пристани котораго останавливается пароходъ, не выдерживаетъ критики.

Къ сожалѣнію подробное описаніе порта не можетъ быть здѣсь приведено, такъ какъ рукопись погибла вмѣстѣ съ другими документами впослѣдствіи, въ бою на другомъ суднѣ.

Изъ порта отправились въ Іокогаму сухимъ путемъ, сначала пѣшкомъ, по дорогѣ нашли какой-то памятникъ, но надпись на столько стерлась, что прочитать нельзя, видны только отдѣльныя англійскія буквы. Затѣмъ, поѣхали въ джинерикшахъ, въ храмъ Дайбудса, громадная бронзовая статуя котораго стоитъ на открытомъ воздухѣ, въ головѣ статуи устроена часовня. Услужливый фотографъ снялъ группу офицеровъ, расположившихся на самой статуѣ.

Намъ пришлось проѣхать много селеній, обѣдать по японски и назадъ могли вернуться только къ двумъ часамъ ночи, очень довольные своей поѣздкой.

17 февраля состоялось торжественное открытіе народной японской выставки въ Токіо, въ присутствіи Микадо; мы же отправились осматривать ее на другой день. Выставка помѣщалась на большой площади, покрытой цвѣтниками, между которыми расположилось болѣе тридцати павильоновъ, со всѣми отраслями японской промышленности [1]). Какъ вещи, такъ и выполненіе ихъ самое разнообразное, а потому и цѣны на вещи—отъ самыхъ низкихъ до баснословно высокихъ. Пришлось ограничиться непродолжитель-

[1]) Центральное зданіе каменное, европейской архитектуры.

нымъ временемъ для осмотра выставки, вслѣдствіе дождя и холода, къ тому же вездѣ было изъ-за этого грязно.

20 февраля. Весь рейдъ и городъ разукрасились флагами, встрѣчая торжественно прибытіе гавайскаго короля Калакауа I. На другой день опять торжество, но наше собственное по случаю восшествія на престолъ Государя Императора. Утромъ было молебствіе, салюты съ подъемомъ флаговъ, днемъ шлюпочная гонка, вечеромъ иллюминація, музыка и пѣніе, жаль только, погода много портила. 24 февраля въ Токіо былъ парадъ въ честь Гавайскаго короля, такой же скучный, отъ насъ ѣздила другая смѣна офицеровъ.

27-го пріѣзжали прощаться вице-адмиралы Еномото, Кавамута и Накамута, днемъ посѣтилъ нашъ посланникъ съ барономъ Розеномъ и А. А. Пеликанъ, также германскій и австрійскій посланники.

На другой день, 28 февраля, крейсеръ „Африка“ покинулъ Іокогаму, направляясь въ заливъ Овари съ разрѣшенія Микадо, который хотѣлъ выразить особое вниманіе нашему адмиралу, предложивъ осмотрѣть порты, не открытые для европейцевъ.

Заливъ Овари и въ особенности бухта Міа, въ которой расположенъ городъ Нагойя, цѣль нашего путешествія, мало извѣстны и потому пришлось взять лоцмановъ—американца Флетчера и японца Сайкино съ переводчикомъ Нарсэ. Ночью насъ порядочно качало, на другой день утромъ лоцманъ сталъ увѣрять, что пора отдавать якорь.

— Да гдѣ же городъ? гдѣ берегъ? и т. п. вопросы посыпались на него, лоцманъ показывалъ рукой и говорилъ, что тамъ все найдете. Дѣлать нечего, отдали якорь, спустили паровой катеръ и вельботъ, несмотря на лившій дождь поѣхали: адмиралъ, флагъ-капитанъ, мичмана Рудневъ, Абрамовъ и трое флагманскихъ чиновъ.

Болѣе 1½ часа шли до пристани, открывая все болѣе и болѣе берегъ. Лѣвый берегъ на большомъ разстояніи шелъ ровной полосой, немного возвышаясь надъ водой, это показалось страннымъ, дѣйствительно, впослѣдствіи мы узнали, что это плотина для предохраненія низкаго берега отъ наводненія. Съ правой стороны шелъ рядъ шестовъ съ грядой камней, ограждающихъ фарватеръ отъ наносовъ.

На пристани насъ встрѣтилъ чиновникъ и полицейскій, пока бѣгали за джинерикшами, мы успѣли осмотрѣть набережную съ рядомъ двухъэтажныхъ домовъ, у которыхъ внизу магазины.

Наконецъ подали легкіе экипажи, и мы направились въ отель по

длинной улицѣ Хонго, проѣхавъ нѣсколько верстъ, свернули въ другую улицу съ богатыми домами и казенными зданіями и, только черезъ $1^1/_2$ часа непрерывнаго бѣга нашихъ возницъ, прибыли въ японскую гостиницу подъ громкимъ названіемъ „Отель дю Прогрэ“, вотъ ужъ никакъ не ожидали такого названія въ городѣ, не открытомъ для европейцевъ.

Самого „прогрэ“ не нашли, гостиница общеяпонскаго образца только съ нѣкоторыми европейскими приспособленіями, а именно оказалось нѣсколько столовъ, стульевъ и европейская посуда англійскаго фаянса, послѣднее ужъ совсѣмъ не понятно, потому что въ Нагойѣ масса своего прекраснаго фарфора.

Снявъ обувь въ холодныхъ и сырыхъ сѣняхъ, мы пошли въ чулкахъ по холодному лакированному полу въ свои клѣтки разложить вещи и снять мокрое платье. Черезъ нѣсколько времени явился хозяинъ отеля Синаціу-санъ доложить адмиралу о прибытіи вице-губернатора Номура съ нѣсколькими чиновниками и городскими депутатами для привѣтствія адмирала. Главныя лица были во фракахъ съ орденами, но безъ обуви въ бѣлыхъ чулкахъ, что представляло довольно странное зрѣлище. Губернаторскій визитъ и сильный дождь насъ задержали, и мы рады были расположиться на ночлегъ. Кроватей нѣтъ, надо ложиться на полу, при чемъ вмѣсто подушки предложили деревянную скамеечку (макура)— на ней ломается шея, а голова свѣшивается; къ счастью оказалось достаточное количество ватныхъ одѣялъ, изъ которыхъ мы сооружили себѣ постели и подушки „о прогрэ“.

2 марта въ 8 часовъ утра, услышавъ шаги адмирала, закутались въ одѣяла и притаились, адмиралъ отодвинулъ щитъ и, глядя съ удивленіемъ на кучу одѣялъ, спросилъ:

— Господа, гдѣ же вы? неужели до сихъ поръ спите? вставайте, надо ѣхать.

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство, мы не спимъ.

— Такъ отчего же не встаете?

— Холодно вставать, къ тому же думали, что еще рано.

— Вставайте скорѣе, сейчасъ будетъ у насъ генералъ.

Дѣйствительно, въ 9 часовъ пріѣхалъ бригадный генералъ Ибисанъ съ адъютантомъ, привѣтствовать адмирала и пригласить осмотрѣть старинный замокъ. Иби-санъ занимаетъ постъ начальника гарнизона въ Нагойѣ, ему подчиняются всѣ стоящія здѣсь войска.

По отъѣздѣ генерала мы отправились въ замокъ Оариджо, построенный триста лѣтъ назадъ при какомъ-то знаменитомъ сіогунѣ. Къ замку пришлось ужасно долго ѣхать, разстоянія здѣсь

въ пору для электрическихъ трамваевъ и мало подходятъ для джинерикшъ. Около замка расположены казармы и живутъ офицеры, самый замокъ окруженъ двумя стѣнами—внѣшней и внутренней, обѣ изъ камня. Снаружи проведенъ глубокій ровъ, черезъ него мы переѣхали по деревянному мосту сначала въ первыя, а затѣмъ во вторыя ворота, у каждыхъ воротъ вызывался караулъ для отданія чести. Сдѣлавъ заворотъ, мы остановились у подъѣзда съ широкимъ навѣсомъ, здѣсь встрѣтилъ адъютантъ генерала и ординарцы, съ ними прошли по широкой галлереѣ, обращенной одной стороной въ замковый садъ, а на другую сторону галлереи выходятъ окна канцелярій. Наконецъ дошли до пріемной залы, гдѣ ожидали насъ генералъ со своимъ штабомъ. Посреди комнаты стоялъ столъ, покрытый зеленымъ сукномъ, а кругомъ стулья, на которыя мы сѣли выпить по чашкѣ чая. Пока адмиралъ бесѣдовалъ съ генераломъ, мы успѣли разсмотрѣть и полюбоваться барельефами, художественной работы, которыми покрыты стѣны и потолокъ залы, эта чудная старинная работа теперь рѣдко встрѣчается. Обойдя нѣсколько пустынныхъ залъ, мы спустились во внутренній дворъ къ одноэтажному зданію массивной постройки съ большими желѣзными воротами и, пройдя послѣ нихъ еще ворота, направились по открытому сверху проходу. Въ концѣ прохода оказались еще ворота, тоже желѣзныя, устроенныя въ фундаментѣ главной башни Тенси, фундаментъ которой, будучи на 1/3 выше стѣнъ крѣпости, представляетъ изъ себя усѣченную пирамиду. На этомъ фундаментѣ помѣщается четырехъ-этажная башня, при чемъ каждый этажъ имѣетъ свою крышу и чѣмъ выше, тѣмъ меньше. Гребень верхней крыши украшенъ бронзовой позолоченной рыбой „тай“. Черезъ калитку воротъ мы попали въ самую башню, войдя во внутрь фундамента въ полутемный погребъ, гдѣ помѣщается цистерны съ запасомъ воды. Въ другихъ этажахъ хранится провизія, патроны, помѣщается арсеналъ и казарма. Изъ оконъ верхняго этажа любовались видомъ на весь городъ и Оварійскій заливъ.

Изъ замка поѣхали въ учительскій институтъ и мужскую гимназію, въ первомъ не застали никого, а во второй нашли весь персоналъ. Вездѣ чистота и аккуратность доведены до мелочей. При входѣ адмирала ученики вставали сразу одновременно, также отвѣшивали поясной поклонъ и одновременно садились. Обойдя классы и послушавъ отвѣты гимназистовъ, мы поѣхали въ ткацкую школу, предназначенную исключительно для дѣвушекъ. Школа помѣщается въ чистенькомъ домикѣ, тутъ же выставлены образцы работъ школы. Мы застали ученицъ за пряжей на деревянныхъ станкахъ подъ руководствомъ двухъ учительницъ и мастеровъ.

Въ этой школѣ выдѣлываютъ только обыкновенныя бумажныя матеріи, но ученицы желающія могутъ обучаться выдѣлывать и дорогія, шелковыя матеріи. До завтрака въ отелѣ посѣтили еще другую ткацкую фабрику.

Дальнѣйшій объѣздъ начали съ мастерской рисовальщиковъ по фарфору; въ холодной комнатѣ сидятъ полуодѣтые работники, держа вазы на колѣняхъ, они выводятъ рисунокъ отъ руки безъ всякихъ поддержекъ, нѣкоторые прямо наизусть,—несмотря на такія условія работа ихъ замѣчательна по тонкости и художеству выполненія.

Фарфоровыя издѣлія для обыкновеннаго обихода изготовляются въ мѣстечкѣ Сето, около Нагойя, а синяя краска добывается въ Отоме-яма въ Оварійской провинціи. Не менѣе интересно было посмотрѣть порядокъ работъ „клоазоне". Сначала составляютъ рисунокъ въ двухъ экземплярахъ, на одномъ обозначены только черные контуры рисунка, а на другомъ рисунокъ воспроизведенъ полностью въ краскахъ.

Приготовленную вазу шлифуютъ, и на ней художникъ наноситъ черные контуры рисунка, по исполненіи работы, художникъ передаетъ къ рѣзчику, который врѣзаетъ данный контуръ и затираетъ его черной краской. Послѣ этого проволочникъ накладываетъ, строго по рисунку, проволоку—тесьму, засыпаетъ краснымъ порошкомъ и даетъ обжигать, чтобы проволока припаялась къ вазѣ. Послѣ этого мастеръ, положивъ по рисунку жидкую эмаль, которая быстро твердѣетъ, оставляетъ вазу въ покоѣ на нѣсколько дней.

Затѣмъ, вазу шлифуютъ въ корытѣ съ водой пензой и камнемъ.

До обѣда насъ еще повезли въ знаменитый храмъ Сигаси-Хонгандзи при буддійскомъ монастырѣ. Храмъ построенъ по общему образцу, только замѣчателенъ орнаментъ главныхъ священныхъ воротъ. Орнаментъ представляетъ рядъ ажурно вырѣзанныхъ круглыхъ медальоновъ, въ серединѣ которыхъ помѣщены кресты въ родѣ нашихъ ополченскихъ. Кромѣ воротъ также покрыты рѣзьбой стѣны этихъ воротъ и ихъ часовень. Изъ храма насъ повезли въ музей Анчи-Хоку-Буцуканъ. Къ подъѣзду главнаго зданія ведетъ широкій проѣздъ, обсаженный деревцами и обставленный фонарными столбами. Тутъ же разбиты грядки начинающагося ботаническаго сада, на грядкахъ посажены растенія, лекарственнаго и фабрично-промышленнаго свойства, вездѣ сдѣланы надписи на трехъ языкахъ (англійскомъ, латинскомъ и японскомъ). Позади главнаго зданія находится садъ въ японскомъ вкусѣ, въ саду двѣ хижины съ орудіями и принадлежностями сельскаго хозяйства.

Мы пришли въ пріемную — небольшую комнату, отдѣланную деревомъ желтой акаціи, вездѣ изумительная чистота въ соединеніи съ простотой отдѣлки.

Въ лѣвомъ углу комнаты устроена площадка въ одну ступеньку, огражденная четырьмя колонками, соединенными на верху у потолка рѣзными планками. Альковъ закрывается деревянными занавѣсками (изъ тонкихъ бамбуковъ) съ лиловыми шелковыми шнурами, альковъ предназначенъ для отдохновенія Его Величества Микадо во время посѣщеніи Нагойя.

Изъ пріемной насъ пригласили осматривать музей. Въ баракѣ № 1 собраны сушеныя растенія Оварійской провинціи, чучела птицъ, звѣрей и рыбъ, также минералы, консервиванные фрукты и образцы овощей. Въ другомъ баракѣ находятся образцы мѣстной деревянной утвари, издѣлія изъ глины, фарфора и фаянса. Также издѣлія изъ соломы, бамбука, дерева и бумаги. Весь музей въ образцовомъ порядкѣ и чистотѣ.

По окончаніи осмотра музея вице-губернаторъ Номура пригласилъ насъ въ нижній залъ главнаго корпуса къ обѣденному столу. Сервировка оказалась европейскаго образца, а обѣдъ приготовилъ адмиральскій поваръ.

Во время обѣда прислуживали очень красивыя гейши, прекрасно и нарядно одѣтыя, такихъ красивыхъ гейшъ нигдѣ нѣтъ, и Нагойя справедливо славится красотой и своеобразной граціей своихъ молоденькихъ гейшъ. Особенность ихъ костюма заключается въ высоко подвязанномъ бантѣ пояса (оби) подъ самыя лопатки.

Въ концѣ обѣда одна изъ прозрачныхъ стѣнъ зала вдругъ стала красной, мы сначала думали, не пожаръ ли это, но не успѣли спросить, какъ щиты раздвинулись, и мы увидѣли широкую галлерею, освѣщенную красными фонарями и покрытую ковромъ.

Подъ звуки музыкальныхъ инструментовъ появились гейши съ вѣерами въ рукахъ, выдѣлывая па въ тактъ музыки.

Построясь въ рядъ лицомъ къ зрителямъ, онѣ отдали глубокій поклонъ и затѣмъ начали плавные танцы.

Намъ говорили названія и значенія каждаго танца, но мы ихъ скоро забыли. На сколько были интересны самые танцы, настолько непріятенъ былъ финалъ.

Гейши, закрутивъ свои киримоны вокругъ ногъ, всѣ одновременно опустились на колѣни, поклонились до земли и вдругъ стали кверху ногами, этотъ маневръ произвелъ на всѣхъ непріятное впечатлѣніе.

За балетомъ слѣдовалъ концертъ на девяти барабанахъ, мо-

жетъ быть пьеса была великолѣпна и также чудесно исполнена, но слушалась съ трудомъ, и мы воспользовались перерывомъ, чтобы уѣхать къ себѣ въ отель.

3 марта, въ 3 часа простились съ г. Номура на пристани, откуда паровой катеръ увезъ насъ изъ этого оригинальнаго города на крейсеръ. Путешествіе по заливу сильно осложнилось изъ-за вѣтра, дошедшаго до степени шторма, волны бросали катеръ во всѣ стороны, и брызги обдавали съ головы до ногъ. Изъза непогоды крейсеръ остался на якорѣ.

4 марта ушли въ бухту Тоба, тоже не открытую для европейцевъ. Въ Тоба мы собрались совершить очень большую поѣздку внутрь страны къ синтоскому храму, одной изъ величайшихъ японскихъ святынь, но поѣздка не состоялась вслѣдствіе полученной телеграммы, извѣщающей адмирала о событіи 1-го марта въ С.-Петербургѣ.

Іокагамскій рейдъ при нашемъ приходѣ представлялъ грустную картину—флаги приспущены, реи скрещены и полная тишина даже при проходѣ адмирала.

Пріѣхавшій священникъ отслужилъ панихиду, привелъ насъ къ присягѣ новому Государю и отслужилъ молебенъ по случаю восшествія на престолъ Императора Александра III. Мы всѣ были глубоко потрясены и дѣйствительно горевали. Микадо прислалъ сочувственную телеграмму въ посольство, гдѣ на панихидѣ присутствовала вся императорская фамилія.

11 марта вслѣдствіе телеграммы адмирала С. С. Лесовскаго ушли изъ Іокогамы въ Нагасаки внутреннимъ моремъ, по пути зашли въ заливъ Осака или Гедсуда-надо, гдѣ отдали якорь на рейдѣ города Кобе, около нашихъ судовъ клиперовъ „Наѣздника“ [1]), „Джигита“ [2]) и шхуны „Востокъ“. Однодневная стоянка заставила насъ поспѣшить на берегъ осмотрѣть, что возможно.

Города Хіого и Кобе лежатъ рядомъ на низменномъ берегу острова Ниппона, отдѣляемые рѣкой Минотогава. Собственно Кобе представляетъ чистенькій городокъ съ аллеями вдоль тротуаровъ и составляетъ какъ бы европейскій кварталъ Хіого. Въ Кобе находится учительскій японскій институтъ, желѣзнодорожная станція, телеграфъ, губернское правленіе, постоянный базаръ „Кіо-синкванъ“, консульскіе дома и церкви.

Съ пристани мы поѣхали къ могилѣ Тайрано-Кійо мари [3]), она

[1]) Командиръ Кологерасъ.

[2]) К. К. Деливронъ.

[3]) Бывшаго перваго министра, отличавшагося жестокостью и деспотизмомъ.

высѣчена изъ сѣраго гранита и представляетъ изъ себя двѣнадцати-ярусную башню, стоящую подъ сѣнью высокихъ сосенъ. Затѣмъ къ не менѣе знаменитой могилѣ Ксуноки-Масасиге, помѣщенной въ оградѣ храма Минатагава-но-міа Ксуноки — народнаго героя, отличавшагося честностью, храбростью и вѣрностью своему государю. Храмъ обыкновенной архитектуры, а мавзолей въ честь Ксуноки имѣетъ видъ колонны. Около него стоятъ каменныя канделябры съ зажженными лампадами. Далѣе мы попали къ храму Икуто-но-міа, стоящему среди небольшой рощи; въ рощѣ пасется священный бѣлый конь и бѣгаетъ ручной кроликъ. При храмѣ, въ сокровищницѣ лежатъ доспѣхи героя Кадживари. Насъ хотѣли везти еще куда-то, но мы взмолились, за неимѣніемъ времени, и ограничились посѣщеніемъ водопадовъ на Сува-ямѣ. На горѣ Сува построенъ храмъ, отсюда открывается чудный видъ на заливъ. Изъ храма пошли къ водопадамъ Нуно-бики-но-таки (въ переводѣ означаетъ разостланное полотно); названіе произошло оттого, что издали водопады похожи на полосы разостланнаго полотна. Водопадовъ два, они стоятъ рядомъ, одинъ въ 158 футъ паденія, другой въ 73 фута. Дорога къ нимъ очень живописна—каменныя скалы покрыты разнообразной растительностью, повсюду масса цвѣтовъ и цвѣтущихъ кустовъ. Первый водопадъ падаетъ съ площадки, окутанной кустарниками и зарослью; подъ нимъ образуется на горной площадкѣ бассейнъ, изъ котораго вода, по уступамъ, стекаетъ внизъ, въ узкое ущелье, между скалами и оттуда падаетъ внизъ.

Надъ бассейномъ перекинутъ жиденькій мостикъ съ верандой, на которой можно отдохнуть, любоваться видомъ и дышать водяной пылью. По сосѣдству, между скалами, переброшены бамбуковые мостики съ висячими надъ пропастью бесѣдками. Напившись неизбѣжнаго чая, мы вернулись въ городъ купить плетеныя вещи изъ тонкаго бамбука, эта работа здѣсь удивительно хороша и красива.

Въ ночь крейсеръ ушелъ въ Нагасаки, куда прибыли 14-го марта, къ общему сбору всей эскадры.

Повидимому, грозныя тучи надвигавшихся военныхъ дѣйствій разсѣялись—часть эскадры возвращается въ Россію, адмиралъ С. С. Лесовскій возвращается въ Россію черезъ Америку. Мы должны отвезти к.-адмир. барона Штакельберга въ Сингапуръ, откуда онъ уѣдетъ въ Россію, на другомъ суднѣ.

Вотъ новости, какія мы узнали, а наша судьба? говорятъ много, ежедневно пріѣзжающіе сообщаютъ что-нибудь новое.

— „Господа! слышали „Африку“ переводятъ въ Сибирскій экипажъ, и офицеровъ не пустятъ домой“.

— „Этого еще недоставало, на все согласны, а въ Сибирскую флотилію ни за что".

— „Да вѣдь не спросятъ, хочешь или нѣтъ".

— „Конечно, отъ начальства трудно ожидать чего-нибудь хорошаго".

Говоря такимъ образомъ, въ душѣ желали, чтобы именно начальство рѣшило вопросъ—остаться крейсеру въ Тихомъ океанѣ или нѣтъ, только всѣ единодушно не желали переходить въ Сибирскую флотилію. Если предоставляютъ самому рѣшить вопросъ, то часто является потомъ сожалѣніе — „зачѣмъ я остался" или „лучше бы я ушелъ". Списавшіеся съ судна иногда сожалѣютъ, зачѣмъ покинули свой корабль, такъ было съ моимъ сожителемъ по каютѣ, мичманомъ А. Е. Аб—вымъ, онъ получалъ милыя письма отъ невѣсты, читалъ мнѣ выдержки и „плакалъ мнѣ въ жилетъ" (это выраженіе горя явилось у насъ неизвѣстно откуда). Я уговаривалъ отложить свадьбу до возвращенія крейсера въ Россію, но у него не хватило характера, совсѣмъ размякъ отъ писемъ и впослѣдствіи раскаялся, глубоко сожалѣя, что не продолжалъ плаванія, въ виду его интереса.

Судили мы, рядили о своей участи, наконецъ, махнули рукой и поѣхали на берегъ смотрѣть на состязаніе бумажныхъ змѣевъ, во время празднества въ честь японскаго святого Кампиро-сама Бумажные змѣи разныхъ величинъ и видовъ высоко летаютъ на тонкихъ бичевкахъ, обмазанныхъ толченымъ стекломъ. Состязаніе состоитъ въ томъ, чтобы перерѣзать бичевки другихъ змѣй своей бичевкой и остаться одному побѣдителемъ. На этомъ празднествѣ бываетъ всегда масса народа и толкотня ужасная, почему насъ устроили на балконѣ одной японской гостиницы, откуда мы наблюдали за ходомъ военныхъ дѣйствій и движеніемъ пестрой, нарядной толпы.

29 марта ушли въ Сингапуръ, гдѣ (9 апрѣля) простились съ добрѣйшимъ нашимъ адмираломъ Олафомъ Романовичемъ, барономъ Штакельбергъ и стали ждать дальнѣйшихъ рѣшеній. 23-го апрѣля получили приказаніе обойти всѣ Зондскіе острова, ради какихъ-то цѣлей, сущность которыхъ, по обыкновенію, составляла секретъ, въ который насъ не посвящали.

Бѣдная наша „Африка" устала отъ постояннаго хожденія, и справедливость требовала дать машинѣ поправиться, но неумолимое начальство приказало—и мы пошли, но тащились, какъ старая кляча.

Прошли Малаккскій проливъ, къ острову Пуло Варела (Pulo. Varela), онъ представляетъ изъ себя клочекъ земли, сплошь по-

крытый зеленью, обошли кругомъ и направились къ Суматрѣ. По пути обошли островъ Edie Djel, а утромъ 27 апрѣля отдали якорь на рейдѣ города Ачина. Голландцы хотя и владѣютъ островомъ, но не могутъ спокойно жить изъ-за постоянныхъ войнъ съ туземцами, не упускающими случай убить европейца. Въ самомъ Ачинѣ живутъ купцы и немного офицерскихъ семействъ; отъ города, внутрь страны, идетъ желѣзная дорога до Catolodga и укрѣпленнаго лагеря, въ которомъ живетъ губернаторъ и только военные.

29 апрѣля ушли къ острову Pulo Way, осмотрѣли его со всѣхъ сторонъ, спускали шлюпки и затѣмъ пошли къ острову Pulo Penang, большому острову, принадлежащему англичанамъ. На немъ городъ Джоржъ-таунъ устроенъ по образцу Сингапура и другихъ англійскихъ городовъ въ жаркихъ странахъ—имѣетъ прекрасныя дороги, плацъ для тенниса и водопроводъ. Мы наблюдали, какъ въ 5 часовъ вечера жители собирались на плацъ, пріѣзжая въ своихъ экипажахъ. Обыкновенно жены сидятъ въ палаткахъ, дѣти около играютъ, а мужчины, снявъ пиджаки, упражняются игрой въ мячъ.

Въ городѣ нѣсколько церквей разныхъ вѣроисповѣданій, особенно красива бѣлая англійская. Изъ города мы проѣхали на водопадъ по прекрасной дорогѣ, среди роскошной зелени, къ подошвѣ горы, затѣмъ пѣшкомъ пошли по тропинкѣ въ долинѣ, имѣющей видъ серпа, до бассейна съ трубами и фильтромъ. Водопадъ небольшой, вѣрнѣе это горная рѣчка, падающая мѣстами съ крутизны, скрываясь иногда въ кустахъ. У входа въ долину имѣется другая тропинка въ гору, но мы не могли узнать, куда она ведетъ, только видѣли много идущихъ по ней носильщиковъ.

2 мая по исполненіи порученія мы водворились въ Сингапурѣ для окраски подводной части и переборки машины. Во время продолжительной стоянки, мы обстоятельно освѣжили все судно, занимались ученьями съ командой въ береговомъ баракѣ и удѣляли время на знакомство съ англійскими семействами. Обыкновенно цѣлый день на работѣ, а вечеръ или въ гости или въ городъ. У насъ былъ одинъ мичманъ брюнетъ, совершенно смуглой кожи, онъ иногда надѣвалъ однѣ бѣлыя брюки и на босыя ноги башмаки, и въ этихъ двухъ вещахъ отправлялся въ толпу наблюдать нравы и обычаи туземцевъ, выучивъ нѣсколько фразъ, мичманъ свободно вращался въ народѣ, не будучи узнаваемъ и по возвращеніи дѣлился съ нами результатами своихъ интересныхъ наблюденій.

Въ началѣ іюня взяли большой паровой катеръ въ родѣ нашихъ пароходовъ финляндскаго общества, захватили провизіи, карту мѣстности и отправились въ путешествіе вокругъ острова Сингапура. Видъ береговъ однообразенъ, но красивъ благодаря

роскошной, тропической растительности. По пути съ противоположной стороны острова остановились у резиденціи раджи—владѣтельнаго принца. Дворецъ построенъ на материкѣ Индо-Китая, зданіе тропическаго типа безъ оконныхъ стеколъ. Уходя изъ Сингапура, мы запаслись рекомендательнымъ письмомъ отъ мѣстнаго начальства и, по предъявленіи письма въ дворцѣ, немедленно были приглашены осмотрѣть помѣщеніе.

Чудная мраморная лѣстница-съ хрустальными канделябрами на площадкахъ, ведетъ въ большую хорошо обстановленную гостиную, въ ней мебель вся цѣликомъ хрустальная съ шелковыми подушками на стульяхъ. Какъ-то страшно сидѣть на стеклѣ, нѣтъ увѣренности въ крѣпости и стоитъ очень дорого. Изъ гостиной прошли въ карточную, музыкальную и библіотеку: во дворцѣ нѣсколько спаленъ, у каждой изъ нихъ своя гостиная. Отдѣльно отъ дворца стоитъ тронный залъ, отдѣланный зеленымъ бархатомъ. Оба зданія помѣщаются въ громадномъ саду, не особенно чисто содержимомъ, но за то дающемъ мѣсто разнообразнымъ породамъ пальмъ и другихъ деревьевъ въ значительномъ количествѣ.

Около дворца расположенъ небольшой городокъ, населенный малайцами и китайцами.

Отправляясь на пикникъ, мы разсчитывали вернуться не поздно, но тихоходный катеръ доставилъ обратно только къ вечеру, и мы не попали на пробу машины, результатомъ чего была буря—всѣмъ попало отъ старшихъ до младшихъ чиновъ, командирскій гнѣвъ никого не миновалъ.

Дальнѣйшая стоянка протекала мирно, только допекала насъ жара, вѣдь надо представить, что Сингапуръ всего въ 90 миляхъ отъ экватора, да и мѣсяцы-то лѣтніе, хуже всего, что ночью также очень жарко и душно. Наши страданія внезапно прекратились полученіемъ телеграммы о немедленномъ прибытіи во Владивостокъ, приказаніе было отъ новаго начальника эскадры контръ-адмирала Абрама Богдановича Асланбегова.

Быстро закончивъ работы, мы 20 іюня ушли изъ Сингапура, взявъ съ собой отъ завода механика Джофрея, оказывавшаго намъ впослѣдствіи большія услуги. Попутный муссонъ и исправная машина доставили возможность придти въ Нагасаки на трое сутокъ и 2 часа ранѣе предположеннаго срока; пока шла погрузка угля, мы успѣли съѣздить на берегъ. Рѣшили осмотрѣть мѣстечко Тогицу, лежащее къ сѣверу отъ Нагасаки въ разстояніи десяти верстъ на берегу залива Омуру. Путь шелъ по долинѣ песчаной рѣчки, впадающей въ бухту около деревни Иноса (около Нагасаки); виды одинъ лучше другого, съ обѣихъ сторонъ тянется цѣпь

не особенно высокихъ горъ и всюду масса зелени. Мѣстечко Тогицу расположено на самомъ берегу одной изъ обширныхъ и прекрасныхъ бухтъ Омурскаго залива. Недалеко отъ берега мы видѣли стоявшіе пароходики, поддерживающіе сообщеніе между городомъ Уресимо и др. мѣстечками залива.

Тогицу не велико, разбито на правильные кварталы, есть каменные дома. Погулявъ на чистомъ воздухѣ, вернулись въ Нагасаки.

5 іюля покинули Японію и черезъ нѣсколько дней явились передъ свѣтлыя очи новаго начальства, хотя мы его видѣли раньше, такъ какъ онъ командовалъ 2-мъ отрядомъ въ эскадрѣ адмирала Лесовскаго.

Интересная цѣль нашего прихода во Владивостокъ стала намъ извѣстна въ Нагасаки, адмиралу Асланбегову пришла благая мысль обойти кругомъ Тихій океанъ, чтобы посѣтить наиболѣе интересныя мѣста; онъ просилъ разрѣшенія и скоро получилъ право идти въ путь, взявъ съ собой два клипера („Вѣстникъ“ и „Пластунъ“). Адмиралъ держалъ флагъ на крейсерѣ „Азія“ (кап. 2 ранга Амосовъ) и хотѣлъ на немъ идти по океану, но механикъ, поддержанный командиромъ, увѣрилъ въ неблагонадежности машины и потому адмиралъ потребовалъ „Африку“, зная, что тутъ отказа не можетъ быть и всегда судно въ готовности. Адмиралъ очень обрадовался, увидѣвъ „Африку“, входящую въ Золотой рогъ раньше срока, и пришелъ въ окончательный восторгъ, когда на свой вопросъ командиру—когда можно будетъ уходить, получилъ отвѣтъ: „въ каждый моментъ, когда Вашему Превосходительству будетъ угодно назначить“.

Описаніе дальнѣйшаго путешествія „Африки“ вокругъ Тихаго океанъ будетъ составлять предметъ слѣдующихъ главъ.

В. Рудневъ.

Къ масонской дѣятельности кн. Баратаева [1].

(Окончаніе).

Сильное слово о гордости было произнесено княземъ Баратаевымъ въ кругу родовитыхъ масоновъ и тѣмъ самымъ являлось какъ бы вызовомъ, брошеннымъ всѣмъ несогласнымъ съ его взглядами братьямъ-масонамъ, гордымъ высокими чинами или древнимъ знатнымъ родомъ. Въ средѣ знати и высокихъ чиновныхъ людей, конечно, могла имѣть наибольшее число ярыхъ сторонниковъ гордость, которую горячо обличалъ Баратаевъ.

Основная мысль рѣчи Баратаева—одна изъ особенно часто встрѣчаемыхъ въ масонскихъ обличительныхъ рѣчахъ послѣдняго семилѣтія масонской жизни въ Россіи. И едва-ли это явленіе случайно. Знаменательно, что рѣчь съ подобною основною мыслью была сказана въ послѣдній разъ 24 іюня 1822 г., т. е. почти за мѣсяцъ до запрещенія масонства, въ день великаго масонскаго торжества, въ день празднованія Св. Іоанна, покровителя ордена. Рѣчь говорилась великимъ витіею Кайсаровымъ въ Великой Провинціальной ложѣ и потому имѣла особое значеніе: на высокочтимый праздникъ собирались и всѣ ложи союза Великой Провинціальной ложи, и директоріальная ложа Астрея совмѣстно со своими союзными ложами. На этотъ же праздникъ иногородніе ложи присылали нерѣдко своихъ представителей, и приглашались всѣ пріѣзжіе масоны, случайно прибывшіе въ столицу. Торжество происходило по обряду, предначертанному законами, и протекало въ многолюдномъ собраніи ма-

[1] «Русская Старина», 1909 года, февраль.

сонской братіи. Рѣчистый Кайсаровъ, сгущая на этотъ разъ краски до самыхъ темныхъ тоновъ, набросалъ мрачную картину современнаго общества, въ которомъ борцомъ за свѣтъ долженъ былъ выступить каждый свободный каменщикъ, ученикъ іоанновскій. Онъ упрекалъ масоновъ въ малодушіи, въ ложномъ стыдѣ, въ боязни насмѣшекъ, припоминая имъ священныя клятвы „являть собою образецъ добродѣтели". Кайсаровъ подчеркивалъ, что время для борьбы приспѣло: „въ наше время величайшіе злодѣи пользуются уваженіемъ, лесть предпочитается истинѣ, блескъ достоинству", говорилъ Кайсаровъ и призывалъ масоновъ сплотиться въ борьбѣ со зломъ своего времени, „съ раболѣпствомъ эгоизму". Великій витія восклицалъ: „да уважаютъ въ гражданинѣ добродѣтель, а не происхожденіе". По окончаніи великаго торжества братья-масоны расходились и разъѣзжались по разнымъ путямъ, разнося по городамъ и весямъ слова великаго витіи, который въ своей рѣчи обращался къ людямъ разныхъ состояній и положеній—и къ правителямъ народовъ, и къ людямъ низкаго состоянія, и къ учителямъ, и къ призваннымъ на защиту отечества воинамъ, и къ вельможамъ, окруженнымъ властью и блескомъ. Кайсаровъ всѣмъ полагалъ завѣтъ—въ ближнемъ цѣнить человѣческое достоинство и „созерцать такого же человѣка и брата".

Такимъ образомъ въ рѣчи Баратаева, повторяю, очень сильной, не было однако чего-либо необычнаго. Это былъ перепѣвъ облюбованныхъ масонскихъ мотивовъ. Въ рѣчи этой чувствуется гнѣвъ, проскальзываетъ раздраженіе, тогда какъ въ другой рѣчи, сказанной тоже Баратаевымъ (въ ложѣ Соединенныхъ Друзей, при открытіи въ ней работъ на русскомъ языкѣ) звучитъ грусть. „Мечтательное величіе однихъ, — восклицалъ въ этой второй рѣчи Баратаевъ, — и равно мечтательное уничиженіе другихъ, вотъ причина самая обыкновенная безпокойства и мученія профановъ". Въ ней же Баратаевъ лишній разъ подтверждаетъ всюду высказываемый имъ взглядъ о суетѣ земныхъ сословныхъ различій.

Можно замѣтить на это, что такая проповѣдь о тщетѣ всякихъ титловъ, проповѣдь, произнесенная титулованнымъ братомъ, является прямымъ указаніемъ на неисполненіе въ точности масонами въ жизни проповѣдуемыхъ ими въ стѣнахъ ложи истинъ. Такъ, самъ Баратаевъ, именуя себя въ ложѣ гражданиномъ вселенной, не отказывался однако въ „мірѣ", внѣ масонскихъ стѣнъ, отъ своего княжескаго титула. Не придавая титулу никакого рѣшительнаго значенія, онъ тѣмъ не менѣе продолжалъ носить его, исполняя какъ бы масонское правило: кто въ какомъ рожденъ, тотъ и храни законъ.

Такого рода противорѣчія — постоянное явленіе въ масонской

жизни. Для объясненія ихъ, подобно неразрѣшимой задачѣ о томъ, чтобы вынуть изъ шара центръ, не пересѣкая его поверхности, нужно прибѣгать, такъ сказать, къ четвертому измѣренію. Я разумѣю здѣсь масонскія мистическія ученія о предопредѣленіи и ихъ взгляда на земную жизнь, какъ на слѣдствіе цѣлаго ряда предшествующихъ существованій духа и какъ на одну изъ ступеней, ведущей къ постепенному усовершенствованію. Масоны говорили: форма это ничто, духъ это все, и потому они не стремились разбить формы, а стремились возвысить духъ. Не относя такого объясненія только къ Баратаеву, я говорю о томъ теченіи, которое было болѣе или менѣе свойственно масонской массѣ, и о томъ, что многіе масоны именно такъ разрѣшали чрезвычайно сложныя человѣческія отношенія.

Какими представлялась Баратаеву цѣль ордена свободныхъ каменщиковъ и самъ орденъ, какъ учрежденіе, видно яснѣе всего изъ выдержекъ, которыя ниже приводятся изъ его рѣчей.

Объ орденѣ вольно-каменщическомъ.

„Вселенной миръ, тишина и спокойствіе,—цѣль священнаго нашего ордена“.

„Во орденѣ вольныхъ каменщиковъ находится польза общественная“.

„Что можетъ быть еще драгоцѣннѣе, какъ сіе соединеніе имъ (орденомъ) постановленное человѣка съ человѣкомъ сближающаго его съ подобными ему нѣжнѣйшею связью дружества, собравъ какъ бы въ единой точкѣ прикосновенія всѣ добродѣтели, дарованія и доблестнѣйшія качества и сверхъ сего совокупляющее какъ бы подъ единую хоругвь правителей государствъ и простого гражданина, воина и честнаго земледѣльца, судію и ремесленника! Не черезъ сіе ли смѣшеніе чиновъ и состояній, не черезъ сіе ли уравненіе достоинствъ и отличій усовершенствуется истинная связь дружелюбія?“

„Древнія и баснословныя времена представляли намъ землю подъ эмблемою богини Цибелы, которой грудь была вся покрыта сосцами, чтобы симъ живо представить благотворное плодородіе сей матери, кормилицы рода человѣческаго. Кто въ семъ не увидитъ настоящей и естественной эмблемы нашего священнаго ордена, умножающаго, сколько отъ него зависитъ, средства къ пособленію злополучнымъ всякаго возраста и пола и, напоя ихъ изъ груди своей млекомъ благотворительности, пріемлетъ онымъ въ материнскія объятія свои“.

„Изъ первѣйшихъ столповъ священнаго ордена великихъ каменщиковъ есть любовь къ ближнему и употребленіе всѣхъ пособій для улучшенія средствъ къ благу себѣ подобныхъ путями добродѣтельнѣйшими“.

„Члены общества вольныхъ каменщиковъ отличны отъ прочихъ человѣковъ однимъ только строгимъ наблюденіемъ добродѣтели, обряды и обычаи ихъ, сокрытые подъ таинственными эмблемами и іероглифами, руководствуютъ ихъ вяще быть добрыми и полезными гражданами“.

„Какая мысль человѣколюбивѣйшая могла освѣтить разумъ человѣческій болѣе, какъ мысль сего учрежденія (т. е. масонства), твердаго правилами своими, огражденнаго отъ честолюбія и гордости, отчужденнаго отъ всякаго пренія о религіи и политикѣ, соединяющаго всѣхъ человѣковъ воедино, не входя въ разборъ ихъ отечествъ, мнѣній, состоянія, нѣжнѣйшею связію согласія и братства, и наконецъ основаннаго единственно на сношеніяхъ и должностяхъ человѣка общественнаго, осѣненнаго плодомъ самой мудрости и влекомаго постоянно къ распространенію лучей истины и развитію всюду общественныхъ добродѣтелей?“.

„Слово чужеземецъ не исключено ли изъ словаря вольныхъ каменщиковъ. Ахъ, если бы было въ силахъ нашихъ уничтожить въ ономъ слова: злосчастный и неимущій! Но за то не входитъ ли въ наше учрежденіе, не входитъ ли въ обѣты наши, пріемлемые при вступленіи въ оное, способствовать по возможности силъ нашихъ страждущему человѣчеству, удрученному игомъ злосчастья. И если бы мы когда-либо могли истребить сіе изъ памяти нашей то обрядослуженіе, обычаи, наставленія, работы наши, словомъ, все, чѣмъ мы занимаемся въ священныхъ храмахъ нашихъ, не напоминало ли бы намъ безпрестанно, что благотворительность есть одна изъ священнѣйшихъ обязанностей нашихъ!“

„Долго изыскивали средства къ изобрѣтенію всемірнаго языка, удобопонятнаго для всѣхъ разноплеменныхъ народовъ, но и сія точка соединенія людей, сія общая связь понятій между обитателями земли, не находится ли въ нашемъ почтенномъ учрежденіи? Среди изобилія, среди горести, въ самыхъ ужасающихъ опасностяхъ, среди ярящихся волнъ, готовыхъ погрузить, на полѣ сраженія подъ грознымъ мечемъ смерти, на краю вселенной, у народовъ почти дикихъ, Вольный каменщикъ однимъ знакомъ, однимъ словомъ, однимъ прикосновеніемъ познанъ и внѣ опасности!“

Мы видимъ, что Баратаевъ былъ самаго высокаго мнѣнія о цѣляхъ масонскаго ордена, что орденъ, какъ учрежденіе, предста-

влялся ему чрезвычайно полезнымъ, а потому понятнымъ дѣлается ревностное его участіе при распространеніи масонства и не покажется только пустыми, хотя и звонкими словами его заявленіе въ письмѣ къ Великой ложѣ Астреи о готовности жертвовать всѣмъ для благосостоянія ордена.

Каковыми были отношенія ложи Ключа къ добродѣтели къ управляющему мастеру, отчасти видно изъ письма 1822 г. (мѣсяцъ не указанъ), составленнаго по случаю предстоявшаго отъѣзда кн. Баратаева въ Петербургъ. Ложа дала своему управляющему мастеру полномочіе вести ея дѣла на великомъ востокѣ Петрополя, священно завѣряя, что все предпринятое и произведенное имъ запечатлѣется общимъ и непрекословнымъ согласіемъ ложи и ея утвержденіемъ, что „умудренный духомъ истиннаго братолюбія“ голосъ Баратаева „пребудетъ чистѣйшимъ изліяніемъ общихъ сердечныхъ чувствованій всѣхъ братьевъ на востокѣ Азіи, въ Симбирскѣ“. Отъѣзжавшему мастеру предоставлялось неограниченное право украшать почетнымъ знакомъ, по его благоизволенію, тѣхъ изъ братьевъ, которые сдѣлались знаменитѣйшими изъ вольныхъ каменщиковъ; выборъ Баратаевымъ кого-либо въ почетные члены утверждался, вѣрнѣе говоря, апробовался, заранѣе всей ложей.

Самое лестное свидѣтельство сердечнаго благорасположенія членовъ ложи заключалось во врученіи Баратаеву безусловнаго и совершеннаго полномочія дѣйствовать по собственному его благоусмотрѣнію во всемъ касающемся до священныхъ обязанностей и благосостоянія почтенной ложи Ключа къ добродѣтели, дѣйствовать „благонамѣреннымъ ходатайствомъ предъ Великою ложею Астреи, а также и предъ гражданскимъ начальствомъ для надежнаго ея существованія“. Писано это было тогда, когда устои масонства колебались и чувствовалось начало конца, т. е. запрещенія масонства. Наконецъ, члены ложи передавали Баратаеву свое право на избраніе себѣ замѣстителя, т. е. управляющаго мастера въ его отсутствіе, прося его выбрать, кого онъ заблагоразсудитъ. Увѣренія въ любви и преданности помѣщаются въ началѣ и въ концѣ письма. Въ началѣ письма читаемъ: „отъѣздъ вашъ подаетъ намъ благопріятный случай предъ лицомъ всѣхъ истинныхъ вольныхъ каменщиковъ торжественно изъявить нашу искреннюю любовь, уваженіе, довѣренность и признательность къ вамъ, высокопочтенный управляющій мастеръ, какъ къ первому учредителю почтенной ложи Ключа къ добродѣтели на востокѣ Азіи въ Симбирскѣ и какъ къ ревностному назидателю и кроткому руководителю нашему по пути священной мудрости и добродѣтели“. Въ концѣ же письма написано: „напослѣдокъ со всеусердіемъ просимъ васъ, высокопочтенный

управляющій мастеръ, принять извѣстнымъ вамъ священнымъ числомъ нашимъ (т. е. тремя) братское сіе изъявленіе чистосердечнаго нашего къ вамъ уваженія, любви и преданности, которыми наши души непоколебимо останутся навсегда къ вамъ преисполнены. Да управитъ Великій Строитель міровъ весь путь вашъ и скорѣйшимъ къ намъ вашимъ возвращеніемъ да озаритъ опечаленную цѣпь нашу". Письмо подписано восемью братьями, должностными лицами ложи— двумя надзирателями, витіею, казначеемъ, обрядоначальникомъ, двумя стуартами и секретаремъ.

Ко времени написанія этого письма, т. е. къ 1822 г., составъ ложи Ключа къ добродѣтели, числившейся подъ № 15 въ союзѣ Астреи, возросъ до 39 дѣйствительныхъ и 21 почетныхъ членовъ. Этотъ списокъ привожу ниже, при чемъ изъ отмѣтокъ на немъ видно, что при ложѣ былъ учрежденъ комитетъ воспитанія, чѣмъ такъ горячо интересовался Баратаевъ.

Послѣ же списка членовъ ложи помѣщаю письмо Баратаева въ Великую ложу Астреи съ предложеніемъ ввести въ Россіи усыновленіе масонскимъ орденомъ сыновей масоновъ и приложенный къ этому письму обрядъ такого пріема.

Личный составъ ложи Ключа къ Добродѣтели въ 1821 году.

А. Чиновники □ и помощники ихъ.

№№	Имена и Прозванія.	Гражданскія званія,	Массонскія званія.
1	Князь Михаилъ Петровичъ Баратаевъ *).	Губернскій Предводитель Дворянства и Кавалеръ.	Управл. [1]) Маст. и Президентъ Комитета Воспитанія при □.
2	Иванъ Степановичъ Кротковъ *).	Отставной Поручикъ.	Нам. Мастеръ, Казначей Комитета Воспитанія.
3	Василій Степановичъ Малаевъ *).	Коллежскій Совѣтникъ и Кав.	1-й Надзиратель.
4	Петръ Борисовичъ Харинъ *).	Прокуроръ Межевой Конторы и Кав.	2-й Надзиратель.

*) Князь М. Н. Баратаевъ, И. С. Кротковъ, В. С. Малаевъ и П. Б. Харинъ состояли представителями ложи Ключа къ Добродѣтели въ Великой Директоріальной ложѣ Астреи.

[1]) Принятыя въ данномъ спискѣ сокращенія означаютъ: У = управляющій; Маст. = мастеръ; Нам. = намѣстный; В = великій, если является въ соединеніи съ наименованіемъ должностнаго лица, напримѣръ: Великій мастеръ, или въ сопровожденіи знака прямоугольника, обозначающаго ложу; В—значитъ еще востокъ, напр. на В. Спб.=на Востокѣ Спб.: П—почтенный.

В. Братья 3-й Степени.

№№	Имена и Прозванія.	Гражданскія званія.	Масонскія званія.
5	Матвѣй Михайловичъ Пинской.	Старшій Учитель Гимназіи.	Секретарь.
6	Алексѣй Петровичъ Скрытской.	Отставной Гвардіи Капитанъ.	Витія и Секретарь въ Ком. Воспитанія.
7	Левъ Ефимовичъ Калиновской.	Отст. Артил. Штабсъ-Капитанъ и Кав.	Казначей.
8	Александръ Алексѣевичъ Крыловъ.	Коллежскій Совѣтникъ и Кав.	Обрядоначальникъ.
9	Иванъ Федоровичъ Лазаревичъ.	Коллежскій Совѣтникъ.	1-й Стуартъ.
10	Петръ Петровичъ Бабкинъ.	Ставропольской Уѣздн. Предводитель Дворянства.	2-й Стуартъ.
11	Михаилъ Федоровичъ Филатовъ.	Надворный Совѣтникъ.	
12	Николай Николаевичъ Трегубовъ.	Надворный Совѣтникъ и Кав.	
13	Николай Ильичъ Татариновъ.	Губернскій Стряпчій и Кав.	
14	Алексѣй Александровичъ Рудневъ.	Губернскій Секретарь.	
15	Графъ Яковъ Васильевичъ Толстой.	8-го класса.	
16	Левъ Александровичъ Адамъ.	Именитый гражданинъ.	
17	Владиміръ Матвѣевичъ Наврозовъ.	Отставной Гвардіи Штабсъ-Капитанъ и Кав.	
18	Василій Федоровичъ Дворниковъ.	7-го класса и Кав.	
19	Графъ Александръ Васильевичъ Толстой.	Гвардіи Поручикъ.	

C. Братья 2-й Степени.

№№	Имена и Прозванія.	Гражданскія званія.	Масонскія званія.
20	Александръ Николаевичъ Трегубовъ.	Ар. Предводитель Дворянства.	
21	Карлъ Карловичъ фонъ-Якоби.	Отставн. Поручикъ.	
22	Петръ Александровичъ Лѣнивцевъ.	Губернскій Секретарь.	
23	Князь Николай Николаевичъ Чегодаевъ.	Симбирской Полицеймейстеръ и Кав.	
24	Николай Федоровичъ Матюнинъ.	Надворный Совѣтникъ.	

D. Братья 1-й Степени.

25	Михаилъ Михайловичъ Росляковъ.	Отставной Подполковникъ и Кав.	
26	Карлъ Осиповичъ Морели.	Учитель французскаго языка.	
27	Никита Прохоровичъ Кашперовъ.	Отставной Полковникъ и Кав.	
28	Николай Александровичъ Чемадуровъ.	Самарскій Предводитель Дворянства.	

Отсутствующіе члены

A. Братья 3-й Степени.

1	Иванъ Карловичъ фонъ-Якоби.	Гвардіи Штабсъ-Капитанъ и Кав.	Въ С.-Петербургѣ.
2	Григорій Васильевичъ Бестужевъ.	Полковникъ и Кав.	При полку.
3	Логинъ Осиповичъ Ротъ.	Генер.-Лейтенантъ и Кав.	При дивизіи.
4	Николай Порфировичъ Дубенской.	Дѣйствит. Статскій Совѣтн. и Кав.	Въ Саратовѣ.
5	Иванъ Андреевичъ Кузевитской.	Маіоръ.	Въ С.-Петербургѣ
6	Иванъ Богдановичъ Штицынгъ.	Художникъ.	Въ Варшавѣ.

В. Братья 1-й Степени.

№№	Имена и Прозванія.	Гражданскія званія.	Масонскія званія.
7	Николай Дмитріевичъ Хиріаковъ.	Надворный Совѣтникъ и Кав.	Въ С.-Петербургѣ.
8	Егоръ Николаевичъ Тимашевъ.	Гвардіи Ротмистръ и Кав.	Въ Оренбургѣ.
9	Баронъ Григорій Карловичъ фонъ-Кридперъ.	Маіоръ.	Въ Оренбургѣ.
10	Карлъ Федоровичъ Фуксъ.	Профессоръ 6 класса и Кав.	Въ Казани.
11	Константинъ Андреевичъ Бриль-Крамеръ.	Докторъ медицины и хирургіи.	Въ Москвѣ.

Ш. Почетные Члены.

1	Графъ Василій Валентиновичъ Мусинъ-Пушкинъ-Брюсъ.	Тайный Совѣтникъ и Кав.	Бывшій В. М. В. □ Астреи.
2	Князь Александръ Яковлевичъ Лобановъ-Ростовскій.	Полковникъ и Кав.	Бывшій Н. М. В. □ Астреи.
3	Густавъ Васильевичъ Лерхе.	Коллежск. Ассесоръ и Кав.	Бывшій В.Секретарь.
4	Графъ Михаилъ Юрьевичъ Віельгорскій.	Камеръ-Юнкеръ.	В. М. В.Провинціальной □ на В. С.-Петерб.
5	Иванъ Ивановичъ Вейсъ.	Дѣйствптельн. Статскій Совѣтникъ и Кав.	Бывшій У. М. прежней □ Апполона.
6	Петръ Петровичъ Тургеневъ.	Коллежск. Ассесоръ.	
7	Карлъ Осиповичъ де Сіонъ.	Полковникъ и Кав.	У. М. П. □ Соед. друз.
8	Павелъ Павловичъ Безаровіусъ.	Статскій Совѣтникъ и Кав.	Бывш. У. М. П. □ Алекс. коронов. Пелик.
9	Графъ Федоръ Петровичъ Толстой.	Капитанъ-Лейтен.	У. М. П. □ Избр. Михаила.
10	Иванъ Ивановичъ Розенштраухъ.	Купецъ.	У. М. П. □ Алекс. тройств. спас. на В. Москвы.

№№	Имена и Прозванія.	Гражданскія званія.	Масонскія званія.
11	Князь Иванъ Алексѣевичъ Гагаринъ.	Тайный Совѣтникъ и Кав.	Бывшій У. М. П. ☐ Орла Россійскаго.
12	Алексѣй Ивановичъ Картмазовъ.	5-го класса.	Бывшій Н. М. П. ☐ Орла Россійскаго.
13	Алексѣй Андреевичъ Дудинъ.	Артиллеріи Маіоръ и Кав.	Членъ П. ☐ Орла Россійскаго.
14	Андрей Петровичъ Поморскій.	Капитанъ при Корабельномъ Строеніи.	Членъ П. ☐ Орла Россійскаго и Представитель ☐ Ключа къ добродѣтели въ Вел. ☐ Астреи.
15	Сергѣй Степановичъ Ланской.	Дѣйствит. Статскій Совѣтникъ и Кав.	В. Провинціальной ☐ В. Н. М.
16	Князь Павелъ Гавриловичъ Гагаринъ.	Генералъ-Маіоръ и Кав.	У. М. П. ☐ Россійскаго Орла.
17	Іосифъ Маркіановичъ.	Служащій при Польскихъ Архивахъ.	Бывшій Н. М. П. ☐ Бѣлаго Орла.
18	Егоръ Самойловичъ Рейнеке.	Служащій въ Канцеляріи Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и Кав.	В. Секретарь В. ☐ Астреи.
19	Федоръ Федоровичъ Шубертъ.	Дѣйствит. Статскій Совѣтникъ и Кав.	Бывшій В. Н. М. В. ☐ Астреи.
20	Прево до-Люміанъ.	Генералъ-Маіоръ и Кав.	Н. М. П. ☐ Соедин. Друзей.
21	Казиміръ Довнаровичъ.	Предводитель Бѣлост.	У. М. П. ☐ Золотаго. Кольца.

Письмо кн. М. П. Баратаева въ Великую Ложу Астреи.

Высокопочтенной Великой □ Астреи
Мудрымъ управленіемъ украшающей Востокъ Санктъ-Петербурга
Поч. и Спр. [1]) □ Ключа къ Добродѣтели на Вост. Симбирска
Отъ Управляющаго Мастера.
Здравіе. Силу и Благоденствіе.

Выс. Пр.: Выс. Поч. В. М. В. П. В. Н. М., В. В. П. П. Б. Б. 1-й и 2-й Н. Н. и В. В. П. П. Б. Б. [2]).

Изъ первѣйшихъ столповъ Священнаго Ордена Вольныхъ Каменщиковъ есть любовь къ ближнему и употребленіе всѣхъ пособій для улучшенія средствъ къ благу себѣ подобныхъ путями добродѣтельнѣйшими.

Движимый усердіемъ къ столь почтенному нашему учрежденію, напутствуемый мудростію и благотворительностію только васъ украшающими, представляю вамъ, В. П. Б. Б., наставникамъ и примѣру ревностныхъ нашихъ сочленовъ на разсмотрѣніе предметъ, который бы еще могъ вящими путами соединить тѣ звенья, коими священная братская цѣпь связуетъ всѣ добродѣтели и доблестнѣйшія качества.

Я говорю о истинномъ усыновленіи масоническомъ. Мысль сія неоднократно по видимымъ мною примѣрамъ заставляла меня сладостно переноситься къ тому счастливому времени, въ которое всякій вольный каменщикъ могъ бы быть увѣренъ, что не одинъ онъ только, но съ нимъ и все его потомство связано съ добродѣтельными нѣжнѣйшими узами братской и отческой любви, и надѣяться, что въ какомъ бы горестномъ положеніи ни находился онъ, сыны его не останутся сиротами.

Сообразно съ симъ мечтаніемъ моимъ я имѣлъ удовольствіе увидѣть въ одной изъ масонскихъ книгъ (изъ которой переведя, статью при семъ прилагаю), что сіе уже заведено въ нѣкоторыхъ Востокахъ и даже есть ритуалъ для поднесенія младенца ложѣ. Основавшись на семъ, я долгомъ поставляю сообщить мысли мои вамъ, В. В. П. П. Б. Б., и просить разсмотрѣнія по оному пріят-

---

[1]) Почтенная и справедливая.

[2]) Высоко Просвѣщенный, Высокопочтенный, Великій мастеръ, Высокопочтенный Великій Намѣстный мастеръ, Высокопочтенные братья 1-й и 2-й Надзиратели и Высокопочтенные братья.

нѣйшему предмету, упущенному въ правилахъ нашего Великаго Востока дабы, буде вы оный найдете полезнымъ, внеся въ законы наши, симъ вами узаконеннымъ средствомъ, человѣколюбивѣйшимъ братьямъ нашимъ открыли бы новое поприще, уготовляющее имъ неизсякаемый источникъ блаженства; тѣмъ болѣе, что благодѣтельность подъ общественнымъ именемъ, открывая имя благотворителя, не заставитъ по ложной застѣнчивости частнаго, но неимущаго брата краснѣть предъ тѣмъ, кому онъ себя считаетъ обязаннымъ; ибо лепта его внесена въ общественную сумму и его часть способствуетъ къ вспоможенію. Всякій отецъ по рожденіи луфтона, чрезъ сіе можетъ его представить въ □, которой онъ членъ: неимѣющій средствъ къ воспитанію сына найдетъ по возможности всѣ къ оному пособія: избыткомъ же наслаждающійся братъ обрящетъ въ святилищѣ нашемъ наставленія добродѣтельнѣйшія, по коимъ долженъ слѣдовать и пріуготовить сына своего къ заступленію современемъ его мѣста въ трудахъ для пользы и блага человѣчества. Луфтоны сіи, съ самого младенческаго возраста, подъ руководствомъ мудрыхъ мастеровъ и примѣра ихъ окружающаго, научаются чтить отечественную вѣру, любить всѣмъ сердцемъ Царя, быть вѣрными сынами и гражданами отечества и пріуготовляться къ тѣмъ наукамъ и познаніямъ, кои открываются постепенно нашимъ благотворнымъ учрежденіемъ.

Бурный переходъ изъ младенчества въ юношескій возрастъ не столь сильно подверженъ будетъ той необузданности и тому стремленію страстей, кои, затмевая всѣ добродѣтельныя способности, предаютъ почасту и болѣе навсегда заблудшаго въ когти порока. Опасенъ путь, соединяющій сіи два возраста: немногіе смертные, дерзнувшіе безъ путеводителя перейти его, свободно отъ угрызенія совѣсти достигаютъ безопасной пристани. Разумъ юноши молчитъ, повинуется движеніямъ пылкой крови, сердце увлекается вихремъ чувствъ и воля рѣдко къ добру направлена бываетъ. Окруженный друзьями и добродѣтельными наставниками, соединенными взаимною цѣпію доброжелательства, питомцы ложъ, не зрѣвъ ничего, кромѣ истинно достойнаго, познавъ всю цѣну благодарности къ виновникамъ ихъ благополучія, поощряются вящимъ къ нимъ уваженіемъ и будутъ чтиться достичь до того состоянія, когда они сами возмогутъ быть сотрудниками своихъ путеводителей и изъявлять признательность свою какъ имъ, такъ и ордену, принявъ таковыя же обязанности къ младшимъ ихъ, и дѣланіе добра содѣлается ихъ элементомъ.

Братское соединеніе наше, столь намъ драгоцѣнное, пріобрѣтетъ посредствомъ сей можно сказать вѣчной связи ту самую цѣль, кото-

рая была изъ первѣйшихъ предметовъ великихъ нашихъ учредителей, желавшихъ довести весь родъ человѣческій, братій же нашихъ (хотя не освѣщенныхъ полнымъ свѣтомъ истины, но братій по плоти намъ сущихъ) къ той точкѣ нравственнаго познанія самого себя, отверженія слабостей и пороковъ и вступленія въ ту степень добродѣтели, для которой созданъ смертный, обезсмертившійся душею неумирающею, духомъ Великаго Строителя міровъ и созданный для украшенія вселенной по образу и подобію Онаго.

Какой же отецъ, какой же истинный братъ будетъ трепетать при приближеніи роковой минуты, извлекающей его изъ мрачной храмины пріуготовленія сего свѣта, когда онъ оставитъ сына своего подъ руководствомъ мастеровъ, напутствующихъ его къ той стезѣ, которая приготовляетъ ему нераздѣльное и безрубежное соединеніе въ лонѣ вѣчности съ тѣмъ, который въ жизни сей содѣлывалъ его отраду, надежду и утѣшеніе, и когда въ сиротѣ своемъ онъ оставляетъ при помощи цѣлой □ покровителей, подпору, защитника и успокоеніе огорченной его супругѣ?

Не спорю, что истинный вольный каменщикъ, пріемля на себя всѣ масонскія обязанности, есть братъ и попечитель сиротъ своего сочлена, но всякій ли одинъ собою имѣетъ на сіе средства? Есть примѣры, но къ сожалѣнію надобно признаться, что они рѣдки, не по сердцу, но по возможности. Законъ же, обязывающій цѣлое общество къ благородному подвигу призрѣнія дѣтей брата своего, даетъ вмѣстѣ и средства къ исполненію благотворительной цѣли, имъ открываемой человѣколюбію. Силы соединенныя уничтожаютъ препятствія, непреодолимыя единоборцу на поприщѣ добродѣтели. Души пламенѣющія чистѣйшею любовью къ смертнымъ, увлекаемыя единомыслiемъ къ цѣли единой, свершаютъ дѣла неудобопонятныя слабости человѣческой.

Вотъ, В. В. П. П. Б. Б., что внушило мнѣ сердце мое. Приговоръ вашъ утвердительный есть кредитъ пламенныхъ желаній онаго, свято чтущаго мудрые законы Великаго союза нашего— одна изъ сихъ утѣшительнѣйшихъ мыслей моихъ.

Счастливымъ почту себя въ глубинѣ души, если сонмъ вашъ, В. В. П. П. Б. Б., склонивъ слухъ свой къ моему воззванію, освятитъ мнѣніе мое по надлежащемъ разсмотрѣніи печатію закона; тогда для признательнаго сердца моего не останется болѣе ничего желать, какъ учрежденія постановленія (ритуала), долженствующаго наблюдать единообразно ко всѣмъ въ Россіи находящимся системамъ при поднесеніи луфтона □ -- и тѣхъ правилъ, коимъ слѣдовать должно въ священныхъ работахъ нашихъ при его принятіи вмѣстѣ съ наставленіями, учреждающими обязанности брата, въ

своемъ сынѣ дарующаго новаго члена священному ордену В. В. К. К. [1])

Запечатлѣвъ сіе С. Н. Б. Ч. [2])
имѣю удовольствіе пребыть
В. В. П. П. Б. Б.
Преданнѣйшій и вѣрный Б. Михаилъ Князь Баратаевъ. Упр. мастеръ П. и С. □ Ключа къ Добр. В. [4]) Симбирска.

№ 36.
Л. И. С. [3]) 5818 года IX мѣсяца 15 дня на В. Симбирска.

P. S. По написаніи сего я представилъ сіе П. □ мною управляемой и имѣлъ удовольствіе видѣть истинное влеченіе любезнѣйшихъ Б. Б. моихъ къ принятію на себя братской сей обязанности.

Церемоніалъ относительный къ рожденію луфтона [5]), котораго отецъ представляетъ въ ложу.

Рожденіе и смерть составляютъ двѣ самыя достопамятныя человѣческой жизни эпохи. Чтя принятые обычаи нашихъ братьевъ, передавшихъ намъ столь изящные къ послѣдованію примѣры, мы должны тщиться торжественно праздновать оные два времени со всѣмъ внушаемымъ ими великолѣпіемъ и важностью. И такъ я мнилъ, что окажу моимъ братьямъ услугу, когда приведу имъ на память сію священную обязанность и представлю имъ нѣкоторые матеріалы для достиженія той цѣли. Такимъ образомъ я начну съ обряда, который соблюдаться имѣетъ при случаѣ, когда новорожденнаго луфтона представляетъ отецъ къ принятію въ орденъ.

Церемоніалъ сего торжества соразмѣряется всегда со способами ложи; можно придавать оному всякое великолѣпіе, которое заблаго-разсудится.

---

[1]) Т. е. Вольныхъ каменщиковъ.

[2]) Священнымъ нашимъ братскимъ числомъ. Священнымъ числомъ у масоновъ почиталось три; смотри объ этомъ у Gädicke Freymaurer Lexikon 1818 года и сочиненіе Эккартсгаузена: „Ключъ къ таинствамъ натуры“, переводъ Лабзина, изданіе 2-е, 1820 года.

[3]) Лѣто истиннаго свѣта.

[4]) Востокъ.

[5]) Луфтономъ назывался сынъ масона. Происхожденіе такого наименованія объяснено пространно у Клавеля въ исторіи франкъ-масонства 1840 г. на французскомъ языкѣ. Въ этомъ же сочиненіи нѣтся и приводимый ритуалъ, перепечатанный почти безъ измѣненія съ книги 1818 года, которою пользовался Баратаевъ.

Когда супруга брата дастъ ему луфтона, то отецъ, буде имѣетъ намѣреніе представить его въ ложу, долженъ предварить о томъ великаго мастера, который уже циркуляромъ даетъ объ ономъ знать всѣмъ братьямъ и назначаетъ день и часъ чрезвычайному собранію, дабы приступить законнымъ порядкомъ къ принятію сего луфтона.

До сего времени братъ человѣколюбія [1]), ежели онъ врачъ, или просто братъ сего званія, долженъ ежедневно навѣщать мать новорожденнаго, освѣдомляться о ея здоровьи и предлагать ей всякую помощь, по своему искусству, даже и денежную, во имя ложи, въ такомъ случаѣ, когда, по мнѣнію своему, найдетъ онъ, что сіи пособія могутъ быть ей полезными.

Онъ долженъ о ея здоровьи посылать краткую дневную записку къ великому мастеру, который даетъ объ ономъ отчетъ о первомъ собраніи.

Спустя девять дней по разрѣшеніи отъ бремени, великій мастеръ вмѣстѣ съ 1-мъ и 2-мъ надзирателями долженъ посѣтить мать луфтона въ намѣреніи, чтобъ изобразить ей все то удовольствіе, какое ощущаютъ братья, что она доставила дитя вдовицѣ (масоны именовали себя иногда дѣтьми вдовицы) и тѣмъ умножила число ихъ.

Въ назначенный день засѣданія, для совершенія священнаго обряда храмъ долженъ быть убранъ цвѣточными гирляндами и листвіемъ, благовонія должны куриться во все время продолженія церемоніи.

Великій мастеръ по открытіи работъ обычайнымъ образомъ и вслѣдъ за прочтеніемъ протокола предъидущихъ работъ, возвѣщаетъ о причинѣ, побудившей въ тотъ день къ собранію, и приглашаетъ обоихъ надзирателей препоручить свои молотки двумъ братьямъ, которые по праву въ случаѣ оныхъ отсутствія заступаютъ ихъ мѣсто, дабы тѣмъ составить часть депутаціи, каковая должна идти навстрѣчу луфтону. Онъ присоединяетъ къ двумъ надзирателямъ трехъ братьевъ, которые, предшествуемы будучи обрядоначальникомъ, отправляются тотчасъ въ предхраміе, коль скоро извѣстно будетъ, что отецъ и луфтонъ туда прибыли.

Одинъ изъ братьевъ несетъ трехвѣтвенный свѣтильникъ, другой младенца на подушкѣ огненнаго либо голубаго цвѣта, послѣдуя шотландскому или французскому обряду и занимая мѣсто противъ

---

[1]) Братомъ человѣколюбія назывался въ ложахъ посредникъ между ложею и бѣдными; братъ человѣколюбія, какъ показываетъ само названіе занимался благотворительностью.

отца. Когда объявленная депутація войдетъ въ храмъ, то занимаетъ мѣсто между двумя западными столпами. Отецъ произноситъ рѣчь къ своимъ братьямъ, которыхъ приглашаетъ принять сына своего масономъ.

Великій мастеръ отвѣтствуетъ на сію рѣчь и послѣ сего приглашаетъ оную свиту воспринять мѣсто на востокѣ предъ лицемъ престола; обрядоначальникъ ей предшествуетъ.

Два надзирателя должны быть всегда воспріемниками луфтона. Великій мастеръ взываетъ къ Превѣчному и возсылаетъ къ нему мольбы, чтобы оный младенецъ возгорѣлъ его божественнымъ пламенемъ. Ему подносятъ курильницу, въ которую наливаютъ они благовоніе, и потомъ оное возжигаютъ. Засимъ произноситъ присягу на степень ученика, по концѣ которой надзиратели повторяютъ во имя луфтона: „мы за него клянемся“, послѣ чего (великій мастеръ) онъ принимаетъ его обыкновеннымъ образомъ въ масоны, украшаетъ его запономъ, т. е. масонскимъ передникомъ изъ бѣлой кожи, и приглашаетъ депутацію воспріять засѣданіе. Юный луфтонъ, ввѣренный попеченіямъ брата, который его ввелъ въ ложу, лежащій на той же подушкѣ, занимаетъ мѣсто предъ столпомъ ученическимъ. Братъ-витія напоминаетъ отцу и воспріемникамъ о той обязанности, каковую приняли они на себя, и убѣждаетъ ихъ имѣть попеченіе о жизни юнаго луфтона такъ, чтобы онъ никогда не совращался съ пути добродѣтели и чтобъ заблаговременно внушаемы были ему тѣ самыя чувствованія, которыми отличается масонъ отъ человѣка непросвѣщеннаго. Сей самый обрядъ увольняетъ луфтона при достиженіи требуемаго для вступленія въ ложу возраста (для сыновей масоновъ возрастъ для вступленія въ масонскую ложу, т. е., для принятія активнаго участія въ масонскихъ обрядахъ и всевозможныхъ собраніяхъ, былъ уменьшенъ въ открытыхъ ложахъ до 18 лѣтъ, а въ тайныхъ до 17 лѣтъ; для обыкновенныхъ же профановъ предѣльный возрастъ принятъ былъ въ 23 года, хотя правительствомъ въ 1810 году онъ былъ установленъ въ 25 лѣтъ) отъ положенныхъ на то испытаній и подвергаетъ только возобновленію своей присяги. Онъ долженъ въ семъ случаѣ быть подателемъ пріемныхъ работъ того самаго дня, въ который представленъ и принятъ. Брату-секретарю надлежитъ приложитъ все свое стараніе къ изданію сего акта такъ, чтобъ луфтонъ не чувствовалъ никакого затрудненія, когда возымѣетъ желаніе взойти въ составъ большаго семейства (т. е. масонскій орденъ). По окончаніи сей церемоніи младенецъ возвращается на попеченіе матери. Великій мастеръ закрываетъ работы или остановитъ ихъ, дабы перейти въ

пиршественную ложу, которая во дни такихъ собраній почти всегда открываема бываетъ.

Примѣчаніе. Пріемная гармонія (т. е. музыка и пѣніе) можетъ еще придать великолѣпіе сему торжеству, опредѣленному на празднованіе первой эпохи человѣческой жизни.

По разъясненію масонскихъ великихъ мастеровъ луфтона слѣдовало въ символикѣ изображать какимъ-либо орудіемъ, служащимъ для поднятія вверхъ тяжестей.

Приведенныя мною въ настоящей замѣткѣ данныя о князѣ Баратаевѣ составляютъ лишь странички его разнообразной, цвѣтистой масонской жизни, но онѣ привлекли особое мое вниманіе, какъ относящіяся къ такому времени, въ которое, по сѣтованію масонскихъ начальниковъ, масонство утратило уже расположеніе правительства, а по утвержденію гражданскихъ властей, необычайно распространялось, чувствуя свою великую силу.

По поводу учрежденія княземъ Баратаевымъ вышеназванной симбирской ложи „Ключа къ добродѣтели“, сохранились любопытныя подробности всяческихъ препонъ, ставленныхъ Баратаеву симбирскимъ губернаторомъ М. Л. Магницкимъ въ 1817 г. Въ доносѣ на иллюминатовъ, писанномъ Магницкимъ Императору Николаю въ 1831 году, онъ не преминулъ вспомнить о своемъ усердіи воспретить учрежденіе Баратаевской новой масонской ложи, которую онъ признавалъ вредною. Всѣ средства были испробованы и исчерпаны Магницкимъ: личные уговоры, просьбы хотя бы повременить открытіемъ ложи, представленіе о соблазнѣ, который могъ быть вызванъ въ народѣ слухами о пріисканіи масонами для ихъ ритуальныхъ работъ гробовъ и череповъ, заявленія о невозможности дать разрѣшеніе собственною властью и наконецъ запрещеніе отрывать ложу,—ничто не помогло; и, по выраженію Магницкаго, князь Баратаевъ „нагло настаивалъ, утверждая, что въ Москвѣ графъ Тормасовъ по особенному высочайшему рескрипту масонству покровительствуетъ“.

Тогда Магницкій потребовалъ отъ Баратаева письменнаго прошенія для донесенія по начальству, но послѣ представленія Баратаевымъ прошенія, потребовалъ еще добавочно списки членовъ его ложи, статуты и масонскій катехизисъ (въ катехизисѣ, въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ изъяснялся сокровенный смыслъ различныхъ обрядовъ и символовъ). На такое требованіе Баратаевъ, однако, отвѣтилъ отказомъ, и Магницкій прибѣгнулъ къ посредству полиціи для полученія требуемыхъ бумагъ. О вредѣ возникавшей ложи князя Баратаева Магницкій тогда же поспѣшилъ до-

нести графу Вязьмитинову. Прошло четырнадцать лѣтъ со времени этихъ пререканій, существованіе всѣхъ масонскихъ ложъ въ Россіи было совершенно запрещено правительственнымъ указомъ съ 1822 года, а Магницкій въ своей запискѣ Императору, возмущаясь, припоминаетъ, что въ свое время ложа Баратаева не только была открыта, но пользовалась большимъ успѣхомъ въ губерніи. Члены поступали въ нее изъ всей губерніи и Баратаеву, „отставному, кажется, гусарскому поручику", въ самое короткое время удалось пріобрѣсти такое значеніе, что онъ былъ избранъ въ губернскіе предводители дворянства помимо другихъ лицъ болѣе пожилыхъ и заслуженныхъ.

На это строгое отношеніе губернатора и намекаетъ Баратаевъ въ своемъ письмѣ къ Великой ложѣ Астреи, частью приведенномъ мною выше, упрекая ее въ забвеніи, иначе выражаясь, въ бездѣятельности и предоставленіи возникающихъ ложъ волѣ судебъ. Откликомъ того же письма Баратаева является отчасти письмо отъ января мѣсяца 1819 года Великаго Мастера Великой ложи Астреи графа Василія Валентиновича Мусина-Пушкина-Брюса графу Вязьмитинову, управлявшему министерствомъ полиціи. Сѣтуя, что „масонство не имѣетъ уже счастья пользоваться покровительствомъ правительства", онъ отмѣчаетъ среди лицъ, запрещавшихъ самовольно учрежденіе новыхъ ложъ, симбирскаго гражданскаго губернатора (Магницкаго). Онъ докладываетъ и изъясняетъ графу Вязьмитинову, что съ достоинствомъ масонства несовмѣстимъ произволъ мѣстнаго начальства, отъ благоразсужденія котораго зависитъ запрещеніе или разрѣшеніе существованія масонской ложи. Подобно Баратаеву въ письмѣ къ Великой ложѣ, Мусинъ-Пушкинъ-Брюсъ проводилъ ту же мысль, когда онъ писалъ Вязьмитинову: „достоинству масонства отнюдь не прилично испрашивать позволенія у нѣкоторыхъ мѣстныхъ начальниковъ и работающія нынѣ ложи находятся въ опасности быть закрытыми при вступленіи въ должность другихъ губернаторовъ. Многіе изъ лучшихъ членовъ оставляютъ ложи, полагая, что масонство подозрѣваемо и презираемо правительствомъ. Великая ложа и Великій Мастеръ ежедневно болѣе и болѣе лишаются уваженія и власти, ибо состоящія подъ ихъ управленіемъ ложи не могутъ находить у нихъ защиты".

Мусинъ-Пушкинъ-Брюсъ далѣе отмѣчаетъ большую трудность при такомъ нетвердомъ положеніи масонства даже заводить какое-либо благотворительное заведеніе.

Если рамой къ картинѣ масонской дѣятельности князя Баратаева взять разсказываемыя Магницкимъ подробности возникно

венія ложи „Ключа Добродѣтели“, подтверждаемыя письмомъ Мусина-Пушкина-Брюса къ Вязьмитинову, то эта масонская дѣятельность князя Баратаева, проявившаяся въ надвигавшіеся для масонства черные дни, безусловно выигрываетъ въ сильной степени.

Матеріалами для настоящей замѣтки послужили бумаги князя Баратаева, сохраняющіяся въ Государственномъ архивѣ въ Петербургѣ, а также документы Великой ложи Астреи изъ рукописныхъ отдѣленій Императорской Академіи Наукъ и Московскаго Румянцевскаго Музея.

Сообщ. Тира Соколовская.

«Корни ученья горьки».

Въ концѣ 1783 года Тверскую архіерейскую каѳедру занялъ Іосафъ II (Заболотскій). По отзывамъ мѣстныхъ историковъ, это былъ человѣкъ, „нрава вспыльчиваго“, „рѣзкій на слово“, „рѣшительный въ своихъ резолюціяхъ“ [1]).

Два прошенія на имя этого Преосвященнаго съ собственными его резолюціями, имѣющіяся въ подлинникѣ въ моемъ распоряженіи, очень наглядно иллюстрируютъ эту характеристику Преосвященнаго Іосафа; а также,—думается,—имѣютъ нѣкоторый и болѣе широкій интересъ съ точки зрѣнія знакомства съ тѣмъ, „добрымъ старымъ временемъ“, когда одни бѣгали ученья, какъ чумы,—другіе считали небезполезнымъ внушать любовь и влеченіе къ этому ученію „отеческими лозами“.

I.

„Святѣйшаго Правительствующаго Сунода члену Великому Господину Преосвященнѣйшему Іосафу Архіепископу Тверскому и Кашинскому.

Бѣжецкаго уѣзда погоста Глинеева священника Димитрія Васильева.

Всепокорнѣйшее Прошеніе.

Имѣются у меня нижайшаго два сына—Димитрій 9, Семенъ 7 лѣтъ. Изъ нихъ большой россійской грамотѣ обученъ, а меньшой для обученья посаженъ, то перваго я всеохотно желаю отдать въ Тверскую Вашего Высокопреосвященства семинарію; но какъ нынѣ хлѣбъ очень не дородился, то какъ необучавшагося, такъ и обученнаго всепокорнѣйше прошу Ваше Высокопреосвященство въ домъ уволить хотя до будущаго 788-го, или какъ Ваше Высокопреосвященство благоволите.

Того ради Ваше Высокопреосвященство всепокорнѣйше прошу о семъ моемъ прошеніи милостивѣйше Ваше Архипастырское учинить благоразсмотреніе.

Марта дня 1787-го года.

Къ сему прошенію погоста Глинеева священникъ Димитрій Васильевъ руку приложилъ.

Резолюція Преосвященнаго: „№ 124. Дуракъ, а не попъ! Ибо и причетники добрые желаютъ просвѣщать дѣтей. Принять одного въ гимназію, ежели надеженъ. Марта 11“.

Подъ прошеніемъ иными чернилами, но, повидимому, рукою того же Преосвященнаго написано: „Большого въ Сентябрѣ ежели не въ Бѣжецкѣ, то въ Кашинѣ представить, а меньшого уволить для изучки до будущаго 1788-го года“. Совсѣмъ внизу листа канцелярская помѣта: „Взята подписка и виды даны“.

Сообщилъ Арсеній П.

[1]) Прот. Первухинъ: «О тверскихъ іерархахъ“, Тверь, 1901 г. Стр. 152.—Влад. Колосовъ: «Исторія Тверской духовной семинаріи», Тверь, 1889 г. Стр. 216, 217.

И. С. Тургеневъ и его не-литературные друзья.

(П. Т. Кудряшовъ, И. И. Масловъ, гр. Н. Н. Толстой, П. П. Борисовъ и А. В. Топоровъ).

Характеризуя не-литературныхъ друзей Тургенева, отношеніе его къ нимъ и каждаго изъ нихъ къ Ивану Сергѣевичу, удобнѣе всего придерживаться хронологическаго порядка. Начнемъ поэтому съ Кудряшова, дружба съ которымъ относится ко времени берлинскаго студенчества романиста.

Порфирій Тимоѳеевичъ Кудряшовъ, или просто — Порфирій, какъ его постоянно называлъ Иванъ Сергѣевичъ, былъ, по слухамъ, незаконнымъ сыномъ Сергѣя Николаевича Тургенева и одной крѣпостной женщины. На сколько это справедливо, судить теперь трудно. Нѣкоторые ссылались въ подтвержденіе слуха на существовавшее будто бы внѣшнее сходство между Иваномъ Сергѣевичемъ и его побочнымъ братомъ, другіе указывали на привилегированное положеніе Кудряшова въ домѣ Тургеневыхъ. Какъ бы то ни было, но мать писателя имѣла къ Порфирію такое довѣріе, что, отправляя своего сына (1838 г.) въ Берлинскій университетъ, прикомандировала къ нему Кудряшова въ качествѣ дядьки и слуги, хотя послѣдній былъ лишь немного старше Ивана Сергѣевича.

На первыхъ порахъ Кудряшовъ былъ порядочной обузой для Тургенева въ Берлинѣ, вслѣдствіе совершеннаго незнанія нѣмецкаго языка. Но то же обстоятельство много способствовало и ихъ сближенію. Дядька безъ барина не могъ ступить шагу, даже въ кухмистерскія они должны были ходить вмѣстѣ. Тамъ Порфирій повергалъ всѣхъ въ изумленье своей любовью плотно покушать, сказывавшеюся особенно въ уничтоженіи множества нѣмецкихъ хлѣбцевъ. Нѣкоторые нарочно приходили смотрѣть въ окно на „толстаго русскаго студента“ съ такимъ ужаснымъ аппетитомъ.

Ивану Сергѣевичу приходилось даже строчить для своего пріятеля на нѣмецкомъ языкѣ письма къ его возлюбленной. Правда, Тургеневъ согласился на это, вѣря въ серьезность намѣреній своего дядьки, почему былъ не мало удивленъ, когда тотъ, рѣшившись было остаться совсѣмъ въ Германіи и уже простившись съ отъѣзжавшимъ на родину молодымъ бариномъ, вдругъ предсталъ предъ нимъ въ конторѣ дилижансовъ съ узелкомъ и походной сумкой черезъ плечо. —Ты куда, Порфирій? спросилъ изумленный Тургеневъ. „Ѣду въ Россію“.—Какъ? Наканунѣ твоей свадьбы? Бросать невѣсту! „Христосъ съ нею, съ невѣстой... Родина милѣе“. — Да знаешь ли ты, Порфирій, что, кромѣ безчестнаго бѣгства, тебя же обратитъ моя матушка въ батрака, а въ дурной часъ и въ солдаты можетъ отдать? „Знаю, а все-таки, хоть убей меня, а поѣду съ тобой въ Россію,—надоѣли нѣмцы до смерти“ [1]). Никакого коварства со стороны Кудряшова нельзя было предполагать въ этой исторіи. Онъ былъ такъ же наивенъ и молодъ, какъ и студентъ Тургеневъ. Недаромъ они оба въ Берлинѣ увлекались игрою въ солдатики, травлей крысъ и другими шалостями.

Поѣздка за границу едва-ли дала много Порфирію въ смыслѣ развитія. Онъ слишкомъ недолго пробылъ въ Берлинѣ, всего два семестра, и слишкомъ поздно къ тому же усвоилъ нѣмецкій языкъ. Тѣмъ не менѣе пребываніе въ прусской столицѣ помогло ему, по возвращеніи на родину, сдать фельдшерскій экзаменъ при Московскомъ университетѣ, въ чемъ немало содѣйствовалъ ему, конечно, и Иванъ Сергѣевичъ, всячески подбадривая и понуждая его къ работѣ и выдавая ему деньги на покупку книгъ. Съ 1840 по 1850 годъ, т. е. до кончины В. П. Тургеневой, Порфирій несъ обязанности домашняго врача при взыскательной барынѣ. Характеризуя его службу за это время, Житова въ извѣстныхъ своихъ воспоминаніяхъ [2]) сильно идеализируетъ Кудряшова. Гораздо ближе къ истинѣ являются слѣдующія строки разсказа „Муму“, посвященныя Тургеневымъ товарищу своей юности. Описавъ притворный обморокъ богатой вдовы, услыхавшей внезапный лай Муму, авторъ продолжаетъ: „Бросились за докторомъ, т. е. за домашнимъ лѣкаремъ Харитономъ (Порфиріемъ). Этотъ лѣкарь, котораго все искусство состояло въ томъ, что онъ носилъ сапоги съ мягкими подошвами, умѣлъ деликатно браться за пульсъ, спалъ четырнадцать часовъ въ сутки, а остальное время все вздыхалъ, да безпрестанно потчивалъ барыню лавро-вишневыми каплями, — этотъ лѣкарь тотчасъ

[1]) «Перв. Собр. пис.», 20.

[2]) «Вѣстн. Европы», 1884 г., кн. 11 и 12.

прибѣжалъ, покурилъ жженными перьями и, когда барыня открыла глаза, немедленно поднесъ ей на серебряномъ подносикѣ рюмку съ завѣтными каплями".

Послѣ смерти своей госпожи Кудряшовъ не только былъ отпущенъ Иваномъ Сергѣевичемъ на волю, но и матеріально обезпеченъ имъ. Новый помѣщикъ подарилъ ему между прочимъ 15 десятинъ земли около Варнавинскаго пруда. Порфирію ничего другого не оставалось дѣлать при его врожденной лѣни, какъ только постепенно опускаться, предаваясь сну, ѣдѣ да игрѣ на гитарѣ. Тургеневъ, правда, старался встряхивать эту сонную тушу, понуждая его къ медицинской практикѣ, бралъ на охоту, игралъ съ нимъ на билліардѣ. Въ 1854 году Кудряшовъ женился на одной мценской мѣщанкѣ. Но это событіе не внесло никакой перемѣны въ его привычки и образъ жизни, хотя впослѣдствіи и отразилось на судьбѣ Кудряшова. Вскорѣ послѣ его свадьбы Тургеневъ писалъ Некрасову (22 окт. 1854 г.): „Порфирій сначала, т. е. въ первые дни женитьбы, принялся было чесать голову, а теперь ходитъ опять весь въ пуху и въ жирѣ. Впрочемъ, до сихъ поръ судьбой своей доволенъ очень" [1]). Это довольство продолжалось однако едва-ли дольше трехъ лѣтъ. „Двое изъ братьевъ жены его переманили ее въ Воронежъ. Тамъ Порфирій Тимоѳеевичъ купилъ домъ, открылъ фотографію и все это, по желанію жены, перевелъ на ея имя. Но скоро его дражайшая половина нашла себѣ обожателя въ одномъ офицерѣ и прогнала мужа. Порфирій Тимоѳеевичъ жилъ у какого-то мѣщанина и буквально голодалъ. Бѣдственнымъ его положеніемъ тронулось сердце мѣщанина: онъ поручилъ Порфирію Тимоѳеевичу обучать грамотѣ своего 18-ти лѣтняго сына, давая ему за это каждый день ѣсть. Кудряшову стало не въ моготу быть въ униженномъ положеніи, и онъ пѣшкомъ, весьма плохо одѣтый, предпринялъ путешествіе изъ Воронежа въ Спасское, кажется, побираясь въ пути" [2]). Сердце Ивана Сергѣевича наполнилось жалостью при видѣ несчастнаго существа, представшаго предъ нимъ. Онъ тотчасъ же написалъ своимъ близкимъ и стариннымъ знакомымъ: Д. Я. Колбасину, служившему въ Петербургѣ, и М. А. Языкову, управляющему акцизными сборами въ центральныхъ губерніяхъ, горячо прося о мѣстѣ для Кудряшова. „На „дняхъ къ намъ явился", писалъ онъ Колбасину 24 іюля 1862 года изъ Спасскаго: „знакомый вамъ Порфирій, отправившійся, какъ вамъ вѣроятно извѣстно, въ Воронежъ—искать... Богъ знаетъ чего—и бросившій здѣсь вѣр-

[1]) «Русск. Мысль», 1902, № 1, стр. 120.

[2]) «Истор. Вѣстн.», 1894 г., февр., 421.

ный и обезпеченный кусокъ хлѣба. На этотъ поступокъ его подбило семейство его жены. Результатомъ этого безумства было то, что его совершенно ограбили, что онъ кидался во всѣ стороны, пробовалъ быть фотографомъ, рыбнымъ торговцемъ и т. д. и, наконецъ, похудѣвшій до странности, разбитый, въ одномъ сюртукѣ, появился въ Спасскомъ, гдѣ, разумѣется, его приняли самымъ радушнымъ образомъ. Попрекать человѣка его собственнымъ несчастьемъ—грѣшно и безполезно, а надо стараться помочь. А потому обращаюсь къ вамъ: не можете ли вы дать ему въ вашемъ управленіи какое-нибудь порядочное мѣсто? Вы его знаете, а я со своей стороны могу присовокупить, что онъ дѣйствительно отличный человѣкъ, честный, трезвый, съ благороднымъ образомъ мыслей—и если онъ пострадалъ, то именно это произошло отъ излишняго великодушія и довѣрчивости. Вы можете сдѣлать доброе дѣло—и въ то же время вы найдете въ немъ полезнаго подчиненнаго и помощника. На него можно смѣло положиться: не даромъ я его знаю болѣе 25 лѣтъ. Основаться ему опять здѣсь трудно и по многимъ причинамъ почти невозможно". Въ такомъ тонѣ просилъ Иванъ Сергѣевичъ и Языкова [1]). Послѣдній и далъ ему мѣсто помощника акцизнаго надзирателя въ Чернскомъ уѣздѣ Тульской губерніи, недалеко отъ Тургеневскаго Спасскаго.

Тургеневъ не былъ лестнаго мнѣнія о Порфиріи, но чувство жалости понудило его къ хвалебной рекомендаціи и конечно безъ всякой задней мысли отдѣлаться отъ лишней обузы, что онъ и доказалъ вскорѣ. Кудряшовъ не ужился на службѣ и въ 1868 году бросилъ ее, явившись къ тому же Ивану Сергѣевичу. Тургеневъ вновь отвелъ ему землю, сначала въ безвозмездное пользованіе, а потомъ и въ собственность. Кудряшовъ вновь обзавелся хозяйствомъ и выстроилъ цѣлыя „хоромы", по выраженію крестьянъ. Задумалъ даже снять у Тургенева большой участокъ въ аренду, но Иванъ Сергѣевичъ не согласился на его просьбу, такъ объясняя свой отказъ въ письмѣ управляющему Кишинскому отъ 14 (26) дек. 1868 года: „Обращайтесь съ Порфиріемъ, какъ съ человѣкомъ не вполнѣ надежнымъ въ денежныхъ дѣлахъ; было бы безумiемъ ожидать отъ него аккуратной уплаты даже самой выгодной для него аренды. Вы можете показать ему это мѣсто моего письма — тѣмъ болѣе, что онъ долженъ очень хорошо знать мое мнѣніе о немъ, которое я передъ нимъ никогда не скрывалъ. Онъ не безчестенъ, но въ высшей степени безалаберенъ"... [2]). Дѣйствительно, въ этотъ

[1]) «Перв. собр. пис.», стр. 111 и 109.

[2]) Хранится въ Импер. Публ. Библ.

послѣдній періодъ своей жизни Кудряшовъ опустился до того, что началъ сильно запивать и, разстроивъ свое богатырское здоровье, умеръ въ концѣ 70-хъ годовъ отъ карбункула. Нѣсколькими годами раньше умерла жена его, оставивъ сына, котораго Порфирій, при помощи Ивана Сергѣевича, помѣстилъ въ одно изъ спеціальныхъ учебныхъ заведеній. Впрочемъ, отецъ не любилъ юноши, безъ всякаго повода объявилъ его нигилистомъ и всю землю съ домомъ завѣщалъ своей любовницѣ—простой деревенской бабѣ, которая можетъ быть и поддерживала въ старикѣ нерасположеніе къ законному наслѣднику [1]). Объясняя печальную судьбу Кудряшова, Иванъ Сергѣевичъ писалъ брату 14 (26) дек. 1879 года: „Почему онъ до этого дошелъ—дѣло простое: Jeder muss Hammer oder Amboss sein (каждый долженъ быть молотомъ либо наковальней). Порфирій родился „наковальней“ и въ него валили всѣ: жена, родные и пр.“ [2]). Ивану Сергѣевичу не хотѣлось назвать настоящей причины гибели товарища своей молодости...

О продолжительной дружбѣ Тургенева съ Иваномъ Ильичемъ Масловымъ сказать много не придется, хотя послѣдній и былъ не заурядной личностью. Познакомились они въ 1843 г., въ кружкѣ Бѣлинскаго, къ которому оба принадлежали; Масловъ, прозванный Тургеневымъ „прекрасной нумидянкой“, служилъ тогда секретаремъ у коменданта Петропавловской крѣпости генерала Скобелева и былъ у него другомъ дома. Часто посѣщая интимныя собранія друзей великаго критика, онъ сообщалъ имъ вѣсти и разсказы о томъ, что дѣлалось и говорилось въ крѣпости при Николаѣ Павловичѣ. Это было и интересно, и очень небезполезно знать въ то время [3]). Съ конца 50-хъ годовъ. Масловъ занималъ должность управляющаго московской удѣльной конторой.

Н. Я. Стечькинъ, посѣщавшій его въ концѣ 70-хъ годовъ, такъ описываетъ Маслова въ своихъ воспоминаніяхъ:

„Этотъ милѣйшій и добрѣйшій старый холостякъ, съ шаблонной физіономіей чиновника прежняго времени, казалось, на первый взглядъ не могъ имѣть ничего общаго съ Тургеневымъ. Между тѣмъ Тургеневъ любилъ и уважалъ Маслова и цѣнилъ его житейскую опытность и его мнѣнія. Иванъ Ильичъ былъ большой знатокъ музыки и художествъ. Какъ членъ русскаго музыкальнаго общества, Масловъ былъ близокъ къ консерваторіи, гдѣ всегда открывалъ, иногда увлекаясь не въ мѣру, таланты. Его огромная

[1]) «Нива», 1884 г., стр., 39. (Воспоминанія Полонскаго).

[2]) «Русск. Стар.», 1886 г., мартъ, стр. 601.

[3]) «Воспомин. о Бѣлинскомъ» Кавелина. Собр. сочин., III, 1087.

холостая квартира въ удѣльной конторѣ нерѣдко оглашалась звуками музыки: это хозяинъ угощалъ своихъ друзей игрою на роялѣ разысканной имъ талантливой консерваторки. У И. И. Маслова останавливался не только Тургеневъ. Его частымъ гостемъ бывалъ другой выдающійся русскій человѣкъ, М. Д. Скобелевъ. Бывало и такъ, что они оба, по нѣсколько дней къ ряду, одновременно жили подъ гостепріимной кровлей Маслова. Старшій его слуга, фамильярный съ „господами“, острилъ: „у насъ нонче гости—и военный генералъ-съ, и генералъ отъ литературы“ [1]).

До насъ дошло только 31 письмо Тургенева къ Маслову. Ихъ было въ дѣйствительности гораздо болѣе, на что имѣемъ указанія въ той же корреспонденціи. Но сравнительно съ другими друзьями Ивана Сергѣевича, на долю Маслова приходится все же слишкомъ мало писемъ. Очень ужъ не любилъ браться за перо московскій пріятель Тургенева, и переписка съ нимъ замирала въ самомъ началѣ каждой попытки Ивана Сергѣевича завязать ее. „Сдѣлай одолженіе, препобѣди свою малороссійскую лѣнь и напиши мнѣ“, молилъ въ одномъ письмѣ Тургеневъ. „Я знаю, ты на писанье лѣнивъ—но будь такъ добръ, увѣдомь меня двумя словами, не болѣе“, повторялъ онъ въ другомъ. А заманить Маслова къ себѣ въ Спасское такъ ни разу и не удалось Ивану Сергѣевичу,—а ужъ какъ онъ его иногда упрашивалъ! „Скажи, когда тебѣ возможно будетъ пріѣхать въ Спасское – ну хоть на три дня“, писалъ онъ ему 18 іюня 1876 г.: „вотъ бы одолжилъ по-горло. Ты какъ-то намекалъ, что 2 іюля сдѣлаешься свободнымъ: ну что бы тебѣ 3-го іюля и пожаловать сюда? Я бы къ тебѣ выѣхалъ навстрѣчу, кормилъ бы тебя отлично (представь! у меня славный поваръ), покрылъ бы тебя на ночь одѣяломъ, подареннымъ мнѣ—тебѣ въ пику—Анной Захаровной—помнишь? Словомъ, угождалъ бы тебя всячески. Прочелъ бы кое-что изъ моего романа, который, несмотря на всѣ хлопоты и заботы, подвигается... Ну, постарайся, возьми перо въ руки и черкни: „тогда-то, молъ, пріѣду!“ То-то я буду радъ!“ [2]).

При такомъ состояніи корреспонденціи при сравнительно рѣдкихъ встрѣчахъ друзей, письма Тургенева къ Маслову представляютъ мало интереснаго: два-три извѣстія о литературныхъ работахъ; два-три замѣчанія по поводу политическихъ дѣлъ; нѣсколько писемъ о покупкѣ акцій и продажѣ имѣній Тургенева, нѣсколько справокъ о protégées Маслова, устроенныхъ Иваномъ Сергѣевичемъ въ Парижѣ въ качествѣ ученицъ П. Віардо; но больше всего коротенькихъ увѣдомленій о днѣ пріѣзда въ Москву, „гдѣ по

[1]) Стечькинъ. «Изъ воспомин. о Тургеневѣ», 17.

[2]) «Перв. собр. пис.», 90, 109, 297.

примѣру прежнихъ лѣтъ", такъ выражался неизмѣнно въ нихъ Тургеневъ: „и пользуясь твоей безграничной любезностью, остановлюсь у тебя". И все-таки оба пріятеля очень любили другъ друга. Масловъ близко принималъ къ сердцу всѣ успѣхи и неудачи Ивана Сергѣевича, а на Пушкинскомъ праздникѣ (1880 г.) овацiи въ честь автора „Дворянскаго гнѣзда" волновали его болѣе, чѣмъ самого Тургенева. „Лицо его было мокро отъ слезъ", пишетъ очевидецъ [1]): „Онъ махалъ рукою и твердилъ: „Ахъ, что онъ со мной сдѣлалъ, Иванъ Сергѣевичъ"! Когда въ 1882 году Тургеневъ, уже самъ безнадежно больной, получилъ извѣстiе о тяжкомъ недугѣ, постигшемъ Маслова, онъ писалъ Д. В. Григоровичу (1 апр.): „Какъ мнѣ жаль моего стараго друга. Я безъ Маслова Москвы и вообразить не могу! Какой онъ всегда былъ бодрый и здоровый... но я не могу еще говорить о немъ, какъ о человѣкѣ уже не живомъ. Увѣренъ, что вы мнѣ тотчасъ сообщите, если что случится". Но Масловъ пережилъ Тургенева и умеръ въ 1891 году, оставивъ около полумилліона рублей на народное образованiе въ знакъ „глубокаго сочувствiя великимъ реформамъ Александра II, какъ онъ выразился въ своемъ завѣщанiи [2]).

Во второй половинѣ 50-хъ годовъ Тургеневъ познакомился съ семействомъ гр. Толстыхъ, къ которому принадлежалъ авторъ „Войны и мира". Старшiй братъ послѣдняго Николай Николаевичъ Толстой понравился Ивану Сергѣевичу чуть ли не болѣе всѣхъ другихъ членовъ семьи. Во всякомъ случаѣ Тургеневъ полюбилъ его искренно и настолько сильно, что исключить его изъ числа друзей великаго писателя невозможно. Гр. Н. Н. Толстой родился въ 1823 году, т. е. былъ пятью годами старше Льва Николаевича, въ 1844 году кончилъ курсъ въ Казанскомъ университетѣ, долго служилъ офицеромъ въ кавказскихъ войскахъ и вышелъ въ отставку по окончанiи Крымской войны [3]). Знакомство Николая Николаевича съ Тургеневымъ было, правда, очень скоро прервано преждевременной кончиной Толстого, умершаго отъ чахотки. Правда и то, что, вслѣдствiе продолжительныхъ отлучекъ Ивана Сергѣевича съ родины, встрѣчи ихъ не могли быть часты. Но каждое свиданiе оставляло глубокое и хорошее впечатлѣнiе у Тургенева. Такъ, проведя разъ три дня у Толстыхъ лѣтомъ 1858 года, Иванъ Сергѣевичъ описывалъ свой визитъ II. Віардо (отъ 25 iюня ст. ст.), слѣдующими словами характеризуя Николая Николаевича: „Изъ

[1]) «Изъ воспоминанiй о Тургеневѣ». Стечькина, 29.

[2]) См. предисловiе къ 1-му изданiю Джаншiева „Эпохи великихъ реформъ".

[3]) Бирюковъ „Л. Н. Толстой", I, 56, 120, 165. См. также „Перв. собр. пис.", стр. 28.

двухъ братьевъ одинъ (Сергѣй) довольно безцвѣтенъ, другой (Николай)—прелестный малый, лѣнивый, флегматичный, неразговорчивый и въ то же время очень добрый, нѣжный, съ тонкимъ вкусомъ и тонкими чувствами, существо по истинѣ оригинальное (l'autre est un charmant garçon, paresseux, phlegmatique, peu causeur, et, en même temps, très bon, très tendre et delicat de goût et de sentiment, un être veritablement original)“ [1]). Когда болѣзнь Николая Николаевича приняла острый характеръ, Иванъ Сергѣевичъ высказалъ много участія къ больному и безпрестанно о немъ справлялся. „То, что вы мнѣ сообщили о болѣзни Николая Толстого“, писалъ Тургеневъ Фету изъ Содена 1 іюня 1860 г.: „глубоко меня огорчило. Неужели этотъ драгоцѣнный, милый человѣкъ долженъ погибнуть? И какъ можно было запустить такъ болѣзнь? Неужели онъ не рѣшился побѣдить свою лѣнь и поѣхать за границу полѣчиться? Ѣздилъ опъ на Кавказъ въ тарантасахъ и чортъ знаетъ въ чемъ. Что бы ему пріѣхать въ Соденъ! Здѣсь на каждомъ шагу встрѣчаешь больныхъ грудью: Соденскія воды едва-ли не лучшія для такихъ болѣзней. Я вамъ все это говорю за двѣ тысячи верстъ, какъ будто слова мои могутъ что-нибудь помочь... Если Николай Толстой не уѣхалъ, бросьтесь ему въ ноги, а потомъ гоните его въ шею за границу. Здѣсь, напримѣръ, такой мягкій воздухъ, какого въ Россіи никогда и нигдѣ не бываетъ“. Николай Толстой скоро пріѣхалъ въ Соденъ и писалъ оттуда Фету: „Въ Соденѣ мы застали Тургенева, который живъ, здоровъ и здоровъ такъ, что самъ признается, что онъ „совершенно“ здоровъ. Нашелъ какую-то нѣмочку и восхищается ею. Мы поигрываемъ въ шахматы, но какъ-то нейдетъ: онъ думаетъ о своей нѣмочкѣ, а я о своемъ выздоровленіи“. По отъѣздѣ Ивана Сергѣевича изъ Содена, Николай Толстой сообщалъ Фету 19 іюля: „Очень стало мнѣ безъ него (Тургенева) пусто въ Соденѣ, не говоря уже о томъ, что шахматный клубъ разстроился. Даже аппетитъ у меня сталъ не тотъ, съ тѣхъ поръ какъ не сидитъ подлѣ меня его толстая и здоровая фигура и не требуетъ придачи то моркови къ говядинѣ, то говядины къ морковки“. Въ томъ же 1860 году 8 (20) сент. Николай Николаевичъ скончался на 37 году жизни. По поводу его смерти Тургеневъ писалъ Фету: „Да, вотъ мы еще съ вами собираемся жить, а для Николая Толстого уже не существуетъ ни весны, ни соловьиныхъ пѣсенъ, ничего! Онъ умеръ, бѣдный, на Гіерскихъ островахъ, куда онъ только-что пріѣхалъ. Я получилъ это извѣстіе отъ его сестры. Вы можете себѣ представить, какъ оно меня огорчило, хотя я уже

[1]) Ivan Tourgueneff. «Lettres à m-me Viardot», Paris, 1907, стр. 181.

давно потерялъ надежду на его выздоровленіе, и хотя жизнь его была хуже смерти. Левъ Николаевичъ былъ съ нимъ и теперь еще въ Гіерѣ. (Ник. Ник. скончался въ Гіерѣ, а не на островахъ). „Die Guten sterben jung“. Я знаю, и вы, и Борисовъ не разъ его помянете: золотой былъ человѣкъ, и уменъ, и простъ, и милъ. Я бы желалъ поговорить о его послѣднихъ дняхъ со Львомъ Николаевичемъ, да Богъ знаетъ, когда и гдѣ я его увижу [1]).

Иванъ Сергѣевичъ до конца жизни сохранилъ о Николаѣ Толстомъ самое теплое воспоминаніе. Въ 1881 году онъ, съ чувствомъ разсказывая Е. Гаршину о своихъ встрѣчахъ съ покойнымъ, такъ характеризовалъ его: „То смиреніе передъ жизнью, которое Левъ Толстой развивалъ теоретически, братъ его примѣнилъ непосредственно къ своему существованію. Онъ жилъ всегда въ самой невозможной квартирѣ, чуть не въ лачугѣ, гдѣ-нибудь въ отдаленномъ кварталѣ Москвы, и охотно дѣлился всѣмъ съ послѣднимъ бѣднякомъ. Это былъ восхитительный собесѣдникъ и разсказчикъ, но писать было для него почти физически невозможно. Его затруднялъ самый процессъ письма, какъ затрудняетъ простого человѣка, у котораго всегда натружены руки, и перо плохо держится въ пальцахъ“ [2]). Дѣйствительно, Николай Николаевичъ, несмотря на свой несомнѣнный талантъ разсказчика, тонкую наблюдательность и любовь къ природѣ, написалъ очень мало—нѣсколько охотничьихъ разсказовъ, напечатанныхъ съ „Современникѣ“ 50-хъ годовъ. Что же касается его чисто-философской простоты въ привычкахъ, въ образѣ жизни, то интересныя подробности сообщаютъ объ этомъ воспоминанія Фета, часто бывавшаго въ маленькомъ домикѣ маленькаго имѣнія Николая Николаевича, сельца Никольскаго [3]). Въ описаніяхъ Фета забавнѣе всего забота объяснить и извинить простоту, окружавшую молодого помѣщика съ точки зрѣнія „comme il faut“, какъ послѣднее понималось нашими дворянами средины прошлаго столѣтія; даже подаваемые за обѣдомъ „горчица въ помадной банкѣ и уксусъ въ бутылкѣ отъ одеколона Мусатова“ нашли себѣ соотвѣтствующее оправданіе. Для Тургенева всѣ эти характерныя подробности житейской обстановки его друга имѣли, конечно, совсѣмъ другое значеніе, совершенно иной смыслъ, смыслъ великаго и правдиваго „смиренія передъ жизнью“.

Сообщ. Н. Гутьяръ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

[1]) Фетъ. „Мои воспоминанія“, I, 328, 334, 349.

[2]) „Истор. Вѣстн.“, ноябрь, 1883 г., стр. 388 (Воспоминанія о Тургеневѣ Е. Гаршина).

[3]) Фетъ. „Мои воспоминанія“, I, 237—242.

*

Воспоминанія жизни Э. Г. Тернера.

(Сообщено сестрами покойнаго М. Г. и Э. Г. Тернеръ).

Чтеніе біографій и мемуаровъ всегда возбуждало во мнѣ живѣйшій интересъ. Поэтому мнѣ нерѣдко приходила мысль набросать замѣтки и о собственной жизни; къ осуществленію этого желанія я приступилъ, однако, только въ 1893-мъ году.

Все время до 1875-го года воспроизведено мною на память, такъ какъ до того времени я никакихъ отмѣтокъ не дѣлалъ. Можетъ быть, поэтому, въ сообщаемыхъ за это время данныхъ и вкрались нѣкоторыя хронологическія неточности, хотя я и старался по возможности точно излагать все мною описываемое [1]). Только послѣ 1875-го года я началъ дѣлать ежедневно краткія отмѣтки

---

[1]) Шли цѣпью длинною года...
Мнѣ цѣнно все, что въ жизни было:
А между тѣмъ нѣтъ и слѣда
Къ тому, что старость позабыла

———

Есть промежутки,—почти сонъ.
Хоть память ихъ покой тревожитъ;
Но фактовъ, лицъ, рѣчей, именъ
Возстановить уже не можетъ.

———

Какъ будто снѣгъ занесъ цвѣты,
Иль вещи вынесли изъ дома,
Иль кѣмъ-то вырваны листы
Изъ дорогого мнѣ альбома.

А. М. Жемчужниковъ. 1904 г.

о происшествіяхъ дня, въ видѣ журнала, такъ что за это послѣднее время, я могъ заносить мои воспоминанія по готовому матеріалу.

Воспроизводя всю свою прошедшую жизнь, я какъ бы вновь переживалъ ее со всѣмъ пріятнымъ и непріятнымъ, что въ теченіе ея произошло.

Интимной стороны своей жизни, насколько она касалась моихъ семейныхъ отношеній, я въ воспоминаніяхъ не затрогиваю, потому что мнѣ всегда казалось, что раскрытіе этой стороны жизни человѣка передъ посторонними есть нѣкотораго рода профанація. Несомнѣнно, это должно нѣсколько уменьшить интересъ повѣствованія, но я не считалъ возможнымъ отступить въ этомъ отношеніи отъ своихъ убѣжденій.

Желаніе оставить послѣ себя слѣдъ довольно естественно, и потому сознаюсь, что я пишу не только для себя, но и для другихъ, которые можетъ быть будутъ читать эти строки послѣ моей смерти.

Интересъ каждой біографіи заключается или въ самомъ содержаніи, т. е. въ важныхъ обстоятельствахъ жизни человѣка, который въ исторіи игралъ нѣкоторую роль, или въ литературномъ ея достоинствѣ, т. е. въ талантѣ автора разсказывать и описывать происшествія. Ни того, ни другого читатель въ моей біографіи не найдетъ. Особеннымъ описательнымъ талантомъ я не обладаю, а что касается самихъ происшествій моей жизни, то хотя мнѣ и приходилось быть въ сношеніяхъ съ разными историческими личностями, я самъ сколько-нибудь выдающейся роли въ ходѣ историческихъ событій не игралъ. Мнѣ кажется, однако, что жизнь каждаго человѣка, если прослѣдить ее отъ колыбели до смерти, представляетъ сама по себѣ нѣкоторый психологическій интересъ; это да послужитъ мнѣ извиненіемъ передъ могущими быть читателями моихъ воспоминаній, если они не найдутъ въ нихъ того живого интереса, на который они можетъ быть разсчитывали.

Излагая теченіе моей довольно продолжительной жизни, мнѣ приходится говорить о разныхъ личностяхъ, съ которыми я встрѣчался въ жизни. Многіе изъ нихъ занимали крайне скромное, ничѣмъ не выдающееся положеніе, но разъ онѣ играли въ моей жизни какую-либо роль, мнѣ хотѣлось сохранить о нихъ память— какъ бы скромно ни было ихъ положеніе. Ставятъ же памятники на могилѣ каждаго умершаго.

Карлсбадъ,
6-го іюля 1900 года.

1904 г.

Приближаясь постепенно къ завершенію моего труда, считаю нужнымъ присовокупить слѣдующее. Въ мои воспоминанія включены цитаты разныхъ мѣстъ изъ статей, которыя такъ или иначе произвели на меня впечатлѣніе, вслѣдствіе убѣжденія, что то, что интересуетъ человѣка въ чужихъ мысляхъ, можетъ служить и къ его характеристикѣ; кромѣ того я полагалъ, что многія цитаты сами по себѣ будутъ не безъ интересны для читателей, а нѣкоторыя изъ нихъ принесутъ можетъ быть кому-либо ту же пользу, которую они принесли мнѣ, въ смыслѣ закрѣпленія моего христіанскаго образа мыслей.

Моя мать, Варвара Ѳедоровна Тернеръ, была дочь пастора и вице-президента Евангелическо-Лютеранской Консисторіи Фридриха Фольборта родомъ изъ княжества Шварцбургъ-Зандергаузена. Пасторъ Фольбортъ былъ женатъ на дочери русскаго православнаго священника Евдокіи Курганской [1]).

Матушка моя родилась въ началѣ XIX столѣтія, въ 1801-мъ году въ Могилевѣ, гдѣ ея отецъ состоялъ тогда пасторомъ (при крещеніи матушки воспріемниками были, какъ сказано въ метрической записи, военный губернаторъ, генералъ-аншефъ Римскій-Корсаковъ и жена губернатора Варвара Бакунина). Впослѣдствіи мой дѣдъ былъ назначенъ пасторомъ при Принцѣ Ольденбургскомъ и жилъ въ Твери. Во время нашествія Наполеона, Фольборту съ семействомъ пришлось спасаться бѣгствомъ, кажется, въ Смоленскъ. Объ этомъ странствованіи покойная матушка мнѣ не разъ разсказывала, но подробностей у меня въ памяти не сохранилось.

---

[1]) Желая пристроиться въ Россіи, Фольбортъ рѣшилъ, что для этого прежде всего нужно ознакомиться съ русскимъ языкомъ, и потому, прибывъ въ Россію, онъ помѣстился въ семействѣ русскаго священника Курганскаго. Во время пребыванія въ этомъ семействѣ, между нимъ и дочерью Курганскаго, Евдокіею, возникла взаимная привязанность, и онъ женился на ней Затѣмъ онъ получилъ мѣсто пастора въ мѣстной нѣмецкой колоніи, а такъ какъ вознагражденіе у колонистовъ было весьма скудное, то онъ вмѣстѣ съ тѣмъ содержалъ пансіонъ, для воспитанія молодыхъ людей. Впослѣдствіи онъ получилъ мѣсто въ Могилевѣ. Въ этомъ скромномъ положеніи, онъ, однако, вѣроятно составилъ себѣ имя, потому что Принцъ Ольденбургскій, женившійся на Русской Великой Княгинѣ и переселившійся въ Тверь, кажется въ качествѣ генералъ-губернатора, пригласилъ къ себѣ Фольборта придворнымъ пасторомъ. Фольбортъ находился при немъ въ теченіе всей его жизни и по смерти сопровождалъ его тѣло въ С.-Петербургъ. Здѣсь нѣкоторое время спустя ему было предложено мѣсто пастора при Петропавловской церкви; впослѣдствіи онъ былъ сдѣланъ членомъ и вице-президентомъ Евангелическо-Лютеранской Консисторіи.

Такимъ образомъ съ материнской стороны я представлялъ рѣдкій случай происхожденія отъ духовныхъ лицъ лютеранскаго и православнаго вѣроисповѣданія. Занятія религіозными вопросами, которымъ я предавался во вторую половину моей жизни, хотя предшествующимъ воспитаніемъ я совершенно не былъ подготовленъ къ такимъ занятіямъ, представляются какъ бы нѣкоторымъ результатомъ атавизма, т. е. какъ наслѣдственное расположеніе, перешедшее на меня отъ дѣда. Точно также постоянное мое стремленіе проводить въ православіи здравыя тенденціи протестантизма (въ томъ смыслѣ, какъ понимали это Самаринъ и Янышевъ) могло явиться послѣдствіемъ моего происхожденія отъ лютеранскаго пастора и дочери православнаго священника.

Наконецъ преобладавшее во мнѣ настроеніе относиться равно справедливо и сочувственно, какъ къ русской, такъ и къ нѣмецкой національности, можетъ считаться послѣдствіемъ смѣшенія во мнѣ русской и нѣмецкой крови, что̀ отчасти выразилось и въ оказавшихся въ моемъ характерѣ русской воспріимчивости и нѣмецкой выдержки и послѣдовательности.

Мой дѣдъ по отцу, Даніилъ Тернеръ, былъ уроженцемъ города Кёнигсберга, переселившійся въ Дерптъ въ концѣ 18-го столѣтія, какъ сказано на его надгробномъ памятникѣ на Волковомъ кладбищѣ: nâtus Regiomontani 1764 obiit Petropoli 1825.—Онъ содержалъ въ Дерптѣ аптеку и принадлежалъ тамъ въ кругу состоятельныхъ и образованныхъ бюргеровъ. Отецъ мой, Густавъ Тернеръ, родился въ Дерптѣ, учился въ Дерптскомъ университетѣ и кончилъ курсъ со степенью доктора медицины. По окончаніи курса и полученіи ученой степени, отецъ переселился въ Петербургъ, гдѣ онъ на первое время занялъ мѣсто частнаго врача въ семействѣ Мятлевыхъ. Въ теченіе всего времени своего пребыванія въ домѣ Мятлевыхъ, отецъ умѣлъ себя поставить въ самыя лучшія отношенія къ членамъ этого семейства и постоянно пользовался ихъ уваженіемъ и расположеніемъ, какъ о томъ свидѣтельствовало, между прочимъ, написанное Мятлевымъ письмо моему дѣду Тернеру, въ которомъ онъ отзывался самымъ лестнымъ образомъ о характерѣ и дѣятельности моего покойнаго отца. Письмо это доставило необычайное удовольствіе моему дѣду и долго красовалось подъ стекломъ въ золотой рамкѣ на стѣнахъ его квартиры въ Дерптѣ.

Мой отецъ вообще пользовался большимъ уваженіемъ и любовью со стороны своихъ паціентовъ. Много лѣтъ послѣ его смерти, когда мнѣ приходилось встрѣчаться съ людьми, бывшими его паціентами, я замѣчалъ нерѣдко особенно теплое воспоминаніе о немъ

и симпатію, которая переносилась даже на насъ, когда случайно узнавали, что мы дѣти того Густава Даниловича Тернера, котораго такъ любили и уважали. Въ большинствѣ семействъ, гдѣ мой отецъ практиковалъ, онъ былъ не только докторомъ, но и другомъ домѣ. Въ такихъ отношеніяхъ онъ находился, между прочимъ, къ семейству графа Лаваль и графа Борха, женатаго на графинѣ Лаваль. Я объ этомъ упоминаю потому, что эти отношенія, или скорѣе память о нихъ, отразились впослѣдствіи на моей судьбѣ, при вступленіи въ жизнь. Графъ Александръ Михайловичъ Борхъ помогъ мнѣ, по окончаніи курса въ университетѣ,—опредѣлиться въ министерство иностранныхъ дѣлъ, а впослѣдствіи, во время коронаціи Императора Александра II-го, пригласилъ меня перейти на службу въ церемоніальное вѣдомство, въ средѣ котораго онъ состоялъ; но объ этомъ послѣ.

Въ характерѣ моей матери, которая особенно занималась моимъ воспитаніемъ, такъ какъ я былъ постоянно съ нею, между тѣмъ какъ отецъ отвлекался все же своими служебными занятіями и своею медицинскою практикою, было замѣчательное сочетаніе чувства внутренняго достоинства, нравственности и доброты. Вліянію моихъ родителей я всецѣло обязанъ тѣми нравственными воззрѣніями, которыя руководили мною въ жизни,—отвлеченныя нравственныя теоріи всегда очень мало на меня дѣйствовали. Впослѣдствіи, когда за постигшимъ меня семейнымъ несчастіемъ, смерти моей искренне любимой жены, я сталъ искать утѣшенія въ Христіанской вѣрѣ; то, что удерживало меня въ моменты разныхъ искушеній, было не логическая аргументація о нравственности, не надежда будущихъ благъ или страхъ возмездія, а сознаніе что, предавшись разъ Христу, давъ Ему присягу на вѣрность,—дѣлая зло, я измѣняю Ему,—и становлюсь невѣрнымъ этой присягѣ. Это сознаніе служило мнѣ самымъ дѣйствительнымъ оружіемъ въ борьбѣ съ искушеніями, которыми такъ богата земная жизнь.

Но пора возвратиться, послѣ этого отступленія, захватывающаго будущее, къ послѣдовательному историческому изложенію. Я родился въ домѣ Мятлева. Домъ этотъ по сіе время (1828 г.) находится на углу Почтамской противъ Исаакіевскаго собора. Въ метрическихъ книгахъ за 1829-й годъ Андреевскаго собора значится: „у доктора медицины Густава Даниловича Тернера родился 1828 года, октября 12-го дня, сынъ Ѳеодоръ, а крещенъ 1829-го марта 23 числа бывшимъ протоіереемъ Павскимъ; при крещеніи его воспріемниками были: тайный совѣтникъ графъ Иванъ Степановичъ Лаваль и тайная совѣтница Праскева Ивановна Мятлева“. (Подп. протоіерей Ѳеодоръ Песоцкій). Рожденіе знаменитыхъ людей

знаменуется, по преданію, какими-либо особыми событіями. Хотя мнѣ и не суждено было сдѣлаться знаменитымъ, но и мое рожденіе ознаменовалось замѣчательнымъ происшествіемъ. На третій день послѣ рожденія я былъ нечаянно отравленъ бабкою, которая, вмѣсто какихъ-то дѣтскихъ капель коричневаго цвѣта, дала мнѣ капли опіума. Я совсѣмъ посинѣлъ и пролежалъ почти безжизненно два, три дня. Только усиленныя старанія отца и помощь Божія меня спасли, я очнулся, поправился и вотъ дожилъ теперь уже до семидесяти лѣтъ, сохраняя до сихъ поръ на моемъ тѣлѣ значекъ, напоминающій объ этомъ происшествіи. Въ числѣ разныхъ средствъ, употребленныхъ для моего оживленія, мнѣ положили, между прочимъ, горчичникъ на лѣвую пятку и въ суматохѣ совсѣмъ забыли о немъ, такъ что онъ пролежалъ, вмѣсто нѣсколькихъ минутъ, нѣсколько часовъ; вслѣдствіе того на ногѣ моей образовалась рана, которая впослѣдствіи зажила—но послѣ нея сохранилось на этомъ мѣстѣ затвердѣніе кожи, которое остается до сихъ поръ.

Изъ пребыванія въ Мятлевскомъ домѣ у меня не сохранилось никакихъ воспоминаній, потому что уже года два или три послѣ моего рожденія, мой отецъ получилъ мѣсто во флотѣ съ казенною квартирою, куда мы и переселились. Новая наша квартира находилась на такъ называемомъ полковомъ дворѣ, въ Галерной улицѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ находится нынѣ бывшій Николаевскій дворецъ.

Въ началѣ тридцатыхъ годовъ Петербургъ посѣтила холера и свирѣпствовала съ ужасною силою. Грозная эпидемія не обошлась безъ народныхъ смутъ, народъ обвинялъ докторовъ въ отравленіи больныхъ, они подвергались неоднократно опасности жизни. Мой отецъ въ то время занималъ мѣсто ординатора въ Обуховской больницѣ и его постоянно отзывали изъ больницы къ разнымъ холернымъ больнымъ. Матушка разсказывала мнѣ впослѣдствіи, съ какимъ страхомъ она ожидала каждый разъ возвращенія моего отца.

Народное волненіе дошло до того, что бунтовавшіе ворвались въ холерную больницу, растащили больныхъ, а доктора (старичка-нѣмца, имени котораго не помню) выбросили изъ окна, его подняли мертвымъ. Между тѣмъ за день или два передъ тѣмъ мой отецъ былъ позванъ къ холерному больному, мяснику, кажется, въ Никольскомъ рынкѣ. Прибывши въ помѣщеніе больного, отецъ нашелъ его уже мертвымъ, окруженнымъ массою его товарищей-мясниковъ. Нисколько не опасаясь могущей грозить ему самому отъ нихъ опасности, мой отецъ вмѣсто того, чтобы удалиться, сталъ упрекать ихъ въ томъ, что они, по нелѣпому недовѣрію къ докторамъ, не обратились своевременно къ медицинской помощи,—объ-

яснилъ имъ, что при своевременной помощи больной могъ бы быть еще спасенъ и т. д. Окружавшій умершаго больного народъ спокойно слушалъ моего отца, и ни одна рука на него не поднялась; два дня спустя тамъ же народъ умертвилъ доктора, выбросивъ его изъ окна больницы.

До семи лѣтъ я воспитывался дома, живя покойною, доброю, семейною жизнью. Изъ этого времени у меня осталось только одно грустное воспоминаніе, это смерть моей сестры Софіи, которой было около 6 лѣтъ. Какъ разлука съ нею навсегда, такъ и ужасная горесть моихъ родителей подѣйствовали на меня очень сильно и произвели на меня глубокое впечатлѣніе. За исключеніемъ этого одного печальнаго происшествія моя жизнь текла спокойно и пріятно. У насъ былъ большой кругъ родственниковъ, такъ что я часто проводилъ время въ гостяхъ въ обществѣ другихъ дѣтей. Около семилѣтняго возраста я сталъ ходить лѣтомъ въ школу, которая содержалась одною нашею родственницей, госпожею Гаазе, на дачѣ въ Новой Деревнѣ по сосѣдству съ нами. Эта школа въ сущности не была школой въ полномъ значеніи слова, а просто собраніемъ трехъ, четырехъ дѣтей, которыя приходили каждый день на нѣсколько часовъ утромъ. Госпожа Гаазе занималась съ ними и потомъ гуляла съ ними. Въ тѣ времена еще не существовало нынѣшней стѣснительной регламентаціи, заведенной министерствомъ народнаго просвѣщенія,—и разныя бѣдныя, но образованныя дамы могли, безъ всякихъ формальностей, предаваться полезнымъ и скромнымъ занятіямъ по обученію дѣтей малаго возраста, снискивая тѣмъ самымъ себѣ небольшой заработокъ.

Живое воспоминаніе сохранилось во мнѣ отъ перваго моего посѣщенія театра, которое тоже относится приблизительно къ этому же времени. Помню, что пьеса называлась „Венгерская Хижина“— кажется, балетъ. Какой-то австрійскій принцъ скрывался отъ преслѣдовавшихъ его враговъ въ хижинѣ венгерскаго поселянина, помню солдатъ въ бѣлыхъ мундирахъ, которые гнались за нимъ и мое удовольствіе, что все кончилось благополучно. Помню также какое удовольствіе доставляло мнѣ посѣщеніе цирка (который тогда находился у Семеновскаго моста). Но особеннымъ праздникомъ было для меня посѣщеніе балагановъ на масляницѣ и на святой; удовольствіе увеличивалось еще и тѣмъ, что обыкновенно отецъ заходилъ со мною передъ представленіемъ въ кондитерскую,—которая и до сихъ поръ находится еще на углу Гороховой и площади,—и угощалъ меня чашкою шоколада и пирожками.

Когда мнѣ минуло семь лѣтъ, я былъ помѣщенъ зимою во французскій пансіонъ госпожи Курвоазье (Courvoisier), въ которомъ обу-

чались приходящіе ежедневно мальчики и дѣвочки. Пансіонъ этотъ помѣщался на Невскомъ проспектѣ противъ Малой Морской въ домѣ моего дяди Фольборта. Здѣсь я пробылъ около двухъ лѣтъ. Изъ этой эпохи вспоминаю эпизодъ, въ которомъ высказалась слабость моего характера,—эпизодъ, о которомъ я впослѣдствіи часто думалъ. Со всѣми моими товарищами я былъ въ хорошихъ отношеніяхъ: однажды двое изъ нихъ, Гиршъ и Майеръ, я до сихъ поръ вспоминаю ихъ фамиліи, поссорились. Какъ это обыкновенно бываетъ между дѣтьми, школьники стали дѣлиться на партіи, спрашивая другъ друга, кто стоитъ за кого—большинство перешло, кажется, на сторону Майера, такъ что Гиршъ оставался почти одинъ. Когда очередь дошла до меня и меня спросили, съ кѣмъ я буду—то, не желая поссориться ни съ тѣмъ, ни съ другимъ и не имѣя вмѣстѣ съ тѣмъ достаточно нравственнаго мужества (я говорю—нравственнаго, потому что дѣло шло не о потасовкѣ между партіями, а только о признаніи сочувствія той или другой изъ нихъ), чтобы открыто стать на сторону, противную большинству, я сказалъ Гиршу на ухо: „я имъ скажу, что буду съ ними, но я буду съ тобой“. Это двуличіе возстановило противъ меня обѣ партіи. Гиршъ громко объявилъ, что тогда ему меня не надо, а другіе, большинство, узнавъ, въ чемъ дѣло, тоже меня оттолкнули,—такъ что я остался одинъ, какъ говорятъ, между двумя стульями. Это не имѣло дальнѣйшихъ послѣдствій; на другой день все было забыто, и никто изъ моихъ товарищей меня въ томъ не упрекалъ, — но меня самого это сильно пристыдило и послужило мнѣ хорошимъ урокомъ. Въ свое извиненіе я долженъ сказать, что это не было индифферентизмомъ къ злу, ни Гиршъ, ни Майеръ не сдѣлали ничего дурного и я не имѣлъ никакого повода ссориться съ ними, - но я долженъ бы былъ это откровенно высказать, а не стараться угождать нашимъ и вашимъ. Эту слабость характера и эту низкую склонность къ лести я и впослѣдствіи сознавалъ въ себѣ, хотя въ сущности я былъ правдивъ (т. е. внутренне расположенъ къ правдѣ) и искренъ; сознавая въ себѣ подобную слабость, я постоянно старался въ дальнѣйшей жизни ей противодѣйствовать; вотъ почему, впослѣдствіи, въ моей административной и политической дѣятельности, нерѣдко приходилось въ совѣщательныхъ собраніяхъ высказывать свое убѣжденіе съ особенною рѣзкостью, какъ бы въ тѣхъ видахъ, чтобы оборвать за собою мостъ отступленія, не разсчитывая на свой характеръ и опасаясь послѣдующихъ уступокъ, которыя могли бы быть вызваны слабостію характера.

Въ жизни характеръ и прирожденныя свойства играютъ несомнѣнно важную роль, но вмѣстѣ съ тѣмъ несомнѣнно, что вос-

питаніе и добрыя благородныя начала, вложенныя въ душу человѣка этимъ воспитаніемъ и родительскимъ примѣромъ, могутъ значительно воздѣйствовать на устраненіе или ослабленіе прирожденныхъ недостатковъ характера. Моя собственная жизнь можетъ служить тому нѣкоторой иллюстраціей. Одаренный слабостью характера и стремленіемъ угождать всѣмъ, — я, сколько могъ, внутренне боролся противъ этой склонности и полагаю, что въ теченіе долговременной жизни заслужилъ у другихъ о себѣ мнѣніе, признававшее меня не оппортунистомъ, а человѣкомъ со стойкими убѣжденіями.

Такъ какъ это не мои заслуги, а послѣдствіе помощи Божіей и хорошаго родительскаго воспитанія, то я и считаю возможнымъ высказать это здѣсь. Вотъ почему, когда я сталъ проникаться Христіанствомъ и находить удовольствіе въ чтеніи Св. Писанія, мнѣ всегда особенно сочувственно было изреченіе Апостола Павла: „когда я немощенъ, тогда силенъ“. 2 Послан. Кор. 12, 10.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Поправка. Въ декабрьской книжкѣ „Русской Старины“ 1908 г. въ статьѣ П. С. Бѣляева «Бытовые очерки прошлаго» напечатано: стр. 17—„въ приказъ діакона Артемья“, слѣдуетъ „въ приходъ“... и т. д.: на стр. 19 вм. „отъ сторожства“ слѣдуетъ: „отъ старостства“.

Редакторъ-издатель **П. Вороновъ.**

РУССКАЯ СТАРИНА въ изд. 1909 г.

ТОМЪ СТО ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЙ.

ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ, МАРТЪ.

Записки и воспоминанія.

		СТРАН.
I.	Изъ замѣтокъ и воспоминаній судебнаго дѣятеля. А. Ѳ. Кони	1—27, 233—255
II.	Записки И. А. Мельникова	55—66, 349—364
III.	Михаилъ Ивановичъ Драгомировъ-фельдфебель. (Изъ воспоминаній) А. Е. К.	90—106
IV.	Записки сенатора Есиповича . . .	123—144, 259—278, 555—564
V.	М. И. Драгомировъ передъ войной 1877—78 гг. (Изъ воспоминаній) А. Е. К.	391—398
VI.	Изъ воспоминаній о крѣпостномъ правѣ. Вл. Сорокина	399—423
VII.	Отъ Нагасаки до Владивостока и Сингапура. (Изъ воспоминаній о плаваніи на крейсерѣ „Африка“). В. Руднева	432—447
VIII.	Мои воспоминанія о Великой Княгинѣ Еленѣ Павловнѣ. Князя Д. А. Оболенскаго	503—528
IX.	Изъ минувшаго. (Воспоминанія и впечатлѣнія литератора. 1865—1897 г.). Григорія Градовскаго	528—535
X.	Депутатъ отъ Россіи. (Воспоминанія и переписка Ольги Алексѣевны Новиковой). Сообщено Е. С. М.	565—578
XI.	Отъ Іокогамы до Владивостока. (Изъ воспоминаній кругосвѣтнаго плаванія на крейсерѣ „Африка“). В. Руднева	615—630
XII.	Воспоминанія жизни Ѳ. Г. Тернера. Сообщ. сестрами покойнаго М. Г. и Э. Г. Тернеръ. .	660—668

Изслѣдованія. — Историческіе и біографическіе очерки. — Переписка.—Разсказы.—Матеріалы и замѣтки.

I. Къ исторіи Полтавской битвы (27 іюня 1709). (Со схемой). Проф. С. Платонова . . . . 28—34
II. Папскій представитель при русскомъ дворѣ. (Lorenzo Litta, 1797—1799). Пирлинга . . 35—43
III. Устроители Болгаріи: князь Черкасскій, князь Дондуковъ-Корсаковъ и Столыпинъ. Н. Овсянаго . . . . . 44—54, 365—376, 579—586
IV. Власти предержащія. Въ Главномъ Адмиралтействѣ. у Чернышова моста П. М. Ковалевскаго . . . . . 67—89, 299—312
V. Въ походѣ и бою на броненосцѣ „Адмиралъ Ушаковъ". И. А. Дитлова . . . . 107—122, 313—319, 489—502
VI. Императрица Елисавета Алексѣевна, супруга Императора Александра I. В. Т. . . . . 145—168
VII. Документы для біографіи Аракчеева. Сообщ. Мих. Соколовскій . . . . . 169—172
VIII. Письмо масонской ложи Немезиды въ масонскую ложу Изиды (1776 г.). Т. С. . . . 173—176
IX. О смерти Боратынскаго. (Изъ переписки Н. М. Коншина съ П. А. Плетневымъ). Сообщ. Н. Лернеръ . . . . . 177—186
X. Изъ записокъ стараго помѣщика. (Народныя повѣрья). В. А. Шомпулева . . . . . 187—190
XI. Несостоявшаяся дуэль Пушкина въ 1827 г. Гр. В. Л. Мусинъ-Пушкина . . . . . 191—193
XII. Дипломатическія депеши датскаго посланника при Русскомъ Дворѣ, Вестфалена, о воцареніи Императрицы Анны Іоановны. В. Корсаковой . . . . . 194—211, 279—298, 537—554
XIII. Письмо князя Яшвиля къ Императору Александру I-му. Сообщ. П. Паренсовъ. . . . 212
XIV. Смерть Моисея (Гумилевскаго), епископа ѳеодосійскаго и маріупольскаго. А. Н. Сергѣева. 213—217
XV. Изъ жизни нашего духовенства. Сообщ. А. Сергѣевъ 218
XVI. Изъ пастырскаго быта сельскаго священника. (Ad futuram memoriam). Прот. В. Иващенко. 219—230

XVII. Мнѣніе итальянцевъ о Севастопольскомъ „оберъ-кротѣ“ капитанѣ Мельниковѣ. Сообщ. Н. П. Хитрово . . . . . 231—232
XVIII. Изъ военнаго быта. Сообщ. Д. . . . . 256—258
XIX. Неизданное предисловіе Д. А. Смирнова къ „Горе отъ ума“. Сообщ. Н. В. Шаломытовъ. 320—348
XX. Петръ Великій въ Парижѣ въ 1717 году . . 377—386
XXI. Поѣздка въ Грузино въ 1867 г. Сообщ. Н. П. Хитрово . . . . . 387—390
XXII. Къ масонской дѣятельности князя Баратаева. Сообщ. Т. Соколовская . . . . . 424—431, 631—649
XXIII. Окладной, контрибуціонный, листъ Наполеона въ Митавѣ въ 1812 г. Н—чъ . . . . . 448—449
XXIV. Гоголь въ его новыхъ письмахъ. (Съ предисловіемъ и примѣчаніями Г. П. Георгіевскаго) . . . . . 451—488
XXVI. Шпиртъ. Безсмертный 536
XXVII. Изъ жизни русскихъ войскъ въ Финляндіи въ 70-хъ и 80-хъ годахъ Л. Л. Драке. . . . . 587—603
XXVIII. Александръ I и Восточная политика Россіи. В. В. Тимощукъ . . . . . 604—614
XXIX. „Корни ученья горьки“. Сообь. Арсеній П. 650
XXX. И. С. Тургеневъ и его не литературные друзья. Сообщ. Н. Гутьяръ . . . . . 651—659

Портреты.

I. Портретъ И. А. Мельникова (при 1-й книгѣ).
II. Портретъ Н. А. Манасеина (при 2-й книгѣ).
III. Портретъ Н. В. Гоголя (при 3-й книгѣ).

Приложенія.

I. Схема „Къ исторіи Полтавской битвы“ (при 1-й книгѣ).
II. Окладной, контрибуціонный, листъ Наполеона въ Митавѣ, въ 1812 г. (при 2-й книгѣ).

Библіографическій листокъ.

1. Опись дѣлъ архива Государственнаго Совѣта. Томъ I. Спб. 1908 г. (на оберткѣ январьской книжки).

2. Бумаги, относящіяся до Отечественной войны 1812 года, собранныя и изданныя П. И. Шукинымъ. Часть X. М. 1908. (тамъ же).

3. П. Бирюковъ. Левъ Николаевичъ Толстой. Біографія. Изданіе „Посредника“. Т. II. М. 1908 г. (тамъ же).

4. В. В. Сиповскій. Исторія литературы какъ науки. Изданіе Т-ва М. О. Вольфъ. Н. Л. (тамъ же).

5. Къ познанію арміи. А. Геруа. Спб. 1907 г. (тамъ же).

6. Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Томъ 126-й. Юрьевъ. 1907 г. Томъ 127-й. Спб. 1908 г. Н. Л. (на оберткѣ февральской книжки).

7. Десять лѣтъ собиранія. Каталогъ коллекціи гравюръ Н. Д. Чечулина, съ очеркомъ исторіи гравированія и съ 35 снимками. Спб. 1908 г. Ю. П. (тамъ же).

8. А. М. Лазаревскій. Малороссійскіе посполитые крестьяне (1648—1783 г.г.). Историко-юридическій очеркъ. Кіевъ. 1908 г. Н. Л. (тамъ же).

9. Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 31 декабря 1908 г. по 28 января 1909 г. (на оберткѣ мартовской книжки).

Николай Авксентьевичъ
Манассеинъ.
† 1895 г.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

на 1909 годъ.

Вступая въ 1909 году на сороковой годъ своего существованія, „**Русская Старина**“, благодаря измѣнившимся условіямъ цензуры, извлекаетъ изъ своего архива цѣлый рядъ цѣнныхъ записокъ и даетъ мѣсто особенно интереснымъ воспоминаніямъ, а также исторически обработаннымъ матеріаламъ и подлиннымъ документамъ.

Имѣя въ виду современныя условія общественной жизни Россіи, редакція предпринимаетъ цѣлый рядъ мѣръ къ обновленію и расширенію журнала.

Сохраняя своихъ прежнихъ многочисленныхъ сотрудниковъ, редакція предполагаетъ напечатать въ **1909** году:

А. Ѳ. Кони—«Изъ замѣтокъ и воспоминаній судебнаго дѣятеля»,—«Житейскія встрѣчи». Изъ архива А. Ѳ. Кони.—«Письма А. М. Чупрова съ предисловіемъ и др.». **П. О. Пирлинга**—«Папскій представитель при русскомъ дворѣ Lorenzo Litta 1797—1799». **Князя Д. А. Оболенскаго**—«Мои воспоминанія о великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ». Воспоминанія Н. И. Янжула «О пережитомъ и видѣнномъ» 1894—1909 гг. **П. М. Ковалевскаго**—«Встрѣча на жизненномъ пути», «Николай Алексѣевичъ Некрасовъ», «Власти предержащія», «У Чернышова моста», «Въ Главномъ Адмиралтействѣ», «На Мойкѣ». **Г. К. Градовскаго**—«Изъ минувшаго». Записки сенатора Есиповича. Изъ бумагъ **Ал. Н. Попова**—«Генералъ Моро въ русскихъ войскахъ». **М. В. Безобразовой** — «Дневникъ академика В. П. Безобразова». П. Д. Паренсова. Изъ прошлаго: «Русскія войска передъ Константинополемъ въ 1878 г.» **Н. Р. Овсянаго**—«Устроители Болгаріи: Кн. Черкасскій, Кн. Дондуковъ-Корсаковъ, ген. Столыпинъ».—Записки основателя «Русской Старины»—**М. И. Семевскаго. Д. А. Скалона** — «На службѣ при Е. И. В. Главнокомандующемъ В. К. Николаѣ Николаевичѣ 1864—1876 гг.». **В. А. Шомпулева**—«Изъ записокъ стараго помѣщика». Ѳ. Г. Тернера «Воспоминанія жизни» **П. Д. Зотова**—«Война за независимость славянъ 1877 — 1878 г.». **А. Ф. Петрушевскаго** — «Первые годы службы». **Бѣломора**—«Крейсерская дѣятельность въ русско-японскую войну». **В. Ф Руднева**—На крейсерѣ «Африка». **В. Д. Корсаковой**—«Дипломатическія депеши датскаго посланника Вестфалена о воцареніи Императрицы Анны Іоанновны». **Л. Л. Дракe**—«Въ Финляндіи». **Н—ъ**—«Изъ манджурской арміи въ нѣдра читинской революціи». **А. Воронова**—«Воспоминаніе о гр. Э. И. Тотлебенѣ».—Записки артиста Петербургской оперной группы, Солиста Е. В., И. А. Мельникова». **И. И. Оноре**—«11 лѣтъ въ театрѣ».—Письма П. И. Чайковскаго И. А. Мельникову. **Дитлова**—«Въ походѣ и въ бою на «Адмиралѣ Ушаковѣ». **Крылова**—«Какъ бѣднѣла деревня». **А. М. Лебедева**—«Митрополитъ Филаретъ».—Воспоминанія **Тургенева, Де-Санглена, Веселовскаго, Левашовскаго, Тихѣева, Юдина, Семенова** и др.: воспоминанія изъ русско-японской войны и изъ жизни духовенства.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ журналѣ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 руб. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по 30 к. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 18.

ПРИ ЖУРНАЛѢ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

„Стенографическій Отчетъ Портъ-Артурскаго процесса“.

Русскому обществу, безусловно заинтересованному судебнымъ процессомъ о сдачѣ П.-Артура, приходится довольствоваться газетными отчетами о процессѣ, всегда неполными, а зачастую и искаженными, несмотря на присутствіе въ залѣ засѣданій стенографовъ, оффиціально допущенныхъ для записи.

Въ настоящее время намъ удалось пріобрѣсти всѣ стенограммы, и мы, идя навстрѣчу желаніямъ публики, рѣшили ихъ издать.

Изданіе будетъ исполнено въ ПЯТИ выпускахъ по подпискѣ и стоимость его на обыкновенной бумагѣ и безъ портретовъ—ПЯТЬ рублей.

На веленевой бумагѣ и съ портретами подсудимыхъ, ихъ защитниковъ и выдающихся свидѣтелей—ВОСЕМЬ рублей.

По выходѣ всѣхъ выпусковъ—стоимость ихъ будетъ увеличена.

Подписка принимается:

Въ СПБ. въ ред. журн. «Русская Старина» (гдѣ помѣщается контора этого изданія)—Фонтанка, 18;

въ книжныхъ магазинахъ:

«Новаго Времени», Невскій, 40;

«Т-ва М. О. Вольфъ», Гостиный дв., 18 и Невскій, 13,

и въ книжн. складѣ Березовскаго, Колокольная, № 14.

Въ Москвѣ: въ книжн. магаз. М. О. Вольфъ, Моховая ул. и Кузнецкій мостъ.

За точность записей поручились стенографы, фамиліи которыхъ будутъ напечатаны въ отчетѣ. За исправленіе техническихъ терминовъ, фамилій и названій мѣстностей—отвѣтственны защитники, которые, всѣ безъ исключенія, взяли на себя трудъ по провѣркѣ отчета.

Состоящимъ на государственной службѣ за поручительствомъ казначеевъ допускается разсрочка: 2 руб. при подпискѣ и по 1 рублю по полученіи кажд. выпуска.

Книжные магазины, принимающіе подписку на «Стенографическій отчетъ», платятъ: вмѣсто 5 руб.—4 руб., и вмѣсто 8 руб.—7 руб.

Р89

ЛЕНИНГРАДСКАЯ
Центральная библиотека
имени Лассаля
1880

Изъ замѣтокъ и воспоминаній судебнаго дѣятеля [1]).

VIII.

Во время пребыванія моего въ рядахъ „дѣйствующей арміи“ судебнаго вѣдомства—въ должностяхъ прокурора и предсѣдателя окружного суда — мнѣ почти не приходилось встрѣчать въ своей практикѣ дѣлъ о преступленіяхъ противъ вѣры. Сравнительно съ послѣдующими годами, ихъ въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ возникало вообще мало—и они касались почти исключительно тѣхъ сектъ, которыя нашъ уголовный законъ (улож. о нак. ст. 203) характеризуетъ, какъ соединенныя съ свирѣпымъ изувѣрствомъ и фанатическимъ посягательствомъ на жизнь свою или другихъ, либо съ противунравственными гнусными дѣйствіями. Но съ переходомъ на постъ оберъ-прокурора уголовнаго кассаціоннаго департамента Сената, въ половинѣ восьмидесятыхъ годовъ, мнѣ пришлось ознакомиться съ весьма большимъ числомъ дѣлъ о религіозныхъ преступленіяхъ, поступавшихъ въ Сенатъ со всѣхъ концовъ Россіи. Весь раздѣлъ второй нашего уложенія—„о преступленіяхъ противъ вѣры и о нарушеніи ограждающихъ оную постановленій“—прошелъ предо мною во множествѣ разнородныхъ случаевъ, удостовѣренныхъ слѣдственными актами и закрѣпленныхъ приговорами, вызывавшими кассаціонные протесты прокурорскаго надзора и жалобы осужденныхъ. Тутъ были—независимо отъ дѣлъ о богохуленіи и порицаніи вѣры,—дѣла о штундистахъ, уніатахъ, разнаго рода сектантахъ и люте-

[1]) См. „Русскую Старину“, февраль, октябрь, декабрь 1907 г., мартъ, ноябрь и декабрь 1908 г., январь 1909 г.

ранскихъ пасторахъ. Длинною вереницею проходятъ они въ моихъ, иногда довольно тягостныхъ воспоминаніяхъ, въ концѣ которыхъ примирительно звучатъ возвышенныя слова Высочайшаго указа Сенату отъ 17-го апрѣля 1905 года о вѣротерпимости.

Въ свѣтлые дни оживленія общественной жизни и мысли, наступившіе вслѣдъ за воцареніемъ императора Александра II,—въ пользовавшемся, въ первые годы своего существованія, большимъ нравственнымъ вліяніемъ „Русскомъ Вѣстникѣ“ появился рядъ статей, обратившихъ на себя общее вниманіе, какъ новизною и смѣлостью содержанія, такъ и личностью автора. Онѣ назывались „О полиціи внѣ полиціи“ и принадлежали перу полковника корпуса жандармовъ С. С. Громеки. Теперь, по прошествіи почти пятидесяти лѣтъ, статьи эти представляются упражненіями малосодержательнаго, но бойкаго пера по поводу истинъ, которыя можно назвать азбучными. Но тогда онѣ казались многимъ чуть не гражданскимъ подвигомъ, высота и глубина котораго усиливались недавнимъ служебнымъ положеніемъ автора. Всѣми читавшими эти статьи ожидалось, что мысли о закономѣрной свободѣ и достоинствѣ человѣческой личности, мелькавшія въ нихъ, найдутъ себѣ дальнѣйшее и широкое развитіе въ трудахъ и дѣятельности автора. Казалось, что не напрасно Добролюбовъ, въ шутливомъ подражаніи извѣстной Лермонтовской передѣлкѣ стихотворенія Гёте, предсказывалъ въ „Свисткѣ“: „погоди, Громека, свистнешь, братъ, и ты!“

Громека дѣйствительно и свистнулъ, но только совсѣмъ въ другомъ направленіи, чѣмъ это предполагалъ Добролюбовъ. Въ разгаръ польскаго возстанія онъ перешелъ изъ центральнаго управленія министерства внутреннихъ дѣлъ на службу въ Царство Польское и здѣсь, въ началѣ семидесятыхъ годовъ, оказался сѣдлецкимъ губернаторомъ и самъ явился представителемъ „полиціи внѣ полиціи“ и при томъ въ области свободы совѣсти.

Сѣдлецкая губернія была образована изъ части Люблинской въ 1866 году. Населенная трудолюбивымъ, хотя и бѣднымъ по условіямъ почвы населеніемъ, чуждымъ всякихъ безпокойствъ въ тревожное время 1863 года, преданнымъ вѣрѣ отцовъ,—эта губернія, безъ земства и городского самоуправленія, не могла давать поводовъ для особыхъ безпокойствъ или затрудненій мѣстному губернатору, если только онъ самъ „мятежный не искалъ бури“ и не сѣялъ производящій ее вѣтеръ. Три уѣзда этой губерніи—Сокольскій, Радинскій и Бѣльскій—были довольно густо населены уніа-

тами, уцѣлѣвшими въ качествѣ оффиціально признаваемыхъ грекоуніатовъ при рѣшительномъ и широкомъ возсоединеніи въ 1839 г. православнаго духовенства съ греко-уніатскимъ. Это были по большей части люди малообщительнаго и медлительнаго нрава, угрюмые на видъ, твердо держащіеся старины и цѣнившіе въ ней особенно обряды исповѣданія, въ которомъ родились и умирали ихъ отцы и дѣды. Въ 1873 и 1874 годахъ, сначала спорадически, а потомъ, такъ сказать, эпидемически—уніаты начали обнаруживать настойчивое желаніе присоединиться къ православію, такъ что гминные войты стали представлять губернскому начальству массу приговоровъ о сознательномъ желаніи обитателей гминъ оставить унію. Всемѣрно способствуя поступленію такихъ приговоровъ, Громека энергически содѣйствовалъ возбужденію вопроса о возсоединеніи уніатскаго населенія трехъ упомянутыхъ уѣздовъ съ православной церковью. Представленія его въ этомъ отношеніи нашли себѣ благодарную почву въ Петербургѣ, гдѣ вліятельный союзникъ сѣдлецкаго губернатора, правитель канцелярія министерства внутреннихъ дѣлъ и будущій министръ Маковъ началъ горячо ратовать за осуществленіе этихъ предположеній. Такимъ образомъ произошло въ 1875 году возсоединеніе, отпразднованное съ особою торжественностью молебствіями, краснорѣчивыми реляціями въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ и наградами разнымъ лицамъ за усердіе въ этомъ благомъ дѣлѣ. Казалось, что перемѣна вѣроисповѣдныхъ симпатій мѣстнаго населенія прошла не только благополучно, но и съ блестящимъ успѣхомъ, при чемъ въ этомъ церковномъ вопросѣ энергія гражданскихъ властей и неожиданный взрывъ душевной потребности мѣстнаго населенія, гармонически слились воедино ad majorem ecclesiae gloriam. Уніатскія церкви были обращены въ православныя,—Маковъ вскорѣ сдѣланъ товарищемъ министра, а Громека произведенъ въ тайные совѣтники.

Около этого же самаго времени, съ половины 1876 года, въ Царствѣ Польскомъ была введена судебная реформа. Однако еще въ концѣ 1875 года изъ объясненій старшаго предсѣдателя Варшавской судебной палаты Н. Н. Герарда и прокурора той же палаты Трахимовскаго стало обнаруживаться, что все это блестящее возсоединеніе уніатовъ есть не что иное, какъ созданный довольно беззастѣнчивыми руками административный миражъ, — одинъ изъ тѣхъ многихъ, которые такъ долго извращали и жизнь и нравственный смыслъ русскаго общества. Оба высшіе представителя судебнаго вѣдомства въ краѣ начали выражать серьезное сомнѣніе въ возможности избѣжать—при публичномъ разбирательствѣ дѣлъ о сопротивленіи бывшихъ уніатовъ властямъ—разоблаченій крайне

грустныхъ подробностей возникновенія и дальнѣйшаго укрѣпленія добровольнаго возсоединенія уніатовъ съ господствующею церковью. Они находили, что открывать дѣятельность новаго суда въ Сѣдлецкой губерніи длиннымъ рядомъ такихъ процессовъ значило бы подорвать, не только въ глазахъ мѣстнаго общества, но и за границей и безъ того невысокій нравственный авторитетъ мѣстныхъ правительственныхъ властей, показавъ воочію, какимъ недостойнымъ и незаконнымъ путемъ была вспахана и засѣяна та почва, на которой выросли эти сопротивленія. Слушать этого рода дѣла при закрытыхъ дверяхъ по закону было невозможно... Тогда министру юстиціи еще не было предоставлено права по собственному усмотрѣнію (Уставъ Угол. Судопр. ст. 621[1]) уничтожать публичность, и закрытіе дверей не могло практиковаться съ тою—иногда основанною на личныхъ просьбахъ „великихъ міра сего“—развязностью, съ какою это совершалось на моей памяти, какъ видно было изъ доходившихъ до Сената дѣлъ, до начала текущаго десятилѣтія. А съ мнѣніемъ „гнилого Запада“ въ то время у насъ въ обществѣ еще считались, не начавъ еще относиться къ нему съ самодовлѣющимъ высокомѣріемъ.

По распоряженію министра юстиціи графа К. И. Палена, дѣла о сопротивленіи властямъ уніатовъ были вытребованы въ Петербургъ, и мнѣ, какъ вице-директору департамента министерства юстиціи, выпало на долю всѣ ихъ подробно разсмотрѣть и составить изъ нихъ общій сводъ. Изъ этихъ дѣлъ оказалось, что гминные приговоры были составлены не только не добровольно, но явились результатомъ настойчиваго давленія и всяческаго воздѣйствія, до угрозъ включительно, со стороны ближайшаго полицейскаго начальства, руководимаго въ іерархическомъ порядкѣ приказаніями и настояніями высшей губернской власти. Старое ироническое выраженіе „честью просить!“ было примѣнено и здѣсь. Населеніе было смущенно и встревожено, а когда уніатскіе храмы стали передѣлывать подъ русскія церкви и за недостаткомъ православныхъ священниковъ, могущихъ быть переведенными изъ Россіи, стали выписывать таковыхъ изъ Галиціи, смущеніе перешло въ явное недовольство, и возсоединенные перестали посѣщать церковь. Но у нихъ рождались дѣти, а смерть дѣлала свое дѣло. Дѣтей слѣдовало крестить, а мертвыхъ хоронить по обрядамъ той церкви, къ которой они оффиціально принадлежали. Однако, бывшіе уніаты не хотѣли къ ней принадлежать и играть пассивно—услужливую роль въ той комедіи лицемѣрія и честолюбія, которая надъ ними была разыграна: они желали оставаться уніатами. И вотъ началось уклоненіе отъ крещенія дѣтей по новому обряду и въ нѣкоторыхъ

случаяхъ отказъ хоронить по нему своихъ покойниковъ. Казалось бы, что это одно уже должно было показать не въ мѣру усердным ревнителямъ возсоединенія весь лживый характеръ тѣхъ условій, въ которыхъ оно совершалось. Для простого человѣка—крестины, свадьба и похороны представляютъ торжественныя событія, выдѣляющіяся изъ однообразія ежедневности, а между тѣмъ отъ двухъ изъ этихъ торжествъ, населеніе добровольно и конечно съ болью начало отказываться. Но, какъ это часто у насъ встрѣчалось, вмѣсто изслѣдованія причинъ такого необычнаго въ сельской средѣ явленія, его „ничто же сумняся“ начали искоренять суровыми мѣрами принужденія и наказанія.

Пользуясь широкимъ правомъ изданія обязательныхъ постановленій, губернаторъ Громека выработалъ и преподалъ подчиненнымъ властямъ цѣлую систему взысканій, замѣнявшихъ собою тѣ увѣщанія, къ которымъ, казалось бы, всего умѣстнѣе было прибѣгать представителямъ господствующей церкви, на лоно которой еще такъ недавно, будто бы, усиленно стремились уніаты. За каждый случай *неокрещенія дѣтей* въ теченіе недѣли, начальникъ уѣзда обязанъ былъ подвергать каждаго изъ виновныхъ родителей штрафу не менѣе одного рубля и не свыше семи рублей. Взысканіе штрафовъ было возложено на гминныхъ войтовъ, которые, получивъ свѣдѣніе о рожденіи младенца, обязаны были требовать отъ родителей представленія выписи изъ метрическихъ книгъ приходской православной церкви и при отсутствіи такой выписи взыскивать штрафъ соотвѣтственно времени, прошедшему со дня рожденія младенца. Каждую недѣлю штрафъ повторялся въ томъ же размѣрѣ впредь до предъявленія метрической выписи. Такимъ образомъ при упорствѣ бывшаго уніата штрафъ все возросталъ и иногда доходилъ до такого размѣра, что всего имущества крестьянина не хватило бы на его уплату, тѣмъ болѣе, что штрафы въ *пять*, *шесть* или даже *семь рублей* въ недѣлю съ каждаго изъ супруговъ были далеко не рѣдкимъ явленіемъ, и, кромѣ того, при наложеніи перваго штрафа съ упорствующихъ требовалось еще внесеніе особаго обезпеченія въ исправности уплаты будущихъ штрафовъ, такъ называемаго „фанта“. За *самовольное* погребеніе бывшихъ уніатовъ не по обряду православной церкви, штрафъ назначался единовременно и былъ опредѣленъ Громекою въ *десять* рублей.

Наложеніе этихъ штрафовъ не оказывало однако ожидаемаго дѣйствія. Только самые бѣдные крестьяне подчинялись требованію гминныхъ войтовъ. Всѣ же, имѣвшіе хоть какой-либо достатокъ, безусловно отказывались платить и предпочитали полное разореніе своего хозяйства крещенію дѣтей не по вѣрѣ своихъ отцовъ. Ра-

зореніе это осуществлялось въ видѣ публичной продажи движимаго имущества упорствующихъ для уплаты накопившихся на нихъ штрафовъ, въ число которыхъ поступали и отобранные у нихъ въ видѣ залоговъ „фанты“. Преимущественно продавался скотъ, а если вырученная сумма превышала сумму слѣдуемаго по штрафу взысканія, то излишекъ все-таки не выдавался хозяину проданнаго, а хранился въ гминной конторѣ *„на пополненіе будущихъ штрафовъ“*. Покупателями являлись исключительно мѣстные скупщики, дававшіе по соглашенію между собою крайне низкія цѣны, что было особенно удобно потому, что гминное начальство не было заинтересовано въ соблюденіи при продажѣ интересовъ „упорствующаго“, а самихъ владѣльцевъ продаваемыхъ предметовъ, по распоряженію нѣкоторыхъ ретивыхъ уѣздныхъ начальниковъ, воспрещено было допускать къ личной продажѣ своего имущества.

Послѣдствія этой системы сказались немедленно. Подвергая мѣстныхъ крестьянъ разоренію и насилуя ихъ совѣсть, она вызвала цѣлый рядъ противодѣйствій властямъ и ожесточеніе противъ администраціи, которое было тѣмъ сильнѣе, что „добровольное присоединеніе“ сопровождалось высылкою многихъ „упорствующихъ“ въ сѣверо-восточныя губерніи Россіи, гдѣ они—вдали отъ родины и отъ семействъ, подъ строжайшимъ надзоромъ урядниковъ—прозябали въ прямомъ и переносномъ смыслѣ слова. Эти высылки не помѣшали проявленію въ мѣстномъ населеніи сначала глухого, а потомъ и открытаго протеста противъ неожиданныхъ фискальныхъ послѣдствій неприсоединенія.—Стали, какъ грибы, рости дѣла о сопротивленіяхъ полиціи, объ оскорбленіяхъ стражниковъ, и неожиданная *эволюція* въ дѣятельности почтеннаго автора „Полиціи внѣ полиціи“ привела къ не менѣе неожиданной *революціи* въ вѣроисповѣдной жизни мѣстнаго населенія. Уже черезъ годъ послѣ торжественнаго объявленія „urbi et orbi“ о воссоединеніи уніатовъ, населеніе *четвертой части* бывшихъ уніатскихъ приходовъ въ Сѣдлецкой губерніи, въ количествѣ около 120.000 человѣкъ, стало въ явно враждебное отношеніе къ обрядамъ православной вѣры, а во всѣхъ остальныхъ приходахъ начало открыто уклоняться отъ ихъ исполненія.

Всѣ возникавшія въ этихъ приходахъ дѣла имѣли одинаковый характеръ. Начиналось съ неокрещенія младенца или съ тайныхъ похоронъ покойника, за что̀ налагался штрафъ. Младенецъ продолжалъ оставаться неокрещеннымъ, покойникъ лежалъ спокойно въ землѣ, свободный отъ всякихъ посягательствъ на свои религіозныя убѣжденія, но такъ какъ младенецъ не слѣдовалъ его примѣру, то штрафъ росъ да росъ... Каждая недѣля

упорства и желанія оставаться въ вѣрѣ отцовъ — невидимо, но неизбѣжно, какъ скрытая болѣзнь, подтачивала хозяйство... Въ одинъ прекрасный день въ деревню являлись войтъ, солтысы и стражники. Чаша терпѣнія мѣстнаго начальства оказывалась переполненною—и начинался выводъ скота изъ хлѣвовъ, выносъ одежды и хозяйственныхъ продуктовъ изъ домовъ, среди мрачнаго молчанія мужчинъ, подъ слезы и вопли женщинъ. Иногда вещами нагружались цѣлые возы и, въ сопровожденіи забранныхъ воловъ и овецъ, торжественно отправлялись на ближайшій базаръ. Тамъ, на глазахъ взволнованныхъ владѣльцевъ, все продавалось за безцѣнокъ при содѣйствіи мѣстнаго фактора, котораго сельскія власти иногда даже нанимали для устройства продажи и указаній въ домахъ крестьянъ вещей, которыя скорѣе могутъ быть сбыты съ рукъ. Но продажа удавалась не всегда... Причитанія и жалобы женщинъ,—у иныхъ изъ которыхъ мужья, послѣ тѣлеснаго увѣщанія и долгаго пребыванія въ острогѣ, были сосланы внутрь Россіи,—рѣзкія дѣйствія сельской полиціи и, наконецъ, внезапно прорвавшееся, долго накипавшее негодованіе въ томъ или другомъ изъ возсоединенныхъ—вдругъ совершенно измѣняли картину. Начиналось наступленіе на стражниковъ, возы и скотъ отнимались, вещи разбирались по домамъ, и на время наступало торжество оштрафованныхъ. Но только на время... Вскорѣ въ помощь стражникамъ являлась вооруженная сила, а въ защиту ихъ начиналось уголовное дѣло.

Не было почти ни одной гмины, гдѣ совершилось возсоединеніе, въ которой не произошло бы какой-нибудь печальной исторіи въ этомъ родѣ. Такъ, въ 1876 г. въ гминѣ Любенкахъ (Бѣльскаго уѣзда) произошла драка между стражниками, увозившими на возу имущество, и толпою крестьянокъ, при чемъ пущены были въ дѣло палки, кочерги и даже помазокъ съ горячимъ дегтемъ. Главное участіе въ этомъ столкновеніи приняли три крестьянки, мужья которыхъ были высланы передъ тѣмъ въ сѣверныя губерніи Россіи, оставивъ безъ призора хозяйство и четырнадцать человѣкъ дѣтей. Такія же столкновенія произошли въ деревняхъ Рагозницы и Савки (Радинскаго уѣзда), гдѣ толпа приступила къ явному сопротивленію, въ особенности раздраженная участіемъ въ отобраніи вещей мѣстнаго скупщика и ростовщика. Многія слѣдственныя производства рисовали грустную картину столкновенія чрезмѣрнаго штрафа и настойчиваго его требованія съ одной стороны,—бѣдности и отчаянія съ другой. То крестьянинъ, у котораго хотятъ отобрать сундукъ съ приданымъ жены, хватаетъ за грудь солтыса,—то берутъ корову и вмѣстѣ съ нею недопускавшаго ее взять крестьянина и оставляютъ

обоихъ лишь потому, что пришедшая въ изступленіе жена его грозитъ лишить себя жизни,—то въ уѣздной больницѣ лежитъ семидесятилѣтній крестьянинъ, избитый стражникомъ за то, что не хотѣлъ отдавать корову, назначенную въ продажу на возмѣщеніе штрафа наложеннаго на его *совершеннолѣтняго* сына,—то, наконецъ, *крестьянинъ—вдовецъ* наноситъ стражнику побои, отнимая корову, описанную за 6-рублевый штрафъ, и объясняя, что ему лучше умереть, чѣмъ лишиться кормилицы своихъ троихъ малолѣтнихъ дѣтей. И такихъ случаевъ было очень много... Мирное, спокойное населеніе начало смотрѣть мрачно и озлобленно;—полиція, жившая въ добрыхъ отношеніяхъ съ этимъ населеніемъ, стала подвергаться оскорбленіямъ;—начали быстро возникать уголовныя дѣла и наполняться остроги.

Въ такомъ положеніи застала Сѣдлецкую губернію судебная реформа. Несмотря на свою односторонность и урѣзанность, она несла съ собою струю свѣжаго воздуха. Новые судебные дѣятели, независимые отъ администраціи, пріѣхавшіе со введеніемъ реформы въ тотъ край, не могли не обратить вниманія на истинное положеніе уніатскихъ дѣлъ. Стоило посѣтить тюремный замокъ, чтобы увидѣть, къ какимъ результатамъ привело многихъ то воссоединеніе, которое въ Петербургѣ изображали какъ мирное, безобидное и свободное религіозное торжество.

Къ половинѣ 1876 года въ Сѣдлецкой губерніи, подъ вліяніемъ описаннаго порядка вещей, въ тюремныхъ помѣщеніяхъ, по распоряженію мѣстныхъ административныхъ и судебныхъ властей содержалось около 200 арестантовъ, возсоединенныхъ изъ бывшихъ уніатовъ, а въ производствѣ общихъ судовъ находилось 43 дѣла о сопротивленіяхъ власти и о насильственныхъ дѣйствіяхъ противъ чиновъ полиціи.

Статьи уложенія о наказаніяхъ, по коимъ въ этихъ дѣлахъ бывшіе уніаты обвинялись, грозили наказаніемъ, доходящимъ до лишенія всѣхъ правъ состоянія и ссылки въ каторжныя работы, на время отъ четырехъ до шести лѣтъ. Всего по этимъ дѣламъ было привлечено въ качествѣ обвиняемыхъ 52 человѣка (27 мужчинъ и 25 женщинъ). Изъ нихъ одна четвертая часть тоже содержалась подъ стражей въ виду важности упадавшаго на нихъ обвиненія. Изъ этихъ 52 человѣкъ—51 прежде никогда ни къ какой отвѣтственности не привлекались, а 32 человѣка изъ нихъ имѣли въ совокупности *сто одного малолѣтняго ребенка.*

Всѣ эти обстоятельства побудили министра юстиціи графа Палена представить рядъ всеподданнѣйшихъ докладовъ съ изложеніемъ наиболѣе выдающихся случаевъ преслѣдованія возсоединенныхъ уніатовъ

и съ ходатайствомъ о помилованіи послѣднихъ и о прекращеніи уголовнаго о нихъ производства. По Высочайшему повелѣнію всѣ эти лица были освобождены отъ суда и слѣдствія, а для подробнаго разсмотрѣнія возбужденнаго графомъ Паленомъ вопроса, было образовано особое совѣщаніе, въ которое, кромѣ гр. Палена, пошли шефъ жандармовъ генералъ-адъютантъ Потаповъ и министръ внутреннихъ дѣлъ генералъ-адъютантъ Тимашевъ. 23 апрѣля 1876 года состоялось засѣданіе этого совѣщанія, при чемъ участники его объединились во взглядѣ на то, что къ бывшему греко-уніатскому населенію должны быть примѣнены начала вѣротерпимости на широкихъ основаніяхъ, вслѣдствіе чего преслѣдованіе ихъ не должно имѣть мѣста. Вмѣстѣ съ тѣмъ совѣщаніе находило нужнымъ предоставить министру внутреннихъ дѣлъ снестись съ варшавскимъ генералъ-губернаторомъ о тѣхъ мѣрахъ, которыя онъ считалъ бы нужнымъ принять, для побужденія бывшихъ уніатовъ, *не подвергая ихъ преслѣдованію*, къ исполненію обрядовъ православной церкви. Мнѣніе совѣщанія было Высочайше утверждено. Такимъ образомъ, казалось бы, тѣмъ преслѣдованіямъ за привязанность къ вѣрѣ отцовъ, которыя вызвали столько горя и слезъ у обитателей Сѣдлецкой губерніи, былъ положенъ конецъ. Варшавскому генералъ-губернатору оставалось лишь обсудить, какими мѣрами, исключая карательныхъ, можетъ административная власть помочь мирному исходу, лишеннаго фактическаго и нравственнаго основанія предпріятія возсоединенія.

Но на дѣлѣ вышло иначе. Въ маѣ 1876 года генералъ-адъютантъ Тимашевъ препроводилъ министру юстиціи выработанныя графомъ Коцебу правила о „мѣрахъ побужденія“, приведшія министерство юстиціи въ крайнее изумленіе. Графъ Коцебу соглашался на изъятіе дѣлъ о бывшихъ уніатахъ изъ вѣдѣнія судебныхъ учрежденій, но вмѣстѣ съ тѣмъ находилъ необходимымъ вооружить карательною властью — по отношенію къ упорствующимъ и уклоняющихся отъ окрещенія дѣтей—войтовъ гминъ, бургомистровъ городовъ, уѣздныхъ начальниковъ и губернаторовъ, въ порядкѣ постепенности, по мѣрѣ упорства виновныхъ, при чемъ взысканія должны были состоять изъ штрафовъ въ размѣрѣ отъ 1 до 10 рублей, въ арестѣ на 5 дней, въ заключеніи въ тюрьму на болѣе продолжительное время, сопровождаемомъ духовными увѣщаніями, и наконецъ въ удаленіи „совершенно безнадежныхъ“ съ мѣста жительства въ Имперію, подъ надзоръ полиціи. Графъ Паленъ, разсмотрѣвъ эти правила, сообщилъ Тимашеву, что мѣры, въ нихъ содержащіяся, не соотвѣтствуя началамъ вѣротерпимости, принятымъ особымъ совѣщаніемъ, и передавая каратель-

ную власть такимъ лицамъ, которыя ни по существу своихъ правъ, ни по свойству своихъ обязанностей имѣть ее не могутъ, ни въ какомъ случаѣ не приведутъ „упорствующихъ“ къ православію, а лишь дадутъ имъ поводъ считать себя страдальцами за религіозныя убѣжденія. Однако генералъ Тимашевъ сообщилъ министру юстиціи, что, по его мнѣнію, мѣры эти вполнѣ цѣлесообразны и не противорѣчатъ мнѣнію особаго совѣщанія. Тогда графъ Паленъ въ оффиціальномъ сообщеніи заявилъ ему, что не считаетъ возможнымъ въ чемъ-либо измѣнить уже высказанное мнѣніе и, будучи глубоко убѣжденъ, что въ дѣлахъ вѣры принудительныя и насильственныя мѣры достигаютъ всегда обратнаго результата, находитъ, что лишеніе греко-уніатовъ средствъ судебной защиты, изъятіемъ ихъ дѣлъ изъ судовъ на-ряду съ наложеніемъ на нихъ строгихъ административныхъ взысканій, не только противорѣчитъ политическимъ видамъ правительства, но и совершенно не соотвѣтствуетъ общимъ началамъ справедливости. Но министръ внутреннихъ дѣлъ остался при своемъ. Онъ не раздѣлялъ, очевидно, мнѣнія московскаго митрополита Филарета, писавшаго еще въ пятидесятыхъ годахъ: „надобно, чтобы обращеніе иновѣрныхъ созрѣвало подъ дѣйствіемъ силы слова и духа, а не тогда, когда рукою плоти совершается“. Такимъ образомъ, благодаря генералу Тимашеву, очевидно, имѣвшему болѣе ясное понятіе объ искусствѣ дѣлать статуэтки, которымъ онъ, въ свободное отъ занятій внутренними дѣлами Россіи время, плѣнялъ петербургскіе салоны, чѣмъ о смыслѣ слова „вѣротерпимость“, — принципіально вопросъ разрѣшенъ не былъ.

Начало новаго царствованія ознаменовалось образованіемъ новаго совѣщанія министровъ, которое должно было *устранить* вмѣшательство административной власти въ дѣло неисполненія бывшими уніатами уставовъ церкви и возстановить порядокъ въ составленіи актовъ о рожденіи у нихъ дѣтей. Результатомъ этого совѣщанія было Высочайшее повелѣніе, въ силу котораго за необъявленіе мѣстному православному священнику о рожденіи дитяти для составленія надлежащаго акта, согласно правиламъ гражданскаго уложенія, виновные должны подвергаться единовременному штрафу въ рубль серебромъ, а за погребеніе умершихъ безъ надлежащаго разрѣшенія—штрафу или аресту. Что же касается до уклоненія греко-уніатовъ отъ совершенія надъ ихъ дѣтьми таинства крещенія или отъ совершенія погребенія умершихъ при участіи православнаго священника, а равно за другіе собственно-религіозные проступки, какъ-то нарушеніе праздничныхъ дней, не хожденіе въ православную церковь, не бытіе у исповѣди и тому подоб-

ное уклоненіе отъ исполненія уставовъ православной церкви—никакихъ взысканій не допускалось. Этимъ положенъ былъ, казалось бы, наконецъ предѣлъ всякимъ преслѣдованіямъ „упорствующихъ“ уніатовъ тѣмъ болѣе, что проектируемыя маловажныя взысканія за неисполненіе обязанности по отношенію къ актамъ гражданскаго состоянія и къ обще-полицейскимъ правиламъ о погребеніи умершихъ, особенно оттѣняли ненаказуемость уклоненій въ области оффиціальнаго вѣроисповѣданія, не раздѣляемаго убѣжденіемъ совѣсти и семейными традиціями. Участіе въ совѣщаніи такихъ вліятельныхъ въ то время лицъ, какъ графъ Д. А. Толстой и К. П. Побѣдоносцевъ, служило, повидимому, твердымъ ручательствомъ того, что основная умиротворительная мысль Высочайшаго повелѣнія будетъ проведена въ жизнь настойчиво и неуклонно. И дѣйствительно вопросъ объ уніатахъ замолкъ,—но, къ сожалѣнію, только на время. Тѣ, кто думалъ найти въ прекращеніи преслѣдованія уніатовъ нѣкоторое нравственное успокоеніе и увидѣть въ немъ зарю вѣротерпимости, весьма ошибались. Извѣстно, что въ одну изъ минутъ горькаго разочарованія императоръ Николай I сказалъ, что Россія „управляется столоначальниками“... Повидимому, и въ данномъ случаѣ нужно было, чтобы г.г. столоначальники въ разныхъ видахъ и на разныхъ ступеняхъ служебной лѣстницы признали возможнымъ и желательнымъ для себя осуществленіе Высочайшаго повелѣнія по уніатскимъ дѣламъ. На мѣстѣ, въ Сѣдлецкой губерніи, у нихъ явился и энергическій союзникъ въ лицѣ архіепископа Леонтія, въ узкомъ, одностороннемъ и постепенно потухающемъ умѣ котораго свило себѣ гнѣздо нѣкоторое церковно-юридическое крючкотворство.

Осенью 1887 года въ Правительствующій Сенатъ, по уголовному кассаціонному департаменту, поступило нѣсколько кассаціонныхъ жалобъ на приговоры Сѣдлецкаго мирового съѣзда второго округа, въ который входятъ Радинскій, Сокольскій и Бѣльскій уѣзды. Этими приговорами крестьяне, считающіе себя состоящими въ бракѣ, были приговорены гминнымъ судомъ и міровымъ съѣздомъ къ 50 рублямъ штрафа каждый или къ аресту на два мѣсяца. Это были дѣла о такъ называемыхъ *краковскихъ бракахъ*. Изъ нихъ было видно, что мѣстныя судебныя власти не только не отказались, согласно духу и смыслу Высочайшаго повелѣнія 1882 года, отъ вмѣшательства въ вѣроисповѣдныя отношенія уніатовъ, но съ услужливой готовностью отдали себя въ распоряженіе иниціаторовъ возсоединенія и ихъ сотрудниковъ, осуществляя ихъ виды и рабски слѣдуя ихъ толкованіямъ. Оказалось, что бывшіе уніаты и третій видъ упомянутыхъ выше церковныхъ обрядовъ—

бракосочетаніе продолжали совершать въ формахъ близкихъ ихъ душѣ, а не чуждыхъ ей дотолѣ. Близорукое въ политическомъ отношеніи предпріятіе *добровольнаго* возсоединенія создало, какъ и слѣдовало ожидать, благопріятную почву для религіозно-политической пропаганды со стороны воинствующаго католицизма, который, давая способы удовлетворять душевныя потребности мѣстнаго населенія, въ то же время возбуждалъ въ немъ и обострялъ національное чувство указаніемъ на притѣснительный въ дѣлахъ вѣры образъ дѣйствій русскихъ властей. Въ Сѣдлецкой и части Люблинской губерніи появились бродячіе католическіе священники-миссіонеры и стали втайнѣ крестить младенцевъ и вѣнчать взрослыхъ. Чтобы поддержать ихъ дѣятельность, въ Краковѣ была учреждена особая миссія съ цѣлью противодѣйствія оставленію народомъ уніи. Для удостовѣренія состоявшагося обряда, эти тайные миссіонеры выдавали особые метрическіе акты на бланкахъ, подписанныхъ лицами краковскаго духовенства. Съ теченіемъ времени устройство этихъ *краковскихъ браковъ* перешло и въ руки частныхъ лицъ, которыя подняли плату за формальное содѣйствіе такому браку — при посредствѣ заранѣе приготовленнаго бланка—до довольно большихъ размѣровъ. Состояніе въ такомъ бракѣ нельзя было скрыть ни отъ мѣстнаго духовенства, ни отъ гминнаго начальства,—и представители того и другого стали составлять списки считающихъ себя состоящими въ краковскомъ бракѣ лицъ, препровождаемые засимъ Холмско-Варшавскому епархіальному начальству. По распоряженію послѣдняго, духовная консисторія начала признавать браки по католическому обряду заключенные лицами, исповѣдующими (?) православную вѣру, *незаконными*, а потому и *недѣйствительными* и стала входить съ мѣстной администраціей на основаніи 39 ст. уст. о пред. и прес. прест., въ сношенія о принятіи „надлежащихъ“ мѣръ. А эти надлежащія мѣры должны были, согласно буквѣ закона, состоять въ распоряженіи о раздѣленіи лицъ, состоящихъ въ незаконномъ и недѣйствительномъ бракѣ, отъ совмѣстнаго сожительства. Если эти лица отказывались разойтись и не жить вмѣстѣ или, давши подписку съ обязательствомъ разойтись, въ дѣйствительности продолжали свое сожительство, то противъ нихъ возбуждалось уголовное преслѣдованіе по 29 ст. мирового устава, говорящей о неисполненіи законныхъ требованій полицейской власти. Гминный судъ присуждалъ изъ нихъ каждаго къ штрафу въ 25 рублей или къ аресту на мѣсяцъ, а когда, отбывъ наказаніе, они продолжали „упорствовать“ въ своемъ сожитіи, то объ этомъ составлялся протоколъ, и они вновь подвергались суду, назначавшему уже высшую мѣру наказанія въ размѣрѣ 50 рублей штрафа съ каждаго

или двухъ мѣсяцевъ ареста, при чемъ этотъ приговоръ безусловно утверждался мировымъ съѣздомъ.

Первая жалоба была принесена крестьяниномъ Степаномъ Панасюкомъ и крестьянкой Маріей Казачукъ и представляла характерный образчикъ всѣхъ подобныхъ дѣлъ. Оно начиналось съ предписанія начальника Радинскаго уѣзда войту гмины о томъ, что Холмско-Варшавская духовная консисторія проситъ сдѣлать распоряженіе брачившихся по римско-католическому обряду разлучить отъ „купножительства“, вслѣдствіе чего на войта возлагается обязанность взять съ Панасюка и Казачукъ подписку, что они обязуются не жить болѣе купно, и имѣть строгое наблюденіе за тѣмъ, чтобы они не сходились въ „купножительствѣ“, а въ случаѣ нарушенія этого—привлечь ихъ къ отвѣтственности по 29 ст. уст. о наказ. нал. мир. суд. —Подписку эту они отказались дать и были осуждены гминнымъ судомъ, но и затѣмъ— имѣя уже двухъ дѣтей—не разстались и продолжали жить вмѣстѣ, считая себя состоящими въ бракѣ, почему гминный судъ осудилъ ихъ вторично—за повтореніе преступленія—и назначилъ имъ высшую мѣру наказанія, что составило съ прежде взысканными по 75 рублей штрафа на человѣка. Приговоръ этотъ былъ утвержденъ съѣздомъ мировыхъ судей. Въ подробно мотивированномъ приговорѣ съѣзда были приведены длинныя разсужденія о томъ, что преступное дѣяніе обвиняемыхъ составляетъ нарушеніе порядка управленія (!?), подлежащее пресѣченію со стороны полиціи, согласно закону 1875 года о возсоединеніи бывшихъ греко-уніатовъ, при чемъ *полиція не входитъ въ сферу религіозныхъ вѣрованій, а также не вступаетъ и въ сферу нравственности, ибо никого не обязываетъ заключать брачныя узы.* Разсужденія съѣзда заключались признаніемъ неуважительными указаній жалобщиковъ на то, что они даже и при признаніи ихъ брака незаконнымъ могутъ быть признаны только сожительствующими какъ неженатый съ незамужней. Разсужденія эти въ существѣ своемъ указывали прежде всего, что и съѣздъ нѣсколько чуждался „сферы нравственности“. „Таковыми подсудимые могли бы быть признаны—говорилъ его приговоръ, — лишь тогда, когда, исполнивъ требованіе полиціи о разлукѣ, они потомъ уже сошлись бы на внѣбрачное сожительство *„на иномъ основаніи“*.

Этотъ приговоръ, какъ и всѣ по послѣдующимъ 22 дѣламъ о „краковскихъ“ бракахъ, поступившимъ въ Сенатъ, былъ изложенъ совершенно однообразно и, даже, если память мнѣ не измѣняетъ, литографированъ, съ оставленіемъ пустыхъ мѣстъ для вписанія именъ обвиняемыхъ. Прокуроръ варшавской палаты, одновременно съ поступленіемъ первыхъ дѣлъ о „краковскихъ“ бракахъ, сообщилъ мнѣ

оффиціально о томъ, что ихъ въ производствѣ ихъ имѣется еще довольно много и что по вошедшимъ въ силу приговорамъ большая часть осужденныхъ, вслѣдствіе несостоятельности, подвергнута лишенію свободы на срокъ двухъ мѣсяцевъ, а также, что мѣстныя власти и мѣстное населеніе съ одинаковымъ нетерпѣніемъ, хотя и по разнымъ основаніямъ, ожидаютъ рѣшенія Правительствующаго Сената. Къ сообщенію прокурора было приложено отношеніе благочиннаго Радинскаго округа къ предсѣдателю мирового съѣзда второго округа, въ которомъ онъ, препровождая вѣдомость о незаконныхъ бракахъ бывшихъ уніатовъ, заявлялъ, что „судебное преслѣдованіе въ данномъ случаѣ производитъ самое благое вліяніе на „упорствующихъ“ и вмѣстѣ съ тѣмъ приноситъ большую пользу, уменьшая число этихъ браковъ и побуждая „упорствующихъ“, за малымъ исключеніемъ, начинать праздновать православные праздники, такъ что все духовенство Радинскаго округа изъявляетъ свою искреннюю благодарность судамъ за ихъ дѣятельность и молитъ Господа, чтобы благотворное дѣйствіе суда продолжалось и на будущее время, пока не искоренится упорство заблуждающихся несчастныхъ православныхъ прихожанъ, которые, благодаря непостоянству распоряженій администраціи, коснѣютъ въ убѣжденіи, что начальство не имѣетъ надъ ними ни власти, ни права“.

Не нужно было особыхъ усилій воображенія, чтобы представить себѣ картину этого трогательнаго возсоединенія мирового съѣзда съ духовной консисторіей во всѣхъ ея характерныхъ и смущающихъ душу подробностяхъ. Не трудно было и задаться вопросомъ: что же дѣлается съ дѣтьми насильственно разлученныхъ родителей? куда дѣваются они? на чьемъ попеченіи они находятся, если „упорствующіе“ не станутъ бросать другъ друга въ угоду духовному и уѣздному начальству и—разоренные штрафами—будутъ постоянно, чрезъ небольшіе промежутки, водворяемы въ тюремный замокъ, за повтореніе своего злодѣянія? Самъ собою возникалъ и другой вопросъ: дѣйствительно ли, въ случаѣ признанія такихъ браковъ незаконными, на свѣтской власти лежитъ обязанность по первому требованію консисторіи *разлучать* считающихъ себя супругами и авторитетнымъ словомъ суда рекомендовать, вмѣсто брака, блудное сожитіе, но только на какомъ-то „иномъ основаніи“? Статья 37 I ч. X тома свода законовъ несомнѣнно относится къ бракамъ (въ томъ числѣ и смѣшаннымъ), *заключеннымъ по обрядамъ того вѣроисповѣданія*, къ которымъ принадлежатъ брачущіеся. Всѣ семь пунктовъ этой статьи совершенно ясно указываютъ, что такой бракъ—законный и дѣйствительный самъ по себѣ—становится незаконнымъ и недѣйствительнымъ, только вслѣд-

ствіе свойствъ, заключающихся не въ вѣроисповѣданіи, а въ личности одного или обоихъ брачущихся—въ ихъ сумасшествіи родствѣ или свойствѣ, состояніи уже въ бракѣ, нахожденіи подъ запрещеніемъ вступать въ бракъ, недостиженіи брачнаго возраста или переходѣ за предѣлы его и т. п. Поэтому и 38 ст. I ч. X тома, предписывающая немедленное разлученіе такихъ брачущихся—вслѣдствіе соображеній нравственнаго порядка или требованій народнаго здравія—отъ дальнѣйшаго сожительства, относится исключительно къ бракамъ, заключеннымъ по обрядамъ оффиціальнаго вѣроисповѣданія разлучаемыхъ. Поэтому два лица православнаго вѣроисповѣданія могутъ вступить между собою *въ бракъ* только по обрядамъ православнаго вѣроисповѣданія, всякое же другое ихъ сожитіе, хотя бы и имѣющее видъ и аттрибуты брачнаго, есть конкубинатъ съ точки зрѣнія закона гражданскаго, не говоря уже о правилахъ церковныхъ. Въ виду этого Панасюкъ и Казачукъ и всѣ пострадавшіе за то же—„имена ихъ ты, Господи, вѣси"—ни въ какомъ случаѣ не могли считаться состоящими въ незаконномъ бракѣ. Поэтому требованіе о разлученіи ихъ оказывалось совершенно произвольнымъ и лишеннымъ всякаго основанія. Сожитіе неженатаго съ незамужней влечетъ въ Россіи уголовное преслѣдованіе, лишь при требованіи матерью ребенка, родившагося отъ этой связи, обезпеченія себѣ и ему, согласно 994 ст. улож. о наказ. Въ Царствѣ же Польскомъ виновные въ блудѣ преслѣдуются прокурорскимъ надзоромъ предъ окружнымъ судомъ и наказываются церковнымъ покаяніемъ, независимо отъ рожденія ребенка. Поэтому, разсматривая приговоръ гминнаго суда, мировой съѣздъ былъ обязанъ отмѣнить и этотъ приговоръ и все производство по дѣлу, признавъ, что требованіе консисторіи и уѣзднаго начальника, идущее въ разрѣзъ съ точнымъ смысломъ 37 статьи X тома, незаконно и что подсудимые могли бы подвергнуться лишь обвиненію въ незаконномъ сожитіи, если бы прокурорскій надзоръ нашелъ возбужденіе такого обвиненія цѣлесообразнымъ и разумнымъ по бытовымъ условіямъ жизни.

Оставленіе въ силѣ подобныхъ приговоровъ съѣзда было бы равносильно упроченію въ Сѣдлецкой губерніи явнаго неправосудія, и я счелъ себя обязаннымъ высказать предъ Сенатомъ по дѣлу Панасюкъ—Казачукъ мнѣніе о необходимости отмѣны состоявшагося приговора со всѣми послѣдствіями, за неправильнымъ примѣненіемъ 29 ст. уст. о наказ., и съ разъясненіемъ неосновательности толкованія, даннаго мѣстными властями статьѣ гражданскихъ законовъ о недѣйствительныхъ и незаконныхъ бракахъ.

Предвидя, что въ случаѣ, если Сенатъ раздѣлитъ—какъ я имѣлъ основаніе предполагать—мой взглядъ, въ правящихъ кругахъ Сѣдлецкой губерніи и въ самой Варшавѣ поднимется нѣкоторый шумъ и въ Петербургъ полетятъ нареканія на Сенатъ за то, что рѣшенія его колеблютъ и разрушаютъ дѣло возсоединенія, я словесно предупредилъ министра юстиціи Манасеина объ этихъ весьма возможныхъ и вѣроятныхъ послѣдствіяхъ будущаго сенатскаго разъясненія.

Николай Авксентьевичъ Манасеинъ,—нервный и впечатлительный человѣкъ, не могъ считаться вполнѣ соотвѣтствующимъ званію министра юстиціи въ трудное время восьмидесятыхъ годовъ, когда на судебное вѣдомство установился у многихъ вліятельныхъ высшихъ сановниковъ взглядъ, полный недоброжелательства и недовѣрія. Кропотливый въ работѣ и входившій во всякія мелочи,—страстный и подчасъ рѣзкій,—то слишкомъ замкнутый, то черезчуръ и не безопасно для себя откровенный,—неровный и нерѣшительный,—способный приниматься за какой-нибудь вопросъ съ чрезвычайной энергіей и совершенно утрачивать ее на полпути, Манасеинъ, какъ министръ юстиціи, далъ поводъ ко многимъ довольно справедливымъ упрекамъ и нажилъ себѣ много враговъ. Онъ былъ гораздо болѣе на мѣстѣ, какъ прокуроръ Московской судебной палаты,—въ должности, гдѣ нужно было лишь честное и горячее служеніе Судебнымъ Уставамъ и гдѣ не требовалось широкихъ государственныхъ взглядовъ. Уже во время ревизіи имъ, въ качествѣ сенатора, губерній Прибалтійскаго края, отсутствіе этой широты, въ связи съ большою страстностью, сказалось въ рядѣ дѣйствій, поселившихъ много напраснаго раздраженія и обострившихъ мѣстную племенную рознь. Но вмѣстѣ съ тѣмъ это былъ человѣкъ несомнѣнной доброты и благородства,—чуждый интригъ и лукавства,—прямодушный въ выраженіи своихъ симпатій и антипатій,—понимавшій цѣну труда, способный сознавать и даже оплакивать свои ошибки, далекій отъ суетнаго честолюбія и смотрѣвшій на свое званіе не какъ на ступеньку къ матеріальному или властному возвышенію, а какъ на тяжкое служеніе, которое и поглотило всѣ его духовныя и физическія силы. Въ душевномъ складѣ и вкусахъ его жилъ мировой посредникъ перваго призыва, и этимъ, конечно, объясняется та смѣлая оппозиція, которую онъ проявилъ при возникновеніи закона о земскихъ начальникахъ, пока нервное отсутствіе стойкаго напряженія воли не толкнуло его на уступки, обрадовавшія его враговъ и недовѣрчиво принятыя тѣми, въ согласіи съ кѣмъ онъ ихъ сдѣлалъ. Одинокій въ общественномъ смыслѣ, многими оставленный и позабытый, сошелъ онъ въ тяжкихъ физическихъ страданіяхъ въ

могилу, вскорѣ послѣ давно желаннаго имъ увольненія отъ должности министра.

Личныя наши отношенія были довольно холодны и оффиціальны, но я считалъ нужнымъ предупреждать его заранѣе о предвидимыхъ мною поводахъ къ несправедливому раздраженію на судебное вѣдомство или на Сенатъ для того, чтобы онъ могъ своевременно приготовиться къ отклоненію нападеній и къ разъясненію недоумѣній. Съ удовольствіемъ вспоминаю я нѣкоторыя изъ нашихъ бесѣдъ по этимъ поводамъ, и какъ сейчасъ вижу его оживленное, красивое лицо и прекрасные глаза. Во всѣхъ случаяхъ, когда дѣло касалось вопросовъ о свободѣ совѣсти, Манасеинъ обнаруживалъ ясность мысли и отсутствіе душевной черствости, проявляя не разъ смѣлость рѣшеній, не совсѣмъ обычную въ то время уклончивости и компромиссовъ. Онъ искренно возмутился представленными ему мною данными дѣла и вполнѣ согласился съ тѣмъ, что приговоры Сѣдлецкаго съѣзда не могутъ оставаться въ силѣ, несмотря на то, что незадолго передъ тѣмъ, этотъ съѣздъ получилъ общее одобреніе своей, особо оттѣненной въ отчетѣ Синодальнаго оберъ-прокурора, усердной дѣятельности. Я просилъ Манасеина вызвать предсѣдателя съѣзда и предложить ему представить подробныя свѣдѣнія о всѣхъ другихъ преслѣдованіяхъ, возбужденныхъ противъ уніатовъ. Манасеинъ согласился на это, прибавивъ, что вызоветъ и прокурора судебной палаты. Дня черезъ три я получилъ отъ него записку, въ которой онъ сообщалъ мнѣ, что говорилъ оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода о томъ заключеніи, которое будетъ мною дано по дѣламъ о „краковскихъ“ бракахъ, и что К. П. Побѣдоносцовъ очень проситъ меня повидаться съ нимъ, надѣясь разъяснить мнѣ неправильность моего взгляда.

„Помилуйте, что вы хотите сдѣлать!—сказалъ мнѣ при свиданіи Побѣдоносцевъ—мы съ такимъ трудомъ налаживаемъ церковное дѣло въ Польшѣ, а вашъ Сенатъ собирается намъ въ колеса палки вставлять... Тутъ вѣдь не одно нарушеніе церковныхъ правилъ. Эти бывшіе уніаты вызываютъ путаницу въ актахъ состоянія и, не желая звать православнаго священника, хоронятъ мертвыхъ кое-какъ и раньше срока. Судебные приговоры произвели на нихъ отличное дѣйствіе: мнѣ писали объ этомъ и предсѣдатель съѣзда и мѣстный преосвященный, а у васъ все это собираются испортить“... Онъ ходилъ большими шагами по кабинету и, видимо, все болѣе и болѣе раздражался. Я далъ ему все высказать и, зная, что въ немъ формальный ревнитель интересовъ духовнаго вѣдомства не могъ совершенно заставить замолчать тонкій и логическій умъ свѣдущаго и извѣстнаго цивилиста, спокойно изло-

жилъ ему, какое явное искаженіе нашихъ *гражданскихъ* законовъ представляютъ собою рѣшенія съѣзда, указавъ ему на то, что самъ же онъ вмѣстѣ съ двумя другими министрами выработалъ Высочайшее повелѣніе 1882 года, въ силу котораго незаписаніе новорожденныхъ дѣтей въ акты состоянія и погребеніе съ нарушеніемъ полицейскихъ правилъ наказываются въ административномъ порядкѣ маленькимъ единовременнымъ штрафомъ. Но между такимъ штрафомъ, если бы онъ назначался за незанесеніе рожденія ребенка въ акты гражданскаго состоянія, и насильственнымъ разлученіемъ людей, считающихъ себя супругами и не желающихъ жить въ блудной связи, есть огромная разница. Сенатъ не можетъ покрывать своимъ авторитетомъ приговоры, въ которыхъ законность дѣйствій полиціи доказывается съ вопіющими натяжками и съ рекомендаціей искренно вѣрующимъ людямъ вступать въ внѣбрачную связь „на другомъ основаніи“, какъ выразился съѣздъ. Эти доводы подѣйствовали, и въ концѣ концовъ К. П. Побѣдоносцевъ сказалъ, что онъ не будетъ протестовать противъ рѣшенія Сената въ указанномъ мною смыслѣ, но думаетъ, что такой протестъ неминуемо послѣдуетъ со стороны варшавскаго генералъ-губернатора, такъ что если Сенатъ не желаетъ, чтобы это рѣшеніе вызвало, по жалобамъ послѣдняго, какія-нибудь крутыя общія распоряженія или неожиданныя законодательныя мѣры противъ бывшихъ уніатовъ, которыя еще болѣе ухудшатъ ихъ положеніе, то мнѣ слѣдовало бы переговорить съ генералъ-губернаторомъ, который кстати находится въ Петербургѣ. „И что это они тамъ дѣлаютъ!—прибавилъ онъ тоже довольно неожиданно,—и чего они путаютъ? Вотъ ужъ усердіе не по разуму! Ахъ Боже мой, Боже мой!“

Желая исчерпать вопросъ въ смыслѣ наибольшей законченности для достаточно настрадавшихся возсоединенныхъ, я отправился къ генералъ-адъютанту Гурко и, вопреки предположенію Побѣдоносцева, встрѣтилъ въ немъ человѣка, глубоко не сочувствующаго уніатской эпопеѣ. Онъ разсказалъ мнѣ нѣсколько случаевъ злоупотребленія военной силой для принужденія бывшихъ уніатовъ подчиниться исполненію обрядовъ господствующей церкви, въ родѣ, напримѣръ, испрошенія приходскимъ священникомъ—подъ предлогомъ опасенія насилій при напутствованіи умирающаго—команды нижнихъ чиновъ и обхода съ ними цѣлой деревни, съ цѣлью окрещенія, подъ ихъ прикрытіемъ, всѣхъ младенцевъ у бывшихъ уніатовъ по православному обряду. Поэтому онъ привѣтствовалъ могущее состояться рѣшеніе Сената, но выразилъ сомнѣніе, чтобы оно не вызвало самаго горячаго протестующаго представленія со стороны оберъ-прокурора Святѣйшаго Сунода, вслѣдствіе несо-

мнѣнныхъ будущихъ жалобъ варшавскаго архіепископа. Я передалъ ему мой разговоръ съ Побѣдоносцевымъ, и генералъ-адъютантъ Гурко сказалъ мнѣ, что при докладѣ о положеніи уніатскихъ дѣлъ онъ выскажется противъ практикуемыхъ судебныхъ преслѣдованій. Дня черезъ два, онъ объяснилъ мнѣ, что заявленіе его относительно судебныхъ преслѣдованій встрѣчено было вполнѣ сочувственно. Одновременно съ этимъ дѣло Панасюкъ-Казачукъ было доложено въ Сенатѣ и въ резолюціи всѣ основанія для отмѣны приговора съѣзда были изложены съ особой ясностью и опредѣленностью. Такая же участь постигла и всѣ остальныя дѣла этого рода.

Я присутствовалъ при докладѣ министру вызваннымъ въ Петербургъ предсѣдателемъ съѣзда о характерѣ и свойствѣ уголовныхъ преслѣдованій уніатовъ, при чемъ оказалось, что работа бывшихъ уніатовъ въ полѣ или на дорогѣ въ православные праздники преслѣдовалась, какъ ослушаніе полиціи (ст. 30 уст. о наказ.), или какъ соединенное съ соблазномъ дѣйствіе (ст. 43 уст. о наказ.), или, наконецъ, какъ неисполненіе законныхъ требованій власти (ст. 29 уст. о наказ.), выражающіяся въ несоблюденіи отобранной подписки съ обязательствомъ святить православные праздники;—что по 38 ст. уст. о наказ. (нарушеніе общественнаго спокойствія и тишины) преслѣдовалось *колядованіе* въ Рождественскіе праздники—не вообще согласно ст. 30 устава о преступленіи и пресѣченіи преступленій, нигдѣ впрочемъ не примѣняемой,—а лишь *по новому стилю* и что по той же статьѣ, вопреки разъясненіямъ Сената, преслѣдовался отказъ отъ принятія свидѣтельской присяги по православному обряду, а также несоблюденіе отобранной полиціей подписки *не посѣщать католическія церкви для молитвъ*. Выслушавъ подробный разборъ и оцѣнку юридическихъ основаній для такихъ преслѣдованій и справку изъ практики Правительствующаго Сената по аналогичнымъ дѣламъ, Н. А. Манасеинъ далъ соотвѣтствующія указанія предсѣдателю съѣзда и поручилъ принять мѣры, чтобы впредь преслѣдованія, роняющія достоинство судебной власти и лишенныя законнаго основанія, не возбуждались. Такимъ образомъ, казалось, что послѣдній актъ искусственнаго возсоединенія, совершеннаго въ 1875 году, былъ доигранъ, и что на этихъ печальныхъ страницахъ можно было закрыть книгу, содержащую въ себѣ поучительную повѣсть о томъ, къ какимъ уродливымъ послѣдствіямъ приводитъ не стѣсняющееся въ дѣйствіяхъ усердіе въ дѣлахъ вѣры, въ особенности, когда къ нему примѣшивается устройство административныхъ миражей. Министръ, юстиціи, оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Сунода и варшавскій генералъ-губернаторъ—каждый въ отдѣльности со-

гласились съ необходимостью прекратить уголовное преслѣдованіе бывшихъ уніатовъ по вѣроисповѣднымъ дѣламъ; Сенатъ авторитетно и рѣшительно указалъ на юридическую тщету подобныхъ преслѣдованій,—и, наконецъ, этотъ взглядъ не встрѣтилъ повелительнаго возраженія.

Чего же больше?

Но неуловимый „столоначальникъ“ не дремалъ. *Онъ* находилъ, что оставлять уніатовъ свободными отъ преслѣдованія невозможно, что если нельзя „поражать ихъ ранами“, то можно „поразить ихъ скорпіонами“. *Его* духъ виталъ надъ тремя злополучными уѣздами Сѣдлецкой губерніи и вскорѣ далъ себя почувствовать. Въ 1890 году въ уголовный кассаціонный департаментъ поступило нѣсколько дѣлъ изъ Сѣдлецкаго съѣзда второго округа, напоминавшихъ недавнее, но, какъ къ сожалѣнію оказалось, не прошедшее время. У лицъ, вступившихъ въ „краковскіе“ браки, рождались дѣти. Не считая себя православными, родители крестили дѣтей у католическихъ миссіонеровъ. Тогда должностныя лица, ведущія акты гражданскаго состоянія,—бургомистры и равнозначащіе имъ чины въ гминахъ, получивъ списки такихъ родителей, стали вызывать послѣднихъ къ себѣ и требовалъ метрическихъ свидѣтельствъ дѣтей, удостовѣряющихъ о крещеніи ихъ по православному обряду для отмѣтки ихъ въ графѣ документовъ, подтверждающихъ свѣдѣнія, помѣщенныя въ записи актовъ состоянія. Метрики, конечно, не оказывалось, и тогда отъ вызванныхъ отбиралась подписка о томъ, что они въ трехдневный срокъ ее представятъ. Одни давали такую подписку и не представляли метрики, другіе прямо отказывались давать подписку. О томъ и о другомъ составлялся протоколъ, направлялся въ гминный судъ по 29 ст. уст. о наказ., и начиналась старая процедура съ разорительными штрафами и лишеніемъ свободы. И на этотъ разъ Сенатъ, не усматривая въ положеніи о веденіи актовъ гражданскаго состоянія законныхъ основаній для предъявленія подобныхъ требованій, отмѣнилъ со всѣми послѣдствіями всѣ дошедшіе до него приговоры, составлявшіе лишь часть изъ ста слишкомъ дѣлъ, накопившихся по Сѣдлецкой губерніи къ марту 1890 года. Сенатъ согласился съ заключеніемъ оберъ-прокурора, что недоставленіе частными лицами метрическихъ свидѣтельствъ для провѣрки правильности книгъ народонаселенія не составляетъ ни преступленія, ни проступка, караемаго уголовными законами, такъ какъ такое доставленіе никому въ обязанность не вмѣнено, а въ примѣчаніяхъ къ инструкціи 1861 года въ точности указанъ порядокъ, который долженъ быть соблюдаемъ при отсутствіи или недостаткѣ метрикъ. Такъ окончились судебныя преслѣдованія уніа-

товъ. И снова были освобождены изъ тюремъ и изъ-подъ угрозы разоренiемъ хозяйства многія семейства *добровольно* присоединившихся.

На этомъ прекратились *судебныя* дѣла объ упорствующихъ изъ возсоединенныхъ. Продолжались ли административныя мѣропріятія въ этомъ отношеніи—мнѣ неизвѣстно. Но единственно правильная и согласная съ назначеніемъ и достоинствомъ церкви борьба съ отпаденіями отъ православія оружіемъ духовнымъ, очевидно, не стояла на первомъ планѣ, такъ какъ еще въ 1904 году въ Комитетѣ Министровъ было сдѣлано заявленіе, что „принадлежность колеблющихся къ православію, являющаяся благомъ какъ для нихъ самихъ, такъ и для Церкви, *при нѣкоторыхъ, уже начатыхъ теперь, усиліяхъ просвѣтительнаго характера* со стороны духовенства, могла бы быть современемъ обезпечена". Такимъ образомъ оказывалось, что черезъ двадцать девять лѣтъ послѣ возсоединенія только-что начались усилія „просвѣтительнаго характера", т. е. что взялись, наконецъ, за мечъ духовный послѣ того, какъ мечъ свѣтскій, иногда даже въ рукахъ военныхъ властей, зазубрился и притупился совершенно безплодно. Отчеты оберъ-прокурора Святѣйшаго Сунода въ концѣ девяностыхъ и въ началѣ девятисотыхъ годовъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ объ этомъ. Такъ въ Холмской епархіи въ 1895 году было *упорствующихъ*—73.000, а въ 1897 году уже 83.000; такъ на общее число возсоединенныхъ по одной Сѣдлецкой губерніи въ числѣ 15.3000 человѣкъ (въ 1897 году)—въ 1899 г. было *упорствующихъ* свыше 62.000 и *колеблющихся* болѣе 55.000 человѣкъ; они имѣли 26.000 некрещеныхъ дѣтей и между ними было 9.800 паръ находящихся, за нежеланіемъ совершить бракъ по православному обряду, въ блудномъ сожитіи. Съ 1896 года по 1897 число упорствующихъ въ Холмской епархіи вообще увеличилось на 6.000 человѣкъ, а колеблющихся на 1.350,—число некрещеныхъ дѣтей на 6.000 и незаконныхъ сожительствъ на 770 паръ. Въ отчетѣ Сунодальнаго оберъ-прокурора за 1897 годъ обрисованы результаты этого безплоднаго воздѣйствія на людей, которые хотѣли жить по вѣрѣ своихъ предковъ. „Состояніе упорствующихъ бывшихъ греко-уніатовъ — говорится въ отчетѣ—до крайности печально. У исповѣди они не бываютъ, дѣтей не крестятъ, браковъ не вѣнчаютъ, умершихъ погребаютъ самовольно. Забывши всѣ обязанности, налагаемыя на христіанъ религіей, они совершенно очерствѣли душой. Отъ незаконныхъ, некрещенныхъ родителей родились дѣти, тоже остающіяся некрещенными. Къ православію упорствующіе относятся съ озлобленіемъ, съ духовенствомъ избѣгаютъ встрѣчъ и бесѣдъ, къ умершимъ пра-

вославнымъ священниковъ вовсе не допускаютъ; на убѣжденія крестить дѣтей многіе отвѣчаютъ: „скорѣе утопимъ, чѣмъ окрестимъ въ вашей Церкви“. Среди нихъ не прекращается пропаганда католическихъ ксендзовъ, тайное совершеніе ими требъ и исповѣди“.

Этотъ отчетъ подписанъ человѣкомъ большого ума... Невольно спрашиваешь себя, какъ нелогичность всего высказаннаго не бросилась прежде всего ему самому въ глаза? Какимъ образомъ люди, ищущіе,—съ ущербомъ для своихъ гражданскихъ правъ,—утѣшенія въ требахъ и жаждущіе покаянія по обрядамъ, унаслѣдованныхъ отъ отцовъ, могутъ считаться: „совершенно очерствѣлыми душою и забывшими всѣ обязанности христіанина“?! Какъ было не задуматься надъ дѣйствительно „крайне печальнымъ состояніемъ“ 83.000 человѣкъ, лишенныхъ послѣ десятка лѣтъ всякаго рода стѣсненій, разореній, административныхъ и судебныхъ преслѣдованій, радости открыто исповѣдывать за себя и за 26.000 дѣтей своихъ свою выстраданную вѣру, не прибѣгая къ тайнѣ и къ укрывательству?—Какъ было не остановиться мыслью на исканіи изъ такого положенія достойнаго христіанской любви выхода?—Вмѣсто такого исканія—столь естественнаго самого по себѣ, а съ точки зрѣнія элементарной предусмотрительности даже обязательнаго для государственныхъ людей—было признано возможнымъ лишь пересмотрѣть правила для рѣшенія вѣроисповѣдныхъ дѣлъ о возсоединенныхъ и во главу этихъ правилъ, закрѣпляя горестное нравственное и общественное положеніе бывшихъ уніатовъ, поставить указанія на то, что *во-первыхъ*, всѣ бывшіе греко-уніаты, въ силу акта возсоединенія ихъ съ православною церковью въ 1875 году, почитаются православными, и *во-вторыхъ*,—лица, происходящія отъ родителей, бывшихъ греко-уніатовъ, признаются православными, хотя бы и были крещены до 1875 г. въ костелѣ...

Такъ шло дѣло до 1905 года, когда, къ великому облегченію всѣхъ, кому дороги святыя права человѣческаго духа, Комитетъ Министровъ призналъ наконецъ, что въ области вѣры принужденіе не должно быть допускаемо и насильственное удержаніе кого-либо въ томъ или другомъ вѣроисповѣданіи не можетъ почитаться явленіемъ нормальнымъ, ни съ точки зрѣнія православной церкви, ни съ точки зрѣнія государственной. По мнѣнію Комитета, однимъ изъ самыхъ нежелательныхъ элементовъ въ государствѣ являются подданные безъ религіи, какъ главнаго устоя нравственности, а отсутствіе законной семьи, нарушая правильное отношеніе между родителями и дѣтьми, затрудняетъ нравственное воспитаніе подрастающаго поколѣнія.

Насажденіемъ этого *нежелательнаго элемента* и препятство-

ваніемъ возникновенію законной семьи можетъ быть по справедливости названо преслѣдованіе возсоединившихся въ Сѣдлецкой губерніи, продолжавшееся съ разными измѣненіями, то усиливаясь, то ослабѣвая, около тридцати лѣтъ, пока Высочайшій указъ Сенату отъ 17 апрѣля 1905 года не явился торжественнымъ призваніемъ, что „вѣра порождается исключительно благодатію Господнею, поученіемъ, кротостью и добрыми примѣрами...“

1908 г. А. Ѳ. Кони.

Изъ военнаго быта.

Въ 18** году командиромъ N—скаго армейскаго корпуса назначенъ былъ генералъ N. Еще за долго до прибытія, курсировалъ рядъ разсказовъ о его чудачествѣ, мелочности и странномъ пристрастіи къ окрашиванію, преимущественно подъ одинъ цвѣтъ, разнаго рода казарменной мебели, не исключая даже и собственныхъ солдатскихъ сундучковъ. Подъ вліяніемъ этихъ разсказовъ, между прочимъ, весь, такъ называемый расходный (не штатный) обозъ въ одной изъ дивизій, квартировавшей въ мѣстѣ расположенія штаба названнаго корпуса, былъ спѣшно перекрашенъ по цвѣту полковъ, очевидно въ разсчетѣ, такъ сказать съ мѣста, угодить новому начальнику. Къ слову сказать, упомянутый генералъ, при его странностяхъ, оригинальныхъ выходкахъ, педантизмѣ и мелочности, обладалъ твердымъ, прямымъ и честнымъ характеромъ, былъ всецѣло преданъ военному дѣлу, хладнокровенъ, справедливъ и при томъ весьма не прихотливъ и не общителенъ.

Прибывъ къ мѣсту службы, генералъ N сразу зарекомендовалъ себя какъ требовательный строевой начальникъ, въ полной мѣрѣ знакомый съ дѣломъ, но въ то же время не замедлилъ заявить себя и разнаго рода мелочными требованіями, не только иногда странными и безполезными, но подъ часъ и курьезными. Не проходило почти дня, чтобы онъ не заходилъ въ штабъ корпуса, гдѣ обыкновенно и давалъ волю своей богатой фантазіи, по части придумыванія разныхъ нововведеній, въ большинствѣ мелочныхъ и мало существенныхъ, но, по его личному мнѣнію, необходимыхъ и высоко полезныхъ, при чемъ въ части его проектовъ—однообразіе и симметрія играли обыкновенно первенствующую роль.

Являясь въ штабъ, онъ, послѣ обычнаго привѣтствія, проходилъ по комнатамъ, гдѣ находились офицеры и писаря, и входя

въ кабинетъ начальника штаба, обыкновенно говорилъ: „пожалуйста занимайтесь и курите, а я посижу“; не проходило однако и пяти минутъ, какъ генералъ уже приступалъ къ изложенію придуманныхъ имъ новшествъ.

Напримѣръ.—„Вотъ я вижу у васъ всѣ эти черныя ручки для перьевъ; по-моему это неудобно. Я пишу свои резолюціи на бумагахъ всегда красными чернилами, и поэтому хорошо было бы, чтобы для красныхъ чернилъ были красныя ручки, а для черныхъ—черныя; тогда по крайней мѣрѣ сразу знаешь, какую ручку взять. Вы заведите это и сейчасъ же отдайте приказаніе адъютанту, чтобы распорядился купить“. Проходитъ нѣкоторое время, и генералъ N выступаетъ съ слѣдующимъ проектомъ: „когда я командовалъ N—скою дивизіею, у меня, знаете, для порядка и однообразія утвержденъ былъ особый транспарантъ для полковыхъ канцелярій и штаба дивизіи. Я вамъ пришлю сегодня экземпляръ такого транспаранта; прикажите отпечатать по числу частей корпуса и разошлите при приказаніи къ руководству“.

Принесъ какъ-то генералъ N небольшую книжку въ переплетѣ и, передавая ее, сказалъ: „Это приказанія по бывшей моей N—ской дивизіи; я тутъ заложилъ нѣсколько приказаній и между ними одно съ подробнымъ рецептомъ составленія краски (вохры) для окрашиванія въ одинъ цвѣтъ разной казарменной мебели, а также и собственныхъ солдатскихъ сундучковъ; это, знаете, необходимо въ казарменныхъ помѣщеніяхъ для однообразія и вообще порядка. Объявите сейчасъ же этотъ рецептъ въ приказаніи по корпусу къ исполненію“.

Далѣе слѣдовалъ еще цѣлый рядъ проектовъ, зачастую или непрактичныхъ или непримѣнимыхъ, въ родѣ, напримѣръ, записыванія во входящій журналъ бумагъ по хозяйственной части красными чернилами, а по строевой—черными; этотъ проектъ, однако, послѣ доклада о затруднительности примѣнить его къ дѣлу, былъ отложенъ. Рекомендовано было также генераломъ N писарямъ и наряжавшимся въ штабъ отъ полковъ очереднымъ вѣстовымъ выдавать ежедневно, кромѣ каши, на второе блюдо „котлеты“, составленныя изъ половины мясной порціи, смѣшанной съ мятымъ картофелемъ; нововведеніе это продолжалось лишь нѣсколько недѣль и было отмѣнено, такъ какъ писарямъ эти „котлеты“ просто напросто надоѣли, а вѣстовые называли ихъ даже блинчиками [1]).

---

[1]) Такъ именно отвѣтилъ генералу N одинъ изъ вѣстовыхъ, на вопросъ—что ему выдано было въ обѣдъ.

Затѣмъ былъ еще слѣдующій эпизодъ. Сидя какъ-то въ штабѣ, генералъ N, послѣ доклада и подписи бумагъ, неожиданно замѣтилъ: „вотъ я все смотрю и нахожу, что всю вашу штабную мебель можно было бы гораздо лучше и удобнѣе разставить, начиная, напримѣръ, съ стола, за которымъ сидитъ Карлъ Ивановичъ [1]); посмотрите, онъ совсѣмъ не на мѣстѣ! вотъ что, дайте-ка мнѣ двухъ свободныхъ писарей и двухъ вѣстовыхъ, я вамъ сейчасъ все переставлю, а вы продолжайте себѣ заниматься и адъютантамъ скажите, чтобы сидѣли и не прерывали занятій!“ Началась полная перестановка мебели въ трехъ большихъ комнатахъ штабнаго помѣщенія и когда она закончилась, генералъ N, позвавъ начальника штаба, сказалъ ему: „ну, вотъ посмотрите сами; по-моему теперь гораздо лучше; не правда ли? затѣмъ, въ полголоса еще добавилъ: „а класснаго медицинскаго фельдшера я посадилъ, знаете, отдѣльно, закрывъ картою Россіи; такъ лучше будетъ; не нужно, чтобы онъ былъ на виду и мозолилъ глаза“.

Сообщилъ Д.

[1]) Корпусный врачъ.

Записки сенатора Есиповича [1]).

Другой изъ членовъ В. У. суда принималъ самое горячее участіе въ дѣлѣ В. У. Суда. Для этого дѣла онъ остался на лѣто 1866 г. въ Россіи, хотя его семейство находилось за границею. Какъ членъ суда, онъ не пропускалъ ни одного засѣданія, не только судебнаго, но и распорядительнаго. Онъ пріѣзжалъ въ крѣпость даже часто въ такіе дни, когда засѣданій суда не было, и посвящалъ по нѣсколько часовъ сряду для совѣщаній по этому очень безпокоившему его дѣлу.

Въ этихъ совѣщаніяхъ онъ преимущественно выражалъ свое негодованіе противъ преступниковъ и пріискивалъ имъ самыя строгія наказанія, заключавшіяся почти всегда въ смертной казни и въ каторжныхъ работахъ. Раздѣляя вполнѣ негодованіе противъ преступниковъ, я считалъ однако же своею обязанностью представлять возраженія противъ придуманныхъ имъ наказаній, въ чемъ по большей части встрѣчалъ противорѣчіе въ N, поддерживавшемъ конечно обвинительные акты, въ составленіи которыхъ онъ участвовалъ и которые почти противъ всѣхъ подсудимыхъ предлагали или смерть или каторжную работу. Въ то время, когда В. У. судъ, окончивъ судебное слѣдствіе, находился въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ въ совѣщательной комнатѣ для постановленія резолюціи о 34 подсудимыхъ, одинъ изъ главныхъ участниковъ въ составленіи обвинительныхъ актовъ, спросилъ Н. Н. Селифонтова, какъ онъ самъ мнѣ говорилъ объ этомъ впослѣдствіи: „Вы не знаете, Николай Николаевичъ, какой приговоръ будетъ постановленъ объ этихъ подсудимыхъ“?

[1]) См. „Русская Старина“, январь 1909 г.

„Нѣтъ, не знаю".

„Я полагаю, что ихъ, вѣроятно, приговорятъ" и затѣмъ составитель обвинительныхъ актовъ указалъ почти тѣ самыя наказанія, которыя были присуждены судомъ.

„Значитъ, вы считаете эти наказанія правильными"? спросилъ Селифонтовъ.

„Конечно", отвѣтилъ тотъ.

„Зачѣмъ же вы въ обвинительныхъ актахъ предлагали совсѣмъ другое"?

„Ну, помилуйте, какъ же министру юстиціи можно было написать въ обвинительныхъ актахъ то, что можетъ написать В. У. судъ? Какъ же министръ явится къ государю"?

Это прискорбно, очень прискорбно! Правда, обвинители, предлагавшіе смертныя казни противъ подсудимыхъ, того не заслужившихъ, могли, конечно, надѣяться, что государь помилуетъ ихъ и послѣ осужденія, но рисковать чьею-либо жизнію въ надеждѣ на помилованіе значитъ, по моему мнѣнію, рисковать не только человѣческою жизнію, не только правосудіемъ, но и государственнымъ достоинствомъ и историческою будущностью своего отечества.

Во время судебныхъ засѣданій этотъ членъ В. У. суда не только предлагалъ подсудимымъ вопросы, относившіеся преимущественно къ тому, гдѣ они учились, кто были ихъ учители и родители, но и записывалъ тѣ фразы и выраженія въ отвѣтахъ подсудимыхъ, которыя его особенно поражали. Фразы эти онъ непремѣнно требовалъ вносить въ протоколы: вотъ почему будущій историкъ увидитъ протоколы В. У. суда, испещренные моими перепиской, которыя всѣ сдѣланы по требованію членовъ суда. Всѣ эти переписки оговорены до подписанія протоколовъ членами.

Теперь слѣдовало бы сказать что-нибудь объ адмиралѣ Николаѣ Ѳедоровичѣ, но онъ такъ скромно держалъ себя, что сказать о немъ нечего. Я не могъ даже уяснить себѣ понятія о томъ, что онъ за человѣкъ—добрый или злой? Кажется, впрочемъ, добрый. Не совсѣмъ я понимаю, какъ онъ могъ управлять морскимъ министерствомъ.

Затѣмъ изъ членовъ В. У. суда остаются два первоприсутствующихъ въ кассаціонныхъ департаментахъ Александръ Даниловичъ Башуцкій и Матвѣй Михайловичъ Корніолинъ-Пинскій. Первоприсутствующіе кассаціонныхъ департаментовъ Сената должны бы, кажется, въ В. У. судѣ быть представителями юридическаго элемента, но А. Д. Башуцкій никогда представителемъ никакого важнаго и серьезнаго начала не былъ и быть не могъ; онъ былъ и. д. статсъ-секретаря въ Государственномъ Совѣтѣ въ то время, когда госу-

дарственнымъ секретаремъ былъ баронъ М. А. Корфъ, и кажется, соблазнился отъ него обожаніемъ редакціи, при которомъ остался на всю свою жизнь и послѣ того, какъ суровый Н. И. Бахтинъ, занявшій мѣсто барона Корфа, препроводилъ его, страстнаго пуриста, въ члены консультаціи при министерствѣ юстиціи. Въ В. У. судѣ Александръ Даниловичъ нерѣдко возмущался небрежностью редакціи протоколовъ этого суда, такъ что я долженъ былъ объяснить ему, что, составляя протоколы о судебныхъ слѣдствіяхъ, производимыхъ В. У. судомъ, я забочусь не о красотѣ слога, а о томъ, чтобы какъ можно вѣрнѣе и ближе, даже по формѣ, передать отвѣты подсудимыхъ. Первоприсутствовавшій въ гражданскомъ кассаціонномъ департаментѣ и въ общемъ собраніи кассаціонныхъ департаментовъ, кажется, не удовлетворился моимъ отвѣтомъ, но уже болѣе мнѣ не надоѣдалъ, а, не входя въ пренія по существу дѣла, приставалъ безмолвно къ тѣмъ членамъ, которые предлагали болѣе строгія наказанія.

М. М. Корніолинъ-Пинскій считался однимъ изъ первыхъ криминалистовъ въ русской имперіи, но въ В. У. судъ онъ поступилъ уже полуживымъ, такъ что не могъ даже доходить отъ кареты до своего кресла, а былъ вносимъ въ залу суда на носилкахъ. Репутація его извѣстна: человѣкъ желчный, суровый, безпощадный. Въ В. У. судѣ онъ оставался вѣренъ себѣ. Увидѣвъ въ первый разъ 11 главныхъ подсудимыхъ, онъ сказалъ мнѣ, что все это добыча висѣлицы (gibier de potence). Графъ Панинъ былъ особенно любезенъ и внимателенъ къ нему и всегда обращался къ М. М., когда желалъ найти поддержку какому-либо изъ своихъ особенно суровыхъ приговоровъ—и я могу засвидѣтельствовать—эту поддержку онъ находилъ въ немъ почти всегда, точно такъ же, какъ и въ А. Д. Башуцкомъ. Первое, или одно изъ первыхъ распорядительныхъ засѣданій Матвѣй Михайловичъ Корніолинъ-Пинскій ознаменовалъ чтеніемъ своего общаго взгляда на предстоявшее суду дѣло. Записка его присоединена къ дѣлу В. У. суда. Эта записка не имѣла никакихъ послѣдствій, но сохранена мною для исторіи.

Наконецъ къ составу В. У. суда принадлежалъ и генералъ-прокуроръ, министръ юстиціи Д. Н. Замятинъ. Его обыкновенно всѣ считали человѣкомъ неспособнымъ, но прежде всего и болѣе всего онъ былъ человѣкомъ индифферентнымъ, который, кажется, никогда не имѣлъ своихъ личныхъ твердыхъ убѣжденій и никогда ихъ не отстаивалъ, по той, можетъ быть, простой причинѣ, что отстаивать было нечего. По своей натурѣ онъ, кажется, человѣкъ добрый, но ужъ во всякомъ случаѣ онъ не былъ въ уровень ни своему высокому званію, ни своему критическому положенію въ

данную минуту. Минута была такова, что на его мѣстѣ требовался великій юристъ, тонкій политикъ и высокій твердый характеръ. Ни того, ни другого, ни третьяго въ Дмитріѣ Николаевичѣ не было, и подписывалъ онъ, несмотря на свою доброту, жестокіе обвинительные акты, которые приготовляла ему комиссія, состоявшая изъ барона Врангеля, Чемодурова, Бѣлостоцкаго и Постельникова. Комиссія эта сопровождала его и въ судебныя засѣданія В. У. суда, сидѣла возлѣ него и передавала ему записочки о тѣхъ вопросахъ, которые слѣдовало ему предлагать при производствѣ судебныхъ слѣдствій. Особенно затруднительно было положеніе Димитрія Николаевича, когда возникалъ въ засѣданіи какой-нибудь вопросъ врасплохъ, неожиданно для него. Примѣръ: Каракозовъ подалъ прошеніе о вызовѣ изъ Москвы указанныхъ имъ докторовъ. Прошеніе это разсматривалось въ распорядительномъ засѣданіи В. У. суда. Я доложилъ прошеніе Каракозова. Предсѣдатель суда обратился къ Замятину: „Г. Генералъ-прокуроръ, не угодно ли Вамъ дать заключеніе?“

Генералъ-прокуроръ этого не ожидалъ и потому всталъ въ большомъ замѣшательствѣ. „Я этого прошенія не видалъ. Не угодно ли Вашему Сіятельству поручить г. секретарю представить намъ его соображенія?“

Князь Гагаринъ обратился ко мнѣ. Представлять соображенія по вопросамъ, возникавшимъ въ судѣ, я не имѣлъ оффиціально никакого права (да едва-ли и вообще имѣлъ право присутствовать при совѣщаніяхъ членовъ суда при постановленіи ими рѣшеній, такъ какъ судебными уставами секретари судовъ на это не уполномочены, въ видахъ устраненія вліянія канцеляріи на мнѣнія членовъ), но если мнѣ дѣлали честь спрашивать моего мнѣнія, то я всегда готовъ былъ сказать его. Мое мнѣніе было такое, что нѣтъ никакого препятствія вызвать просимыхъ Каракозовымъ докторовъ потому, что въ такомъ важномъ дѣлѣ необходимо предоставить каждому то средство защиты или оправданія, на которое онъ ссылается, при томъ же и замедленія тутъ важнаго не будетъ, ибо можно потребовать докторовъ по телеграфу.

Выслушавъ это мнѣніе, генералъ-прокуроръ сказалъ, что такъ какъ докторовъ Каракозовъ проситъ вызвать для опроверженія его обвинительнаго акта, то онъ, генералъ-прокуроръ, на вызовъ ихъ согласиться не можетъ.

Судъ отказалъ въ этомъ вызовѣ, но по другимъ основаніямъ, которыя въ дѣлѣ записаны.

Пора мнѣ однако жъ возвратиться къ описанію самого дѣла по порядку.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1909 г.

СОРОКОВОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за **12** книгъ, съ исполненными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб. съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Фонтанка, д. № 18, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина.**

☛ Гг. **иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала **«Русская Старина»,** Фонтанка, д. № 18, кв. № 6.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какого-либо № журнала, подписчики должны немедленно же по полученіи слѣдующей книжки присылать въ редакцію заявленіе о неполученіи предыдущей. ***По истеченіи же 3-хъ мѣсяцевъ со времени выхода пропавшаго № редакція никакихъ жалобъ не принимаетъ***, т. к. послѣ этого времени почтовому вѣдомству трудно навести справки.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

☛ Можно получать въ конторѣ редакціи **„Русскую Старину“** за слѣдующіе годы: 1876—1880 по **8** рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1908 по **9** рублей.

ПРОДАЕТСЯ КНИГА

„МИХАИЛЪ ИВАНОВИЧЪ СЕМЕВСКІЙ,

ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ“.

съ предисловіемъ и подъ редакц. Н. К. Шильдера. Цѣна 2 р. съ пересылкою. Съ требованіемъ обращаться: С.-Петербургъ, Б. Подъяческая ул., д. 7.

Редакторъ-издатель **П. Вороновъ.**

Ѳеоктистовъ, И в. Русскія народныя басни и сказки о звѣряхъ (по А. Н. Аѳ
насьеву и др.) М. 1908. Тип. т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, св. д.). 8° (16×24). 44 стр. С
рис. Ц. 40 к. Вѣсъ 7 л. 4.000 экз.

Алексѣевъ, В. П. Борьба за идею законности въ Московской Руси. Научно-поп
лярная библіотека. М. 1909. Изд. К-ва «Польза» (М. Гнѣздниковск. пер., 10). Тип. Русска
Товарищества. 8° (14×18). 121 стр. Вѣсъ 10 л. 5.000 экз.

Голубовскій, П. В. Проф. Письма декабриста Алексѣя Петровича Юшковска
и его жены Маріи Казимировны изъ Сибири. Кіевъ. 1908. Тип. Г. Г. Мейнандера (Пу
кинская, 20). 8° (18×27). III+172 стр. Вѣсъ 24 л. 200 экз.

Ключевскій, В, проф. Боярская Дума древней Руси. М. 1909. Изд 4-е. Тип. Т-
А И. Мамонтова (Леонтьевскій п., 5). 8° (14×23) VI+548 стр. Ц. 2 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 1
3.000 экз.

Савеловъ, Л. М. Лекціи по русской генеалогіи, читанныя въ Московско
Археологическомъ Институтѣ. М. 1909. Изд. автора. Тип. С. П. Яковлева (Салтыковс
пер., 9). 8° (18×27). 157 стр. Вѣсъ 1 ф. 650 экз.

Сборникъ отдѣленія русскаго языка и словесности Импер Академіи Наукъ. Т.
Спб. 1908. Изд. и тип. Академіи Наукъ (В. О., 9-я лин., 12). 8° (16×25). I+68+II+44+
139+VII+47+XV+86+1+195 стр. Ц. 4 р. Вѣсъ 2 ф. 9 л. 614 экз.

Содержаніе: I. Кондаковъ, Н. П. Отчетъ отдѣленія Русскаго яз. и словес
II. Шабунинъ, Н. А. Сѣверный край.—III. Петровъ А. Л. Матеріалы для исто
Угорской Руси.—IV. Соболевскій А. И. Изъ переводной литер. Петров. эпох
V. Сырку, П. А. Славян. и русскія рукописи Британскаго музея.

Словарь русскаго языка. Составленный II отдѣленіемъ Имп. Академіи Наукъ. Г
Вып. II. Кампія—Качалка. Спб. 1908. Изд. и тип. Академіи Наукъ (В. О., 9-я л., № 12)
(21×24). VI+321—640 стр. (въ 2 ст.). Вѣсъ 29 л. 6.064 экз.

А. А. Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ. Общая характеристика его произведеній. Т
1909. Тип. И. Д. Фортунатова. 8° (15×22), 8 стр. Вѣсъ 2 л.

Гоголь, Н. В. Сочиненія и письма. Редакція, біографическій очеркъ, вступитель
статьи, примѣчанія и указатели В. В. Каллаша. Томъ шестой. Драматическія прои
денія. Ревизоръ. Спб. 1909. Изд. и тип. т-ва «Просвѣщеніе» (Забалканскій, 75). 12° (12×
385 стр. Съ портр., 3 рис. и 1 факсимиле. Ц. 1 р. Вѣсъ 23 л. 5.000 экз.

Извѣстія Общества археологіи, исторіи и этнографіи при Имп. Казанскомъ уни
ситетѣ. Казань. 1908. Изд. Общества археологіи. Тип. университетская, 8° (17×25). 367
+III стр. Ц. 5 р. Вѣсъ 2 ф. 8 л. 300 экз.

Памяти Петра Александровича Ефремова. Сообщенія, сдѣланныя на общемъ с
ніи 13-го февраля 1908 г. Русское библіографическое Общество при Имп. Московскомъ
верситетѣ. М. 1908. Тип. А. И. Снегиревой. 8° (16×24). 39 стр. Съ портрет. Вѣсъ
500 экземп.

Пругавинъ, А. С. Въ казематахъ. Очерка и матеріалы по исторіи русскихъ
ремъ. Шлиссельбургъ. Суздальская тюрьма. Петропавловская крѣпость. Спб. 1909.
Первой Спб. Трудовой Артели (Лиговская, 34). 8° (15×21). 365 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 1 ф
6.000 экз.

Сборникъ отдѣленія русскаго языка и словесности Имп. Академіи Наукъ. Т.
Изслѣдованія по древней русской литературѣ академика М. И. Сухомлинова.
1908. Изд. и тип. Акад. Наукъ (В. О., 9 лин., 12). 8° (16×24). II нен.+687 стр. Съ таб.
Вѣсъ 2 ф. 18 л. 614 экз.

Сергѣенко, П. Международный Толстовскій альманахъ. О Толстомъ. М. 190
Кинга. Тип. В. М. Саблина (Петровка, д. Обидиной). 8° (17×24). II+431 стр. Ц. 2 р.
1 ф. 20 л. 3.000 экз.

Титовъ, Андрей. Къ бытовой исторіи Россіи въ XVII—XVIII в.в. М. 1908
Синодальная. 8° (18×27). 21 стр. Вѣсъ 5 л. 300 экз.

Труды Полтавскаго Церковнаго Историко-Археологическаго Комитета. Полтава
Тип. Фришбергъ и Зороховичъ (Протопоп. ул.) 8° (17×25). 108 стр. Ц. 60 к. Вѣсъ 1
1.400 экз.

Шиманъ, проф. и Брикнеръ, проф. Смерть Павла Перваго. Перев. съ н
1909. Изд. К-скаго Т-ва Образованіе Тип. Русск. Т-ва печатн. и изд. дѣла (Мыльник.
8° (18×26). 160 стр. Съ рис. и портр. Вѣсъ 1 ф. 4 л. 10.000 экз.

Ольденбургъ, С. Ѳ. Отчетъ о дѣятельности Имп. Академіи Наукъ по
математическому и историко-филологическому отдѣленіямъ за 1908 г. Спб. 1908.
тип. Имп. Акад. Наукъ (В. Остр., 9-я л., 12). 8° (17×25), 4 нен.+267+4 стр. Вѣсъ
638 экземп.

Сиповскій, В. В. Исторія русской словесности. Часть 3. Вып. I. Новая
литература (Пушкинъ, Гоголь. Бѣлинскій). Спб. 1909. Изд. бр. Башмаковыхъ,
„Трудъ“ (Фонтанка, 86). 8° (16 × 23). XIII + 255 стр. Ц. 1 руб. 20 коп. Вѣсъ
10.000 экз.

Срезневскій, В. И. Историческій очеркъ С.-Петербургскаго Елисавет
Института 1808—1908 г. Спб. 1908. Тип. Шредера (Гороховая, 49). 8° (18×26). 126
рис. Вѣсъ 26 л. 700 экз.

16-го августа (1866) было при мнѣ первое распорядительное засѣданіе Верх. Уголов. суда. Всѣ члены суда были въ мундирахъ и лентахъ. Министръ юстиціи съ сопровождавшею его комиссіею также, кромѣ того секретарь суда съ своими двумя помощниками и архиваріусомъ тоже въ мундирахъ, наконецъ, комендантъ крѣпости генералъ Сорокинъ тоже въ мундирѣ и въ лентѣ.

Это засѣданіе было назначено для выдачи 11 главнымъ подсудимымъ копій съ обвинительныхъ актовъ и для объявленія имъ, что они имѣютъ право въ семидневный срокъ выбрать защитниковъ и дополнить списокъ свидѣтелей (557 ст. Уст. Уголовн. суд.).

Передъ открытіемъ засѣданія князь Гагаринъ сказалъ мнѣ, что онъ будетъ говорить Каракозову „ты“, потому, что такому злодѣю нѣтъ возможности говорить „вы“.

Мнѣ удалось однако же убѣдить князя, какъ человѣка въ высшей степени разумнаго, что выражать такимъ образомъ негодованіе противъ подсудимаго, каково бы преступленіе его ни было, для судьи совершенно не прилично и что въ настоящемъ случаѣ существенно необходимо подавить въ себѣ естественное негодованіе къ преступнику и говорить съ нимъ, не нарушая обычныхъ формъ. Я вовсе не поклонникъ того обычая, который усвоенъ мировыми судьями, каждому оборванцу, во всю жизнь свою не слыхавшему ни отъ кого „вы“, говорить это непривычное ему „вы“, но я легко объясняю себѣ и оправдываю это обыкновеніе со стороны мировыхъ судей безъ всякаго для нихъ предосужденія, съ другой стороны я не вижу никакого оправданія для тѣхъ изъ нихъ, которые, увидѣвъ предъ собою лицо высшаго званія или сословія, стараются выказать ему совершенно незаслуженное имъ и непривычное ему пренебреженіе и высокомѣріе. Это очевидно показываетъ уже по меньшей мѣрѣ дурное воспитаніе господина мирового судьи, принадлежность его самого къ площадной лакейской компаніи, или, что̀ еще хуже, какія-то темныя противообщественныя тенденціи. Лакею свойственно желать выказать чѣмъ-нибудь свой хотя мишурный перевѣсъ надъ баринomъ,—ему надо это простить, но мировому судьѣ этого прощать не слѣдуетъ — онъ не лакей и не баринъ, онъ господинъ мировой судья, т. е. представитель общественной судебной власти, безъ всякихъ пристрастій и тенденцій. Если я стою передъ нимъ, то пусть онъ не услаждается и не огорчается этимъ, потому, что я стою не передъ Иваномъ Петровичемъ или Петромъ Ивановичемъ, а передъ судомъ; до него лично это не касается, пусть же онъ выработаетъ свои манеры такъ, чтобы не было замѣтно пристрастіе ни къ лакеямъ, ни къ господамъ.

Убѣдивъ князя Гагарина говорить всѣмъ подсудимымъ „вы“, я

сказалъ ему также, что они приводятся не для допроса, и потому онъ объявилъ имъ, что допроса имъ не дѣлается въ настоящую минуту, но если они сами желаютъ сдѣлать показаніе, то это показаніе будетъ принято.

Первымъ былъ введенъ Каракозовъ. Въ залу суда вошелъ высокій бѣлокурый молодой человѣкъ, видимо смущенный и не знавшій ни куда ему идти, ни гдѣ ему стать. За нимъ вошли два солдата съ обнаженными тесаками.

„Каракозовъ, подойдите сюда“, сказалъ предсѣдатель нѣсколько дрогнувшимъ голосомъ.

Каракозовъ подошелъ къ столу и сталъ противъ предсѣдателя, не смотря впрочемъ ни на него, ни на кого другого прямо. Такъ онъ себя держалъ во всѣхъ засѣданіяхъ, подергивая кромѣ того свои усики и говоря обыкновенно сквозь зубы.

„Вы вызваны въ судъ, сказалъ ему предсѣдатель, для выдачи вамъ обвинительнаго акта о томъ страшномъ преступленіи, въ которомъ вы обвиняетесь. Допроса вамъ теперь не дѣлается, но если вы сами желаете сдѣлать показаніе, то оно будетъ принято“.

Каракозовъ: „Преступленіе мое такъ велико, что не можетъ быть оправдано даже тѣмъ болѣзненнымъ нервнымъ состояніемъ, въ которомъ я находился въ то время“.

Затѣмъ ему была выдана копія съ обвинительнаго акта и объявлено о правѣ его избрать себѣ защитника и т. п... То же самое сдѣлано было въ отношеніи Худякова, Ишутина, Ермолова, Странден, Юрасова, Загибалова, Моткова, Шагалова, Николаева и Кобылина, которые были вводимы одинъ за другимъ, по одиночкѣ. Все это были молодые люди отъ 19 до 26 лѣтъ, и надъ всѣми ими тяготѣло обвиненіе въ страшныхъ государственныхъ предступленіяхъ. Особенное сожалѣніе возбудилъ въ членахъ суда Ермоловъ, юноша 30 лѣтъ, который со слезами объявилъ, что онъ глубоко раскаявается и если бы могъ предвидѣть, къ чему поведетъ общество съ такими людьми, то никогда съ ними не сошелся бы. А меня особенно тронулъ Юрасовъ, молодой человѣкъ 23 лѣтъ, который показалъ, что онъ не ожидалъ, чтобы увлеченіе могло вести къ такимъ послѣдствіямъ, но думалъ, что все это на словахъ и кончится одними разговорами. Членамъ суда особенно нравилось раскаяніе Ермолова, выражавшееся въ дрожащемъ едва слышномъ голосѣ и въ слезахъ, мнѣ же въ Юрасовѣ нравилась та неподдѣльная искренность, которая видѣлась во всей его прекрасной фигурѣ и слышалась въ его гармоническомъ голосѣ, безъ оправданія себя виною своихъ товарищей, подобно Ермолову. Ермоловъ съ плачемъ говорилъ, что не сошелся бы съ такими людьми, если

бы могъ предвидѣть, къ чему поведетъ общество съ ними-- слѣдовательно, онъ обвинялъ этихъ людей и обвинялъ конечно справедливо. Юрасовъ жаловался не на общество своихъ товарищей, не ихъ обвинялъ, а обвинялъ свое собственное увлеченіе, свое собственное заблужденіе, заключавшееся въ дѣтской мысли, что все можетъ ограничиться одними разговорами. Во всякомъ случаѣ положеніе обоихъ этихъ молодыхъ людей, обвиняемыхъ въ преступленіяхъ, влекущихъ смертную казнь, могло быть поучительно для всѣхъ тѣхъ юношей, которые, вмѣсто занятій лекціями, услаждаютъ себя планами о преобразованіи своего отечества, когда еще не въ состояніи составить для себя самихъ плана своихъ учебныхъ занятій, хотя на полгода.

Жалки эти юноши и—смѣшны, готовъ бы я сказать, если бы не приходилось имъ иногда, за ихъ нелѣпыя дѣйствія, но опасныя, какъ безразсудная игра съ огнемъ, сумасбродства дорого расплачиваться всею своею жизнію, всею своею будущностью, но зато безъ всякаго сожалѣнія можно назвать гнусными и омерзительными тѣхъ взрослыхъ господъ, которые орудіемъ своихъ гадкихъ фантазій избираютъ учащуюся, безсознательную молодежь; да будутъ прокляты эти преступные вожди, за которыми юноши, какъ бараны за козломъ, зажмуривши глаза, кидаются въ пучину, не видя даже того, что козелъ, подведшій ихъ къ этой пучинѣ, самъ преспокойно и пребезопасно пріютился гдѣ-нибудь въ укромномъ уголку и вовсе не помышляетъ жертвовать собою для чего бы то ни было. Не меньшаго презрѣнія достойны и тѣ недобросовѣстные учителя и профессора, которые, даже и безъ возмутительныхъ цѣлей, изъ одного только популярничанья, смущаютъ воображеніе и разсудокъ ввѣренныхъ имъ молодыхъ людей и, сами того не понимая, ведутъ ихъ на висѣлицу или на каторгу изъ одного только желанія, чтобы эти же несчастныя жертвы ихъ безумія похлопали имъ на лекціяхъ.

Но отвернемся отъ этихъ примѣровъ человѣческой глупости и подлости, мысль о которыхъ не можетъ не отравлять жизни каждаго честнаго человѣка.

Теперь я долженъ упомянуть о попыткѣ гр. Муравьева вмѣшаться въ дѣло Верховнаго Уголовнаго суда, но попытка эта была энергически отвергнута кн. Гагаринымъ по собственной его иниціативѣ.

До 10 августа 1866 г. министръ юстиціи внесъ въ Верховный Уголовный судъ обвинительные акты только противъ 11 подсудимыхъ въ тѣхъ же преступленіяхъ. Министръ юстиціи сказалъ кн. Гагарину, что онъ не вноситъ обвинительныхъ актовъ противъ

послѣднихъ подсудимыхъ потому, что о нихъ производится еще слѣдствіе; гр. Муравьевъ объявилъ кн. Гагарину, что слѣдствіе о нихъ кончено, а потому въ распорядительномъ засѣданіи Верховнаго Уголовнаго суда 10 августа было предоставлено министру юстиціи внести обвинительные акты и противъ остальныхъ лицъ, подлежащихъ сужденію Верховнаго Уголовнаго суда.

11 августа гр. Муравьевъ увѣдомилъ кн. Гагарина, что онъ докладывалъ Государю Императору о своемъ отзывѣ князю, что всѣ дѣла Спб. и Московской слѣдственныхъ комиссій о лицахъ бывшихъ въ составѣ кружка „Адъ“ и общества „Организація“ уже окончены и переданы министру юстиціи, и что за симъ дѣло о послѣднихъ не можетъ быть отложено. Государь изволилъ написать: „вполнѣ раздѣляю мнѣніе гр. Муравьева“.

Въ отвѣтъ на это кн. Гагаринъ написалъ 12 августа гр. Муравьеву, что не считалъ необходимымъ утруждать Государя Императора по такому обстоятельству, которое зависѣло отъ собственнаго разсмотрѣнія Верховнаго Уголовнаго суда и окончательно имъ рѣшено 10 числа утромъ, т. е. прежде доклада гр. Муравьева.

Копія съ этого отвѣта послана и министру юстиціи.

11 августа Каракозовъ подалъ объявленіе, что проситъ назначить ему защитника и вызвать докторовъ, лечившихъ его въ Москвѣ, въ доказательство его тяжелаго нервнаго раздражительнаго состоянія, въ которомъ онъ находился во время болѣзни въ Москвѣ.

Каракозову защитникомъ назначенъ одинъ изъ лучшихъ современныхъ адвокатовъ Остряковъ, а въ вызовѣ докторовъ отказано, какъ объ этомъ сказано выше.

Худяковъ избралъ себѣ защитникомъ Гаевскаго, Загибаловъ Добролюбова, Ишутинъ Стасова, Юрасовъ Лыжина, который однакожъ отъ этого отказался подъ предлогомъ незнанія уголовнаго производства, почему Юрасову защитникомъ назначенъ Тимротъ. Мошковъ заявилъ, что самъ желаетъ защищать себя, но предсѣдатель, не возбраняя ему этого, назначилъ однакожъ защитникомъ ему Турчанинова, Николаеву назначенъ защитникомъ Краузольдъ, Ермолову Петренко, Страндену Принтцъ, Шаганову Самарскій-Быховецъ, Кобылину Серебряный.

12 августа сдѣлано распоряженіе о допущеніи защитниковъ къ свиданію съ подсудимыми наединѣ, что въ высшей степени удивило и разстроило коменданта крѣпости, генерала Сорокина, въ сущности добрѣйшаго человѣка, уважаемаго всѣми арестантами. Въ самомъ дѣлѣ не должно ли было казаться страннымъ коменданту крѣпости дозволить арестанту, сидящему въ Алексѣевскомъ равелинѣ, въ который доступъ былъ возможенъ только для комен-

данта и императора, имѣть свиданіе наединѣ съ человѣкомъ постороннимъ? Офицеръ, которому поручалось завѣдываніе этимъ страшнымъ равелиномъ, долженъ былъ жить тамъ одинъ безъ семьи, и жена и дѣти не могли даже входить въ это укрѣпленіе, а должны были жить въ крѣпости. (Впрочемъ въ то время завѣдывалъ ревелиномъ офицеръ неженатый, котораго фамилію я забылъ, но помню, что онъ былъ большой оригиналъ. Если у него спрашивали, гдѣ Алексѣевскій равелинъ, то онъ тотчасъ становился глухимъ—отвѣчалъ что-нибудь, совсѣмъ неподходящее къ дѣлу. Жилъ онъ, говорятъ, въ равелинѣ, окруженный кошками и собаками, одинъ одинехонекъ. Имѣлъ онъ видъ какого-то дикаря; но былъ, говорятъ, предобрый человѣкъ и отлично содержалъ своихъ арестантовъ, изъ которыхъ на каждаго отпускалось по 50 коп. въ сутки, тогда какъ крѣпостнымъ арестантамъ отпускалось по 30 коп.). Если никто не могъ входить даже въ равелинъ, то тѣмъ болѣе никто не имѣлъ права входить въ какія бы то ни было сношенія съ заключенными въ немъ и вдругъ требуютъ допустить защитниковъ для свиданія съ глазу на глазъ съ Каракозовымъ, Худяковымъ и Ишутинымъ. Когда я сказалъ объ этомъ генералу Сорокину, онъ, казалось, ушамъ своимъ не вѣрилъ; но я однакожъ убѣдилъ его въ необходимости такихъ свиданій. Я прочелъ ему статьи устава уголов. судопроизводства 1864 г., я написалъ ему формальную бумагу, и, наконецъ, онъ сдался; онъ объявилъ, что вѣлитъ для такихъ свиданій приводить Алексѣевскихъ арестантовъ на гауптвахту крѣпости. На этомъ мы съ нимъ и помирились.

18 августа было первое судебное засѣданіе Верховнаго Уголовнаго суда.

Князь Гагаринъ пріѣхалъ раньше всѣхъ членовъ и былъ разстроенъ и смущенъ. Для него это было дѣло новое, дѣло, которое могло испортить репутацію всей его блестящей и долгой карьеры. Тутъ уже недостаточно было держаться на недосягаемой высотѣ неприступнаго государственнаго человѣка, для котораго и за котораго все сдѣлаетъ канцелярія. Здѣсь надо было дѣйствовать самому, непосредственно—надо предлагать вопросы, надо соблюдать формы уголовнаго судопроизводства, надо руководить преніями. Онъ мнѣ сказалъ, что никогда ни къ какому дѣлу не приступалъ онъ съ такимъ сомнѣніемъ, я ему отвѣтилъ, что все пойдетъ отлично, только надо твердо держаться уставовъ. И дѣйствительно и уставы, и предсѣдатель Верховнаго Уголовнаго суда пробу выдержали превосходно.

18 августа произведено судебное слѣдствіе о Каракозовѣ и Худяковѣ. Я не буду излагать ихъ въ подробности: историкъ найдетъ

отчетъ о нихъ и въ протоколахъ, которые я съ своими помощниками составлялъ съ величайшею точностію, и въ запискахъ стенографиста, который нарочно нанятъ былъ нами для того, чтобы сохранить самыя мельчайшія подробности этой страшной юридической драмы. За 12 отчетовъ мы заплатили стенографу 345 руб. сер. изъ тѣхъ 500 руб., которые были отпущены на расходы по дѣлопроизводству Верховнаго Уголовнаго суда. Слѣдовательно, это былъ главный нашъ расходъ, но я долженъ предупредить того, кто захочетъ заняться изученіемъ этого дѣла, что въ то время стенографія была еще въ довольно плохомъ состояніи и потому ему необходимо повѣрять стенографическіе отчеты нашими протоколами. Вотъ напримѣръ какъ записанъ въ отчетѣ и протоколѣ одинъ изъ эпизодовъ, случившихся при первомъ судебномъ слѣдствіи. Для отобранія показаній при слѣдствіи о Каракозовѣ были вызваны Комисаровъ Костромской, предполагаемый спаситель Государя и солдаты Заболотинъ и Слѣсарчукъ, схватившіе преступника послѣ выстрѣла. Когда отъ нихъ отобраны были показанія, то (какъ написано въ протоколѣ въ дѣлѣ Верховнаго Уголовнаго суда т. 1. стр. 381) „предсѣдатель, отъ имени Верховнаго Уголовнаго суда поблагодарилъ всѣхъ трехъ свидѣтелей за ту безмѣрную услугу, которую они оказали отечеству, Комисаровъ спасеніемъ драгоцѣнной жизни Государя Императора, а Слѣсарчукъ и Заболотный задержаніемъ бѣжавшаго съ мѣста преступленія подсудимаго, объявилъ имъ, что въ нихъ болѣе не встрѣчается надобности“. А въ стенографическомъ отчетѣ о засѣданіи 18 августа на стр. 11 обор. написано, что предсѣдатель, обращаясь къ Комисарову Костромскому, сказалъ: „вамъ, Осипъ Ивановичъ, вся Россія выразила свою признательность. То же заявите и нижнимъ чинамъ, которые были свидѣтелями страшнаго преступленія, благодарность за ихъ содѣйствіе“.—И коротко и невѣрно: незачѣмъ было предсѣдателю поручать Комисарову заявить благодарность тѣмъ нижнимъ чинамъ, которые сами были налицо, и которые сами слышали благодарность себѣ изъ устъ предсѣдателя.

Здѣсь замѣчу мимоходомъ, что въ высшихъ сферахъ и тогда почти никто не вѣрилъ дѣйствительности сказки, сочиненной Тотлебеномъ, будто бы Комисаровъ спасъ Государя; но тогда всѣ старались выказывать этому субъекту величайшее уваженіе. Вслѣдствіе сего по отобраніи допросовъ, предсѣдатель В. У. суда и всѣ члены встали, и стоя предсѣдатель произнесъ упомянутую выше благодарность, и стоялъ В. У. судъ, пока Комисаровъ вышелъ.

Замѣчу еще одну черту, которая, кажется, не записана въ протоколѣ. На столѣ вещественныхъ доказательствъ лежали пистолетъ

Каракозова, шкатулка его и яды, у него найденные. Послѣдніе могли бы надѣлать много хлопотъ В. У. суду, если бы подсудимый заблагоразсудилъ воспользоваться ими. Каракозовъ очень близко и внимательно присматривался къ нимъ, и стоило ему протянуть руку, чтобы не стало главнаго подсудимаго В. У. суда. Не поручусь, что въ немъ не мелькнула мысль объ этомъ, но я почувствовалъ нервическую дрожь, когда увидѣлъ его въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ съ ядами и только-что хотѣлъ встать, чтобы положить ихъ въ болѣе безопасное мѣсто, какъ графъ Панинъ сказалъ о томъ же самомъ Н. И. Селифонтову, и такимъ образомъ миновала опасность большого скандала.

Но если этотъ скандалъ не случился, то я опасаюсь, что изъ нѣсколькихъ словъ въ отчетѣ (стенографическомъ) о засѣданіи 20 августа захотятъ впослѣдствіи сдѣлать скандалъ. 20 августа производилось судебное слѣдствіе о Ишутинѣ. Каракозовъ былъ допрашиваемъ, какъ свидѣтель. Вотъ какъ записанъ въ стенографическомъ отчетѣ конецъ его допроса, стр. 144.

Одинъ изъ членовъ В. У. суда предлагаетъ вопросъ Каракозову: „Какая партія, на которую вы указываете?“

Каракозовъ: „Я ему (Ишутину) говорилъ о той партіи, которую я называю Константиновскою партіею“.

Предсѣдатель: „Отпустите Каракозова“.

Въ протоколѣ эта сцена записана такъ (т. I стр. 411 на обор.) На вопросъ одного изъ членовъ В. У. суда: „какая партія? Каракозовъ сказалъ: я ему (Ишутину) говорилъ о Константиновской партіи“. Затѣмъ тотчасъ слѣдуетъ изложеніе показанія Худякова.

„Я ему говорилъ о Константиновской партіи“.

„Отпустите Каракозова“.

Въ этихъ не многихъ словахъ какая богатая канва для будущихъ сплетниковъ! „Значитъ, была же Константиновская партія, значитъ, зналъ ее Каракозовъ, значитъ, могъ онъ о ней поразсказать—да не хотѣли спрашивать: только заикнулся онъ объ этой партіи—„отпустите Каракозова“ т. е. ведите его вонъ“... и т. д.

Все это однакожъ объясняется просто: Каракозовъ и слѣдственной комиссіи показалъ, что онъ говорилъ Ишутину о Константиновской партіи, но никакихъ свѣдѣній объ этой партіи отъ него добиться не могли, хотя нѣтъ сомнѣнія, что графъ Муравьевъ, ненавидѣвшій великаго князя Константина Николаевича, не упустилъ бы случая, если бы могъ что-нибудь открыть о такъ называемой его партіи, но открыть было нечего, потому ничего и не открылось. Вотъ почему и предсѣдатель В. У. суда не счелъ нужнымъ настаивать на дальнѣйшемъ разспросѣ Каракозова о той

воображаемой Константиновской партіи, о которой Каракозовъ и самъ вѣроятно слышалъ гдѣ-нибудь въ кабачкѣ отъ полупьянаго собутыльника. Предсѣдатель могъ быть увѣренъ, что изъ этого разспроса ничего не выйдетъ кромѣ сплетни о томъ, что онъ князь Гагаринъ подкапывается подъ великаго князя, а они уже и безъ того никогда не были хороши другъ съ другомъ. Князь Гагаринъ былъ слишкомъ опытный и тонкій придворный человѣкъ, чтобы дать придворной интригѣ такое легкое противъ себя самого оружіе, безъ всякой пользы для дѣла, потому, что не могло быть никакого сомнѣнія, что если бы у Каракозова были какія-нибудь связи съ такою партіею, которая имѣла во главѣ своей одного изъ членовъ императорской фамиліи, то онъ разсказалъ бы объ этихъ связяхъ хотя для собственнаго своего спасенія, но разсказывать ему было конечно нечего—вотъ причина его молчанія.

Но допустимъ однакожъ на минуту невозможное, допустимъ, что была эта партія и что не выдалъ ее Каракозовъ только потому, что быть можетъ надѣялся отъ нея, и что даже обѣщала она ему спасеніе: въ такомъ случаѣ зачѣмъ же онъ называетъ эту партію? Будь онъ въ связяхъ съ такою партіею, онъ или ничего не сказалъ бы о ней или сказалъ бы все, что зналъ.

Вообще этому человѣку суждено было сдѣлать вредъ своему отечеству не только дѣломъ своимъ, но и словами. Дѣло его—выстрѣлъ 4 апрѣля—было причиною наступившей реакціи, которая продолжается и понынѣ, пишу 25 февраля 1876 г. и когда кончится и чѣмъ кончится, не извѣстно; показаніе его о какой-то Константиновской партіи было безъ сомнѣнія поводомъ къ тому, чтобы производить судебное слѣдствіе о немъ и его сообщникахъ при закрытыхъ дверяхъ, а этимъ правительство лишило себя и Россію величайшаго торжества надъ всѣми такъ называемыми нигилистами, которые въ лицѣ своихъ представителей передъ публичнымъ судомъ тотчасъ сдѣлались бы смѣшными и презрѣнными въ глазахъ не только Россіи, но и всѣхъ серьезныхъ демократическихъ партій во всемъ мірѣ. Негласность производства В. У. суда есть одна изъ горькихъ ошибокъ во вредъ себѣ.

Если разсуждать безпристрастно и спокойно, то какая настоятельная необходимость была производить судебное слѣдствіе по такому дѣлу, какое поручено было В. У. суду, непублично. Главное преступленіе было выстрѣлъ 4 апрѣля, покушеніе на жизнь Государя, въ которой Россія видѣла и свое счастіе и свои надежды и свою свѣтлую будущность; какое же сомнѣніе можетъ быть, что къ преступнику, покусившемуся на эту безцѣнную жизнь, не только вся Россія, но и весь цивилизованный міръ отнесется съ ве-

личайшимъ негодованіемъ и омерзеніемъ. Слѣдовательно, тайное производство этого дѣла могло быть желательно только для преступника.

Второе преступленіе, образованіе кружка „Адъ“, который, какъ сколокъ съ какого-то революціоннаго комитета въ Женевѣ, дозволилъ себѣ разсуждать, не слѣдуетъ ли производить революцій посредствомъ убійствъ коронованныхъ особъ и государственныхъ людей? Мысль эта такъ безправственна и преступна, что какъ бы ни было неразвито какое-нибудь общество, оно не можетъ встрѣтить ее безъ презрѣнія и рѣшительнаго противодѣйствія. Слѣдовательно, и въ этомъ случаѣ вся польза отъ тайнаго производства дѣла могла быть только для подсудимыхъ.

Третье преступленіе — образованіе общества „Организація“, имѣвшаго цѣлью своею произвести соціальный и государственный переворотъ въ Россіи насильственными мѣрами. Но кто же хотѣлъ его произвести? Люди, которые не понимали даже, что такое соціализмъ, которые для уясненія себѣ этого непонятнаго имъ слова рѣшались на фантастическій подвигъ украсть себѣ учителя Чернышевскаго съ каторжныхъ работъ въ Сибири. А средства какія придумывали эти люди для достиженія непонятныхъ имъ цѣлей: обворовать купца чрезъ подставного служителя, ограбить почту, отравить помѣщика Ѳедосѣева чрезъ его же родного сына. Что же въ этихъ цѣляхъ и средствахъ было такого, что могло бы угрожать обществу возбужденіемъ сочувствія хотя въ нѣкоторыхъ его членахъ, вышедшихъ изъ дѣтскаго возраста? Съ одной стороны ребяческая, граничащая съ безуміемъ, попытка осуществить силами полусотни разнаго недоучившагося сброда, въ такомъ громадномъ и устойчивомъ государствѣ, какъ Россія, соціальный переворотъ, смысла и значенія котораго не понимали сами революціонеры, искавшіе еще себѣ учителя и руководителя въ лицѣ каторжника Чернышевскаго, съ другой стороны средства нелѣпыя по несоразмѣрности своей съ обширностію замысла и отвратительныя по своей безнравственности. Слѣдовательно, и въ отношеніи къ этому преступленію производить судебное слѣдствіе не публично можно было только для того, чтобы избавить подсудимыхъ отъ публичнаго стыда и вполнѣ заслуженнаго ими позора.

Наконецъ четвертое преступленіе—разные слѣды чисто польской интриги въ лицѣ Маевскаго, Люрига и имъ подобныхъ подвижниковъ польской справы—развѣ все это не просилось наружу? Развѣ русскому обществу не нужно ежечасно и ежеминутно быть насторожѣ отъ польскихъ хитростей и коварства? Развѣ раскрытіе ихъ, хоть немного, хоть на столько, насколько это успѣла сдѣлать Муравьевская комиссія, особенно неудовлетворительная въ

этомъ отношеніи, могло быть опасно или безполезно? Опасно оно могло быть только для польскихъ злоумышленниковъ и, слѣдовательно, для нихъ могла быть полезна тайна производства судебнаго слѣдствія о ихъ темныхъ, никогда не прекращающихся козняхъ.

Вотъ почему я не могу безъ горечи вспомнить о той страшной ошибкѣ, которая сдѣлана была обязаніемъ Верховнаго У. суда производить судебное слѣдствіе о его подсудимыхъ не публично. Но сокрушаясь объ этомъ какъ гражданинъ, я—каюсь откровенно—сожалѣю объ этомъ и какъ эгоистъ, какъ секретарь того суда: Верховный У. судъ 1866 года, смѣю думать, заслуживалъ того, чтобъ двери его стояли настежь, чтобъ видѣла его Россія со всѣми его достоинствами и недостатками, чтобъ могла она оцѣнить, какую онъ ей службу сослужилъ, удержавшись при неодолимыхъ почти препятствіяхъ на высотѣ дѣйствительнаго современнаго суда, созданнаго уставами 1864 года, безъ прежнихъ увлеченій, пристрастій и внѣсудебныхъ вліяній, но пусть судитъ о немъ исторія, которой промолчать о немъ нельзя...

Къ концу августа судебное слѣдствіе объ 11 главныхъ подсудимыхъ было кончено. Между тѣмъ князю Гагарину было дано знать, кажется чрезъ графа Шувалова, что если казнь Каракозова не будетъ совершена до 26-го августа, то Государю Императору не угодно, чтобы она произошла между 26-мъ (днемъ коронаціи) и 30-мъ августа (днемъ тезоименитства Его Величества).

Князь Гагаринъ пригласилъ членовъ В. У. суда и меня пріѣхать къ нему на дачу, для частнаго совѣщанія о дальнѣйшемъ направленіи дѣла. Я пріѣхалъ прежде всѣхъ и нашелъ князя въ вицмундирѣ, застегнутомъ на всѣ пуговицы, но безъ звѣздъ. Скоро послѣ того вошелъ человѣкъ и доложилъ громко: „Сенаторъ Пинскій“, прибавивъ шепотомъ: „въ звѣздахъ“.

Князь Гагаринъ тотчасъ разстегнулъ свой вицмундиръ, открылъ портретъ Государя, который былъ у него на вицмундирѣ закрытъ до того времени. При этомъ онъ взглянулъ на меня съ лукавою улыбкою. Я тоже не могъ не улыбнуться этой туалетной продѣлкѣ въ виду предстоявшаго столь важнаго совѣщанія.

Когда всѣ члены собрались, то князь Гагаринъ возбудилъ вопросъ, слѣдуетъ ли постановить приговоръ о Каракозовѣ теперь же, или вмѣстѣ съ приговоромъ о 36 подсудимыхъ. Члены находили, что казнь Каракозова неизбѣжна, что откладывать приговоръ повода нѣтъ, ибо судебное слѣдствіе о преступленіи Каракозова кончено, что преступленіе это имѣетъ самостоятельное значеніе и никакимъ дальнѣйшимъ производствомъ ни увеличено, ни уменьшено быть не можетъ, а потому и рѣшили постановить приговоръ

о немъ отдѣльно отъ другихъ. Нашли также необходимымъ постановить теперь же и приговоръ о Кобылинѣ, такъ какъ онъ обвинялся лишь въ знаніи о замыслѣ Каракозова, но вовсе не обвинялся въ участіи въ тайныхъ обществахъ, слѣдовательно, ничего общаго съ прочими обвиняемыми не имѣетъ.

Когда во всемъ этомъ согласились, то князь Гагаринъ замѣтилъ, что послѣ постановленія приговора о Каракозовѣ отдѣльно отъ другихъ и послѣ казни его, уже не можетъ быть и рѣчи о смертной казни кого-либо еще изъ подсудимыхъ, такъ какъ было бы въ высшей степени неприлично ставить висѣлицу за висѣлицею.

Всѣ, казалось, съ этимъ согласились, и даже графъ Панинъ, который былъ въ очень веселомъ расположеніи, благосклонно замѣтилъ, что конечно двухъ казнить лучше, нежели одного, а трехъ лучше, нежели двухъ, но хорошо, что и одинъ главный преступникъ не избѣгнетъ кары, назначенной закономъ. При этомъ его сіятельство распространился въ похвалахъ покойному графу Блудову за такую широкую редакцію 241 и 242 ст. Улож. о Наказ. изд. 1866 г., по которой смертная казнь назначена за злоумышленіе противъ Государя Верховной Власти во всякомъ случаѣ, какъ бы оно ни выразилось: словесно ли, письменно ли, или инымъ образомъ.

Когда такимъ образомъ рѣшена уже была казнь Каракозова, то я напомнилъ министру юстиціи Замятину, какая грустная роль предстоитъ мнѣ и ему по 3-му пункту 963 ст. Уст. Угол. Судопр. 1864 г. мнѣ, какъ секретарю В. У. суда, обязанному на мѣстѣ казни прочесть приговоръ, а ему, какъ прокурору, распоряжаться исполненіемъ приговора. Напомнивъ ему объ этомъ, я его просилъ доложить Государю, угодно ли Его Величеству, чтобы мы исполнили бы эти обязанности, или угодно ихъ возложить на другія лица. Чрезъ нѣсколько дней министръ сказалъ мнѣ, что Государю угодно, чтобъ все было исполнено въ точности по закону. Итакъ намъ неизбѣжно было ѣхать на мѣсто казни...

31-го августа постановлено два приговора: одинъ о смертной казни Каракозова, другой объ освобожденіи Кобылина.

Когда В. У. Судъ изъ совѣщательной комнаты вышелъ въ залу суда и предсѣдатель сталъ объявлять краткую резолюцію, осуждающую Каракозова на смертную казнь, то предсѣдатель отъ слезъ едва могъ дочитать эти нѣсколько словъ, а Каракозовъ, подергивая свои усики, сказалъ только своимъ гробовымъ голосомъ: „а моя просьба о помилованіи?“

Предсѣдатель, обращаясь ко мнѣ, дрожащимъ голосомъ: „Г. Секретарь, прочтите ему законъ“.

Я тоже едва могъ взволнованнымъ голосомъ прочесть первую

половину 1060 статьи Уст. Уголов. судопр. „По окончательнымъ приговорамъ о государственныхъ преступленіяхъ допускаются, со стороны осужденныхъ, просьбы о помилованіи или облегченіи ихъ участи“.

Между тѣмъ предсѣдатель нѣсколько оправился и объявилъ Каракозову, что подробный приговоръ будетъ объявленъ завтра, и что завтра онъ долженъ, если желаетъ, подать и просьбу о помилованіи.

Но 31 августа было исполнено драматическаго эффекта.

Послѣ объявленія резолюціи о Каракозовѣ, судъ удалился въ совѣщательную комнату для сужденія о Кобылинѣ.

Не могло быть никакого сомнѣнія въ оправданіи Кобылина. Министръ юстиціи уже отказался отъ поддержанія своего обвинительнаго противъ него акта, который и представленъ былъ имъ только по настоянію членовъ В. У. суда, заявленному ими еще до моего пріѣзда въ Петербургъ, а настояніе это происходило вслѣдствіе положительнаго обвиненія Кобылина Муравьевскою комиссіею. Но теперь и члены суда были убѣждены въ невинности этого подсудимаго, который въ трепетѣ ожидалъ или свободы или смерти, и смерти позорной—другого исхода быть не могло. Только графъ Панинъ сомнѣвался еще въ возможности и законности оправданія, но такъ какъ онъ не могъ указать никакихъ основательныхъ причинъ своему сомнѣнію, то долженъ былъ согласиться наконецъ съ прочими членами. Впрочемъ, и соглашаясь, онъ настаивалъ, чтобъ не объявлять тотчасъ резолюцію суда, а на основаніи 791 ст. Уст. Угол. судопр. 1864 г. отложить постановленіе резолюціи до слѣдующаго дня, но противъ этого возстали всѣ, и такъ дѣлать было нечего,—надо было согласиться. Тотчасъ же написали оправдательную резолюцію, и съ этою резолюціею вышелъ судъ изъ своей совѣщательной комнаты. Надо было проходить чрезъ небольшую комнату, гдѣ помѣщалась моя канцелярія. Впереди шелъ, разумѣется предсѣдатель, сзади всѣхъ я. Вдругъ шествіе остановилось, я увидѣлъ передъ княземъ Гагаринымъ коменданта крѣпости. Я быстро подошелъ къ князю съ комендантомъ. „Генералъ спрашиваетъ, сказалъ мнѣ князь Гагаринъ, можно ли впустить отца и мать Кобылина для слушанія приговора о немъ“.

„Помилуйте, ваше высокопревосходительство, обратился я къ коменданту, вся зала полна народу, всѣмъ можно и всѣхъ должно пускать, отчего же не пустить отца и мать?“

„Такъ пустить?“ спросилъ добродушный комендантъ.

„Конечно, пустите“, отнѣтилъ князь Гагаринъ.

Комендантъ пошелъ впередъ.

Затѣмъ и судъ въ прежнемъ порядкѣ вошелъ въ залу. Зала, дѣйствительно, была полна народа, потому, что мы строго соблю-

дали правило 624 ст. Уст. Угол. судопр. 1864 г., по которому во всякомъ случаѣ, при объявленіи пресѣдателемъ суда преній прекращенными, двери засѣданія раскрываются. Подсудимый въ своемъ форменномъ платьѣ (онъ былъ ординаторъ академической клиники) безъ шпаги стоялъ между двумя часовыми съ тесаками наголо. Предсѣдатель началъ чтеніе резолюціи. Вдругъ вбѣгаетъ мать подсудимаго, кидается посреди залы, впереди всего народа, передъ судьями на колѣни и со слезами, голосомъ, раздирающимъ душу, кричитъ: „батюшки, пощадите“!

Но въ это время предсѣдатель уже дочиталъ оправдательную резолюцію и сказалъ часовымъ: „часовые, отойдите прочь“ и Кобылину: „Вы свободны“.

Кобылинъ однимъ прыжкомъ былъ въ объятіяхъ матери.

Такъ кончилось 31 августа.

1-го сентября въ два часа по полудни были объявлены подобные приговоры о Каракозовѣ и Кобылинѣ.

Кобылинъ къ слушанію проговора не явился, а Каракозова привели, при чемъ онъ подалъ и прошеніе о помилованіи. Прошеніе это онъ началъ было писать самъ, но никакъ не могъ кончить, исписавъ нѣсколько листовъ и все не кончалъ; наконецъ защитникъ его Остряковъ убѣдилъ написать коротенькое, но сильное прошеніе, которое и было представлено Государю, а другіе исписанные имъ листы приложили къ дѣлу.

Государь отказалъ въ помилованіи.

Министръ юстиціи говорилъ мнѣ, что онъ докладывалъ это прошеніе въ вагонѣ, ѣдучи изъ Петербурга въ Царское Село. Какое ангельское выраженіе было на лицѣ Государя, прибавилъ Дмитрій Николаевичъ, когда Онъ сказалъ мнѣ, что Онъ давно простилъ его какъ христіанинъ, но какъ Государь простить не считаетъ себя въ правѣ.

2-го сентября князь Гагаринъ пріѣхалъ въ крѣпость и вызвалъ меня въ залу засѣданія суда. „Яковъ Григорьевичъ, сказалъ онъ мнѣ, сейчасъ по моему приказанію приведутъ Каракозова, я желаю, чтобъ вы были при этомъ“.

„Очень хорошо, я сейчасъ надѣну вицмундиръ“. Я перемѣнилъ свой сюртукъ на вицмундиръ и вошелъ опять въ залу. Князь сидѣлъ за столомъ одинъ. „Я сейчасъ возвратился отъ Государя“, началъ было онъ, но въ это время ввели Каракозова.

Каракозовъ вошелъ съ такимъ свѣтлымъ лицомъ, что очевидно онъ ожидалъ услышать вѣсть о своемъ помилованіи.

„Каракозовъ, сказалъ князь Гагаринъ, Государь Императоръ повелѣлъ мнѣ объявить Вамъ, что Его Величество прощаетъ васъ, какъ христіанинъ, но какъ Государь простить не можетъ“.

Вдругъ, какъ молнія, весь свѣтъ съ лица несчастнаго преступника исчезъ; оно внезапно потемнѣло и приняло суровое и мрачное выраженіе.

„Вы должны готовиться къ смерти, продолжалъ князь Гагаринъ, подумайте о душѣ своей, покайтесь".

Каракозовъ началъ говорить что-то безсвязное о видѣніяхъ, о голосахъ, но князь Гагаринъ опять напомнилъ ему о необходимости приготовиться къ смерти и велѣлъ его отвести.

Мнѣ очень было странно, зачѣмъ князь Гагаринъ призывалъ Каракозова? Объявить осужденному за нѣсколько дней, что онъ помилованъ не будетъ—не значитъ ли это усилить его мученія. Я не могъ удержаться и сказалъ князю:

„Ваше Сіятельство, зачѣмъ Вы объявили ему, что помилованія не будетъ".

„Это было необходимо", отвѣтилъ мнѣ князь и безъ дальнѣйшихъ объясненій уѣхалъ.

Я не помню, чтобы я когда-нибудь вставалъ такъ рано, а встать было необходимо по крайней мѣрѣ часа въ 4, но проспать я и этой ранней поры не могъ, потому, что не спалъ цѣлую ночь. Когда 3-го сентября я пріѣхалъ въ назначенный часъ къ министру юстиціи, то засталъ уже у него большое собраніе, здѣсь были товарищъ министра (Н. И. Стояновскій), директоръ департамента министерства (баронъ Врангель), вице-директоръ, нѣсколько оберъ-прокуроровъ, генералъ-лейтенантъ Языковъ, директоръ училища Правовѣдѣнія, члены обвинительной комиссіи (Чемодуровъ и пр.), нѣсколько другихъ чиновниковъ министерства юстиціи и Сената, всѣ въ мундирахъ.

Хотя было очень рано, но у министра юстиціи всѣмъ подавали чай. Впрочемъ, здѣсь намъ пришлось оставаться не долго. Скоро мы всѣ размѣстились въ экипажи и поѣхали на Смоленское поле. Длинный рядъ каретъ, въ которыхъ мы ѣхали, не могъ не обратить вниманія встрѣчавшихся намъ людей на улицахъ. Несмотря на ранній часъ, улицы уже не были пустыя, а на Васильевскомъ островѣ сплошныя массы народа шли и ѣхали по тому же направленію, по которому ѣхали и мы. При видѣ нашихъ каретъ, пѣшеходы просто начинали бѣжать, вѣроятно, изъ опасенія опоздать. Смоленское поле буквально было залито несмѣтною толпою народа.

На Смоленскомъ полѣ, не знаю по чьему распоряженію, для насъ былъ отведенъ небольшой домикъ, гдѣ мы и ожидали минутъ двадцать привоза осужденнаго. Наконецъ, намъ дали знать, что по тому направленію, по которому должны были везти Каракозова, уже ѣдетъ оберъ-полицеймейстеръ Треповъ. Мы опять сѣли въ экипажи

и поѣхали къ мѣсту казни. Между необозримыми массами народа была оставлена широкая дорога, по которой мы и доѣхали до самаго каре, образованнаго изъ войскъ. Здѣсь мы вышли изъ экипажей и вошли въ каре. Въ центрѣ каре былъ воздвигнутъ эшафотъ, въ сторонѣ отъ него поставлена висѣлица, противъ висѣлицы устроена низкая деревянная площадка для министра юстиціи со свитою. Все было выкрашено черною краскою. На этой площадкѣ мы стали.

Скоро къ эшафоту подъѣхала позорная колесница, на которой спиною къ лошадямъ, прикованный къ высокому сидѣнью, сидѣлъ Каракозовъ. Лицо его было сине и мертвенно. Исполненный ужаса и нѣмого отчаянья, онъ взглянулъ на эшафотъ, потомъ началъ искать глазами еще чего-то, взоръ его на мгновеніе остановился на висѣлицѣ, и вдругъ голова его конвульсивно и какъ бы непроизвольно отвернулась отъ этого страшнаго предмета.

А утро начиналось такое ясное, свѣтлое, солнечное!

Палачи отковали подсудимаго, взвели его на высокій эшафотъ и поставили къ позорному столбу въ глубинѣ эшафота. Съ одной стороны у самаго эшафота сидѣлъ верхомъ на лошади одинъ изъ полицеймейстеровъ, съ другой стороны стояли кучкою сѣверо-американцы съ той эскадры, которая была тогда въ Кронштадтѣ. Кругомъ войско, за войскомъ народъ.

Министръ юстиціи обратился ко мнѣ: „Г. Секретарь Верховнаго Уголовнаго суда, объявите приговоръ суда во всеуслышаніе“.

Съ того мѣста, гдѣ мы стояли, народъ не могъ видѣть ни министра юстиціи, ни меня, а потому оберъ-полицеймейстеръ еще прежде сказалъ мнѣ, что для того, чтобы народъ понялъ, что читается приговоръ, котораго конечно никто не услышитъ, необходимо, чтобы я взошелъ на эшафотъ, тогда по крайней мѣрѣ увидятъ мундиръ, генеральскую шляпу и бумагу въ рукахъ.

По ступенямъ эшафота я взошелъ на него, остановился у самыхъ перилъ и, обращаясь къ войску и народу, началъ читать: „По указу Его Императорскаго Величества“. Послѣ этихъ словъ забили барабаны, войско сдѣлало на караулъ, всѣ сняли шляпы. Когда барабаны затихли, я прочелъ приговоръ отъ слова до слова и затѣмъ опять возвратился на ту площадку, гдѣ стоялъ министръ юстиціи со свитою.

Мнѣ говорили послѣ, что, читая приговоръ, я былъ очень блѣденъ; думаю, было отъ чего.

Когда я сошелъ съ эшафота, на него взошелъ протоіерей Полисадовъ, духовникъ Каракозова. Въ облаченіи и съ крестомъ въ рукахъ онъ подошелъ къ осужденному, сказалъ ему послѣднее напутственное слово, далъ поцѣловать крестъ и удалился.

Палачи стали надѣвать на него саванъ, который совсѣмъ закрывалъ ему голову, но они не умѣли этого сдѣлать, какъ слѣдуетъ, ибо не вложили рукъ его въ рукава. Полицеймейстеръ, сидѣвшій верхомъ на лошади возлѣ эшафота, сказалъ объ этомъ. Они опять сняли саванъ и опять надѣли такъ, чтобы руки можно было связать длинными рукавами назадъ. Это тоже, конечно, прибавило одну лишнюю горькую минуту осужденному, ибо когда снимали съ него саванъ, не должна ли была мелькнуть въ немъ мысль о помилованіи? и опять надѣваютъ снова саванъ, теперь въ послѣдній разъ. Впрочемъ, онъ, повидимому, потерялъ всякое сознаніе и допускалъ распоряжаться собою, какъ вещью. Палачи свели его съ эшафота, подвели подъ висѣлицу, поставили на роковую скамейку, надѣли веревку...

Я отвернулся и простоялъ за министромъ юстиціи бокомъ къ висѣлицѣ всѣ 20 или 22 минуты, въ продолженіе которыхъ висѣлъ преступникъ. Я былъ въ такомъ состояніи духа, что не могу сказать, били ли барабаны послѣ того, какъ я прочелъ приговоръ, или нѣтъ. Мнѣ кажется, нѣтъ: я ничего не слыхалъ; другіе говорятъ: били. Извольте послѣ этого писать исторію по словамъ очевидцевъ. Къ счастію, они однакожъ не всегда теряютъ и слухъ и зрѣніе. Я по крайней мѣрѣ сознаюсь, когда не могу свидѣтельствовать что-нибудь навѣрно. Наконецъ, министръ юстиціи сказалъ мнѣ: „его положили въ гробъ“.

Я обернулся къ висѣлицѣ и увидѣлъ у подножія ея простой гробъ, который обвертывали веревкою. Тутъ же стояла телѣга въ одну лошадь. На телѣгу положили гробъ, и правосудіе человѣческое кончилось.

Съ Смоленскаго поля я опять долженъ былъ заѣхать къ министру юстиціи, чтобы составить протоколъ объ исполненіи приговора Верховнаго Уголовнаго суда. Протоколъ этотъ приложенъ къ дѣлу суда.

Министръ юстиціи, пожимая мнѣ руку, сказалъ: „трудная вамъ досталась роль“.

„Я думаю, ваша тоже была не легка“.

Но какъ ни тяжело было для меня это утро, я заѣхалъ домой только для того, чтобы скинуть мундиръ. Переодѣвшись, я въ 10 часовъ былъ уже въ Петропавловской крѣпости.

(Продолженіе слѣдуетъ).

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 118415253